

ЧИТ. ЗАП

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/89

Эволюция модели
«открытых зон»

Монголия
на пути обновления

Почему преуспевают НИС!

Подвиг и трагедия
Щуцкого

Из жизни
«красной императрицы»

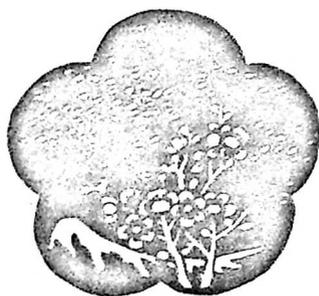
Цыгун: невероятное
и очевидное

Секреты китайской кухни

Л-ва ЗКЗ

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/89

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

- У ЧАН СЮЦЗЭ, ГЭ СЯОЮЙ (КНР). Новая стратегия «открытости» 1
А. С. МУГРУЗИН. Феномен китайского крестьянства 13
З. А. МУРОМЦЕВА. Индустриализация: каким путем идти? 25
В. В. КАРЛУСОВ. Частное хозяйство: теоретические и правовые
аспекты 35
У А. Ф. ОНИКИЕНКО. Открытые порты — эффективное звено
экономики 45
Л. М. ГИРИЧ. Наука и хозрасчет 54

ПУЛЬС РЕГИОНА

- Г. ДАШДАВАА (МНР). Монголия на пути обновления 60
И. И. КОВАЛЕНКО. Маршрутами Владивостока и Красноярска 67
С. И. ШИЛОВЦЕВ. Особенности модернизации Южной Кореи 76
В. Д. АНДРИАНОВ. Почему преуспевают НИС? 87

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

- Ю. В. ШИШКОВ. Общественная собственность: исправление
исторической ошибки 97

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

- С. Л. ТИХВИНСКИЙ. Китай в моей жизни (окончание) 103
Е. П. ТАСКИНА. Поэты русского Харбина (окончание) 118

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- Р. А. МИРОВИЦКАЯ. Неизвестные свидетельства советско-
китайского сотрудничества 127
Ю. В. ЧУДОДЕЕВ. Советские летчики в Китае 131
Ю. Е. ЮРЬЕВ. СССР — Япония: на пути к взаимопониманию 140

ПРОФИЛИ

А. И. КОБЗЕВ. Победа синих чертей (о Ю. К. Щуцком) 142
Ю. К. ЩУЦКИЙ. Жизнеописание 148

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

М. М. БОГАЧИХИН. Цыгун: невероятное и очевидное 156
С. Б. МАРКАРЬЯН, Э. В. МОЛОДЯКОВА. Праздники в жизни японцев 168
В. Я. СИДИХМЕНОВ. Сон разума рождает чудовищ (о суевериях в Китае) 176
Н. П. НИКОЛАЕНКО. Икзбана. Школа «Согэцу». 185
Ю. А. УШАКОВ. Секреты китайской кухни 189

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Г. СЕНИН. К 100-летию Ли Дачжао 194
Встреча с китайским экономистом 197

БИБЛИОТЕКА ПДВ

Лэ Синь. Из жизни «красной императрицы» 201

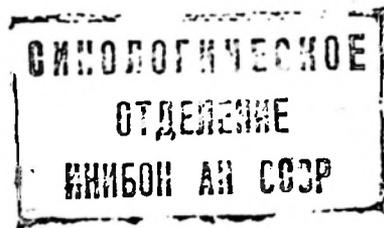
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А. И. ЧИЧЕРОВ. Трилоки Натх Кауль: размышления дипломата и ученого 219

Памяти Георгия Федоровича Кима 223

Памяти Геннадия Федоровича Салтыкова 224

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Г. КАРЫМОВ (зам. главного редактора), В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1989

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Процессы социально-экономического и политического обновления, проходящие в СССР и КНР, имеют свою, свойственную каждой стране специфику, развиваются с разной степенью интенсивности, отличаются по времени. Вместе с тем наши народы решают во многом сходные проблемы, сталкиваются с аналогичными трудностями на путях перестройки и реформ. Поэтому эффективный обмен опытом представляется крайне важным как для нас, так и для китайцев. Эта работа уже ведется силами и практических, и научных учреждений. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Китай и достигнутая в результате визита нормализация взаимоотношений наших государств и народов открывают новые широкие перспективы советско-китайского сотрудничества в различных областях экономики и общественной жизни, включая межпартийные связи.

Поставив сотрудничество двух стран на прочную основу, придав ему планомерный долговременный характер, мы сможем обеспечить тесное экономическое взаимодействие, способствовать более полному и эффективному раскрытию потенциальных возможностей социализма.

Китай раньше, чем наша страна, приступил к радикальным экономическим реформам, осуществлению глубоких преобразований общественного механизма. Мы с большим интересом и сочувствием следим за процессом модернизации, которую проводит наш сосед — Китайская Народная Республика, отмечающая в этом году свой 40-летний юбилей.

Новая стратегия открытости

ЧАН СЮЦЗЭ,
ГЭ СЯОЮЙ

Некоторое время тому назад делегация Института Дальнего Востока АН СССР в составе заместителя директора А. П. Морозова и заведующего сектором В. И. Акимова посетила Нанькайский университет в Тяньцзине*.

Советские ученые приняли участие в дискуссиях, организованных институтом экономики Нанькайского университета, в ходе которых был обсужден широкий круг проблем, касающихся, главным образом, экономических и политических реформ в СССР и КНР, а также советско-китайского экономического сотрудничества. Большое внимание было уделено новой стратегии ускоренного экономического развития приморских районов КНР, одобренной Всекитайским собранием народных представителей в апреле прошлого года и вызвавшей острые дебаты в стране. Спектр мнений участников

Чан Сюцзэ, заместитель директора института экономики Нанькайского университета КНР, доцент.

Гэ Сяоюй, аспирант Нанькайского университета.

* Университет основан в 1919 году и является одним из наиболее крупных и известных в стране комплексных научно-исследовательских и учебных заведений. Обучение в нем ведется на 21 факультете по 49 специальностям в областях общественных и естественных наук, техники и технологии, экономики, менеджмента, юриспруденции и изящных искусств. Число учащихся превышает 10 тысяч человек. Университетская библиотека насчитывает 1,9 млн. томов. Имеется 90 лабораторий, вычислительный центр, более десяти научно-исследовательских институтов, в том числе — экономики, демографии, истории, древних рукописей и книг, права, математики, органической химии, оптики, молекулярной биологии и др.

был самый широкий — от безоговорочного признания и одобрения до полного неприятия. Интересная, неординарная интерпретация новой стратегии была дана заместителем директора института экономики Нанькайского университета Чан Сюцзэ. Предлагаемая вашему вниманию статья написана им в соавторстве с аспирантом Института мировой экономики Нанькайского университета Гэ Сяююем.

В последнее время в кругах теоретиков наблюдается тенденция делать односторонний упор на развитие экономики, ориентированной на внешние связи только в приморских районах. Эту модель «открытости только для приморья» они предлагают в качестве стратегии для всего Китая. Мы полагаем, что такой подход заслуживает особого изучения.

Стратегию открытости для всего Китая надо рассматривать под углом зрения мирового хозяйства, избрав в качестве системы координат экономическое развитие страны в целом. Если мы ограничимся внешней открытостью применительно лишь к приморью, то подобная стратегия весьма вероятно приведет к созданию новой биномной экономики, которая в приморских районах будет ориентироваться на внешние, а внутри страны — на внутренние связи. Отрицательные последствия такого варианта нельзя недооценивать.

При этом дисбаланс в размещении ресурсов сохранится. Размещение ресурсов в Китае, как известно, характеризуется «двойной диспропорцией»: ресурсы тяготеют к центральной и западной части континентальных районов, а основные производительные силы сосредоточены вдоль Янцзы и в юго-восточной части приморья. Эта застывшая ситуация с «двойной диспропорцией» в размещении ресурсов и производительных сил должна быть изменена коренным образом. Попытка изменить на практике модель приоритетной открытости приморья должна привести к изменению в лучшую сторону «двойного дисбаланса» в размещении ресурсов. Вместе с тем это может дать результат, обратный тому, на который мы рассчитываем, поскольку в условиях вышеназванного серьезного дисбаланса возникнет экономическая ситуация, при которой открытое приморье превратится в «золотой берег», а в закрытых внутренних районах увеличится «изобилие нищеты». В этой ситуации приморье может стать «локомотивом» китайской экономики, но тогда ему придется тащить за собой «вагоны» в виде все более утяжеляющихся внутренних районов страны. В перспективе это, несомненно, приведет к замедлению темпов модернизации китайской экономики и еще более усложнит проблему вхождения китайской нации в мировое сообщество.

Для того чтобы прибрежная полоса превратилась в локомотив китайской экономики, потребуется время. Пока механизм этого локомотива остается старым, нуждающимся в срочном обновлении. Однако из-за нехватки средств это обновление не будет достаточно эффективным. И пока идут преобразования, приморью будет не до других, при этом трудности, наоборот, будут нарастать.

Во-первых, несомненно, что предприятиям приморья, поглощающим «международную пищу», весьма трудно достичь идеальной цели — предоставления предприятиям внутренних районов части своего внутреннего рынка. Это объясняется отсталостью по сравнению с приморьем промышленности внутренних районов, вследствие чего она вряд ли сможет восполнять дефицит национального рынка. Тем более вряд ли можно удовлетворить спрос населения внутренних районов потребительскими товарами из приморья, где жизненный уровень достаточно высок.

Во-вторых, трудно избежать превращения собственного рынка приморья в Поднебесную для импортных товаров, которые начнут проникать даже на внутренний рынок, вытесняя продукцию, выработанную в неблагоприятных условиях местными предприятиями. С другой стороны, приморские районы приобретенную валюту скорее всего станут вкладывать за рубежом для обеспечения себя рынком, сырьем и полуфабрикатами. При таком развитии событий существует вероятность того, что открытые районы приморья в процессе экономического развития лишатся органической связи с внутренними районами.

Более того, разрыв между внутренними и приморскими районами будет постоянно увеличиваться. Дальнейшее усугубление дисбаланса в размещении ресурсов и неповоротливость «ступенчатой передачи» локомотива могут привести к стремительному увеличению разрыва между приморскими и внутренними районами: в области производства это будет выражаться в постоянно снижающемся удельном весе продукции внутренних

районов в общем производстве; в сфере размещения кадров получится по известному выражению «павлины улетают на юго-восток и больше не возвращаются», что усугубит «болезнь кадрового дефицита» во внутренних районах. Разрыв в доходах приведет к невозможности для этих районов избавления от присущей им нищеты. Наконец, в структурном отношении он выразится в том, что плановое товарное хозяйство приморских районов и отсталое натуральное хозяйство внутренних районов начнут развиваться в двух противоположных направлениях. Придерживаясь вышеназванной идеи открытости только для приморья, мы не только не сможем создать «кроветворного механизма» во внутренних районах, но придем к усилению «дотационно кровопереливающегося механизма», что полностью противоречит генеральному курсу нашей реформы.

Еще большую озабоченность вызывает то обстоятельство, что образование и развитие новой биномной экономики не только приведет к антагонизму между приморскими и внутренними районами, но и вызовет увеличение центробежных сил между закрытыми и бедными внутренними районами и открытым и процветающим приморьем, а это неизбежно скажется на национальном сплочении и на стабильности политической обстановки в стране.

Ко всем этим проблемам необходимо привлечь серьезное внимание тех, кто определяет принципы планирования экономики.

Для того чтобы предотвратить удары по экономическому и политическому механизму Китая со стороны новой биномной экономики, мы предлагаем «стратегию открытости в четырех зонах». В обобщенном виде эта новая концепция стратегического курса выглядит так: взаимосвязанное развитие четырех зон, углубление экономического проникновения, равномерное развитие восточных и западных районов, многоплановая открытость.

Взаимосвязанное развитие четырех зон

Под этим подразумевается не только открытие прибрежных районов, но и районов, расположенных вдоль рек, границ и определенных маршрутов. Это позволяет создать новую многоплановую по своему характеру стратегическую ситуацию открытости, конкуренции, взаимосвязей и развития.

1. Зоны вдоль морского побережья

По подсчетам, за девять с лишним лет политики открытости для внешнего мира общая площадь открытой территории, включая специальные экономические зоны, открытые города и экономические открытые зоны, составила лишь 150 тыс. кв. км, то есть 1,6 % территории страны и 14 % от общей площади 10 приморских провинций и городов. Если мы хотим, чтобы Китай перед лицом возникновения новой ситуации в мире, характеризующейся серьезным урегулированием и реорганизацией мирового хозяйства, снова не проявил инертности и не упустил благоприятной возможности для развития, необходимо соответственно увеличить масштабы открытости приморской зоны. Даже если мы увеличим масштабы открытости приморья в 3 раза, то и тогда открытая территория составит 450 тыс. кв. км, то есть только 42 % площади 10 приморских провинций и городов. Если же мы будем осуществлять политику еще большей открытости, то это позволит нанести мощный удар по нашей окостенелой экономической структуре и тем самым создать оптимальную обстановку для капитальных вложений и хозяйствования посредством привлечения еще большего количества иностранных капиталовложений, позволит приобрести еще больше иностранной валюты, обновить и реконструировать отсталое, устарелое промышленное оборудование в приморских районах, стимулировать в этих районах развитие экономики, ориентированной на внешние связи, что в свою очередь позволит превратить приморские районы Китая в «золотой берег» мирового значения.

2. Районы вдоль рек

Мы считаем, что вдоль рек также следует расширить масштабы открытости и так же, как в приморских районах, активно развивать экономику, ориентированную на внешние связи. Стратегическое значение этой меры исключительно велико.

Прежде всего, протяженность нашей Янцзы составляет 6 300 км, общая площадь бассейна реки равна 1 300 тыс. кв км, что соответствует примерно одной пятой государственной территории. Судосходный путь по главному руслу и притокам равен 100 тыс. км, что соответствует 70 % общей длины судосходного пути всех внутренних рек страны. Здесь размещено свыше 30 % запасов рудного сырья. Бассейн Янцзы исключительно богат не только разведанными запасами обычного рудного сырья. В последние годы в провинции Цзянси открыто самое крупное в стране месторождение золотоносных руд, в провинциях Хубэй и Цзянсу обнаружены значительные запасы нефти. Кроме таких крупных городов как Шанхай, Нанкин, Ухань, Чунцин, здесь имеется более 20 средних и малых городов со сравнительно развитой экономикой. В городах бассейна Янцзы не только размещается крупная промышленность, но имеется также большое количество развивающихся предприятий волостной и поселковой промышленности.

Таким образом, в этих районах имеются благоприятные условия для развития экономики, ориентированной на внешние связи. Открыв эту зону, можно будет создать судосходные артерии, связать восточную часть страны с ее западной частью, оказать косвенным образом благоприятное воздействие на развитие юга и севера страны, создать в конечном итоге мощный «экономический генератор».

Далее, судя по общей тенденции промышленного развития, преобладание трудоемкой промышленности станет в будущем характерным явлением не столько для приморья, сколько для районов, расположенных вдоль рек, в связи с чем бремя экспорта трудоемкой продукции и приобретения валюты ляжет на внутренние районы бассейна Янцзы. Это объясняется тем, что в приморье начали иссякать возможности неограниченного снабжения рабочей силой и предприятия волостной и поселковой промышленности в приморских районах уже испытывают трудности в развитии ориентированной на внешние связи экономики. Кроме того, в районах приморья зримо возросли расходы на содержание рабочей силы, а годовой доход работника на предприятиях волостной и поселковой промышленности составляет приблизительно одну тысячу юаней, что приближается к уровню доходов работника предприятий государственного сектора. Во внутренних же районах вдоль рек наблюдается обилие избыточной рабочей силы, волостная и поселковая промышленность делает лишь первые шаги, поэтому расходы на содержание рабочей силы ниже, чем в приморье. Налицо преимущества «тех, кто оже вступает в конкурентную борьбу». Таким образом, внутренние районы вдоль Янцзы отнюдь не уступают приморью в возможностях развития экономики, ориентированной на внешние связи.

Наконец, эти районы, в которых крупные города отличаются развитой экономикой и связаны с передовой наукой и техникой, не лишены в силу этого возможности освоить производство новой и высокотехнологичной продукции и пробиться с их помощью на международный рынок. В Нанкине, Ухани и Чунцине имеются все условия для создания экономических и технологических открытых зон и получения еще больших выгод от политики открытости. Из вышесказанного следует, что если мы реализуем стратегию открытия районов вдоль рек, то бассейн Янцзы в Китае превратится в «золотой водный путь» мирового значения.

3. Приграничная зона

Очень важно отметить то обстоятельство, что в течение 9 лет осуществления в Китае политики открытости, в основном наблюдался крен в сторону восточной части страны, как будто бы идеальные природные условия существуют для этого только в приморье, а внутренние районы, развивая внешнюю торговлю, могут экспортировать свою продукцию только через приморские порты. Но восточные районы страны отделены от западных огромным расстоянием и связаны весьма неудобными транспортными коммуникациями. Как сказал поэт, «внешним водам трудно пробиться на восток по руслу одной реки».

В результате приграничная полоса длиной более чем 20 тыс. км (континентальное побережье простирается на 18 тыс. км) не имеет должного применения, приграничные провинции и административные районы не в состоянии вырваться из тяжелого плена «закрости — отсталости — нищеты» и продолжают играть роль «кровапроводящих артерий». Рассматривая эту проблему с точки зрения развития мирового хозяйства, анализируя историческое прошлое и нынешнее положение приграничных

районов, мы можем выделить две большие приграничные зоны на западе и севере страны, пригодные для внешних связей.

Вначале о западной приграничной открытой зоне, которая исторически является одним из развитых в торговом отношении районов Китая. Как известно, города Аксу, Кашгар, Ечэн и Хэтянь в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, расположенные на великом «шелковом пути», были в Китае издревле важными торговыми пунктами, а такие уезды, как Тэнчун, Инцзян, Юаньтин и Лунлин в провинции Юньнань, — торговыми базами на юго-западном отрезке «шелкового пути». Поселения Пулань, Гулун, Чжанму и Ядун, расположенные у подножия Гималаев, служили важными перевалочными пунктами в торговле Тибета с внешним миром. Эти торговые поселения и горные перевалы процветали вплоть до победы революции в 1949 году. Однако в течение 30 лет после освобождения, вся западная граница была наглухо закрыта, торговая связь внутренних районов с внешним миром прервана. Приграничные зоны, отделенные от юго-западного приморья горами и реками, долгое время оставались отрезанными от внешнего мира.

Далее, западная приграничная зона расположена близко от Южной, Западной и Средней Азии и является форпостом нашей страны в развитии экономических связей с внешним миром на Западе. Район Дяньси в провинции Юньнань непосредственно прилегает к Бирме, путь от Дэхуна и Баошаня до г. Мьичины в Бирме и затем по железной дороге до морского порта Рангуна удобнее, чем путь через Дяньси до Куньмина и далее до восточного побережья. Приграничная зона в Синьцзяне связана с железнодорожными узлами Советского Союза. Этот путь гораздо предпочтительнее, чем маршрут от Урумчи в юго-восточном направлении. Таким образом, ближайшим путем для нашей страны на западноевропейский рынок является транспортная трасса через перевал Алашань в Синьцзяне и далее по туркестано-сибирской железнодорожной магистрали в Советском Союзе. Экономический центр Тибета, расположенный в долине р. Ялуцзянбуцзян, отделен от Непала и Индии лишь одним горным хребтом. От Пуланя, Чжанму и Ядуна добираться до Патны, Калькутты, Дакки и Катманду этим путем несколько легче, чем по Цинхай-Тибетской и Сикан-Тибетской транспортным магистралям.

Наконец, немало национальностей, населяющих западную приграничную зону, расселены по обе стороны границы. В силу психологического склада и традиционных культурных связей представители этих национальностей нередко переходят через границу. По своему уровню развития с точки зрения экономики западные приграничные районы довольно близки странам Южной, Западной и Средней Азии. Населению этих районов присуще стремление к взаимным связям и расширению торговли с внешним миром.

Для удобства анализа, мы можем также всю открытую зону западного приграничья разделить на две подзоны: обширная северо-западная приграничная зона, главную часть которой составляет Синьцзян, и обширная юго-западная приграничная зона.

Северо-западная приграничная зона, включая Синьцзян, располагает двумя благоприятными условиями, позволяющими открыть эту территорию для внешнего мира.

Во-первых, это благоприятные перспективы китайско-советской торговли. Территория Советского Союза обширна, он имеет богатые ресурсы, обладает экономической мощью и емким рынком. Это весьма перспективный торговый партнер. Район советской Средней (Центральной) Азии, прилегающий к Синьцзяну, производит продукцию, некоторые виды которой необходимы Синьцзяну. В свою очередь Синьцзян может экспортировать в СССР изделия легкой и текстильной промышленности, продовольственные товары и сопутствующую продукцию своего сельского хозяйства. Таким образом, взаимно восполняя потребности друг друга, решая проблему дефицита обеих сторон, мы получим полную возможность развивать региональную экономику и расширять торговлю.

После восстановления приграничной торговли между Китаем и СССР, ее объем в 1984 г. составил 15 млн. рублей, в 1986 г. — 28 млн. рублей, а в 1987 г. уже достиг 50 млн. руб. В настоящее время приграничная торговля ведется главным образом между Синьцзяном и среднеазиатскими районами Советского Союза. Скоро произойдет стыковка между Северо-синьцзянской железной дорогой и железнодорожными магистралями Советского Союза, будет перекинут мост между двумя континентами — Европой и Азией. Это обстоятельство создает еще более благоприятные условия для развития в Синьцзяне экономики, ориентированной на внешние связи.

Во-вторых, это огромные потенциальные возможности западно-азиатского рынка.

Страны этого района обладают большими запасами «нефтедолларов». Перспективы торгово-экономического сотрудничества с этим районом заманчивы. Однако сейчас западноазиатский рынок в основном монополизирован Японией, ЕЭС и США. И все же, если умело проводить политику открытости, через Синьцзян можно проникнуть на этот рынок.

Общая сумма «нефтедолларов» у арабских нефтепроизводящих стран достигает более 200 млрд. долларов. Но в настоящее время экономические связи Китая с нефтепроизводящими странами Среднего Востока весьма слабые. В 1985 г. наша страна воспользовалась лишь 17 310 тыс. американских долларов, взятыми в кредит у 3 арабских стран, включая Кувейт. Это составляет лишь одну десятитысячную часть заграничных кредитов, выданных странами Среднего Востока, и четыре тысячные от общей суммы иностранных капиталов, использованных Китаем в том же году.

Таким образом, Синьцзян располагает благоприятными условиями для развития экономики, ориентированной на внешние связи: он богат ресурсами, имеет хорошие коммуникации (в сторону Запада), имеет определенную базу в торгово-промышленном секторе, в сфере обслуживания и научно-технического обучения. Следовательно, перспективы использования иностранных капиталов, освоения международного рынка в Средней и Западной Азии весьма обнадеживающие.

В связи с этим надеемся, что Центр сможет предоставить Синьцзяну больше льгот при проведении «политики открытых дверей», утвердив как можно скорее решение об открытии специальных экономических зон или экономико-технологических открытых зон в таких городах Синьцзяна, как Урумчи, Кашгар и Инин. Создавая специальные экономические зоны необходимо следовать стратегии «интеграции с восточными районами и продвижения на запад». При этом нужно стремиться превратить северо-западную приграничную полосу в «рог изобилия на периферии», сделав ее предместным укреплением для развития в провинциях Ганьсу, Нинся, Цинхай, Шэньси экономики, ориентированной на внешние связи.

Равным образом в приграничной полосе на Юго-Западе можно активно развивать внешнюю торговлю и экономику, ориентированную на внешние связи. Для этого необходимо открыть два канала для продвижения материальных ресурсов: один из них в западном направлении для выхода на рынки Южной и Западной Азии, другой — в южном направлении, для чего нужно активизировать строительство железнодорожной магистрали Куньмин-Наньнин, чтобы снять напряженность на линии Гуйян-Куньмин, создавая выход на юг: один из них Куньмин-Наньнин-Чжаньцзян или Бэйхай, другой — уйян-Люйчжоу-Наньнин-Чжаньцзян или Бэйхай. В результате рынок обширного Юго-Запада и весь его хозяйственный цикл будет состыкован с экономикой стран тихоокеанского региона.

Теперь рассмотрим северную приграничную открытую полосу. Она состоит главным образом из двух крупных административных единиц: Автономного района Внутренняя Монголия и провинции Хэйлуцзян.

Удобное географическое положение и хорошие транспортные коммуникации в этих двух крупных районах создают благоприятные условия для развития и расширения местной торговли с Советским Союзом и Монголией. Например, граница Автономного района Внутренней Монголии с Советским Союзом и Монголией, протяженностью в 4 тыс. км, имеет два прохода — через станции Эрлян и Маньжурия. Провинция Хэйлуцзян граничит с дальневосточными районами Советского Союза. Здесь на границе длиной в 3 с лишним тысячи км имеются железнодорожная станция Суйфэнхэ, а также речные порты Хэйхэ и Тунцзян, что создает исключительно благоприятные возможности для торговли с Советским Союзом.

На сегодняшний день в Хэйхэ уже сделаны первые шаги в обустройстве порта. Возведена причальная набережная протяженностью свыше 500 м, что позволяет одновременно принимать пять судов водоизмещением в 1 тыс. тонн и ежегодно обрабатывать примерно 6 тыс. тонн грузов, при годовой мощности 200 тыс. тонн. Тунцзян, который исторически являлся одним из важнейших портов на китайско-советской границе, сейчас по решению Центра также начал функционировать.

Кроме того, мы можем обсудить с Советским Союзом вопрос об открытии авиалинии Харбин-Хабаровск-Япония для укрепления торговых связей между Китаем, Советским Союзом и Японией.

Взаимодополняющие экономические структуры являются материальной базой создания северной приграничной открытой полосы.

В Советском Союзе длительное время имеет место насбалансированность в развитии легкой и тяжелой промышленности, немало продукции тяжелой промышленности ориентировано на экспорт, а потребность населения в товарах повседневного обихода зачастую не обеспечивается и может быть удовлетворена лишь за счет импорта.

Структура приграничной торговли между Китаем и Советским Союзом в Северной приграничной зоне состоит главным образом из импорта средств производства, в которых ощущается недостаток во Внутренней Монголии и в провинции Хэйлуцзян. Так, импорт из Советского Союза на 60 с лишним процентов состоит из таких строительных материалов, как стальной прокат, древесина, цемент, листовое стекло, химические удобрения, каустическая сода, медь и алюминий, а также из продукции электротехнической промышленности, самолетов, автомобилей.

Экспорт же в Советский Союз главным образом состоит из таких товаров первой необходимости, как продукция легкой и текстильной промышленности, а также основная и сопутствующая продукция сельского хозяйства, изделия местного производства и животноводства: одежда из меха и кожи, пуховая одежда, детская одежда, термосы и т. д. Эти экспортные товары пользуются большим спросом у населения Советского Союза, и на прилавках не залеживаются. Вызывает сожаление, что наша страна экспортирует такого рода товары в незначительном количестве. Они составляют всего лишь 2—3 % от общей стоимости советского импорта подобных товаров. Это говорит об очень больших резервах нашего экспорта в Советский Союз и о том, что для развития в северной приграничной полосе экономики, ориентированной на внешние связи, и обеспечения расцвета приграничной экономики в целом мы с полным основанием можем прибегнуть к стратегическому курсу двух направлений: экспортировать местные сырье и продукцию (что нужно для нашей страны) и обеспечивать этот экспорт советским рынком (что важно для Советского Союза).

Промышленная база в провинции Хэйлуцзян и во Внутренней Монголии в основном сформировалась в 50-е годы при содействии Советского Союза. По мере развития производства предприятия устаревают, рост производительности труда на них не поспевает за техническим прогрессом. Основу промышленности этого региона составляет советское оборудование, поэтому при импорте оборудования приоритет во многом остается за Советским Союзом. Например, установленное оборудование хорошо знакомо обеим сторонам, к тому же в целях экономии валюты можно было бы воспользоваться бартерной формой обмена. Далее, уровень обычной промышленной техники Советского Союза относится и к средней, и к высшей категории, что соотносится с нынешним состоянием промышленности нашей страны. По предварительным оценкам, выгоднее заимствовать или закупать механическое оборудование у Советского Союза, чем аналогичную продукцию у Японии, США или в Западной Европе. Во-первых, снижаются транспортные расходы и риск нанесения ущерба грузу при транспортировке. Во-вторых, оборудование обеих сторон по своим параметрам и другим показателям в основном сопоставимо, что позволяет легко состыковывать производство, сравнительно меньше требуется времени на обучение персонала, а также на освоение им оборудования. В-третьих, советская сторона проявляет готовность поставлять нам техническое оборудование, помогать нам в реконструкции старых предприятий. Это свидетельствует о том, что осуществление стратегического курса «через импорт к экспорту» создает соответствующие возможности для активизации экономики приграничной полосы севера страны, скорейшей ликвидации в этом районе нищеты и обеспечения процветания.

В провинции Хэйлуцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия можно расширять экономические связи по горизонтали, активизировать деятельность по заготовке товаров для внешней торговли. Нужно всемерно стремиться к тому, чтобы они представляли приморье и бассейн Янцзы в торговле с Советским Союзом, образовав таким образом торговые связи между внутренними приграничными районами и Советским Союзом.

Например, в последние годы экспорт провинции Хэйлуцзян в Советский Союз был поддержан провинцией Хэбэй, которая поставляла груши, провинцией Шаньдун (арахис) и Шанхаем (носовые платки), провинциями Цзянсу (консервы), Ляонин (яблоки) и Цзянси (апельсины), что сыграло положительную роль в сбалансировании и дополнении экспортных возможностей провинции Хэйлуцзян и способствовало

полному удовлетворению как китайской, так и советской сторон.

Из вышесказанного видно, что уже вполне назрела необходимость создания открытой зоны в северном приграничье. С точки зрения ближайшей перспективы открытой зоне в северном приграничье необходимо придать две функции: с одной стороны — роль «2-ой передачи» в механизме ускорения развития экономики приморья, ориентированной на внешние связи, с другой — роль «главного забойщика», который не упустит бы возможности развития торговли с Советским Союзом. В результате нелегкой борьбы в отношении открытости и преобразования своей экономики, Харбин и Хух-Хото могут стать центрами международной торговли на Дальнем Востоке.

4. Районы вдоль отдельных маршрутов

Наряду с открытием районов вдоль морского побережья, вдоль Янцзы и ее притоков, а также вдоль границ следует также открыть территории и вдоль отдельных маршрутов, а именно вдоль железнодорожных магистралей, важнейших авиалиний, создавая в прилегающих городах и районах открытые экономические зоны. При этом надо стремиться к тому, чтобы открытые районы вдоль определенных маршрутов играли также и посредническую роль, т. е. способствовали бы установлению связей между вышеназванными тремя крупными открытыми зонами, а также служили необходимой предпосылкой для привлечения внимания к открытию других районов страны.

С точки зрения ближайшей и более отдаленной перспективы «расширения открытых районов» основное внимание следует обратить на Северный Китай, полосу вдоль Лунхайской железнодорожной магистрали и на обширный Юго-Запад страны.

Далее следовать вдоль железнодорожных магистралей Пекин-Баотоу и Лунхайской дороги в направлении районов залегания горнорудных месторождений в провинции Шаньси, Внутренней Монголии и в провинции Шэньси.

В провинции Шаньси, во внутренней Монголии и вдоль Лунхайской железной дороги имеются богатейшие залежи каменного угля. На международном и внутреннем рынках наблюдается повышенный спрос на каменный уголь. В этой полосе размещены важные базы добывающей, тяжелой и химической промышленности, налажено производство сопутствующих видов производства, сравнительно хорошо развиты транспортные коммуникации, оплата рабочей силы ниже, чем в развитых странах. Если мы будем проводить политику еще большей открытости, создадим благоприятную обстановку для вложения капиталов, то сможем привлечь больше зарубежных инвесторов типа доктора Хаммера, которые смогут в этом районе делать прямые капиталовложения, создавать совместные предприятия, организовывать компенсационную торговлю.

Мировая наука полагает, что сверхпроводники нового типа в будущем могут изменить облик всего мира. Следующей ареной глобального соревнования почти определено будет сфера использования сверхпроводниковых материалов. Что касается разведанных стратегических ресурсов для развертывания производства сверхпроводниковых материалов, то наша страна находится в этой области в исключительно благоприятных условиях. По японским статистическим данным, разведанные мировые запасы редкоземельных элементов составляют 47 млн. тонн, из них 76,6 % приходится на Китай.

На горнорудном месторождении Баян-Обо близ города Баотоу во Внутренней Монголии сосредоточено свыше 90 % запасов редкоземельных элементов всей страны. Месторождение исключительно богато ниобием, запасы его в виде окиси ниобия равны 1,6 млн. т., т. е. свыше 91 % общих запасов в стране. В то же время коэффициент использования редкоземельных элементов во Внутренней Монголии составляет всего лишь 2 %, т. е. практически перед нами неосвоенная целина.

По имеющимся сведениям Япония уже сталкивается с дефицитом редкоземельных элементов, стремительным ростом цен на них. По мере развития производства сверхпроводниковых материалов это положение распространится на весь мир.

Таким образом, у Внутренней Монголии прекрасные перспективы в освоении ресурсов редкоземельных элементов. Мы предлагаем, основываясь на г. Баотоу специальную экономическую зону по комплексному освоению сырья редкоземельных элементов в Китае, проводить в жизнь стратегию всестороннего открытия районов для осуществления

«интеграции внутренних районов и привлечения зарубежных партнеров», активно привлекать прямые национальные и зарубежные капиталовложения, а также всемерно мобилизуя фонды развития на внутреннем и международном финансовом рынке, стремиться к превращению района Баотоу в мировой промышленный центр по выплавке редкоземельных элементов. Этот план будет не только служить на благо скоординированного развития экономики Востока и Запада, но и содействовать ускорению темпов создания производства сверхпроводниковых материалов в нашей стране. Реализация этого плана будет способствовать прорыву нашей продукции высокой технологии на международный рынок.

Что касается Юго-Запада, то здесь необходимо сосредоточить внимание на процессе внедрения открытости районов по двум направлениям. К первому относится открытие районов обширного Юго-Запада для международного туризма: вдоль Юго-Западной железнодорожной магистрали, а также «воздушные порты гражданской авиации» в провинциях Сычуань, Гуйчжоу, Гуанси, Юньнань и в Тибете. Надо разнообразными формами и на льготных условиях активизировать привлечение средств разных слоев общества внутри страны и за рубежом для создания открытой зоны туризма на обширном Юго-Западе Китая.

Этим самым мы откроем для отечественных и зарубежных туристов ценнейшие достопримечательные места древнего Китая, предоставим им возможность наслаждаться красотой пейзажей Юньнани и Гуйчжоу и испытать удовольствие от путешествия по Юго-Западу Китая. Таким образом, используя «торговлю пейзажами» за валюту, мы сможем приобрести необходимые финансовые средства для создания хорошей базы в целях освоения горнорудных и гидроэнергетических ресурсов Юго-Западного Китая.

Преимущества «многоплановой открытости»

Восточные районы приморья не могут длительное время функционировать без экономических связей с западными районами. Следовательно, центральные и западные районы необходимо превратить в самоукрепляющуюся сырьевую и энергетическую базу, в глубокий тыл развития экономики, ориентированной на внешние связи.

Следует отметить, что модель «односторонней открытости приморья», по всей вероятности приведет к прямо противоположным результатам — к увяданию жизненно необходимых для востока и запада экономических связей и в худшем случае к полному омертвлению в результате экономического разобщения.

В случае же принятия нашей стратегической модели «открытости четырех зон» будут созданы благоприятные условия как в приморье, так и во внутренних районах для образования хозяйственных циклов, функционирующих по принципу открытости четырех зон. В дальнейшем, опираясь на эту структуру как на фундамент, будет легче создать крупные хозяйственные циклы между Китаем и всем миром. Функционирование этих циклов поможет в будущем создать во внутренних районах экономический «кровотворный механизм» и тем самым коренным образом решить проблему дефицита экономических ресурсов в приморье, а также смягчить напряженность, вызванную двойным дисбалансом в размещении ресурсов, воспрепятствовать проявлениям разобщенности и продолжающегося экономического разрыва между востоком и западом страны.

Под многоплановой открытостью мы имеем в виду многоцелевую открытость различных районов и создание многоплановых структур открытости. Преимущества новой стратегии состоят в следующем:

1. Многоплановая открытость районов позволит разорвать пути модели «приоритетного открытия приморья», даст возможности полного использования всех экономических преимуществ открытых районов и всего потенциала их экономики, ориентированной на внешние связи, создаст новую ситуацию многоплановой ориентации на внешние связи, взаимной координации и усиленной соревновательности.

2. Многоплановость открытости объектов не только приведет к проникновению Китая в «тихоокеанскую экономическую сферу», но и позволит уверенно войти в «исламскую экономическую сферу» и «европейскую экономическую сферу», а выгодное использование иностранных капиталов и международного рынка благодаря многоплановой открытости в свою очередь ослабит риск от внешней торгово-экономической

конъюнктуры, снизит возможные издержки от колебаний мировой экономики и повысит эффективность нашей открытой экономики.

3. Многоплановость структур открытости позволит разработать стратегию открытости применительно к реальной обстановке в каждом районе. Например, в открытой зоне на Северо-Западе можно будет осуществлять стратегию «интеграции с внутренними районами и привлечения зарубежных ресурсов», «сочетания местных и иностранных ресурсов», «с помощью импорта создавать экспортные возможности», «продвигаться как в северном, так и в южном направлениях»; в приграничной открытой зоне на Юго-Западе можно придерживаться стратегии «продвижения на запад с опорой на восточные районы», «проникновения на юг путем интеграции с севером» и принципа «растекания пятна туши»; в открытых же районах приморья необходимо планомерно руководствоваться стратегией «стимулирования западных районов с опорой на восточные, экономического укрепления восточных районов с помощью западных», «интенсивного импорта и интенсивного экспорта, активизации деятельности за рубежом». Придерживаясь этой концепции открытости, Китай не только сможет избежать трясины, уготованной ему новой бинomialной экономикой, но и выйти в новом качестве на мировую экономическую арену, занять свое место среди мировых держав.

Ключ к успеху — единое понимание проблемы

Для эффективного претворения в жизнь стратегии внедрения «открытости четырех зон» прежде всего необходимо добиться единого понимания проблемы, отказа от «теории приоритетной открытости приморья», осознания направляющей роли концепции открытости районов по всем азимутам. На этой основе следует приступить к систематической работе по следующим направлениям:

— руководствуясь принципом «двойного подхода», поворачиваться лицом как к внутреннему, так и к международному рынку, поднимать как городскую, так и волостную и поселковую промышленность, «создавать трудоемкие и высокотехнологические типы производства», «использовать ресурсы в сфере туризма и в сфере горнорудной промышленности», «стремиться как к новаторству в области производства продукции, так и к технологическому новаторству». Иначе говоря, необходимо в развитых городах, расположенных в приморье, в бассейне Янцзы и в других зонах, планомерно создавать высокотехнологическую промышленность, ориентированную на XXI век, перестраивать нынешние структуры в области науки и техники, образования, кадров; необходимо создать китайский внешнеторгово-экономический концерн;

— внедрять систему «налогового обложения по горизонтали» в целях осуществления комплексной реформы цен, политики капиталовложений, финансов, налогообложения и валютной системы. Необходимо добиться того, чтобы нынешний работающий по вертикали озыайственный механизм, обеспечивающий низкие цены на сырье и высокие цены на продукцию, а также максимальные поступления в бюджет из восточных районов с выделением максимальных дотаций в распоряжение западных районов, был со временем заменен хозяйственным механизмом, работающим по горизонтали, и обеспечивающим «сокращение поступлений от восточных районов, снижение дотаций западным районам, равное и непосредственное удовлетворение потребностей в капиталовложениях по горизонтали»;

— придерживаться «теории одновременных преобразований», т. е. осуществлять курс на одновременное преобразование как в приморье, так и во внутренних районах страны, всемерно уменьшать помехи, возникающие между двумя видами экономических структур в приморье и во внутренних районах. Проект преобразований, реализуемый в приморской зоне, должен быть использован и во внутренних районах. Некоторые преобразования во внутренних районах могут проводиться даже с опережением;

— прилагать усилия к улучшению дипломатических и политических отношений с соседними странами, создавать благоприятные условия для открытости приграничных районов.

Разумеется, трудности, связанные с претворением в жизнь стратегии «открытости в четырех зонах» и всем комплексом с этим связанных работ очень велики. Однако если мобилизовать всю нашу энергию и волю, то весенний дождь процветания оросит великие просторы Китая.

Перевод с китайского языка В. Г. УЛЬЯНОВА

Феномен китайского крестьянства

А. МУГРУЗИН

Опыт преобразования аграрной структуры в КНР имеет огромное значение, так как крестьянство составляет и еще долго будет составлять подавляющее большинство населения. Этот опыт содержит как положительные, так и отрицательные моменты и нуждается в осмыслении, что нужно и для практики, и для теории. За всеми изменениями социально-экономической структуры стоят определенные группы населения со своими материальными интересами. Нужно выяснить, почему в то или иное время они занимали именно такую позицию, почему поддерживали определенные начинания власти, чьи интересы наиболее полно были отражены в аграрной политике и т. д.

События в аграрной сфере преподнесли нам немало неожиданного. Если не касаться периода до образования КНР, то после 1949 года было достаточно явлений, которые не укладывались в привычные теоретические рамки. Можно, например, напомнить, что сплошное производственное кооперирование крестьянства в 1955—1956 годы вопреки ожиданиям произошло очень быстро и не встретилось с серьезными трудностями. Причем предваряющее его кооперирование сферы обращения ко времени начала производственного кооперирования смогло охватить только незначительную часть крестьянской массы: тем самым оно не могло сыграть обычно отводимую ему теорией роль подготовительного мероприятия. Еще более неожиданными были организация «народных коммун» и начавшийся в деревне «большой скачок» в 1958 году — они достаточно подробно описаны в нашей литературе¹.

В советской историографии 60-х — начала 70-х годов все эти события в основном подавались как результат субъективных ошибок Мао Цзэдуна и его группы. Субъективные ошибки, безусловно, были, и они оказали соответствующее отрицательное воздействие на социальную сферу и экономику. Но малая группа руководителей не могла бы долго проводить ошибочную политику, если бы многочисленные слои населения не поддерживали ее. Сваливать все на маоизм — идеализм чистой воды. Каким группам сельского населения была выгодна эта политика? Насколько положение этих групп крестьянства изменилось? Чего можно ожидать в аграрной сфере КНР в ближайшем будущем? Все эти вопросы ждут своего ответа. Разумеется, выводы данной статьи могут вызвать сомнения и возражения, так как часть их носит предварительный характер. Статья в таком случае послужит основой для дискуссии по затронутым вопросам.

В длинном ряду мероприятий и преобразований в области сельского хозяйства со времени образования КНР важнейшее место, на наш взгляд, занимают аграрные преобразования 1950—1951 годов. Они находятся в истоке всех последующих социальных и экономических изменений в аграрной сфере. В связи с аграрной реформой рассмотрим вкратце исторические обстоятельства, обусловившие необходимость аграрной реформы, ее ход и конечные результаты, в том числе обстоятельства, толкавшие на ускоренное кооперирование крестьянства.

Как известно, с конца XIX и в первой половине XX веков полуфеодалная аграрная система Китая переживала острый кризис. Парадоксально, что общий социально-экономический кризис с наибольшей силой сказался именно в сельском хозяйстве, где производительные силы, безусловно, развивались, но лишь в рамках традиционных форм и на традиционной технической базе. В результате сельскохозяйственное

¹ Мугрузин Анатолий Сергеевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

производство (и его наиболее важная составляющая — производство продовольствия) в первой половине XX века не превышало традиционного уровня со всеми вытекающими последствиями — низкими накоплениями, затрудненностью структурных сдвигов и пр.

Рост народонаселения обострил «земельный голод» (земельную тесноту) и вызывал усиленное дробление хозяйств, ухудшение соотношения земли и труда. Сельское хозяйство переживало острый экономический кризис (недопроизводство зерновых), падающий всей своей тяжестью главным образом на крестьянство, и прежде всего на его беднейшую часть; в сельской сфере также возник острый социальный кризис как результат мощного процесса пауперизации крестьянства и аккумуляции «лишнего» населения — опять-таки в деревне. Масса пауперизованного сельского населения, как казалось, являлась готовой армией революции. Эта армия неуклонно множилась, так как она была продуктом усиленного распада традиционного общества.

Однако ряд фундаментальных обстоятельств, и прежде всего сильные внутренние противоречия между слоями крестьянства, мешали эффективно использовать пауперизованное крестьянство в интересах революционного движения. Это исключало возможность спонтанного возникновения чего-либо похожего на объединенный фронт всего крестьянства против помещиков, который сложился, например, в России и представлял собой наиболее массовый поток буржуазно-демократической революции.

В аграрном Китае существовали те же уклады, что и в России в конце XIX — начале XX веков, но они находились в иных соотношениях и иных взаимоотношениях, что в корне меняло экономическую и социальную обстановку в деревне. Наиболее массовым по количеству и удельному весу в производстве был *полунатуральный уклад* (он же мелкокрестьянский и традиционный). Именно проблемы этого наиболее многочисленного уклада — узел всех главных противоречий в деревне, которые революция должна была решать в первую очередь. Типичный представитель этого уклада — мелкий крестьянин, производящий для собственных нужд, но вынуждаемый продавать более или менее значительную часть своей продукции для уплаты налогов, ростовщического процента или земельной ренты, если она денежная.

Заметно меньшим по численности, удельному весу в производстве и значению, чем в России, был *мелкотоварный уклад*. Обязательное условие роста мелкотоварного хозяйства — расширение поля приложения труда, гармонизация соотношения факторов производства. Расширяться он мог только за счет традиционного уклада. Традиционный уклад отчаянно сопротивлялся: дело в том, что, с точки зрения парцеллярного крестьянина, и рост помещичьего землевладения, и укрепление мелкотоварного уклада, представляемого середняками, и рост кулацких хозяйств практически означали одно и то же — вытеснение с земли и пауперизацию. Это проясняет причину того, что крестьяне-бедняки часто относились к зажиточным середнякам почти так же, как к помещикам, что ярко проявилось в ходе аграрных преобразований.

Ожесточенная борьба за ограниченные экономические ресурсы между укладами и социальными группами проявлялась в таком специфическом явлении, как наличие ограничений в применении труда, которые определяли нижний предел применения труда и формировали перенаселение докапиталистического, традиционного типа². Анализ структуры производительных сил показывает, что основное средство производства — земля оставалась остродефицитной, тогда как рабочая сила — решающий и ведущий фактор производства — являлась избыточным и обесцененным фактором. В старом Китае наблюдался хронический недостаток продовольствия — «необходимого продукта для всего общества». Он падал своей тяжестью на крестьянство, прежде всего на его бедняцкую часть; именно недостаток жизненных средств ограничивал производственную активность наличной рабочей силы. Доступ к средствам производства — сама работа — являлся своеобразной «привилегией», часто недоступной для бедноты.

Ограничения в применении труда имели мало общего с границами применения труда при капитализме, точно так же, как избыточное население в этот период имело мало общего с капиталистическим относительным перенаселением. Применение труда ограничивалось прежде всего недостатком жизненных средств, что порождало хронический голод и вело к недоиспользованию части рабочей силы. С ростом народонаселения и ухудшением соотношения трудовых и земельных ресурсов наблюдалась тенденция к падению производительности труда в мелкокрестьянском укладе; как следствие — положение рабочей силы, особенно парцеллярного крестьянина, становилось

все менее благоприятным, накапливалось «лишнее» население, что вело к социальной напряженности и внутренней нестабильности сельского общества.

Удельный вес различных социальных групп сельского населения, по данным предреформенных обследований 1950—1951 годов в семи провинциях Китая, был следующим (в % к общему числу дворов):³

Степень концентрации землевладения	Помещики	Кулаки	Средняки	Бедняки
А. Высокая	4,2	4,1	22,1	69,6
Б. Средняя	3,2	5,2	30,5	61,1
В. Низкая	2,8	3,6	34,0	59,6

Районы, в которых количество помещичьей и кулацкой земли было более 50 % всех земель, можно считать районами относительно высокой концентрации землевладения (районы А); от 30 до 50 % — средней (районы Б), менее 30 % — низкой (районы В). Как видно из приведенных цифр, районы А характеризовались пониженным числом середняков (их меньше, чем в районах В почти на 12 пунктов) и более высоким количеством бедняков (разница с районами В на 10 пунктов). Районы Б занимали в этом отношении промежуточное положение. Можно говорить о более заметной имущественной и, следовательно, классовой дифференциации в районах А по сравнению с районами Б и В. В китайских условиях наиболее важным для характеристики имущественного положения классов и слоев крестьянства являлось количество земли у них. Отношение количества земли к среднему количеству земли на каждого сельского жителя в тех же семи провинциях Китая характеризовалось следующим образом:⁴

Районы	Помещики	Кулаки	Средняки	Бедняки
Районы А	10,3	2,5	1,0	0,2
Районы Б	8,4	2,7	1,2	0,4
Районы В	4,5	2,6	1,2	0,5

Из этих данных видно, что количество земли на душу в семьях помещиков было выше среднего примерно в 4,5—10,3 раза, у кулаков — в 2,5—2,7 раза, в семьях середняков количество земли, как правило, несколько превосходило единицу, у бедняков — 0,2—0,5. Особенно мелки владения крестьян-бедняков (0,2) в районах высокой концентрации землевладения; ниже, чем в районах Б и В, здесь также владения середняков и кулаков. Владения бедняков и середняков становятся несколько крупнее (соответственно 0,4—0,5 и 1,2) в районах Б и В, при этом заметно возрастает удельный вес середняков и соответственно несколько понижается вес бедняков. Районы А были районами плодородных земель и развитого товарного хозяйства, в то время как районы В являлись бедными и глухими районами.

Приведенные данные показывают разницу между районами в социальной и имущественной дифференциации в зависимости от уровня производства (богатые и бедные районы) и развития товарного хозяйства. В районах А процесс дифференциации зашел дальше и она проявилась четче, чем в районах В, пауперизация крестьянства захватила в них более широкие слои. Показатель количества бедняцких хозяйств нуждается в пояснении. Слой бедняков (69,6 в районах А и 59,6 % в районах В) можно условно разделить на две группы — примыкающую к середнякам и беднейшую. Последняя, более многочисленная группа (около 40 % всех хозяйств) давала только 12—13 % валовой продукции, соответственно примыкающая к середня-

кам — 18—22 %. При всей приблизительности приведенного расчета он дает некоторое общее представление о силе противостоящих друг другу лагерей имущих и неимущих.

Как в событиях китайской революции, так и в ходе аграрной реформы и в последующих преобразованиях аграрной сферы наибольшее значение имели две группы крестьян — мелкобуржуазные слои и беднота. Остановимся на их характеристике.

По распространенным (китайским) оценкам, *мелкобуржуазные слои* составляли примерно 20 % сельского населения. Эти слои могли рассматривать поставку излишка своей продукции на рынок как главный интерес и иметь с ним непосредственную связь, что можно считать в китайских условиях важным признаком мелкой буржуазии. В нашей литературе по идеологии Китая распространена точка зрения о том, что масса китайского крестьянства была мелкобуржуазной. При этом не учитывается важная особенность китайской сельской мелкой буржуазии: она не примыкала, как это имело место в России, к сильному капиталистическому укладу, являясь его продолжением и незаметными переходами сливаясь с ним, а была окружена слоями традиционного типа в условиях господства докапиталистических форм эксплуатации. «Выгодность» последних оказывала сильное воздействие на эволюцию «мелкой буржуазии», ее взгляды и политические устремления. С другой стороны, «мелкая буржуазия», ощущая сковывающий ее гнет феодальной системы, должна была сочувствовать революционным преобразованиям, но на деле ее поведение определялось страхом перед огромной бедняцко-пауперской массой, для которой она была заманчивым объектом возможной экспроприации. «Мелкая буржуазия» примыкала к зажиточной верхушке деревни и не была проводником новых, буржуазных, идей среди крестьянства. Она не играла самостоятельной роли, во всем довольствовалась *подчиненной ролью пособницы традиционной верхушки*. Из-за своей относительной малочисленности она не могла сыграть и роль массы, ее коренными требованиями оказалось возможным пренебречь.

Гораздо многочисленнее была *беднота*, традиционная группа слоев крестьянства, которая может быть так названа по преобладанию феодальных черт в положении, сознании и поведении. Наиболее важной чертой эволюции этой массы была ее пауперизация — лишение земли и других средств производства. На первый взгляд это — полупролетарская масса. Однако отсутствие условий для рассасывания аграрного перенаселения вело к тому, что эта часть крестьянства была вынуждена оседать в своих деревнях, соглашаясь на утяжеленные условия аренды и ужесточение других методов эксплуатации. Затруднено было и осознание ими своего истинного положения полукрестьян, полупауперов, полупролетариев. В зависимости от обстоятельств в их поведении сказывалась то одна черта их положения, то другая, то третья. Как правило, у них не было возможности ни уйти в город, ни перейти на положение сельского пролетария. Сопrotивляясь сползанию на положение люмпена, они направляли все свои усилия на то, чтобы остановить разорение, вернуть положение самостоятельного крестьянина. Вся эта масса находилась под влиянием так называемых корпоративных связей — родовых, клановых, семейных, религиозных, связей по линии тайных обществ и пр. С другой стороны, у этой массы наблюдались и мелкобуржуазные признаки, поскольку часть их продукции попадала на рынок и он оказывал на них влияние. Однако конкретные формы их связи с рынком показывают их специфичность — их опосредованный через помещика-купца характер. Сами же производители были отрезаны от рынка, а их хозяйства, как правило, были полунатуральными.

Едва ли верно усматривать в подобного рода связях корни уравнилельных идей, приверженность к которым необычайно сильно проявилась в среде крестьянства в ходе всей китайской революции. Мощным источником эгалитарных настроений китайской деревенской бедноты являлся хронический острый кризис недопроизводства основных жизненных благ, прежде всего продовольствия. При крайне низком уровне производства, огромном количестве бедноты уравнилельный принцип распределения всех жизненных благ должен был казаться крестьянской бедноте единственно возможным и единственно справедливым принципом, способным обеспечить каждому какой-то, пусть самый минимальный уровень жизненных благ. Во многих отношениях основной настрой крестьянской бедноты (численно преобладающей массы крестьянства) не был мелкобуржуазным; наоборот, в результате требований всеобщего аскетизма и самой

грубой уравнилельности эта масса противостояла и сельской «мелкой буржуазии» и капиталистическим элементам города и деревни⁵.

В Китае оказалось нетрудно привлечь пауперов на сторону революционного движения, но их использование чаще всего приводило к *расколу крестьянства*, что полностью парализовало его силы, отбрасывая к тому же значительную часть крестьянства в лагерь противников революции (имеются в виду события конца 20-х — начала 30-х годов). На причинах подобного раскола следует остановиться⁶.

Во-первых, следует указать на исторически сложившееся соотношение земельных и трудовых ресурсов; это обстоятельство в свою очередь находило выражение в иной, чем на Западе, роли факторов производства — в стремлении «экономить землю», а не труд. Дешевизна труда мешала становлению капиталистического уклада в сельском хозяйстве, который, по существу, не вышел из первоначальной стадии становления, не смог проявить себя как активная производительная сила.

В результате событий второй половины XIX — первой половины XX веков соотношение земли и труда все более ухудшалось. «Земельная теснота» обостряла экономическую и социальную борьбу между укладами — с одной стороны, мелкокапиталистическим (его зачатками), представленным зажиточными крестьянами, и мелкотоварным, представленным середняками, и с другой — полунатуральным, традиционным укладом, представленным преобладающей по численности массой крестьян. Первые два уклада можно считать относительно прогрессивными, так как они были способны расширять производство, повышать его товарность и производительность труда. Однако они не могли реализовать свои потенциальные возможности из-за отчаянного сопротивления мелкокрестьянского, полунатурального уклада. В социальной сфере наблюдалась борьба (или по крайней мере противостояние) основной массы мелких крестьян не только с помещиками, но и с зажиточными крестьянами и даже с середняками.

Наиболее острыми были противоречия по поводу средств производства, прежде всего земли, между пауперами и остальным населением деревни, имеющим какое-либо имущество, а не только с верхами деревни. Огромная по численности масса пауперов считала, что она может что-либо получить только в случае, если абсолютно все будет поделено точно поровну между всеми. Крайний эгалитаризм пауперов заставлял практически все трудовое крестьянство настороженно относиться к их притязаниям, отталкивая незажиточных середняков и даже часть бедняков, имеющих хотя бы какое-нибудь имущество, в лагерь верхов (лагерь имущих).

Союз всех имущих против союза всех неимущих парализовал активность крестьянства, причем этот «паралич» был внешним симптомом социально-экономической неподготовленности аграрного переворота. Расколотое и внутренними противоречиями китайское крестьянство не могло само организоваться и «взять» землю у помещиков. Внутренняя спонтанная революционная активность крестьянства была невысокой.

По этим причинам решению аграрного вопроса в Китае предшествовал длительный период борьбы КПК за само крестьянство — за завоевание его доверия, привлечение на свою сторону, политическое просвещение и организацию в ассоциации нового, нетрадиционного типа. Главным условием решения аграрного вопроса оказалось завоевание власти. После этого аграрная реформа была проведена в значительной мере как революция сверху, при решающей поддержке власти и по критериям, выработанным властью, включающим элементы социального компромисса, сдерживающего эгалитаризм бедноты и пауперов.

Аграрная реформа 1950—1951 годов проходила в идеальных условиях для ее быстрого и успешного осуществления: гоминьдановцы были изгнаны с территории материкового Китая, контрреволюционные силы подавлены, новая власть пользовалась полной политической поддержкой крестьянства. Согласно закону об аграрной реформе, реформа имела целью ликвидировать системы помещичьего землевладения и заменить ее системой крестьянского землевладения, чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве и проложить путь к индустриализации страны⁷. ~~Неофициальным дачным до~~ реформы помещикам и кулакам принадлежало 70—80 % земли, а беднякам и середнякам — лишь 20—30 % земель. Перераспределение в интересах трудового крестьянца такого количества земли должно было вызвать со стороны последнего взрыв энтузиазма.

Ход аграрных преобразований действительно показал наличие энтузиазма у

крестьян. Однако одновременно с этим процесс встретил и огромные трудности, которые пришлось преодолевать членам рабочих бригад по проведению реформы, прежде всего труднообъяснимую пассивность трудового крестьянства. Одно из объяснений состоит, несомненно, в том, что размеры помещичьего и кулацкого землевладения были чрезмерно завышены. Беднота повсеместно обнаруживала, что «масла»-тс (как крестьяне называли распределяемое имущество и землю) отнюдь не столько, сколько обещано пропагандой. Новые власти вынуждены были применить особый подход к определению классовой принадлежности в деревне: он производился как бы с позиции бедноты. Большинство кулаков фактически зачислялось в число помещиков, имущественные признаки которых были предельно занижены (эксплуататорский доход от взимания ренты, превышающий среднекрестьянский уровень), зажиточные середняки были зачислены в число кулаков, их земля поступала в фонд распределяемых земель. Помещичьи земли конфисковывались (мошоу), а кулацкие чаще всего «мобилизовывались» (чжэншоу), то есть отчуждались на менее суровых условиях (официально они конфисковывались только по требованию крестьян, когда помещичьей земли было недостаточно).

Как было сказано, несмотря на все эти усилия, аграрная реформа встретилась с большими затруднениями. Средняки были чаще всего не заинтересованы в переделе земли, они даже опасались за свою судьбу. В ходе реформы выявились также, насколько крепко все население каждой деревни переплетено традиционными корпоративными связями. Аграрные преобразования потребовали от новой власти огромных усилий: казалось бы основательно проделанную работу приходилось вновь и вновь переделывать, чтобы преодолеть разлад и успокоить деревню.

Рассмотрим сложившуюся после реформы ситуацию с точки зрения возможностей развития отдельных укладов. Дело в том, что, как нам кажется, именно эти особенности лежат в основе отличий социальной обстановки в китайской деревне от русской в период коллективизации последней. Эти отличия позволяют рационально объяснить отношение китайского крестьянства к кооперированию во второй половине 50-х годов и позднее.

Аграрная реформа 1950—1951 годов покончила со всевластием в деревне старого, исторически отжившего господствующего класса землевладельцев-помещиков и ликвидировала систему помещичьего землевладения; в результате передела земель реформа привела к примерной эквивализации землепользования, а тем самым и к выравниванию доходов всех слоев крестьян; освободила крестьянство от необходимости выплачивать земельную ренту, ростовщический процент и монополистическую торговую прибыль. Суммарный «вес» всех этих изъятий был значительно выше, чем поземельный налог, который крестьяне должны были выплачивать после аграрной реформы. В результате доходы крестьян заметно возросли. В этих условиях, казалось бы, у некоторых крестьян могла оставаться часть прибавочного продукта, и на этой основе могло происходить расширение сферы применения наемного труда и усиление дифференциации крестьянства. Однако сравнение нормы прибавочного продукта и налогов заставляет усомниться в этом.

Исследование уровня производительности труда в крестьянских хозяйствах различного размера и нормы эксплуатации до реформы показало, что значительная часть земельной ренты, ростовщического процента и торговой прибыли представляла собой не действительный прибавочный продукт крестьян, а являлась изъятый земельным собственником и ростовщиком частью необходимого продукта⁸. После аграрной реформы налог практически также поглощал весь прибавочный продукт там, где он имелся. Как правило, повышенные доходы крестьян после реформы позволяли крестьянам всего лишь получать необходимый продукт в более полном объеме. Именно более полное возмещение суммы жизненных средств послужило материальной основой быстрых темпов восстановления уровня сельскохозяйственного производства в первые годы КНР.

Однако аграрная реформа не увеличила сумму средств производства. В связи с наделением земель бывших безземельных крестьян заметно увеличилось общее число крестьянских хозяйств, что понизило так называемую земельную нагрузку на хозяйство и на рабочую силу — произошло как бы «разжижение» средств производства. Из-за острого недостатка земли потенциальные возможности крестьянства к экстенсивному развитию не могли претвориться в действительность, и увеличивающаяся масса хо-

зяйств продолжала тесниться на прежней пахотной площади. С одной стороны, отсутствие остатка прибавочного продукта у крестьян ограничивало (если не сводило на нет) возможности расширения сферы наемного труда, а с другой — нужда бедняков и незажиточных середняков в земле и других средствах производств, а также в кредите служили основой регенерации традиционных, лишь отчасти модифицированных форм эксплуатации: сдача земли в аренду, ростовщический процент и наем в его отсталых формах. Для послереформенной деревни было характерно не столько распространение капиталистических форм предпринимательства, сколько регенерация полутрадиционных форм эксплуатации, хотя и в более суженном масштабе, чем раньше.

Подавляющая масса крестьянских хозяйств после реформы имела примерно по равному (в каждой местности) наделу земли, располагала значительным избытком ресурсов труда и в то же время страдала от недостатка средств производства, особенно земли. В результате вся эта масса была жестко ограничена в возможностях развития, а тем самым — в возможности расширения хозяйственной деятельности. Решающим из этих ограничений был недостаток земли. Если бы существовал фонд земли, годной для быстрой колонизации, то расширялась бы площадь хозяйств, восполнился бы недостаток рабочего скота: количество последнего лимитировалось недостатком фуража, то есть опять-таки земли — лугов, пастбищ, площадей под посевы кормовых культур и т. д.

Для общей социальной характеристики положения в китайской деревне после реформы часто приводится высказывание В. И. Ленина о том, что мелкое производство рождает капитализм «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁹. Но в каких условиях это может происходить, существовали ли такие условия после реформы в Китае и, следовательно, насколько это высказывание может быть приложимо к Китаю? По моему мнению, оно применимо только к группе относительно состоятельных хозяйств, которые имели некоторые излишки продукции, приобретая товарное направление. Между тем как главная особенность положения основной массы китайского крестьянства (по сравнению, к примеру, с русским) состояла в избытке ресурсов труда, низкой занятости, в мизерных доходах и отсутствии возможностей хозяйственного роста.

Аграрная реформа не смогла полностью покончить с традиционными формами эксплуатации и фактически не расширила возможности для капиталистического развития сельского хозяйства. Реформа оказалась не буржуазно-демократическим мероприятием, а скорее антитрадиционалистским переворотом, покончившим с многовековым господством традиционного (феодалного в его восточном варианте) общественного строя в деревне. На смену старым должны были прийти какие-то новые социально-экономические структуры, лидирующую роль в которых играло бы государство, его институты. Реформа открывала простор для активного и эффективного вмешательства государства в сельскую экономику, поскольку после аграрной реформы большинство крестьян продолжало оставаться в неустойчивом положении и тем самым оказалось как бы «подготовленным» именно к производственному кооперированию. Бытующее в нашей литературе представление о полной ликвидации феодализма в деревне и разрушении его корней на поверку оказывается преувеличенным. Но, с другой стороны, разрушение помещичьей хозяйственной системы, почти полная ликвидация кулацких хозяйств, а также затруднения для свободного развития мелкокрестьянского уклада ставили на повестку дня задачу немедленного производственного кооперирования крестьянства сразу после аграрной реформы. Напомним, что в России, во всяком случае по идее, производственному кооперированию должно было предшествовать кооперирование сферы обращения. В Китае задержка с производственным кооперированием грозила не классовой дифференциацией по европейскому образцу, а, скорее, разорением крестьянской массы из-за усиленной регенерации полутрадиционных отношений.

Ситуация после аграрной реформы определялась, по нашему мнению, затрудненным состоянием основного — мелкокрестьянского — уклада (находившегося в положении, близком к стагнации) и мелкотоварного (плюс остатки мелкокапиталистического) уклада, не имевших простора для расширения, да к тому же испытывавших постоянное внеэкономическое и политическое давление власти.

В результате аграрной реформы за счет изъятия земли и имущества у помещиков,

кулаков и отчасти других категорий имущих деревни в значительной мере «осередничалась». Уравнительное распределение земли и реквизированных средств производства привело к уравниванию душевого производства и особенно уровня доходов: после реформы разница между крайними группами какой-либо местности составляла примерно два раза. Наибольший выигрыш получила беднота — за счет уравнивания средств производства и земли.

Аграрная реформа в какой-то мере решила проблему пауперизованных слоев крестьянства, обеспечив их землей и работой, но она не могла решить ее полностью: продолжало сказываться аграрное перенаселение в виде низкой занятости сельского населения и низкого уровня его доходов. Тем не менее некоторое повышение жизненного уровня бедноты имело важные последствия. Оно оказалось важнейшим экономическим мероприятием, вызволившим из прозябания значительную часть главной производительной силы — крестьянство. Только такое «вложение средств» непосредственно в живой труд сделало физически возможным активное участие крестьян в производстве и массовых кампаниях первых лет КНР по ирригации, сбору удобрений и пр. Быстрый подъем производства в годы восстановительного периода (1949—1952) объясняется, несомненно, энтузиазмом крестьян и ростом производительных сил в сельском хозяйстве; ответственным за этот рост следует считать именно живой труд, воздействие которого сказалось вопреки недостатку рабочего скота и других факторов производства.

Одновременно с аграрной реформой проводилась работа по становлению новой системы сельскохозяйственного налога, которая имела, может быть, не менее важное значение для крестьянства, чем сама аграрная реформа, так как она вела к упорядочению и нормализации отношений всего крестьянства с их отныне основным партнером и контрагентом — государством.

Налоговая система в принципе могла быть усовершенствована таким образом, чтобы все крестьянство получало только «зарплату» (необходимый продукт), а весь прибавочный продукт полностью изымался бы государством для своих целей. Недостаток такой системы состоял бы в том, что государство непосредственно противостоит каждому двору как «выгребатель» всех излишков и, следовательно, являлось бы мишенью недовольства.

В 1955—1956 годах была поспешно проведена сплошная коллективизация деревни. По мнению политических деятелей и видных китайских экономистов, она прервала наметившийся процесс дифференциации крестьянства¹⁰. В действительности, по нашему мнению, она, скорее, прервала наметившийся процесс пауперизации в его полутрадиционных формах и ликвидировала все уклады, создав единый кооперированный сектор в сельском хозяйстве на базе сложения простых крестьянских орудий. Тем самым государство непосредственно взяло на себя труднейшую задачу организации сельскохозяйственного производства и ответственность за его состояние. Поспешная коллективизация поставила перед китайским руководством ряд сложных проблем, оказав противоречивое влияние на производство и жизненный уровень крестьян.

Быстрое сплошное кооперирование оказалось возможным потому, что его поддержала беднота, поскольку после аграрной реформы положение бедняков и так называемых низших слоев середняков продолжало оставаться неустойчивым. Эта численно преобладающая масса населения китайской деревни восприняла кооперирование как государственную поруку от разорения; тем самым выполнялось ее основное требование — предоставление гарантий от голода. Более состоятельная часть сельского населения была недовольна полунасильственными мерами коллективизации, справедливо опасаясь, что будет сделан еще один шаг к уравниловке, но она была захлестнута бедняцкой волной. Видимо, большая часть китайского крестьянства, почти не производившая каких-либо излишков и по уровню дохода находившаяся на положении бедноты, была удовлетворена «уравниловкой», понимая аграрную реформу и последующее кооперирование как воплощение в жизнь своих эгалитаристских устремлений.

Внутри самих кооперативов (затем — коммун, производственных бригад) из-за огромного преобладания бедноты господствовали эгалитарные установки. Их влияние на производство и на самих крестьян не было все время одинаковым. На первых порах эгалитаризм устраивал бедноту (то есть большинство) и, видимо, влиял положительно, затем отношение к нему стало меняться.

Кооперирование крестьянства в КНР совершенно неожиданно оказалось сравнительно нетрудным, поскольку низкий уровень притязаний бедноты был удовлетворен

за счет уравнительности и некоторых мер государственного страхования от голода. Эгалитарные принципы производства и общественной жизни в деревне переносились в города — достаточно указать на известные последствия «большого скачка» 1958 года, повлекшего организацию коммун также и в городах, на широкое распространение уравниловки на городских предприятиях, ее влияние на методы управления народным хозяйством. По-видимому, существует достаточно тесная связь между эгалитаризмом (и его главным носителем — деревней) и левацкими искривлениями политики в КНР. Низкий жизненный и культурный уровень крестьян отрицательно сказывался на ситуации в городе. Деревня многие годы играла роль «резервата» туземного производства, куда сбрасывался излишек рабочей силы из города. Крестьянский по происхождению примитивизм социального мышления неоднократно захлестывал города, всю общественную и культурную жизнь страны.

С конца 50-х и до второй половины 70-х годов китайские руководители использовали метод «скачков» — своеобразного всенародного «навала» на экономику. «Скачки» перемежались периодами «урегулирования» — приведения в порядок хозяйственного организма, пришедшего в состояние расстройств. «Скачки» неизменно зарождались в сельской сфере, поскольку непременной их предпосылкой был хороший урожай. Появление свободных ресурсов продовольствия позволяло временно расширить масштабы общественных работ, направить добавочную часть рабочей силы на промышленные занятия, увеличить производство сырья для легкой промышленности (последняя — основной источник накоплений), расширить экспорт. Очередной недород дезорганизовывал хозяйственные связи, не позволяя исправить ошибки, закрепиться на достигнутых рубежах.

Медленный, неустойчивый рост сельскохозяйственного производства почти не превышал прирост народонаселения, хотя был объявлен курс «сельское хозяйство — основа», оно продолжало рассматриваться прежде всего как источник накоплений для промышленности. Именно хронический недостаток продовольствия мешал «разыграть» главный козырь — колоссальные трудовые ресурсы Китая. Середина 70-х годов ознаменовалась социальным и экономическим кризисом, который в экономическом плане вызывался политикой высокой нормы накоплений и низкими реальными темпами развития народного хозяйства. Стагнация сельского хозяйства вела к снижению жизненного уровня населения, сопровождаясь настроениями аполитичности и апатии.

«Решающим звеном», позволившим народному хозяйству сдвинуться с мертвой точки, оказалась не индустриализация, а экономическая реформа, которая началась в сельском хозяйстве: подъем сельскохозяйственного производства дал возможность снизить социальную напряженность, повысив реальный жизненный уровень рабочих и крестьян, расширить ресурсную базу народного хозяйства, увеличить массу накоплений и ускорить темпы развития народного хозяйства.

Выход из положения был найден в отказе от излишне высокого уровня формального обобществления сельскохозяйственного производства. Переход к системе группового и семейного подряда ознаменовался беспрецедентным рядом рекордных урожаев. Замечательная черта этого успеха в том, что не потребовалось ни значительного увеличения государственных вложений в сельское хозяйство, ни полупринудительных массовых мобилизаций крестьян.

Переход к системе подворного подряда, в частности, показал, что в новых условиях основная масса китайского крестьянства изменила свое отношение к эгалитаризму. Рост производительных сил в деревне, выразившийся в химизации, ирригации, расширяющейся механизации сельскохозяйственных работ, долгое время не находил адекватного выражения в росте производства, что указывало на существование каких-то препятствий структурного характера, мешающих росту производительности труда. Наиболее существенным из них, как вскоре выяснилось, стал эгалитаризм («потребление из одного большого железного котла»).

Подведем некоторые итоги. Революция, призванная решать прежде всего общенациональные задачи¹¹, в качестве одной из своих первоочередных целей сразу после победы в 1949 году должна была взяться за предварительное решение аграрно-крестьянской проблемы, а именно ее социальной стороны, касающейся пауперизованных, безземельных масс крестьянства.

Содержание аграрно-крестьянской проблемы в Китае сводилось к необходимости скорейшей ликвидации полусредневекового состояния производительных сил в деревне и

соответствующего им состояния самого крестьянства. Отметим, что содержание этой проблемы в Китае таково, что она не могла быть решена ни самой революцией, ни аграрной реформой, сколь бы последовательно последняя ни проводилась.

По сути, это не задачи социализма как такового, а лишь предварительное условие социалистического строительства.

Аграрная реформа была проведена весьма последовательно: все безземельные крестьяне получили землю, причем падел каждого был близок к средней норме, мелкотоварный уклад сократился, а преобладающая масса имела доход, не превышающий нижний уровень средств существования.

Последовательность, решительность аграрной реформы (в некотором смысле ее левизна) толкали на немедленное производственное кооперирование и другие формы решительного вмешательства государства в аграрную сферу. С другой стороны, государство не могло оказать кооперативам соответствующую материальную поддержку, и они многие годы существовали на старой технической базе. В них численно преобладала беднота и господствовали эгалитарные установки.

Таким образом, в Китае произошло кооперирование не мелкобуржуазного, а в преобладающей массе еще добуржуазного, полутрадиционного крестьянства, находящегося в весьма специфических обстоятельствах, которые исключали возможность быстрого экстенсивного развития после аграрной реформы и, как следствие, затрудняли его быстрое обуржуазивание. Эта полутрадиционная по положению и уровню сознания крестьянская масса ввиду крайне стесненных производственных условий и низких доходов была буквально охвачена эгалитарным пафосом; по этим же причинам она была готова принять производственное кооперирование, основанное на обобществлении основных средств производства и уравнительном распределении.

В старом Китае крестьянская беднота считала экваллизацию имущества идеалом справедливости. Действительно, на основе индивидуального хозяйства уравнивание доходов возможно только через экваллизацию имущества. В период аграрной реформы политика эгалитаризма принесла бедноте наиболее весомые плоды. Но реформа не смогла ликвидировать бедность; бедняки остались — под ними стали понимать те слои крестьян, уровень дохода которых был ниже официального порога бедности. К ним примыкали многочисленные слои низших слоев середняков, располагавшие недостаточным количеством земли и других средств производства. Бедняки и низшие слои середняков составляли после реформы подавляющее большинство сельского населения. Эта масса могла считать продолжением политики эгалитаризма соответствующим своим интересам. Есть основания полагать (имеются и многочисленные свидетельства), что беднота воспринимала сплошное кооперирование и последующую коммунизацию как экваллизацию имущества, то есть как осуществление своих многовековых чаяний. Иными словами, часть крестьянства могла быть убеждена, что высшая справедливость наконец-то восторжествовала.

Борьба больших масс китайского крестьянства за экваллизацию имущества в конце 50-х гг. увенчалась полным и безусловным успехом. Каковы же оказались реальные плоды этой победы? Она была достигнута благодаря политике государства. Но государством систематически изымало весь прибавочный продукт, что препятствовало повышению доходов крестьян в кооперативах и коммунах (хотя часть этих средств затем возвращалась в сельское хозяйство в порядке централизованных государственных вложений). Еще более существенными были прямые последствия кооперирования и коммунизации: новые организационные формы как будто вообще снимали проблему доступа к средствам производства (центральной для крестьян старого Китая), но более или менее уравнительное распределение вело к тому, что все стали питаться из одного «большого котла». Через какое-то время крестьяне должны были с удивлением обнаружить, что новый порядок далек от совершенства. Уравнительное распределение ударило по наиболее активной и трудоспособной части крестьянства — по основным производителям. Реальный смысл происшедших перемен постепенно должен был осознаваться как очевидная несправедливость, которая должна быть устранена.

Результатом уравниловки можно считать длительный застой в сельском хозяйстве, который пытались преодолеть методом «скачков». Они неизменно кончались провалом, не позволяя в числе прочих последствий сколько-нибудь последовательно проводить

принцип вознаграждения по труду. Итогом стал острый социально-экономический кризис середины 70-х годов.

Выход из тупика в конце концов был найден в отказе от чрезмерно высокого уровня формального обобществления сельскохозяйственного производства, от уравниловки и в переходе к системе подворного подряда, когда каждый крестьянин стал получать в соответствии с количеством и качеством своего труда. Эгалитаризм крестьянства изжил себя, что и привело к кризису производственной кооперативной системы в ее прежнем виде. Ее принятие большинством крестьянства объяснялось условиями производства — недостатком средств производства и земли. Китайское крестьянство в истории кооперирования показало себя отнюдь не революционной силой, а еще полусредневековой массой, слабо ориентирующейся в современных условиях жизни. Принятие кооперирования и коммунизации было, в общем, добровольным, но оно было «слепым» — результатом, с одной стороны, традиционного понимания своих коренных интересов при полном незнании новых социально-экономических форм, которые они соглашались принять; оно было в то же время и выражением доверия к государству, выданным ему авансом, который, как оказалось, государство не оправдало.

В результате новые организационные формы (коммуны, бригады) и эгалитаризм как принцип их деятельности, пришли в противоречие с ростом производительных сил в сельском хозяйстве. Система подворного подряда выявила накопленные ранее потенциальные возможности роста производства, позволила крестьянам повысить доходы и в массе своей окончательно отвратила их от уравниловки.

Относительно крупные предприятия (коммуны, бригады) в деревне как организации бедноты, руководствовавшиеся принципами эгалитаризма, распались на отдельные хозяйственные ячейки, которым отныне стали доступны принципы материальной заинтересованности на основе индивидуального труда. Для них стало возможно и кооперирование на принципе материальной заинтересованности («второе издание кооперирования»), причем в согласии с кооперативным планом В. И. Ленина оно, видимо, будет происходить сначала в сфере обращения, кредита и пр.

Деятельность КПК, а с 1949 года и государства, начиная с подготовки аграрных преобразований — с борьбы КПК за поддержку крестьянством революции и кончая сегодняшней деятельностью по поднятию товарности сельского хозяйства на основе семейного подряда, предстает как процесс последовательного решения аграрно-крестьянской проблемы, формы и этапы которого зависели от состояния производительных сил в деревне и от состояния самого крестьянства.

При всей ограниченности аграрной реформы и ее результатов она была абсолютно необходима, и ее значение трудно переоценить. Она послужила началом длительного пути действительного разрыва крестьянства с прошлым и решения аграрно-крестьянской проблемы — проблемы, доставшейся новому Китаю в наследство от старого.

Объективным ходом событий решение социальных и экономических проблем аграрной сферы стало первоочередной задачей и даже предварительным условием успешности индустриализации и подъема производительных сил народного хозяйства. Задача максимизации использования всех экономических ресурсов относится прежде всего к рабочей силе: необходимо, во-первых, привести весь контингент рабочей силы в максимально работоспособное состояние, во-вторых, повысить качество рабочей силы, чтобы она была способна удовлетворять требованиям современного производства. В условиях Китая первым и самым важным шагом должен был быть перелом в сельскохозяйственном производстве, для чего было необходимо временно изменить приоритеты и поставить на первое место сельское хозяйство. Задача повышения качества рабочей силы связана и с ростом производительных сил, и с возрастанием культурного уровня крестьянства, и с определенными положительными изменениями его положения в обществе — повышением роли и значения человеческого фактора; она займет длительный период времени, далеко выходящий за пределы XX века.

Виднейший руководитель современного Китая т. Дэн Сяопин говорит: «На протяжении 20 лет, с 1958 по 1978 год, доходы крестьян и рабочих росли очень мало, жизненный уровень оставался очень низким. Целых 20 лет производительные силы почти не развивались...

Реформа началась прежде всего с деревни. Реформа на селе означает введение

системы ответственности, отказ от «питания из общего котла» и выявление активности крестьян. Почему нужно было начинать с деревни? Потому что в ней проживает 80 процентов китайского населения, и если не разрешить жизненные вопросы этих 80 процентов, то невозможно обеспечить стабильность китайского общества...¹² Практическая работа по проведению экономической и политической реформ выявила большое количество нерешенных вопросов, огромные трудности на пути их решения, что потребовало принципиальных изменений в подходе к строительству социализма в Китае.

В Отчетном докладе на XIII Всекитайском съезде КПК было сказано: «Однако социализм у нас вышел из недр полуколониального и полуфеодалного общества, и по уровню развития производительных сил мы далеко отстаем от развитых капиталистических стран. Именно это обстоятельство предопределило для нас необходимость пройти через весьма значительную начальную стадию развития, на которой предстоит осуществить индустриализацию страны, обобществление, коммерциализацию и модернизацию производства, то есть проделать то, что многие другие страны проделали в условиях капитализма». И далее: «Весь период, начавшийся с завершения в основном социалистического преобразования частной собственности на средства производства в 50-х годах и кончающийся осуществлением в основном социалистической модернизации, на что требуется минимум сто лет, и составляет нашу начальную стадию социализма»¹³.

Истоки этих важных особенностей Китая, как это показано в нашей статье, коренятся в историческом прошлом страны и ее народа; эти особенности требуют длительного периода адаптации к условиям современного мира и ускоренного догоняющего развития.

¹ См., например: Коновалов Е. А. Социально-экономические последствия «большого скачка» в КНР.— М., 1968.— С. 100.

² Это явление широко наблюдалось и в средневековом Китае. Подробнее см. Мугрузин А. С. Роль природного и демографического фактора в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства).— Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока.— М., 1986.— С. 11—44.

³ Эти провинции: Сычуань, Хэнань, Хубэй, Хунань, Цзянси, Гуандун, Гуанси. Подробнее см.: Мугрузин А. С. К вопросу о специфике классового состава сельского населения в Китае накануне победы революции. // Китай: общество и государство. Сб. ст.— М., 1973.— С. 315.

⁴ Там же.— С. 316.

⁵ Подробнее см.: Мугрузин А. С. Социальная структура китайской деревни: традиционные и переходные слои и их роль в революционном движении. // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. Сб. ст.— М., 1984.— С. 245—270.

⁶ Подробнее см.: Общество и государство в Китае.— М., 1981.— С. 186—203. Здесь рассматриваются другие причины раскола крестьянства.

⁷ См.: Законодательные акты Китайской Народной Республики. / Пер. с кит.— М., 1952.— С. 127 и далее.

⁸ См.: Мугрузин А. С. Аграрные отношения в Китае в 20—40-х годах XX в.— М., 1970. Главы IV, V, VI. Имеются также в виду результаты законченного, но еще не опубликованного исследования, где эти вопросы рассмотрены на основе более широкого и полного материала.

⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч.— Т. 41.— С. 6.

¹⁰ См., например: Тун Далинь. Путь кооперирования сельского хозяйства Китая // Проблемы экономики КНР.— М., 1958.— С. 246—255 и далее.

¹¹ Подробнее см.: Мугрузин А. С. О характере китайской революции / Новое в изучении Китая.— М., 1988. Ч. II.— С. 57—74.

Ср.: описания кооперирования и коммунизации в советских работах 50-х годов. М., например: И. Коркунов и др.— Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Китайской Народной Республике. (1949—1957).— М., 1960. По нашему мнению, не правы также и те исследователи, которые склонны видеть в этих событиях результат применения насильственных мер (по аналогии с коллективизацией крестьянства в СССР).

¹² Дэн Сяо Пин. Основные вопросы современного Китая.— М. 1988.— С. 133, 136.

¹³ Жэньминь жибао.— 1987.— 4 ноября. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года).— Пекин, 1988.— С. 10, 13.

Индустриализация: каким путем идти?

З. МУРОМЦЕВА

Факторы, определяющие специфику индустриального развития КНР в наши дни, обусловлены как внешними, так и внутренними обстоятельствами развития страны. Вторая половина XX века изменила многие аспекты понимания процесса индустриализации. Рост информативности о мировой экономике, восприятие ее как взаимосвязанного и взаимозависимого организма, экологические проблемы побуждают обратить внимание не только на различие в путях и методах социалистической и капиталистической индустриализации, но и на конечные результаты этого процесса. В настоящее время экономическая наука делает существенные шаги в плане осмысления проблем и эффективности научно-технического прогресса, становится осознанной социальная и экономическая плата за промышленное развитие. В этих условиях изменяется само понятие «социалистическая индустриализация», сложившееся в середине XX века. Социалистическая индустриализация в современном понимании применительно к Китаю — это не только крупная промышленность, но и органически вплетающаяся в нее мелкая, это не только комплекс отраслей тяжелой промышленности, способных обеспечить независимость и процветание страны, но и современная инфраструктура, легкая и пищевая промышленности, позволяющие повышать благосостояние трудящихся. Укрепление авторитета мирового социализма требует создания технически и технологически прогрессивного промышленного комплекса, способного обеспечивать неуклонный подъем жизненного уровня трудящихся.

Наряду с конкретными задачами, которые поставлены реформой экономической системы в Китае перед развитием промышленных предприятий, предпринимаются попытки активизировать модернизацию экономики в целом и выйти на передовые рубежи научно-технического прогресса, преодолев подчиненную роль страны как производителя сырья и трудоемкой промышленной продукции. В связи с этим объективно возникла необходимость отказаться от идеи всеобъемлющей «опоры на собственные силы» как организации самообеспечивающихся производственных единиц и региональных хозяйственных комплексов без учета современной системы разделения труда. Принижение роли интеллигенции, игнорирование науки как производительной силы общества привели в 60—70-е годы к широкому распространению универсализации производства, к промышленной автаркии. Выгоды, первоначально полученные при централизованной системе планирования материальных и финансовых средств, постепенно обернулись издержками, которые привели к диспропорции в распределении фондов, неэффективной их реализации. Отождествление социалистической индустриализации лишь с форсированным развитием отраслей тяжелой промышленности в определенной степени ограничило развитие тех отраслей промышленного производства, которые обеспечивают переработку и производство продукции из традиционных видов ресурсов и сырья. Рациональная стратегия социалистической индустриализации ставит перед собой цель оснащения современной технологией и техникой как новых отраслей промышленности, так и традиционных. Создание предприятий с современной технологией и техникой не только в новых для Китая отраслях промышленности, но и в традиционных, позволяет при мень-

Муромцева Зоя Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

ших затратах быстрее получать реальную отдачу от вложенных средств. Показатели технической и технологической эффективности, ускоряющие совершенствование технологического процесса всего народного хозяйства, становятся определяющими в критериях социалистической индустриализации.

Изменившиеся исторические и научно-технические условия позволяют отойти от традиционной модели развития промышленности, при которой индустриализация распространялась прежде всего на города. Развитие промышленности в сельских районах обеспечивает решение сложнейших проблем: повышение занятости населения, насыщение рынка недостающими товарами, соединение традиционного производства с современным. Параллельное развитие промышленности в городе и деревне должно в конечном итоге, как считают китайские экономисты, содействовать единой цели — модернизации всего народного хозяйства страны.

Новая стратегия индустриализации дает возможность шире и эффективнее использовать накопления, получаемые в традиционных отраслях (сельском хозяйстве, добывающих, отраслях тяжелой промышленности, легкой промышленности), и направлять их на создание и развитие отраслей, которые необходимы для нормального функционирования на современном уровне промышленности и народного хозяйства в целом. Реформа экономической системы приводит в движение структурообразующие факторы производства и таким образом влияет на процессы рационализации организационной и экономической системы как в самой промышленности, так и во всем народном хозяйстве.

По мнению ряда китайских экономистов, к настоящему времени в Китае развилось крупное промышленное производство, но экономическая модель, сложившаяся до индустриализации, существенно не изменилась¹. По уровню экономического развития Китай относит себя к развивающимся странам². В связи с этим перед индустриализацией страны стоят такие серьезные проблемы, как освоение внутреннего рынка, импортозамещение, перестройка традиционных укладов, интеграция многоукладной экономики, сближение традиционных и современных секторов и т. д. Стратегия индустриализации в свете этих проблем должна комбинировать комплексный и выборочный подход в процессе своего развития, с тем чтобы целенаправленно осуществлялся перелив рабочей силы и капитальных вложений в наиболее динамичные отрасли промышленности. Комплексный подход к индустриализации, помимо других задач, в условиях высокой антропогенной нагрузки на окружающую среду на первое место выдвигает необходимость внедрения экологически чистых производств. Высокая стоимость организации таких производств представляет для Китая одно из значительных препятствий на пути осуществления рациональной социалистической индустриализации.

Одним из важных элементов новой стратегии индустриального развития КНР в 80-е годы явилось использование потенциала международного экономического сотрудничества, главным образом иностранного капитала Гонконга, Макао, других стран Юго-Восточной Азии, Японии, США, стран ЕЭС, а также заимствование средств у Международного банка реконструкции и развития, Международного валютного фонда и других международных организаций.

Активизация внешнеэкономических связей имеет своей целью преодоление недостаточности капитальных вложений и новых технологий для обеспечения процесса модернизации промышленности, всего народного хозяйства.

В КНР считают, что недопонимание значения участия страны в международном экономическом сотрудничестве и конкуренции явилось одной из главных причин отставания. В противовес теории противостояния рыночного и планового регулирования новая экономическая модель развития КНР основывается на возможности и необходимости интегрирования рыночных связей и плана. По мнению китайских экономистов, в социалистическую экономику можно индуцировать различные действенные механизмы, позволяющие предприятиям участвовать в международной специализации и кооперировании. Одним из важнейших путей использования достижений технологической революции и повышения конкурентоспособности китайских товаров на международном рынке является активное использование внешнеэкономического сотрудничества и иностранных инвестиций. В этом отношении КНР должна быть открытой как для социалистических, так и для капиталистических стран.

В КНР проводится большая работа по совершенствованию внешнеэкономиче-

ческих связей. Предполагается, что внешний канал поступления передовой техники и технологии хотя и потребует крупных инвалютных расходов, но будет быстро возмещаться, поскольку КНР с его помощью будет расширять собственную экспортную базу. В этих целях прилагаются энергичные усилия для создания благоприятных условий иностранным инвесторам.

В китайской печати отмечалось, что после того, как полуостров Ляодун и прилегающие районы также превратятся в открытые зоны, в восточной части страны будет сформирован прибрежный пояс с 200 млн. населения, рассматриваемый как передовая линия сотрудничества с зарубежными фирмами. Большие надежды в КНР возлагают на участие иностранных инвесторов в разработке минеральных ресурсов острова Хайнань. Один из проектов предполагает в перспективе сформировать многоуровневую ступенчатую структуру в направлении Восток — Центр — Запад для распространения передовой техники и технологии, включающую специальные экономические зоны, прибрежные открытые города, прибрежные открытые зоны и, наконец, внутренние районы.

Совместные предприятия привнесли в Китай передовую технологию и знания научного управления. Они способствуют обучению китайского обслуживающего персонала и налаживанию производства тех видов продукции, которые обычно импортировались.

Важным направлением индустриального развития является дальнейшее совершенствование структуры производства промышленности. Наряду с усилением развития производства предметов потребления, расширением количества и улучшением качества товаров легкой промышленности в 80-е годы были предприняты меры по ускорению развития энергетической промышленности с электроэнергетикой в качестве основы. В дальнейшем предполагается сосредоточить внимание на отраслях добывающей промышленности, сделать упор на выплавке стали, чугуна, производстве цветных металлов и химического сырья, на сооружении объектов инфраструктуры с целью создания комплексной системы перевозок и системы передачи информации³.

В совершенствовании производственной структуры промышленности немаловажное значение отводится подъему машиностроения и электронной промышленности для увеличения поставок передового технического оборудования на нужды модернизации. Обращается также внимание на развитие строительной промышленности на принципах интенсивной ее коммерциализации.

Таким образом, теретически приоритеты в развитии отраслей промышленности Китая должны складываться следующим образом: наукоемкое производство (микроэлектроника, информатика, бионженерия и технология новых материалов), электроэнергетика, добывающая промышленность, объекты транспорта и связи, машиностроение и электронная промышленность, строительство, производство товаров широкого потребления.

Новые положения в теории и практике экономического строительства, дав толчок в индустриальном развитии страны, одновременно явились причиной обострения ряда старых диспропорций и привели к возникновению новых.

Процесс преодоления «костенения» экономики находится пока на начальном этапе. Главный критерий эффективности индустриального развития — повышение общественной производительности труда — еще не характерен для большинства экономических районов страны.

Изменение приоритетов коснулось пока изменения соотношения сельского хозяйства, тяжелой и легкой промышленности. Если в 1978 году удельный вес сельского хозяйства составлял 24,8 %, легкой промышленности — 32,4, тяжелой — 42,8 %, то в 1987 году соответственно 25,3 36,0, 38,7 %⁴. В стоимости продукции промышленного производства произошло увеличение удельного веса легкой промышленности: в период осуществления шестого пятилетнего плана (1981—1985) темпы прироста промышленного производства составили 10,8 %, в том числе легкой промышленности — 11,8, тяжелой — 9,9 %. В 1987 году доля тяжелой промышленности составила 51,8, легкой промышленности — 48,2 %⁵. Однако развитие экономики КНР в 1988 году показало неустойчивость наметившейся тенденции.

Что касается других направлений изменения структуры промышленности (за счет приоритетности в развитии наукоемких отраслей, производства прогрессивных ма-

териалов, отраслей топливно-энергетического комплекса и т. д.), то они пока наметились лишь пунктирно.

При ограниченности инвестиционных ресурсов очень важна структурная политика при их распределении. По мнению китайских экономистов, для успешного индустриального развития необходимо осуществить реформу в области капитальных вложений, которая проводится по следующим направлениям: 1) разделение ответственности за инвестирование между правительством и предприятиями; 2) отличия в использовании государственных фондов и банковских займов; 3) увязывание ответственности за производство и прибыль; 4) установление эффективного контроля и руководства капитальными вложениями, которые будут производиться вне плана. Таким образом, определены основы инвестиционной политики, что само по себе является большим достижением. Однако практика распределения капиталовложений и контроль над ними продолжают испытывать большое давление ведомственных и региональных барьеров.

С 1979 по 1987 год в техническую реконструкцию предприятий было вложено 230 млрд. юаней. Эта сумма в 1,7 раза превышала средства, вложенные на эти цели в предшествующие 26 лет. Прирост основных фондов составил 40 % от их объема в 1978 году. На целом ряде китайских предприятий для ускорения процесса аккумуляции средств для технической реконструкции и освоения производства новых видов продукции вводится акционерная система.

С 1981 по 1987 год в КНР было модернизировано 297 тыс. технических объектов. Основные фонды промышленных предприятий за этот период увеличились более чем на 213 млрд. юаней, то есть на одну треть суммы основных фондов предприятий общественной собственности, которыми располагала промышленность в 1980 году.

Особенность современного этапа научно-технического прогресса заключается в том, что наряду с концентрацией производства происходит его рассредоточение в целях использования местных ресурсов с максимальной эффективностью. Создание гибких производственных систем позволяет революционизировать традиционное производство эволюционным путем, добавляя к нему элементы будущего типа производства в виде систем математического обеспечения, которые увеличивают производительность труда, экономят ресурсы, позволяют синтезировать трудоемкое и техноемкое производство. Целый ряд исследователей полагает, что Китай вплотную подошел к третьей промышленной революции, центром которой является электронная промышленность.

В конце 1987 года в КНР было 8 тыс. крупных и средних компьютеров и 200 тыс. микрокомпьютеров. В геологии, метеорологии, в ядерной, космической и нефтяной отраслях промышленности установлены самые современные компьютерные системы. В конце 1986 года создана Государственная система экономической информации на предприятиях общественной собственности.

В период 1981—1985 годов промышленность по производству компьютеров увеличивала стоимость продукции в среднем на 44 %. В 1985 году было произведено более 30 тыс., в 1987—47,5 тыс. микроЭВМ. Производство больших, средних и малых ЭВМ в 1987 г. составило 229 единиц. Только 10 % небольших и 40 % микрокомпьютеров полностью сделано внутри страны. Почти все средние и крупные компьютеры КНР импортирует из-за рубежа⁶. В конце 1986 года учреждена компьютерная корпорация «Великая стена», в которую вошли 67 заводов и научно-исследовательских институтов Пекина. В Пекине сосредоточена треть имеющихся специалистов по компьютерам.

Низкий уровень развития производительных сил и обусловленные им невысокая степень обобществления производства, неразвитость товарного обращения и внутреннего рынка, а также большой удельный вес натурального и полунатурального хозяйства по-прежнему остаются препятствиями на пути модернизации страны. Они являются причиной существования предприятий, отстающих от современного уровня «на десятки и даже сотни лет». Тем не менее процесс индустриального развития в 80-е годы получил значительный импульс благодаря начавшемуся разрушению «окастневшего» хозяйственного механизма, созданного в предыдущие годы, реорганизации системы материально-технического снабжения и оживлению мирохозяйственных связей КНР.

Большое сдерживающее влияние на индустриализацию оказывают специфические условия Китая, среди которых первое место занимает демографическая и эко-

логическая ситуация страны. Переход от упрощенных представлений о преодолении отсталости к формированию рациональной индустриализации в этих условиях еще более осложняется, так как предусматривает интенсивное внедрение в народное хозяйство достижений науки и техники, ускорение технической реконструкции имеющихся предприятий, заставляет сделать упор на необходимость модернизации прежде всего производственной технологии и оборудования, сосредоточить лучшие силы на развертывании исследований в области изучения и разработок электроники, информатики, биотехнологии и технологии новых материалов. Для того, чтобы побудить промышленные предприятия, в первую очередь крупные, внедрять плоды научно-технического прогресса, предполагается ускорить процесс разворачивания рынка технических достижений, соединить потенциал научно-технических институтов и учреждений непосредственно с работой промышленных предприятий. Расширение использования наукоемких отраслей — одно из главных направлений современного процесса индустриального развития в мире, однако в условиях Китая оно может осуществляться в немногих районах, располагающих научно-техническим потенциалом и квалифицированными кадрами.

Развитие сельской промышленности в 80-е годы позволило оптимизировать экономическое развитие страны, включив в него максимум местных источников и резервов для удовлетворения общественных потребностей.

После опубликования «Указаний Госсовета КНР о последовательном осуществлении курса на урегулирование народного хозяйства в отношении предприятий коммун и бригад» (май 1981 года) и Уведомления ЦК КПК, Госсовета КНР и Министерства земледелия, животноводства и рыбного хозяйства «Относительно доклада о новой обстановке в развитии предприятий коммун и бригад» (март 1984 года) в сельских районах Китая произошел бурный рост мелких промышленных предприятий. За годы шестой пятилетки (1981—1985) стоимость валовой продукции предприятий сельской промышленности возросла в 3,5 раза, а число занятых достигло более 67 млн. человек. В 1988 году стоимость валовой продукции предприятий сельской промышленности составила треть стоимости валовой продукции всей промышленности⁸, превзойдя стоимость валовой продукции сельскохозяйственного производства. Удельный вес сельской промышленности в производстве целого ряда промышленной продукции весьма значителен. Так, в 1988 году он составил в производстве одежды более 50 %, стройматериалов и неметаллических ископаемых — 75, мелких сельхозорудий — около 80, в общей добыче угля в стране — 32 %⁸. В 80-е годы рост добычи угля наряду с ростом мощностей на шахтах центрального подчинения в значительной степени обеспечивался за счет увеличения угледобычи на мелких шахтах в сельских районах. Если в 1980 году шахты центрального подчинения давали 55,6 % общего объема угледобычи в стране, шахты местного подчинения — 26,1, мелкие шахты в сельских районах — 18,3 %, то в 1985 году соответственно — 46,6 (406 млн. т), 20,9 (183 млн. т) и 32,5 % (283 млн. т.). В 1988 году угледобыча в сельских районах составила около 300 млн. т. В 1979—1986 годах поселково-волостная промышленность обеспечила 28 % прироста валового общественного продукта. Среднегодовые темпы ее прироста в 1979—1988 годах составила 28 %⁹.

В соответствии с рекомендациями конференции по сельской промышленности, состоявшейся в апреле 1987 года в Пекине, предприятия в деревне должны в первую очередь сосредоточить усилия на переработке сельскохозяйственной продукции, а также на производстве строительных материалов (цемент, кирпич, черепица и т. д.). Что касается открытия предприятий в сельской местности по добыче ископаемых, то для этого требуется специальное разрешение. Сельские предприятия, находящиеся в экономически развитых районах, могут развивать экспортное производство.

В настоящее время в КНР сложились 4 модели развития сельской промышленности: 1) сельские предприятия, которые имеют довольно высокий уровень технического оснащения, тесно связаны с заказами промышленности крупных городов и выпускают качественную продукцию (такие предприятия имеются в пригородах Шанхая, в провинции Цзянсу); 2) сельские предприятия, развивающиеся главным образом на семейной основе и имеющие невысокий уровень технического оснащения (например, округ Вэньчжоу в провинции Чжэцзян); 3) сельские предприятия, основанные на кооперативных началах несколькими крестьянскими дворами, на семейных

началах, а также предприятия на паях, которые по техническому уровню представляют нечто среднее между первой и второй моделью (уезд Ланфан в провинции Хэбэй); 4) сельские предприятия, выпускающие экспортную продукцию (в провинции Гуандун, Фуцзянь и др.).

Наиболее перспективными моделями развития сельской промышленности считаются предприятия, которые выполняют заказы крупных современных предприятий, а также продукция которых поставляется на экспорт.

В результате параллельного индустриального развития было трудоустроено 155 млн. человек, в том числе 70 млн. получили работу в городе и 85 млн. крестьян нашли работу на предприятиях волостно-поселковой промышленности¹⁰.

Кроме задачи создания новых дешевых рабочих мест, насыщения внутреннего рынка недостающими товарами, сельская промышленность выступает также в роли донора сельскохозяйственного производства, так как в Китае подчеркивают, что «государство в ближайшие годы не сможет значительно увеличить инвестиции» в модернизацию сельского хозяйства. В период 1981—1985 годов прибыли сельских промышленных предприятий, переданные на потребности развития сельскохозяйственного производства, составили свыше 9 млрд. юаней, то есть свыше 1,8 млрд. юаней ежегодно. Они используются также для развития поселков и для нужд развития инфраструктуры в сельской местности и т. д.

В развитии сельской промышленности существует целый ряд проблем. Так, ее структура во многом дублирует структуру промышленности города. Почти половина ее валовой продукции относится к отраслям тяжелой промышленности. Такое положение усиливает напряженность экологических проблем (на сельские предприятия приходится около 20 % вредных выбросов, причиняющих ущерб окружающей среде), обостряет конкуренцию за ресурсы и материалы. Вместе с тем развитие сельской промышленности, создавая целый ряд проблем, одновременно помогает развязывать такие узлы китайской экономики, как обеспечение занятости, снабжение промышленными товарами повседневного спроса, поставки необходимых для ведения сельского хозяйства орудий труда и удобрений. Так, принятая в середине 80-х годов программа «Искра» нацелена на внедрение достижений науки и техники в агропромышленную сферу, на эффективное использование инвестиций в сельском хозяйстве. По данным на конец 1988 года, осуществление этой программы позволило увеличить сельскохозяйственное производство более чем на 8 млрд. юаней. Со временем приведенные в действие хозяйственной реформой структурообразующие факторы должны отладить и изменить отраслевую структуру сельской промышленности, значительно увеличив удельный вес отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции.

Принятая в 1988 году новая стратегия развития приморских районов, одним из авторов которой являлся Ван Цзянь, научный сотрудник Института планирования экономики при Госплане КНР, предусматривает ориентацию этих районов на привлечение иностранных капиталовложений в трудоемкие отрасли экспортного производства. По мысли Ван Цзяня, следует отложить развитие отраслей тяжелой промышленности, в том числе химической, чтобы освободить средства для развития трудоемких отраслей. Развитие трудоемких отраслей промышленности экспортного направления поможет предоставить работу крестьянам, не нашедшим себе применения в сельском хозяйстве. Доходы от экспорта будут использоваться для импорта продукции тяжелой промышленности, а также передовой технологии и развития инфраструктуры. Для развития базисных отраслей Ван Цзянь предлагает накапливать фонды путем допущения инфляции¹¹.

Не все китайские ученые полностью разделяют эту точку зрения. Так, профессор Нанькайского университета Сюн Синмэй считает, что стратегия экспортно-ориентированного развития приморских районов должна опираться на четкую государственную политику индустриализации с учетом импорта технологии, так как в противном случае Китай может превратиться в перерабатывающую фабрику для других стран¹². Ван Цзяню возражают и другие ученые, в том числе Ма Бинь (Исследовательский центр Госсовета по вопросам экономического, научно-технического и социального развития), Ли Юньци (Институт экономики финансов при Госбанке КНР) и др. Для Китая развитие базисных производств имеет первостепенное значение, особенно в условиях, когда развитые государства стремятся переместить часть этих отраслей на территорию других стран. Если КНР отложит развитие не-

которых отраслей тяжелой промышленности, то через 5 лет, как считает генеральный директор Китайской нефтехимической корпорации Чэнь Цзиньхуа, Китаю будет сложнее выйти на мировой рынок продукции тяжелой промышленности.

Возражения вызвала также предложенная стратегия ступенчатого развития: Восточная зона (приморские районы) — Центральная зона — Западная зона. Ван Чжиюань (Пекинская городская академия общественных наук) и Цзэн Синьчжун (Институт управления экономики Университета «Цинхуа») ¹³ считают, что как в Восточной, так и в Центральной и Западной зонах существует деление на развитые и неразвитые районы, имеются принципиальные различия между современной и традиционной экономикой. Накануне образования КНР, подчеркивают они, размещение промышленности было уродливым, островным и изолированным, а вовсе не ступенчатым в порядке Восток — Центр — Запад. Двойная структура экономики Китая — современная и традиционная — требует для своего развития роста количества индустриальных регионов, сочетающих концентрацию производства и его дисперсию. Нельзя в промышленном отношении характеризовать Восточную зону как зрелую форму, Центральную как растущую, а Западную как развивающуюся ¹⁴. Внутри этих зон различия гораздо более значительные, чем между ними. Хозяйственное единство проявляется прежде всего в отношениях между развитыми районами, а не между развитыми и отсталыми. Число промышленных регионов в Восточной (приморской) зоне превышает их количество во внутренних зонах, удельный вес современного производства там выше. Вследствие этого нарастание тенденции к увеличению разрыва в экономическом развитии между тремя зонами в 80-е годы вызывает беспокойство китайской общественности.

По степени плотности экономических отношений (между современной экономикой и традиционной внутри одной зоны, а также между самыми современными хозяйствами отдельных районов в пределах зоны) Восточная, Центральная и Западная зоны не были, не являются и не обязательно станут базовыми экономическими районами, обладающими крепкими внутренними связями в противовес традиционно сложившимся экономическим районам — Северо-Востоку, Северному Китаю, Северо-Западному Китаю, Восточному Китаю, Центрально-Южному и Юго-Западному Китаю. Если в Китае будет длительно осуществляться стратегия ступенчатого развития в отношении индустриализации и модернизации экономики в порядке Восток — Центр — Запад, то это может привести в стране к формированию первого, второго, и третьего мира. Ван Чжиюань и Цзэн Синьчжун подчеркивают, что формирование «миров» не соответствует социалистическим принципам. Наиболее приемлемой для Китая, считают эти ученые, является стратегия регионального развития индустрии, которая смягчает противоречия между общим и первоочередным развитием промышленности ¹⁵. Эта стратегия наиболее полно соответствует созданию условий единого всекитайского рынка.

Учитывая опыт предыдущих лет в создании совместных предприятий, когда около половины суммы заимствованного капитала было направлено в непродуцирующую сферу, КНР с 1985 года предпринимает энергичные попытки создать систему эффективного использования иностранного капитала. Поощряются капиталовложения в экономику КНР китайских бизнесменов, проживающих за границей. Только в 1987 году Госсовет КНР ввел по этому вопросу 22 правила. Городские власти Тяньцзиня, Шанхая, Гуанчжоу и ряда других открытых городов в 1987 году приняли меры по упрощению процедуры для иностранных капиталовложений. Руководящая группа по делам иностранных капиталовложений при Госсовете КНР, созданная в 1986 году, осуществляет проведение общегосударственной политики по отношению к иностранным инвесторам, а также контроль на макроуровне за деятельностью ведомств, провинций и мест. С целью предпочтения технологических предприятий и предприятий, ориентированных на экспорт, вырабатываются поощрительные меры для их инвесторов. Наряду с этим вступают в силу ограничения иностранных инвестиций в предприятия, в которых Китай менее заинтересован. В 1986 году удельный вес объектов производственного назначения увеличился до 76 % против 45 в предыдущий период ¹⁶. Среди 765 объектов с участием иностранных инвесторов, которые были одобрены в первой половине 1987 года, 205 имели высокий технологический уровень, а 513 являлись производителями экспортных товаров. На основе иностранных займов к 1988 году было учреждено 196 проектов, из которых 60 %

в энергетике, транспорте и коммуникациях. В КНР создано 3500 фирм, которые помогают улучшить управленческие стандарты на отечественных предприятиях.

Доля совместных предприятий в объеме валовой продукции КНР составляла в 1988 году около 3 %. В то же время их удельный вес в дефиците платежного баланса КНР достигал 15 %.

Отсутствие знаний о международной торговле, принципах ее организации, ценах часто приводило к тому, что китайские компании не находили оптимального решения тех или иных вопросов. Лица, участвующие в экспорте и импорте технологий, отмечалось в китайской печати, не всегда понимают законодательные процедуры в использовании патентов, что отражается в дальнейшем на судьбе их использования. В период 1979—1987 годов размер использованных иностранных кредитов составил 26 млрд. долл., а их доля в государственных капитальных вложениях — 6,1 %. За 1979—1986 годы 62 % иностранных кредитов было использовано в промышленности. Из этой суммы от 25 до 30 % приходилось на топливно-энергетический комплекс (в 1981—1985 годах в угледобывающую промышленность, например, было вложено 1,5 млрд. долл., или 10,5 % от суммы государственных капиталовложений), на металлургическую и химическую промышленность — 9—10 % в каждую из отраслей, на машиностроение — 4—5 %, включая электронику, а также отрасли легкой промышленности¹⁷.

С 1979 по август 1987 года КНР подписала соглашения по контрактам на сумму 62,5 млрд. долл., из которых было использовано 37,5 млрд.¹⁸ В 1989 году насчитывалось 15 тыс. смешанных предприятий. По данным на конец 1987 года, из 4 тыс. совместных предприятий, производивших готовую продукцию, 1404 получали за нее достаточно иностранной валюты, чтобы оплачивать импортируемые материалы, остальные предприятия пока не достигли этого уровня.

В промышленности иностранные инвесторы проявляли наибольший интерес к сборочным предприятиям, которые получают детали из-за рубежа (то есть прочно привязаны к инвестору), и к капиталоемким, экологически вредным производствам (главным образом в нефте- и угледобыче) с последующим экспортом готовой продукции в оплату долга по инвестициям.

Для промышленности Китая характерна технологическая многоукладность. Так, например, машиностроение по удельному весу стоимости валовой продукции составляет в общем объеме промышленного производства свыше 25 %, но по основным характеристикам своего развития оно представляет конгломерат. В этих условиях вкладывать капитальные вложения, не ломая старую структуру, бесперспективно. При осуществлении новой рациональной стратегии индустриализации машиностроение должно развиваться не само для себя, а для других отраслей; набор отраслей должен согласовываться с имеющимися ресурсами и с учетом того, что технология и материалы — основные источники массового ресурсосбережения. Однако в настоящее время Китай, принимая на вооружение концепцию рациональной индустриализации, не имеет возможности разрешить многие из поставленных ею вопросов. Запланированная отраслевая структура не дает возможности в короткие сроки наладить производство необходимых видов продукции, быстро повысить технологический уровень. Для производства гибких производственных систем необходимо наладить производство электроники.

В соответствии с планами развития до 2000 года предполагается наиболее быстрыми темпами увеличивать производство в электронике, а также в судостроении, их продукция к 2000 году должна увеличиться в 10—13 раз по сравнению с началом 80-х годов. Удельный вес электроники в стоимости валовой продукции промышленности должен возрасти до 3 %. Темпы прироста в электронной промышленности в 1979—1988 годах составили 20 %. К 2000 году планируется обновление оборудования в станкостроении страны: 5—10 % составит самое современное оборудование и 90—95 % оборудование мирового уровня 70—80-х годов.

В 80-х годах начата реконструкция крупных тракторных заводов, в том числе крупнейшего в городе Лояне, а также заводов в Шэньяне, Тяньцзине, Чанчуне и др., на основе импорта технологии и оборудования. До 1990 года запланирована реконструкция еще 99 небольших заводов по производству тракторов, на цели их модернизации предполагается отпустить 460 млн. долл. (за 1981—1985 годы затрачено примерно 50 млн. долл.)¹⁹. Значительно обновилась техника и технология в автомобилестроении.

строении, в производстве горношахтного и нефтяного оборудования.

К 1988 году были обновлены фонды в легкой промышленности. Основные фонды в легкой промышленности и продукция в такой ее отрасли, как текстильная промышленность, более чем удвоилась по сравнению с концом 70-х годов. Возросло производство синтетических волокон, в 1988 году их производство составило 1,1 млн. т по сравнению с 100 тыс. т в 1978 году.

В ходе технического перевооружения и модернизации в легкой промышленности предполагается освоить эффективные технологии, новые виды продукции и целые перспективные направления производства товаров массового потребления. К 2000 году планируется довести техническую оснащенность предприятий отрасли до мирового уровня начала 80-х годов.

Процессы индустриализации в Китае приводят к оттоку больших масс рабочей силы из сельского хозяйства, усиливается урбанизация. Становление рынка неизбежно вызывает изменения в существующем порядке и системе ценностей, ведет к серьезным общественным переменам, происходит перераспределение интересов различных групп и слоев общества. Одной из серьезных проблем в 1988 году стала проблема инфляции, явившаяся результатом товарной несбалансированности в условиях отмирания старой хозяйственной системы и расширения элементов новой системы социалистического планового товарного хозяйства на практике.

Ввиду того, что существующая сегодня хозяйственная система КНР в целом еще не готова по-новому без риска для экономической и политической стабильности страны разрешить проблему товарной несбалансированности, ужесточается централизованный административный контроль над общественным спросом как инвестиционным, так и потребительским.

В 1988 году было законсервировано или прекращено строительство свыше 10 тыс. объектов, в числе которых имеются промышленные предприятия. Так, например, ограничивается строительство предприятий, выпускающих такую энергоемкую продукцию, как кондиционеры, нагревательные бытовые электроприборы и др. Намечено дальнейшее сокращение государственных капитальных вложений в основные фонды примерно на 20 % в 1989 году по сравнению с уровнем 1988 года. Сокращение капитального строительства не касается объектов экономического сотрудничества Китая с зарубежными странами. Не предполагается сокращать капиталовложения в топливно-энергетические, сырьевые отрасли, а также в транспорт и связь.

В 1988 году темпы прироста промышленного производства составили 18 %²⁰. Несмотря на высокие темпы прироста многих видов промышленной продукции, на потребительском рынке стали исчезать дешевые товары, появилось много дорогих изделий, не рассчитанных на среднего потребителя. Ухудшилось качество продукции, так как в условиях превышения спроса над предложением предприятия стали меньше заботиться о нем. Создавшееся положение в Китае квалифицировали как «промышленный беспорядок», приведший к дефициту сырья, материалов, топлива и электроэнергии. Чтобы ограничить их расход в 1989 году и в дальнейшем, предполагается снизить темпы прироста промышленного производства до 10 и менее процентов. С этой целью ограничивается самостоятельность хозяйственных учреждений и организаций в расходовании материальных и финансовых средств. Устанавливается жесткий контроль в отношении управленческих расходов и коллективного потребления учреждений и организаций выше уездного уровня, а также общественных организаций, государственных и коллективных учреждений. Они должны сократить свои расходы в 1989 году по крайней мере на 20 % уровня 1987 года. В пределах отводимой квоты число товаров, отпускаемых учреждениями и организациями и находящимися под специальным государственным контролем, увеличилось с 19 до 29. Принимаются меры по ограничению чрезмерного роста промышленности в сельских районах, ограничиваются банковские кредиты на финансирование промышленных предприятий, усиливается контроль за расходованием фонда заработной платы.

Меры по преодолению товарной несбалансированности предусматривают также строгое наказание и конфискацию имущества должностных лиц, пользующихся официальным рэккетом для персональных выгод.

Министерство материальных ресурсов КНР выработало комплекс мер, предусматривающих управление деятельностью рынков средств производств с целью пресечения спекуляции. В конце 1988 года была введена государственная монополия на про-

дажу некоторых видов стального проката и цветных металлов, запрещена эксплуатация золотоносных месторождений в частном порядке, не подлежат перепродаже нефть и нефтепродукты.

Основные направления работы китайских экономистов продолжают сосредоточиваться на формировании конкретных механизмов, которые обеспечили бы повышение эффективности производства, внедрение новой техники и стандартизации, рационализацию процесса инвестирования промышленности в условиях социалистического планового товарного производства.

Успех претворения в жизнь новой стратегии индустриального развития КНР зависит как от обеспечения материально-производственными и финансовыми ресурсами, так и от наличия научно-технического персонала, обладающего современным экономическим мышлением и научными знаниями*.

* Автор выражает благодарность ученым Народного университета Китая профессору Шэнь Цзэмюю, доцентам Шэнь Ли, Ли Юэ, Чэнь Цзужэню, Лю Шаокану, Цуй Гочжуну, профессорам Фуданьского университета Цзян Сюемо и Цзинь Чжунюаню за консультации в период стажировки автора в 1987 году.

¹ См., напр., Бэйцзин ревью.— 1987.— № 45.— С. 4.

² См.: Цзинцзи жибао.— 1988.— 3 октября.

³ См.: Жэньминь жибао.— 1987.— 4 ноября.

⁴ Статистический ежегодник Китая.— 1988.— Пекин.— 1988.— С. 32 (на кит. яз.).

⁵ Там же.

⁶ См.: Бэйцзин ревью.— 1987.— № 3.— С. 5.

⁷ См.: Жэньминь жибао.— 1987.— 4 ноября.

⁸ Цзинцзи жибао.— 1989.— 1 января.

⁹ Там же.

¹⁰ Цюши.— 1988.— № 4.— С. 5.

¹¹ См.: Чайна дейли.— 1988.— 2 июня.

¹² См.: Бэйцзин ревью.— 1988.— № 17.— С. 17.

¹³ См.: Цзинцзи яньцзю.— 1988.— № 1.— С. 67.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: там же.— С. 71.

¹⁶ Бэйцзин ревью.— 1987.— № 14.— С. 4.

¹⁷ Расчеты предоставлены С. А. Манжеевым.

¹⁸ Бэйцзин ревью.— 1988.— № 41.— С. 17.

¹⁹ Чайна дейли.— 1987.— 25 августа.

²⁰ Цзинцзи жибао.— 1989.— 1 января.

Частное хозяйство: теоретические и правовые аспекты

В. КАРЛУСОВ

«Мировой социализм, по сути дела, вступил в период глубоких перемен»¹. В ряде стран (в Китае, Венгрии) обновление социализма, переход от административно-командной системы управления экономикой к новому хозяйственному механизму происходит в условиях быстрого развития видов хозяйственной деятельности, основанных на негосударственных формах собственности — кооперативной, индивидуальной², частной, как и на разнообразных сочетаниях этих форм в смешанных предприятиях.

Являясь самостоятельными субъектами хозяйствования, функционирующими на базе полной самокупаемости и самофинансирования и ориентированными непосредственно на рынок, негосударственные предприятия как производственные звенья хорошо вписываются в сферу действия нового «рабочего механизма экономики», определяемого ныне в КНР как «механизм государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий»³. По своему правовому статусу, экономическим, социальным и политическим условиям деятельности они зачастую уравниваются с государственными предприятиями и могут служить моделью перехода последних к рентабельному хозяйствованию; анализ параметров их развития и форм взаимодействия с государством может способствовать не только практической отладке звеньев формирующегося хозяйственного механизма, но и концептуальному осмыслению некоторых новых, как и «хорошо забытых» старых, явлений в области экономической теории социализма.

Настоящая статья посвящена рассмотрению теоретических и правовых аспектов развития одного из видов негосударственных предприятий в современном Китае — предприятий, основанных на частной форме собственности.

Концепция «начальной стадии социализма»:

поиск путей ускорения развития производительных сил

Выдвинув и обосновав тезис о начальной стадии социализма в Китае⁴, XIII съезд КПК (октябрь—ноябрь 1987 года) подвел итог длившейся несколько лет после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978) теоретической дискуссии в кругах политиков и общественников страны относительно идентификации и концепционной характеристики этапа социалистического строительства, переживаемого КНР. «Правильное понимание того, на какой исторической стадии находится сейчас наше общество,— говорилось в Отчетном докладе на XIII съезде Коммунистической партии Китая,— первоочередной вопрос строительства социализма с китайской спецификой, коренная предпосылка для разработки и проведения правильной линии и правильных установок»⁵.

При обосновании неизбежности начальной стадии социализма как особого исторического периода в Китае в цитируемом докладе были названы следующие обстоятельства: социализм в КНР вышел из недр полуколониального, полуфеодального общества; по уровню развития производительных сил страна сильно отстает от развитых капиталистических стран; имея огромное население, по среднедушевой доле валового национального продукта она занимает одно из последних мест

Карлусов Вячеслав Всеволодович, кандидат экономических наук, докторант ИДВ АН СССР.

в мире. Именно это, говорится в докладе, предопределяет для Китая необходимость весьма длительной начальной стадии развития, в течение которой «предстоит осуществить индустриализацию страны, обобществление, коммерциализацию и модернизацию производства, то есть проделать то, что многие другие страны проделали в условиях капитализма»⁶.

Тезис о начальной стадии социализма, как видно из приведенных цитат и положений, непосредственно связан, во-первых, с дальнейшим развитием и конкретизацией концепции строительства социализма с китайской спецификой, и, во-вторых, в более общем аспекте — с переосмыслением самого понятия «социализм» на основе отказа от упрощенных, догматических о нем представлений и придания первостепенного значения развитию производительных сил.

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, вполне закономерно с точки зрения общих тенденций, наблюдаемых на современном этапе в экономических процессах и теоретическом поиске обществоведов в странах мировой системы социализма. Так, весьма показательным в этом плане является положение, сформулированное на основе известных ленинских характеристик социализма академиком Л. И. Абалкиным на Всесоюзном координационном совещании заведующих кафедрами политэкономии (1987). Согласно данному положению, «марксизм выводит социализм, его прогресс не из нравственных категорий, а всецело и исключительно из экономических законов движения общества, в конечном счете из высшего критерия, заложенного в развитии производительных сил, который заключается в достижении более высокой производительности труда. Если социализм не может создать производительность труда более высокую, чем при капитализме, то он не имеет исторической перспективы»⁷.

Соображения, во многом созвучные приведенному, высказываются в последние годы и теоретиками КПК. «Что такое социализм? Что такое марксизм? Насчет этого у нас раньше было не совсем ясное представление,— говорил Дэн Сяопин в выступлении «О строительстве социализма с китайской спецификой» (1984).— Марксизм придает наибольшее значение развитию производительных сил. Что означает коммунизм, о котором мы говорим? Он означает осуществление принципа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». А для этого требуется, чтобы общественные производительные силы развивались высокими темпами, чтобы было изобилие материальных общественных благ. Поэтому самая коренная задача в период социализма — развитие производительных сил. Преимущества социалистического строя выражаются как раз в том, что производительные силы при нем развиваются более быстрыми, более высокими, чем при капитализме, темпами»⁸.

Важное место в теории и практике строительства социализма с китайской спецификой отводится поиску и теоретическому обоснованию методов и форм развития производительных сил на начальной стадии социализма. Так, признается, что неразвитая, многослойная структура производительных сил, низкий уровень развития товарного хозяйства предопределяют длительное сосуществование в Китае предприятий различных форм и типов собственности, включая частную. Отмечается, что «необходимо и впредь поощрять в городе и деревне развитие кооперативных, индивидуальных и частных хозяйств»⁹. При этом указывается, что начальная стадия социализма отличается от переходного периода от капитализма к социализму¹⁰; в условиях Китая она продлится как минимум 100 лет; в течение всего этого периода стране «особенно необходимо» развитие многоукладного хозяйства¹¹.

«Вся проводимая нами перестройка,— говорится в цитируемом Отчетном докладе,— от развития экономики, основанной на разных формах собственности, среди которых ведущая роль принадлежит общественной собственности, вплоть до допущения существования и развития частного хозяйства — обусловлена реальным состоянием производительных сил на начальной стадии социализма. Только такая перестройка может содействовать развитию производительных сил»¹². Таким образом, частнохозяйственный сектор ныне официально рассматривается руководством КПК как один из необходимых на начальной стадии социализма рычагов развития производительных сил.

Ленинский подход к использованию капиталистических факторов развития производительных сил в социалистическом строительстве и актуальность его применения в современном Китае

Возможности и пределы утилизации позитивных факторов частнохозяйственного развития на начальном этапе социалистического строительства — проблема отнюдь не новая в теории и практике мирового социализма. Образец диалектического подхода к решению этой задачи дан нам В. И. Лениным. Анализируя специфику построения нового общества в отсталой, крестьянской стране, в условиях многоукладности, он указывал на необходимость известного развития «частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства»¹³.

В. И. Ленин неоднократно предостерегал против попыток абстрактного провозглашения капитализма социализму, призывал оперировать категориями общественного прогресса, считая капитализм злом по отношению к развитому социалистическому хозяйству, но благом «по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму»¹⁴. Допущение и поддержку частного предпринимательства он рассматривал прежде всего как неизбежную на определенном, исторически ограниченном этапе и выгодную для государства рабочих и крестьян («по преимуществу не требующую снабжения из государственных запасов сырьем, топливом и продовольствием») форму развития производительных сил.

Выступая на X Всероссийской конференции РКП(б) (1921), В. И. Ленин говорил: «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»¹⁵.

Разрабатывая концепцию новой экономической политики, В. И. Ленин подчеркивал и такие положительные аспекты развития частного хозяйства, как быстрое насыщение рынка товарами и улучшение на этой основе положения рабочих и крестьян; рост рядов рабочего класса, что весьма важно для крестьянской страны, проводящей политику индустриализации; развертывание соревнования государственных и капиталистических предприятий¹⁶. «Необходимо дело поставить так, — отмечал он в выступлении на XI съезде РКП(б) (1921), — чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу...»¹⁷. Раскрывая содержание внешне парадоксальной формулы-призыва «некоммунистическими руками строить коммунизм», В. И. Ленин доказывал, что «управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят»¹⁸.

Использование частнокапиталистического фактора развития производительных сил в социалистическом строительстве, по Ленину, отнюдь не тождественно развитию частного хозяйства при капитализме, причем как по условиям такого развития (экономическим, политическим, правовым и др.), так и по его целевым приоритетам. В таком использовании нет для рабоче-крестьянского государства ничего страшного, пока «пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность»¹⁹. Главная задача пролетарской государственной власти при этом состоит в том, чтобы «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма» вовсе, а лишь в меру допустить оживление капиталистических отношений, «опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему...»²⁰.

Выступая за известное развитие капитализма, В. И. Ленин трезво оценивал масштабы опасности, возникающей для социализма в лице развивающейся и стремящейся выйти из подчинения государству буржуазии. «Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым (и пре-

следуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета»²¹. Именно в эффективном контроле над развитием капиталистических отношений, причем осуществляемом государством преимущественно не административно-командными, а экономическими и правовыми рычагами и методами, видел В. И. Ленин реальные пути нейтрализации указанной опасности.

Творческий потенциал новой экономической политики, которую В. И. Ленин планировал «всерьез и надолго», не утратили своей актуальности и сегодня, особенно для стран, приступающих к социалистическому строительству в обстановке многоукладности, значительного удельного веса в экономике мелкого производства, неразвитости товарно-денежных отношений. Это обстоятельство признается ныне и в Китае.

Выступая за соблюдение меры корректности в «перенесении старых подходов на новую почву», «разумное сочетание всеобщей истины марксизма со спецификой Китая», против «слепого копирования чужого опыта и чужих моделей»²², руководители, ученые и хозяйственники КНР в то же время проявляют очевидную заинтересованность в серьезном изучении различных сторон ленинской концепции социалистического строительства, осмыслении и заимствовании рациональных элементов хозяйственной практики СССР времен нэпа. Решения, принятые XIII съездом КПК в отношении использования частного сектора в экономическом строительстве на начальной стадии социализма, думается, представляют собой еще одну достаточно убедительную иллюстрацию этой заинтересованности.

Место частного хозяйства в концепции «начальной стадии социализма»

Действительно, при всех очевидных отличиях исторических, геополитических и иных условий современного Китая от России 20-х годов, сопоставляя нынешний подход китайских коммунистов к развитию частного хозяйства с положениями ленинской концепции использования капитализма в социалистическом строительстве, можно найти немало общего. Это касается и констатации побудительных мотивов допущения существования частного предпринимательства, определения места и роли его в многоукладной экономике и выявления позитивных и негативных сторон его воздействия на общественную жизнь, поиска наиболее рациональных форм государственного контроля его развития и ряда других моментов.

Прежде всего, подчеркнем, что, согласно официальным документам КПК, оживление частного хозяйства рассматривается не как самоцель, а как одна из форм развития производительных сил, имеющая свои исторические рамки и границы. Прогрессивность этой формы обуславливается характерной для нее ныне более высокой степенью «индустриализации, коммерциализации, обобществления и модернизации производства», в конечном итоге более высокой производительностью труда, по сравнению с укладами и элементами укладов, на базе которых осуществляется ее генезис (индивидуальное хозяйство, мелкие кооперативы). В то же время сама она допускается как ступень к более высоким формам организации производства, исторически неизбежная и оправданная лишь на начальной стадии социализма.

Следует учитывать, что руководители КНР говорят именно о «допущении» существования частного хозяйства, необходимости его «известного развития», подчеркивая тем самым функциональную зависимость своего нынешнего курса в отношении частного сектора от политики, безусловного приоритета развития производительных сил²³. Если конкретное частное предприятие не достигает необходимого, диктуемого потребностями рынка, уровня организации производства и производительности труда, не выдерживает конкуренции с однопрофильными предприятиями других хозяйственных форм, оно разоряется (кстати, практика последних лет показывает, что доля банкротств в индивидуальном и частном секторах экономики КНР значительно выше, чем в государственном и коллективном).

Таким образом, современный официальный подход КПК к частному хозяйству достаточно конкретно-историчен и является, на наш взгляд, отражением поиска социально-экономической политики, наиболее адекватной нынешнему уровню развития и структуре производительных сил КНР. «Все, что благоприятствует развитию производительных сил, отвечает интересам народа, а потому диктуется социализмом

и допускается им»²⁴, — отмечалось далее в Отчетном докладе ЦК XIII съезду КПК.

Место и роль частного хозяйства в многоукладной экономике начальной стадии социализма во многом определяется следующими, нашедшими отражение в цитируемом Отчетном докладе условиями: подавляющая часть крупной промышленности и транспорта находится в руках государства, доминирующее положение в экономике прочно занимают предприятия социалистического уклада (существующие в рамках государственного и коллективного секторов и их смешанных форм); частное хозяйство «неизбежно оказывается связанным с экономикой, основанной на общественной форме собственности»; эти связи носят характер зависимости, частное хозяйство «находится под огромным влиянием» социалистических секторов²⁵. В указанных условиях развитие частного хозяйства не носит «самодовлеющего», независимого характера, так как оно не существует изолированно от социалистического уклада, а функционирует в качестве «дополнения»²⁶ к нему, будучи включенным экономически и юридически в сферу действия механизма «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий в единую систему «социалистической товарной экономики». Сочетание и взаимодействие всех названных условий и обстоятельств и формирует то весьма своеобразное положение частного хозяйства в обществе развивающегося социализма, которое радикально отличается от позиций этого хозяйства в капиталистическом обществе.

Касаясь позитивного вклада частного сектора в социалистическое строительство, на XIII съезде КПК отмечалось, что «известное развитие частного хозяйства благоприятствует стимулированию производства, оживлению рынка, увеличению занятости. Оно позволяет еще лучше удовлетворять многосторонние жизненные потребности народа, являясь необходимым и полезным дополнением к экономике, основанной на общественной собственности»²⁷.

Опираясь на мнения китайских ученых, которые складываются на основе опыта КНР и других социалистических стран, можно добавить к этому, что положительный потенциал частных форм хозяйства на ранних этапах социалистического строительства способен проявляться также: в конкурентном давлении с их стороны на предприятия социалистического уклада, стимулирующим развитие последних; в ускорении процессов концентрации и централизации производства за счет создания средних и крупных хозяйств на базе мелких предприятий индивидуального и коллективного секторов; в противодействии монопольным тенденциям в экономике как стагнирующим факторам ее развития; в росте налоговых отчислений в государственный и местные бюджеты, в общем расширении внутренних негосударственных источников финансирования экономики, в росте валютной выручки государства и других выгодах от производства товаров на экспорт и выхода на мировой рынок; в развитии за счет внебюджетных ассигнований производственной и транспортной инфраструктуры, нетрадиционных и других «неудобных» или нерентабельных для государственного сектора отраслей; в хозяйственном освоении новых территорий и ресурсов; в стимулирующем воздействии на развитие товарно-денежных отношений, в общем расширении сферы рентабельного хозяйствования и противодействии административно-бюрократическим тенденциям в управлении экономикой; в росте рядов рабочего класса из числа мелких «хозяйчиков»; в подготовке относительно квалифицированной рабочей силы и самостоятельном финансировании такой подготовки²⁸; в улучшении материального положения занятых за счет выплаты им более высокой заработной платы, чем в среднем по государственному сектору²⁹, и т. д.

Хотя в китайской печати, заявлениях официальных лиц неоднократно подчеркивалось, что развитие частного хозяйства на современном этапе дает стране «больше хорошего, чем плохого»³⁰..., следует подчеркнуть, что в Китае не закрывают глаза и на отрицательные проявления и последствия этого развития. К числу наиболее очевидных таких проявлений, основываясь на материалах XIII съезда КПК и других китайских источниках, можно отнести следующие: допущение найма труда, обострение негативных сторон процессов социальной дифференциации; спекуляция, финансовые и валютные махинации в погоне за высокой прибылью; уклонение от уплаты надлежащих налогов государству, обман государственных органов и предоставление им фальсифицированных данных о размерах прибылей и других параметрах работы предприятий; попытки подкупа должностных лиц; нарушения прав

наемных работников, использование детского труда на отдельных предприятиях; загрязнение окружающей среды; отрицательное воздействие на идеологические процессы и морально-нравственный климат в обществе («духовное загрязнение», распространение идей «буржуазной либерализации» и «вестернизации», усиление влияния буржуазной идеологии в среде молодежи и т. п.)³¹.

В качестве одного из наиболее сильных раздражителей общественного мнения выступает такое сопутствующее развитию частного хозяйства явление, как возрождение эксплуатации наемного труда. Ситуация, возможно, усугубляется и тем, что официальный подход к этому явлению пока не лишен определенной противоречивости. Так, в материалах XIII съезда КПК, с одной стороны признается, что активно развивающееся с конца 70-х годов частное хозяйство — это «тот экономический уклад, в котором существуют отношения наемного труда», с другой, утверждается, что в Китае ныне «уже уничтожены эксплуататорский строй и эксплуататорские классы»³².

Такая не вполне корректная, на наш взгляд, постановка вопроса является одной из главных причин неутраченной дискуссии в научных кругах страны по поводу существующих распределительных отношений, существования нетрудовых доходов и эксплуатации на начальной стадии социализма. Не имея возможности вдаваться в подробный анализ этой дискуссии в рамках данной статьи, отметим только, что мнения ее участников в основном группируются вокруг трех направлений.

Представители первого из них заявляют, что в частном хозяйстве КНР вообще не существует эксплуатации и нетрудовых доходов, так как, во-первых, рабочие и служащие частных предприятий получают, как правило, более высокую зарплату, чем занятые на аналогичных видах работ в государственном и коллективном секторах, и, во-вторых, доходы работодателей формируются пропорционально затратам их труда, заключающегося в рекламе товаров, снабженческих, управленческих, технологических и других функциях. Иногда приводятся и более «сложные» аргументы подобного рода. Очевидно, однако, что все они весьма уязвимы для критики с научных, марксистско-ленинских позиций.

Представители второго направления признают, что использование наемного труда в частном хозяйстве свидетельствует о наличии «определенного рода эксплуатации».

И наконец, придерживающиеся третьей точки зрения считают, что долгие годы социалистической революции в Китае настолько обострили чувствительность трудящихся к дискутируемому вопросу, что открытое и широкое обсуждение его неразумно, может спровоцировать споры и конфликты между собственниками и персоналом частных предприятий, а также привести к далеко идущим социально-политическим последствиям³³.

В некоторых работах китайских обществоведов и экономистов, характерных для второго из названных направлений, весьма аргументированно, как нам представляется, показано, что наличие эксплуатации и нетрудовых доходов в несоциалистических укладах экономики КНР обусловлено незрелостью социалистических экономических отношений на начальном этапе социализма, первопричиной которой является низкий уровень развития производительных сил³⁴.

Своеобразное отражение этой точки зрения присутствует и в Отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду. «В формах собственности и в области распределения при социализме отнюдь не требуется «идеальная чистота» и абсолютная уравниловка. Особенно необходимо на первой его стадии развивать многоукладное хозяйство при условии сохранения ведущей роли за общественной собственностью, осуществлять разные формы распределения при условии сохранения ведущего места за принципом распределения по труду, поощрять часть людей раньше других становиться зажиточными за счет частного труда и законного ведения хозяйства на основе обеспечения всеобщей зажиточности»³⁵. Таким образом, фактически признается право определенной категории населения на получение нетрудовых доходов на начальной стадии социализма, хотя сам термин «эксплуатация», при этом и не употребляется.

Что касается тезиса о «достижении одними зажиточности раньше других»³⁶, то, думается, его нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, он олицетворяет собой попытку отказа от уравниловки, доминировавшей в китайском обществе с конца 50-х годов, с другой, является, по сути, одним из аспектов официального теоретического обоснования распределительных отношений, складывающихся в

80-е годы в расширяющей свои масштабы сфере использования наемного труда (частное хозяйство, государственно-капиталистические формы с участием иностранного капитала и т. п.).

Если эксплуатация и наемный труд все более определенно рассматриваются в Китае как неизбежные издержки использования капиталистических факторов развития производительных сил на начальной стадии социализма, отрицательную роль которых можно ослабить, но устранить полностью пока нельзя, то с другими негативными явлениями, сопутствующими росту частнопредпринимательской деятельности — будь то спекуляция, нарушение правил налогообложения или взгляды «буржуазной либерализации», — призывают вести решительную, бескомпромиссную борьбу.

Так, в докладе Ли Пэна на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (март — апрель 1988 г.) говорилось о необходимости «предъявлять счет и называть в соответствии с законом любое частное лицо или организацию, которые наживаются на спекуляции или нарушают правила контроля над ценами». «Мы должны решительно наказывать тех, кто стремится к чрезмерной прибыли, нарушая закон и дисциплину», — указывал исполнявший обязанности премьера Госсовета КНР³⁷. XIII съезд КПК обратился с призывом «преодолевать узкий кругозор и консерватизм мелкого производства, давать отпор тлетворным феодально-буржуазным взглядам», бороться против «взглядов буржуазной либерализации, отрицающих социалистический строй и одобряющих капитализм»³⁸.

Выработка нормативно-правовой основы частнопредпринимательской деятельности

Центральное место в поиске наиболее эффективных форм контроля развития частного хозяйства и нейтрализации отрицательных последствий этого развития в современном Китае занимает разработка правовых основ частнопредпринимательской деятельности. Отмечая важность этой работы в условиях реформы хозяйственного механизма, XIII съезд КПК предложил «в кратчайшие сроки разработать политику и законы о частном хозяйстве, чтобы можно было защищать его законные интересы, усилить его ориентирование, контроль и управление»³⁹.

В соответствии с данной установкой съезда в апреле 1988 года на первой сессии ВСНП седьмого созыва было принято дополнение к статье 11 ныне действующей Конституции КНР, которое гласит: «Государство разрешает существование и развитие частного хозяйства в определенных законом рамках. Частное хозяйство — дополнение к социалистической экономике, основанной на общественной собственности. Государство охраняет законные права и интересы частного хозяйства, осуществляет его ориентирование, контроль и управление»⁴⁰.

Более детальная разработка юридической основы частного предпринимательства нашла свое выражение в опубликованных Госсоветом КНР в июне 1988 года Временных положениях о частных предприятиях КНР. Этот документ содержит комплекс правовых норм, направленных на дальнейшую легализацию статуса частного бизнеса в КНР, регламентирующих важнейшие стороны его производственной жизни, положения в обществе и взаимоотношений с государством. По разъяснению директора Государственного управления промышленности и торговли Жэнь Чжунлиня, Положения, которые вступили в силу с 1 июля 1988 года, должны «привести частное хозяйство в соответствие с государственной политикой развития многоукладной экономической системы, в которой доминирующее положение занимают предприятия общественной собственности»⁴¹.

В положениях дано официальное определение частного предприятия как находящегося в собственности индивида хозяйства с 8 и более наемными работниками. По состоянию на июнь 1988 года в стране насчитывается 225 тыс. таких предприятий с 3,6 млн. занятых (то есть в среднем 16 человек на одно предприятие), на них производится около 1% валовой промышленной продукции. Приведенные здесь официальные цифры, видимо, будут скорректированы, в сторону увеличения, так как в них не включены те предприятия, которые, являясь фактически частными, пока зарегистрированы как «кооперативы». Ожидается, что в результате принятия Положений, дающих частному бизнесу твердые правовые гарантии, дей-

ствительные владельцы таких «кооперативов» осуществляют их перерегистрацию в соответствии с реальным статусом.

В разработанных Госсоветом КНР правовых нормах закреплено и детализировано положение конституции страны о частном хозяйстве как дополнении к социалистической общественной собственности. Подчеркнуто, что государство охраняет права и интересы частников именно на этой основе. Установлен порядок передачи частной собственности по наследству. Персонал частных фирм наделяется правом организации своих профсоюзов. Определен круг лиц, имеющих предпочтительное право обращаться к властям с просьбами об открытии частных предприятий. В него включены сельские жители, полностью или частично безработные горожане. Вышедшие на пенсию ученые, инженеры и техники, а также специалисты, уволенные в отставку со своих постов, могут учреждать частные фирмы, особенно в областях научных исследований и технических консультационных услуг. Рассматриваются также и заявления на регистрацию частных хозяйств, поданные лицами, освобожденными из тюремного заключения, и молодежью, прошедшей «перевоспитание трудом».

Впервые в истории КНР частным предпринимателям официально разрешено вступать в прямые контакты с иностранными компаниями и создавать с ними совместные предприятия на паевой, компенсационной или иной основах, получать из-за границы сырье и комплектующие детали и изделия по договорам с зарубежными фирмами.

В соответствии с введенными нормами частникам юридически гарантировано право отказа от оплаты любых незаконных счетов, предъявляемых им местными властями.

В Положениях содержится и краткий перечень отраслей экономики, рекомендуемых к «освоению» частным сектором. Если для мелких предпринимателей это, главным образом, розничная торговля, сеть питания и сфера обслуживания, то от более крупных бизнесменов государство ожидает вкладов в трудоемкие производства, капитальное и жилищное строительство и транспорт, особенно в сельских районах.

Весьма детально разработаны правила, ограничивающие сферу частнохозяйственной деятельности, регламентирующие обязанности частников перед государством и наемными работниками предприятий, а также оговаривающие круг мер, применяемых государственными органами для наказания нарушающих закон предпринимателей. Так, частному бизнесу запрещено заниматься оборонной промышленностью и банковским делом, производством товаров, на которые установлена монополия государства (драгоценности, автомобили, взрывчатые вещества невоенного назначения и др.), скупкой и сбытом реликвий культуры, составляющих национальное достояние и т. п.

Доходы директоров и менеджеров частных фирм не должны превышать среднего заработка персонала этих фирм более чем в 10 раз. Не допускается свободная продажа акций частных компаний общественности. Предприниматели обязаны заботиться о безопасности и здоровье рабочих и служащих предприятий. Установленная продолжительность рабочего дня не должна превышать общегосударственной нормы — 8 час. К труду на предприятиях не разрешается привлекать лиц моложе 16 лет.

Налог, выплачиваемый частным предприятием в государственный бюджет, устанавливается на уровне 35 % дохода хозяйства. Не менее 50 % прибыли, остающейся после уплаты налога, должно быть реинвестировано в производство. С персональных прибылей, получаемых от частнопредпринимательской деятельности, взимается налог в размере 40 %.

Таким образом, с принятием основ законодательства, регламентирующего деятельность частного хозяйства, практически закончился длительный период нелегального существования и развития в КНР частнокапиталистического уклада, предприятия которого, подвергнувшись фактической национализации в ходе «поотраслевого преобразования» 1956 года, в 60—70-е годы действовали лишь в крайне узких рамках «теневой экономики» и «подпольного бизнеса», а начиная с 1978 года, после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва — развивались довольно бурно, но еще вынуждены были маскироваться за ширмой индивидуального или кооперативного хозяйства.

Официальное признание права на существование частного хозяйства, нашедшее отражение в документах XIII съезда КПК и последующих законодательных актах государства, это прежде всего одна из мер по приведению в соответствие теоретической модели строительства социализма в Китае с реальной практикой развития многоукладной экономики. Это, по сути, вполне закономерная (с точки зрения стратегии развития, принятой КПК на 3-м пленуме ЦК 11-го созыва) и, видимо, весьма своевременная форма легализации государством «теневых» и «замаскированных» экономических отношений, жизнеспособность которых в условиях КНР доказана практикой 50—80-х годов.

Новый подход к частному хозяйству в Китае, несомненно, не может быть правильно понятым вне общего контекста хозяйственных преобразований в стране, главная цель которых — задействовать все возможные рычаги и средства для обеспечения быстрого и устойчивого роста производительных сил. При всей широте диапазона его возможных трактовок этот подход представляется нам более научным, чем предшествующие ему концепции (напомним для сравнения, что при жизни Мао Цзэдуна, например, готовность национальной буржуазии «принять социалистические преобразования» объяснялась прежде всего ее «патриотизмом»⁴²).

Изменения в политике КПК в отношении частного хозяйства, на наш взгляд, могут свидетельствовать о том, что в Китае предпринимается попытка пойти дальше в реализации прозорливо предсказанной В. И. Лениным, но далеко не полностью использованной в хозяйственной практике возможности ускорения социалистического строительства на его начальном этапе за счет утилизации потенциала капиталистических и государственно-капиталистических факторов развития производительных сил (при этом, вероятно, учитываются уроки сталинского опыта преждевременного свертывания нэпа в СССР и левачьи ошибки не столь отдаленного прошлого КНР).

Будучи вполне оправданным экономически, такой путь, однако, чреват вероятностью социальных и идейно-политических осложнений. Поэтому в КНР не ослабевает борьба с коррупцией и бюрократизмом в государственно-управленческом аппарате, проводится демократизация политической системы и общественной жизни как гарантия сохранения рабоче-крестьянского социального характера государства и действенности контроля со стороны этого государства над развитием частного хозяйства. В противном случае укрепляющаяся и проявляющая тенденцию к организации буржуазии может найти способы и каналы для постепенной трансформации социального характера государственной власти.

Как будут развиваться процессы в несоциалистических хозяйственных укладах КНР, будут ли они способствовать ускорению экономического роста, оставаясь в то же время под контролем государства, или приведут на определенном этапе к обострению стоящих перед страной проблем, коррективам в выборе средств и способов развития производительных сил — исчерпывающий ответ на этот вопрос может дать в конечном итоге только время.

Очень многое здесь будет зависеть от четкости социальных ориентиров политики КНР. Ведь только проводя отражающую интересы народа, последовательно классовую политику, можно, по выражению В. И. Ленина, выдержать «экзамен соревнования с частным капиталом»⁴³. Только в обществе, приоритеты развития которого реально определяются народом, политически и экономически гарантированы социальная безопасность и выгодность использования всего того из арсенала применяемых капитализмом форм и методов хозяйствования, что еще исторически не исчерпало себя как стимулятор роста производительных сил.

¹ Горбачев М. С. Выступление в Сейме ПНР 11 июля 1988 г. — Правда. — 1988. — 12 июля.

² Индивидуальная собственность в социалистических странах — форма собственности мелкотоварного производства, мелкая частная собственность, базирующаяся преимущественно на личном труде или использовании чужого труда в ограниченных масштабах (например, в КНР к

индивидуальному сектору относят мелкие частные предприятия с числом наемных работников не более 7 человек; превысившие этот рубеж предприятия включаются в частный сектор, или, по китайской терминологии, в «частное хозяйство» (сынн цзинцизи).

³ Жэньминь жибао.— 1987.— 4 ноября.

⁴ Впервые на общепартийном уровне положение о начальном этапе социализма в Китае было сформулировано в принятом ЦК КПК в 1981 г. «Решении по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Китая со времени образования КНР».

⁵ Жэньминь жибао.— 1987.— 4 ноября.

⁶ Чжао Цзыян. Вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой. Отчетный доклад на XIII Всекитайском съезде КПК. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 года).— Пекин, 1988.— С. 10.

⁷ Вопросы экономики.— 1988, № 2.— С. 157—158.

⁸ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая.— Пекин, 1987.— С. 60—61.

⁹ Документы XIII Всекитайского съезда КПК.— С. 41.

¹⁰ См. там же.— С. 13. В настоящей работе автор не рассматривает вопрос об отличиях начальной стадии социализма в КНР от переходного периода от капитализма к социализму, который, как представляется, включает в себе ряд дискуссионных моментов и может стать предметом отдельного исследования.

¹¹ См. там же.— С. 13, 15.

¹² Там же.— С. 32.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 86.

¹⁴ Там же.— Т. 43.— С. 212, 229.

¹⁵ Там же.— С. 229.

¹⁶ См. там же.— Т. 45.— С. 78, 83.— Т. 43.— С. 249.— Т. 44.— С. 161.

¹⁷ Там же.— Т. 45.— С. 86.

¹⁸ Там же.— С. 98.

¹⁹ Там же.— Т. 43.— С. 244.

²⁰ Там же.— С. 222, 277.— Т. 44.— С. 161.

²¹ Там же.— Т. 43.— С. 237.

²² Дэн Сяопин. Указ. соч.— С. 3.

²³ См. напр.: Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 32, 41.

²⁴ Жэньминь жибао.— 1987.— 4 ноября.

²⁵ См.: Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 15, 41.

²⁶ Положение о частном секторе как «необходимом дополнении к общественному сектору, который один не в состоянии удовлетворить всех потребностей народа», было впервые выдвинуто в 1956 году тогдашним Председателем КНР Лю Шаоци. Подвергнутое впоследствии критике, оно было вновь взято на вооружение руководством КНР после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978).

²⁷ Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 41.

²⁸ В частности, в Отчетном докладе на XIII съезде КПК говорится о необходимости «продолжать поощрять все силы общества на создание учебных заведений за счет собранных ими средств» (Указ. соч.— С. 23).

²⁹ См.: Чжан Жэньшоу, Ян Сяогуань, Линь Дае. «Модель Вэньчжоу»: основные черты и значение // Нунье цзинцизи цункань.— 1986.— № 9.— С. 4—9; Синь гуаньчэ.— 1986.— № 17.— С. 4—5; Шанхай шэхуэй кэсюэ.— 1986.— № 3.— С. 26, 28; Чжунго цзинцизи вэньти.— 1988.— № 3.— С. 49—50; Цзинцизи жибао.— 1988.— 5 апреля.

³⁰ См., напр.: Beijing Review.— 1988.— № 26.— Р. 7.

³¹ См.: Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 17; Шанхай шэхуэй кэсюэ.— 1986.— № 3.— С. 29; Beijing Review.— 1988.— № 12.— Р. 16—17.

³² Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 41, 11.

³³ См., напр.: Beijing Review.— 1988.— № 29.— Р. 8—9.

³⁴ См.: Чжунго цзинцизи вэньти.— 1988.— № 1.— С. 12—13.— № 3.— С. 50—51; Гуанмин жибао.— 1987.— 5 октября.

³⁵ Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 15—16.

³⁶ Этот тезис был выдвинут Дэн Сяопином (см., напр., его выступление «Работа на всех участках должна способствовать построению социализма с китайской спецификой» (1983) — Дэн Сяопин. Указ. соч.— С. 14).

³⁷ Ли Пэн. Доклад о работе правительства на первой сессии ВСНП седьмого созыва 25 марта 1988 г. // Beijing Review.— 1988.— № 17.— Р. 22, 24.

³⁸ Чжао Цзыян. Указ. соч.— С. 16, 17—18.

³⁹ Там же.— С. 41.

⁴⁰ Цзинцизи жибао.— 1988.— 13 апреля.

⁴¹ Beijing Review.— 1988.— № 29.— Р. 6.

⁴² См., напр.: Beijing Review.— 1979.— № 7.— Р. 11—12.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 83.

Открытые порты — эффективное звено экономики

А. ОНИКИЕНКО

Решение о проведении с 1979 г. открытой внешнеэкономической политики было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, состоявшемся в декабре 1978 г. В планах привлечения зарубежного капитала, передовой зарубежной техники, технологии и управленческого опыта ей отводится важное место при решении задач модернизации экономики страны.

Эта политика получила юридическое отражение в Конституции КНР 1982 г., в статье 18 которой говорится: «Китайская Народная Республика разрешает иностранным предприятиям и другим иностранным хозяйственным организациям либо отдельным лицам в соответствии с законами Китайской Народной Республики вкладывать капиталы в Китае, осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими китайскими хозяйственными организациями.

Все находящиеся на территории Китая иностранные предприятия и другие иностранные хозяйственные организации, а также смешанные предприятия, основанные на китайском и иностранном капитале, должны соблюдать законы Китайской Народной Республики. Их законные права и интересы охраняются законами Китайской Народной Республики»¹.

Как известно, первым шагом Китая в области открытой политики было учреждение в 1980 г. четырех специальных экономических зон (СЭЗ) — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь — в двух южных приморских провинциях Гуандун и Фуцзянь. При посещении СЭЗ в начале 1984 г. Дэн Сяопин сказал: «Помимо сегодняшних специальных экономических зон, можно обдумать вопрос об открытии в дальнейшем нескольких пунктов — прибавить к этому несколько портовых городов; эти места не будут называться специальными экономическими зонами, но они смогут в определенной части использовать политику специальных экономических зон»².

Вслед за этим в апреле 1984 г. в Пекине совместно Секретариатом ЦК КПК и Госсоветом КНР было создано совещание, касающееся прибрежных городов, в котором приняли участие руководящие работники ЦК КПК, Госсовета КНР, различных министерств, а также представители соответствующих провинций, городов и автономных районов. Было решено открыть для иностранного капитала 14 портовых городов вдоль всего китайского побережья (по линии побережья с севера на юг: Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаньцзян, Бэйхай), а также остров Хайнань. Многие из них являются важнейшими портами и традиционными центрами экономической деятельности. Об их народнохозяйственном значении и месте в экономике страны говорят следующие цифры: ко времени принятия указанных решений население этих городов составляло 70 млн. человек³ (7,7 % населения страны); численность рабочих и служащих — 13 % их общего числа в стране⁴, стоимость производимой здесь промышленной продукции — 23 % от общей стоимости валовой промышленной продукции Китая; производительность труда здесь выше среднего уровня по Китаю на 66 %; экспорт продукции составляет 40 % всего китайского экспорта⁵. 14 городов обеспечивают 97 % объема портового обслуживания в целом по Китаю⁶. Научно-технических работников в этих прибрежных городах — 20 % от общей численности по стране; высших учебных заведений — 17 % и средних специальных — 20 % от их общего числа в Китае⁷. Эти районы имеют выход на богатые источники

сырья, обладают развитой системой морского транспортного сообщения и довольно мощной промышленной базой; многие из них имеют давно налаженные внешнеторговые связи с большим количеством зарубежных партнеров. Кроме того, что так же немаловажно, здесь более высокий образовательный уровень, более мощный научно-технический потенциал. Поэтому значимость этих прибрежных районов для страны трудно переоценить.

Можно было бы выделить три комплекса задач, поставленных перед 14 портовыми городами:

1. Максимально возможное привлечение иностранного капитала, передовой зарубежной техники, технологии, управленческого опыта с целью технической реконструкции ныне действующих предприятий, модернизации имеющейся промышленной базы, ускорения научно-технического прогресса. До 1990 г. все 14 городов должны выполнить задачу технической реконструкции многих важных предприятий с тем, чтобы их продукция приблизилась или достигла передового мирового уровня 80-х гг.⁸

2. Необходимость увеличения поступлений иностранной валюты, что находится в прямой зависимости от роста экспортного потенциала страны. Имея это в виду, необходимо повышать качество, расширять номенклатуру традиционных и осваивать выпуск новых товаров, производить больше экспортной конкурентоспособной продукции, осваивать мировой рынок. Любая экспортируемая продукция должна обладать конкурентоспособностью не только по цене, но и по качеству, сортности, по красочности упаковки и срокам доставки. Причем, как подчеркивается в китайских документах, нужно производить то, что имеет спрос на мировом рынке, а не экспортировать, как раньше, то, что произвели.

3. За счет развития экономики открытых городов — оживить экономику внутренних районов Китая. По признаниям китайской печати, после образования КНР и вплоть до настоящего времени практически не существовало хозяйственных связей между восточными (наиболее развитыми) и западными (слабо развитыми) районами страны. Теперь подобное положение, а также диспропорцию в развитии этих территорий необходимо постепенно устранять. 14 открытых приморских городов, как и СЭЗы, должны стать своеобразными «испытательными полигонами» для внутренних районов Китая, «нащупывать для них пути осуществления реформы хозяйственной системы, осваивать и затем передавать им привлеченную передовую технику, «отбрасывать худшее и выбирать лучшее» из зарубежного опыта хозяйственного управления. Побережье должно также оказывать внутренним районам техническую, кадровую, информационную, финансовую и материальную помощь. Такая роль открытых городов, по мнению китайских руководителей, будет способствовать осуществлению курса «четырёх модернизаций».

Но, как подчеркивается в китайской печати, одного объявления открытой политики еще недостаточно. Капиталисты не будут вкладывать свой капитал туда, где не создано условий его эффективного использования, где не будет обеспечена норма прибыли — более высокая, чем банковский процент по вкладам, и где нет гарантии безопасности их прибылям и их собственности. Поэтому сразу же после открытия 14 городов в Китае стали делать значительные практические шаги в сторону того, чтобы максимально усилить их привлекательность для иностранных инвесторов. При этом, учитывая конкретные особенности каждого города, в значительной мере обращались к опыту, накопленному в данной области специальными экономическими зонами.

Прежде всего — это ускоренное развитие основной инфраструктуры (транспорта, энергетики, дальней связи). Огромное внимание сразу же было уделено транспорту и транспортным перевозкам и — особенно в связи с размерами территории Китая — авиатранспорту. В Даляне расширен международный аэропорт, который получил возможность принимать «Боинги-747»⁹. Первой международной авиалинией здесь стала линия Далянь — Токио. Очень быстро был введен в эксплуатацию аэропорт в Яньтае. Город до этого вообще не имел воздушного сообщения. Теперь полет из Пекина в Яньтай занимает около часа, в то время как поездка по железной дороге — более 20 часов. Самолетам гражданской авиации было разрешено пользоваться тремя военными аэродромами, что дало возможность открыть новые авиатрассы, ведущие к городам Циньхуандао, Ляньюньган и Наньтун. Планируется строительство новых аэродромов.

Значительное внимание было также уделено и уделяется сейчас развитию морских перевозок городов, расширению и модернизации уже существующих портов и строительству новых. В Шанхае — крупнейшем транспортном узле Китая и одном из 10 наиболее мощных портов мира — было усовершенствовано 5 причалов класса 10 тыс. т с целью

обслуживания контейнеровозов. Строительство в функциональной зоне 7 (всего в Шанхайском порту имеется 12 функциональных зон) крупнейшей в Китае пристани для приема грузов в контейнерах, способной обрабатывать в год 200 тыс. стандартных контейнеров, было завершено в конце 1985 г.¹⁰ Благодаря этим мероприятиям объем транспортной обработки грузов Шанхайским портом вырос со 100 млн. т в 1984 г. до почти 113 млн. т в 1985 г.¹¹ и более чем 126 млн. т в 1986 г.¹² Кроме того, в генеральный план дальнейшего развития Шанхая включено строительство нового порта.

В конце 1985 г. были подписаны контракты на сумму 1,1 млрд. юаней на расширение порта в Тяньцзине с тем, чтобы увеличить его объем годовой обработки грузов с 16 млн. т (в 1984 г.) до 22,8 млн. т¹³ (в 1986 г. был достигнут показатель 18,2 млн. т, рост составил 12 %¹⁴). По сообщениям газеты «Тяньцзинь жибао», планируемое расширение порта будет стоить предположительно свыше 350 млн. м. долл. К данному проекту проявили интерес фирмы из ФРГ, Японии, Сингапура и США¹⁵.

Городское правительство Наньтуна решил на основе совместных с зарубежными инвесторами капиталовложений продолжить строительство 8 морских причалов класса 10 тыс. т. Этот крупный проект был утвержден Госсоветом КНР¹⁶.

Другой важной мерой, повышающей привлекательность 14 городов для иностранных инвесторов, является предоставление этим городам права применения особой преференциальной политики. Здесь разрешается создавать предприятия на совместном китайско-иностранном капитале, на основе кооперации и на чисто иностранном капитале. При этом, как и в специальных экономических зонах, инвесторам выдвигается условие: гарантии сбыта продукции на внешних рынках либо установка на предприятиях производственного оборудования передового уровня. Ввозимые в качестве инвестиций продукция, оборудование для управления, строительная техника и материалы, а также импортируемые для последующего производства экспортной продукции сырье, узлы, детали, упаковочные материалы, транспортные средства для собственного использования, предметы служебного пользования освобождаются от импортной пошлины и единого торгово-промышленного налога. Кроме того, по решению Госсовета КНР от 15 ноября 1984 г. при взимании подоходного налога с создаваемых в этих городах предприятий, использующих иностранные инвестиции, делается скидка с существующей ставки в размере 20 % (ставка эта в целом по Китаю составляет 30 %, в СЭЗ — 15 %)¹⁷.

Для более концентрированного расположения объектов, привлекающих иностранный капитал, 14 городам дано право создавать («при наличии условий для этого») специальные «районы экономического развития», или «районы экономико-технического развития» (под «наличием условий», как правило, имеется в виду возможность того или иного города обеспечить соответствующий район всей необходимой сетью инфраструктуры). Таким районам предоставляются еще большие льготы в отношении иностранных инвесторов, что приближает их по преференциальным условиям к специальным экономическим зонам. Например, с предприятий производственного характера, открываемых в этих городах, подоходный налог взимается в размере 15 %, как в специальных экономических зонах, плата за аренду земли здесь ниже, чем в остальных частях города¹⁸. Районы «экономического развития» решено было создать в 11 из 14 открытых городов¹⁹, а в Шанхае создать даже два таких района — Миньхан и Хунцяо.

Не менее важным шагом было и расширение самостоятельности всех 14 прибрежных городов и острова Хайнань в осуществлении экономической части открытой политики. Так, например, Шанхай и Тяньцзинь получили право самостоятельно (без санкции Госсовета) утверждать строительство объектов, использующих иностранный капитал, стоимостью до 30 млн. ам. долл., Далянь — до 10, остальные — до 5 млн. ам. долл.²⁰. Это наделяет их значительно большей оперативностью, дает огромное преимущество по сравнению с внутренними городами и провинциями.

Большое значение придается задаче консолидации и дальнейшей разработки внешнеэкономического законодательства, особенно в части, регламентирующей привлечение и использование зарубежных инвестиций. В частности, Шанхай на основе общих внешнеэкономических законодательных актов, выработанных государством, и с учетом собственной конкретной ситуации выработал в последние годы целый ряд местных законов и положений, касающихся внешнеэкономических связей, например: «Методы управления предприятиями на иностранном капитале», «Некоторые положения о сокращении налога и освобождении от налога при привлечении иностранного капитала и зарубежной техники», «Постановление о балансе валютных доходов и расходов на смешанных предприя-

тиях», «Методы управления внешнеторговым экспортом и импортом» и др.²¹.

Неквалифицированность рабочей силы также снижает заинтересованность иностранных предпринимателей. В связи с этим самое серьезное внимание уделяется подготовке кадров. Создаются разного рода группы ускоренного обучения и группы повышения квалификации; только в 1984 г. в прибрежных городах подготовку на таких курсах прошло 9 тыс. человек²². Предусматривается приглашение из-за границы отдельных опытных работников, ныне находящихся на пенсии или ушедших в отставку, для того чтобы они оказали помощь в повышении уровня квалификации кадров в сфере организации и управления производством.

Важность всего этого комплекса мероприятий, заключающаяся в том, что его реализация напрямую обуславливает количество привлекаемого иностранного капитала, была особо подчеркнута в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПК на XIII съезде КПК: «Необходимо проводить политику преференций, улучшать условия инвестирования, позволяя иностранным предпринимателям создавать у нас предприятия по общепринятым международным правилам, а тем самым привлекать еще больше иностранных инвестиций... Нужно на деле охранять законные интересы зарубежных инвесторов, в еще большей мере улучшать условия инвестирования»²³. Все перечисленные меры, осуществляемые в весьма форсированном темпе, привели к определенным положительным тенденциям в привлечении открытыми городами иностранного капитала уже на начальном этапе. По данным, приведенным в докладе члена Госсовета КНР Гу Му на 9 заседании Постоянного комитета ВСНП 6-го созыва, в 1984 г. сумма прямых иностранных инвестиций по соглашениям, достигнутым 14 прибрежными китайскими городами с иностранными фирмами, превосходила их общую сумму за 5 предыдущих лет²⁴. После того как эти города в апреле 1984 г. были объявлены открытыми, они за месяц заключили больше соглашений с иностранными компаниями, чем раньше за целый год. Шанхай, например, в 1984 г. получил более 500 млн. ам. долл. иностранных инвестиций, что в 6 раз превысило их общую сумму, полученную городом за предыдущие 5 лет²⁵. Тяньцзинь в 1984 г. подписал в 4 раза больше соглашений по созданию совместных предприятий, чем их было подписано за период с 1979 по 1983 г.²⁶

14 открытых городов расположены вдоль всей линии китайского побережья. Все они сильно различаются по своему географическому положению и климатическим условиям. Они также отнюдь не равнозначны и по уровню развития промышленной базы, отлаженности городского хозяйства, обеспеченности научно-техническими кадрами, а некоторые города просто несопоставимы по величине, количеству жителей и значению для экономики Китая. Все это определяет неодинаковые возможности городов в привлечении иностранного капитала, поэтому условия развития у них разные. Исходя из этих особенностей, можно было бы сгруппировать города следующим образом:

1. Города «комплексного характера». Это — Шанхай, Тяньцзинь и Гуанчжоу. Они характеризуются следующими особенностями:

— все три города являются крупными экономическими центрами Китая. Шанхай и Гуанчжоу занимают центральное положение в экономических районах дельт рек Янцзы и Чжуцзян, составляющих сеть с городами внутренних дельт рек Янцзы и Чжуцзян, составляющих сеть с городами внутренних районов Китая. Вот некоторые цифры, характеризующие, в частности, Шанхай как центр экономической деятельности страны. Город дает 40 % потребительских товаров КНР, причем эти товары пользуются репутацией высококачественных и являются наиболее предпочтительными при наличии возможности выбора у покупателей. Если взять комплексные показатели, то, например, стоимость валовой промышленной продукции Шанхая достигла в 1987 г. 97,7 млрд. юаней, превысив на 6,5 % уровень 1986 г.²⁷ (87,4 млрд. юаней)²⁸, а ее доля в агрегированном показателе стоимости валовой продукции промышленности и сельского хозяйства составила 97 % (сам показатель превысил 100-миллиардный уровень, достигнув 100,2 млрд. юаней²⁹). Фондоотдача здесь в 6 раз выше, чем в среднем по стране, а производительность труда — в 4 раза³⁰ (в 1985 г. производительность труда на промышленных предприятиях общественной собственности составила 31,4 тыс. юаней³¹). В течение 1987 г. в деятельности экономической комиссии городского правительства особое место отводилось наращиванию производства специально отобранных 128 видов продукции, пользующихся повышенным спросом на рынке. Задействовано было 321 предприятие. В результате стоимость произведенной ими продукции за год выросла на 20 %, составив около 40 % стоимости общего прироста промышленной продукции³². Все эти

данные говорят о наличии здесь более высокого уровня организации и управления производством, о значительно большей его эффективности, чем в остальном Китае:

— традиционно высокий уровень науки и техники. Здесь расположено немало известных китайских университетов и научно-исследовательских институтов, например такие университеты, как Фудань, Тунцзи;

— издавна развитая внешняя торговля и налаженные связи с многочисленными торговыми партнерами по всему миру. Шанхай имеет такие торговые отношения более чем со 160 странами и территориями, общая сумма его доходов от экспорта в 1984 г. составила 3,59 млрд. ам. долл., в 1987 г. возросла до 4,15 млрд. ам. долл. (увеличившись по сравнению с 1984 г. на 16 %), в результате чего Шанхай занял второе (после провинции Гуандун) место в десятке крупнейших экспортеров Китая за год³³. Гуанчжоу, кроме того, очень тесными узами связан с китайскими предпринимателями из Сянгана (Гонконга) и Аомэня (Макао);

— развитая система морских перевозок;

— «полный комплект» отраслей промышленности. По уровню же развития таких отраслей, как легкая, текстильная, электронная, эти три города не только превосходят внутренние районы, но и вполне сопоставимы с мировым уровнем.

2. Города с наилучшими условиями для развития внешней торговли — Далянь, Циндао и Нинбо. Все три города обладают прекрасными торговыми портами, а также богатыми ресурсами для рыбной промышленности, определенной промышленной базой. Кроме того, Далянь является основным пунктом экспортно — импортной торговли трех провинций Северо-Востока Китая, а Циндао — центральным транзитным пунктом для внешней торговли на Шаньдунском полуострове. Поэтому торговля здесь ведется весьма оживленно. Нинбо же, являющийся родиной многих хуацяо, имеет еще и обширные торговые связи с бизнесменами китайского происхождения из стран ЮВА и соотечественниками из Сянгана и Аомэня;

3. Опорные пункты для тылового обслуживания нефтепромыслов, а также базы переработки определенных видов сырья, поступающего из близлежащих районов. Это города Фучжоу, Вэньчжоу, Наньтун, Яньтай, Чжаньцзян и Бэйхай, связанные с районами нефтепромыслов. Кроме того, здесь в больших количествах имеются древесина, чайный лист, рыба, различные зерновые, фрукты, овощи. Таким образом, эти города имеют прекрасную основу для развития пищевой, легкой, текстильной и целлюлозно-бумажной промышленности.

4. Города, осуществляющие преимущественно портовые перевозки, — Ляньюньган и Циньхуандао. Первый, будучи крупнейшим портом провинции Цзянсу, связан со всеми ее внутренними районами, особенно с северо-западом провинции, для которого он является главным морским транспортным центром. Второй, наряду с осуществлением экспортно-импортной транспортировки материальных ресурсов для провинций Хэбэй, выполняет также важную задачу — перевозку китайского каменного угля, идущего на экспорт. Кроме того, эти два портовых города являются известными районами туризма.

Выделенные выше на основе учета различий в сырье, в промышленной базе, наличии кадров четыре типа городов определяют генеральные направления развития той или иной группы открытых городов.

Эти общие направления получают соответствующую конкретизацию в выборе акцентов перспективного развития каждым из 14 городов. С этой точки зрения подробная характеристика каждого города заняла бы слишком много места, поэтому ограничимся примерами лишь нескольких, наиболее крупных из них.

Далянь — главный порт в Северо-Восточном Китае, второй по величине порт в стране. Городом планируется развитие транзитной торговли: из Даляньского порта через материк по наземным дорогам в Советский Союз, Восточную Европу и далее — в Западную Европу и на Ближний Восток, что, по мнению китайских специалистов, по сравнению с транзитом через морские порты СССР сокращает расстояние на 2000 км. В связи с этим в близости от района экономического развития будет построен новый порт. В настоящее время в Даляне насчитывается 108 предприятий, использующих иностранный капитал. Всего, начиная с 1979 г., здесь одобрено 320 контрактов, касающихся экономического сотрудничества с зарубежными предпринимателями, общая сумма инвестиций по которым составляет 700 млн. ам. долл.³⁴. С целью сокращения бюрократических проволочек образован Центр управления иностранными инвестициями (совершенно новое явление, поро-

жденное конкретными потребностями при расширении взаимодействия с зарубежными партнерами).

В Тяньцзине неподалеку от порта выделен район экономико-технического развития. Сейчас здесь размещается 85 смешанных предприятий, 50 из которых уже начали действовать. За 1987 г. общая стоимость выпущенной ими продукции достигла 170 млн. ам. долл., прибыль составила 9,5 млн. ам. долл. Одними из первых совместных предприятий в городе были Компания контейнерных перевозок и Компания по техническому обслуживанию контейнеров. К настоящему времени создано и создается в общей сложности 135 совместных предприятий на китайско-иностранном капитале, подписаны соглашения по строительству еще 115 смешанных предприятий³⁵. Тяньцзиньским портом рассматривается возможность создания совместных пристаней и складов. Проиллюстрировать масштабы и технический уровень контрактов, подписанных Тяньцзином с иностранными фирмами в последнее время, можно было бы на примере следующих двух.

Первый заключен с тремя зарубежными компаниями на строительство в районе экономико-технического развития комбината по выпуску бесшовных стальных труб. Проектная стоимость создания предприятия 3,5 млрд. юаней, 850 млн. ам. долл. (около 3,1 млрд. юаней) из этой суммы составляют иностранные инвестиции. Согласно контракту, сталеплавильное оборудование будет импортировано из ФРГ, прокатные станы — из Италии и 5 линий по производству труб — из США. Срок строительства комбината определен в 4,5 года, и после вступления в строй он предположительно сможет давать ежегодно 600 тыс. т стали и 500 тыс. т бесшовных труб. На этот комбинат возлагаются большие надежды в плане той важной роли, которую он должен сыграть в развитии нефтепромышленности Китая и повышении индустриально-технического уровня города.

Второй контракт подписан двумя тяньцзиньскими компаниями с западногерманской фирмой Standard Electric Logen на создание кооперативного предприятия по выпуску передающей аппаратуры на оптических волокнах. Инвестиции по контракту составляют 2,5 млн. ам. долл., технология полностью будет поступать из ФРГ³⁶. В привлечении техники городом в первую очередь обращается внимание на такие отрасли, как машиностроение для нефтяной промышленности, автомобильная, металлургическая, радиоэлектронная промышленность. Это делается с целью увеличения экспорта и, соответственно, валютных поступлений. Определенная часть продукции сейчас все же идет на внутренний рынок. В Тяньцзине считают необходимым за счет этого добиваться замещения импорта отечественной продукцией, экономя тем самым валюту для государства. Большое внимание будет уделено решению транспортной проблемы в городе, которая в настоящее время обострилась в связи с ростом количества автомобилей.

Шанхай. Из 291 смешанного предприятия, которые намечено построить и сумма прямых зарубежных инвестиций по которым составляет 2,8 млрд. ам. долл., 137 уже вступили в строй. В двух районах экономического развития — Миньхан и Хунцяо — число предприятий, использующих иностранные капиталовложения, достигло к настоящему времени 26. На конец 1987 г. Шанхаем освоено в общей сложности прямых зарубежных инвестиций на сумму 3,2 млрд. ам. долл. При этом инвестиции предпринимателей из США охватывают 40 % смешанных предприятий города, доля же Сянган здесь ниже — 28 %. Растут и масштабы предприятий, создаваемых совместно с иностранными фирмами: в 1987 г. зарубежный капитал был инвестирован в 18 крупных проектах промышленного назначения стоимостью не менее 10 млн. юаней каждый³⁷.

В мае этого года одно из совместных предприятий — завод «Шанхай — Мицубиси» в районе Миньхан посетил во время своего визита в КНР Генеральный секретарь ЦК КПСС. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев. Это совместное китайско-японское предприятие производит лифты и экскаваторы, пользующиеся большим спросом в Китае. Часть продукции экспортируется в Японию. Характерно, что завод производит втрое больше продукции, чем на аналогичных китайских предприятиях.

Фучжоу. В настоящее время здесь уже разрешено создание более 200 предприятий с участием иностранного капитала; общая сумма инвестиций по ним достигает 300 млн. ам. долл., 130 млн. ам. долл. из которых должны поступить от зарубежных

инвесторов. В строй вступило 115 предприятий. В Фучжоу сделан значительный шаг вперед с точки зрения создания условий, максимально благоприятных для иностранного капитала. Так, иностранным предпринимателям, решившим открыть здесь совместные или кооперативные предприятия, дано теперь разрешение на управление ими, исходя из общепринятых в международной практике принципов (в частности, китайская сторона не будет настаивать на том, чтобы ее представители входили в правление предприятий данного типа).

Особо хотелось бы сказать о совершенно новом, чрезвычайно интересном как с практической, так и с теоретической точки зрения явлении в экономической жизни Фучжоу (существующем пока только там), последовавшем за призывом Генерального секретаря ЦК КПК стремиться «открыться шире» и «быть гибче» при осуществлении экономических реформ и привлечении иностранного капитала. Впервые зарубежным компаниям разрешено паевое участие в предприятиях государственной собственности. Чтобы стать акционерами государственных компаний и заводов Фучжоу, иностранные предприниматели должны будут в ходе торгов на аукционе выкупить акции, представляющие их долевое участие. Пока определено, что в подобной форме привлечения иностранного капитала будут участвовать как крупные, так и средние и мелкие государственные предприятия, причем для участия в аукционе будут выдвигаться не только слабые с управленческой точки зрения, но и привычные китайские компании, а иностранная сторона получает право назначать для управления ими своих людей.

Хайнань. В планах экономического развития острова выделяются следующие позиции:

— поскольку Хайнань расположен в субтропиках, предполагается превратить его в ведущий центр Китая по производству тропических сельскохозяйственных культур, создав здесь значительные дополнительные промышленные мощности по переработке каучука, пальмового волокна, кокосов, сахарного тростника и чая;

— развитие лесного хозяйства, животноводства, рыболовства и выращивание различных морских культур должно заложить прочную основу для превращения острова в базу по производству лесоматериалов, продуктов животного происхождения и даров моря;

— всемерное развитие угольной промышленности. В Чанпо ведутся работы, начавшиеся летом 1984 г., по созданию карьера площадью 59 км² для добычи бурого угля открытым способом. Разведанные здесь же запасы нефтеносных сланцев составляют 2,4 млрд. т. На базе развития угольной промышленности остров должен создать свою собственную металлургическую, цементную и стекольную промышленность;

— надежное обеспечение острова электроэнергией. Совокупная мощность собственных ГЭС составляет 190 тыс. кВт/ч в год. Это всего лишь 20 % совокупных гидроэнергетических ресурсов Хайнаня³⁸. Но производство электроэнергии на гидростанциях имеет тот большой недостаток, связанный с климатическими условиями острова, что их мощность значительно падает во время сухого сезона, а это, в свою очередь, отрицательно сказывается на общеэкономическом развитии. Чтобы решить эту проблему, на Хайнане (в Хайкоу) запланировано построить в максимально сжатые сроки тепловую электростанцию мощностью 50 тыс. кВт/ч;

— создание на острове мощной нефтехимической промышленности. Предполагается заключение контрактов с зарубежными компаниями на разработку источников нефти и газа как на суше, так и на морском шельфе;

— развитие туризма, чему в огромной степени способствует субтропический климат и живописная природа острова.

Одним из первых здесь было создано кооперативное предприятие по выращиванию масличной пальмы, основанное Гуандунской компанией предприятий хуацяо и Наньянской компанией по растениеводству из Сингапура. Зарубежные инвестиции составили 30 млн. ам. долл., китайской стороной было предоставлено 130 тыс. му пустующей земли (1 му равен 0,15 га). Из-за границы были доставлены высококачественные семена масличной пальмы, стабильные посадки сейчас составляют 10 тыс. му. Планируется построить маслодельный завод, вся продукция которого будет сбываться иностранным предпринимателям, но китайская сторона будет иметь право первоочередной покупки. Весь риск берет на себя иностранная сторона, прибыль после выплаты налогов делится между китайской и иностранной сторонами в пропорции соответственно 2:8³⁹.

Хайнань недавно был выделен в новую провинцию КНР и в то же время превращен в пятую по счету, крупнейшую из всех ныне имеющих специальную экономическую зону. Ее ведущее положение по отношению к другим СЭЗ выразится в том, что главенствующую роль в экономике здесь станет играть рыночное регулирование, а в структуре собственности основное место займут предприятия на совместном китайско-иностранном капитале, кооперативные и предприятия на чисто иностранном капитале (в остальных специальных экономических зонах различные формы собственности сосуществуют при ведущей роли общественной собственности). Рыночная экономика, которую планируется сформировать на острове, «будет включать базовые элементы социализма плюс эффективные практику и опыт, привлекаемые из других стран»⁴⁰.

В отчетном докладе на XIII съезде КПК дана следующая позитивная оценка значению, которое имеют предприятия, создаваемые на основе привлечения иностранного капитала, для экономики страны в целом: «Смешанные предприятия, основанные на китайском и иностранном капитале, предприятия производственного сотрудничества и предприятия, основанные исключительно на капитале иностранных коммерсантов, тоже являются необходимым и полезным дополнением к нашей социалистической экономике»⁴¹ (выделено мною.— А. О.).

Всего было утверждено создание 10 тыс. предприятий всех трех типов, перечисленных в вышеприведенной цитате, 4 тыс. из них уже начали функционировать.

В связи с этим еще раз хотелось бы подчеркнуть ту мысль, что с увеличением числа открытых районов, наделенных льготами и преференциями, да еще расположенных вдоль побережья всей страны, иностранные инвесторы получили возможность реального выбора районов и объектов для инвестирования, что привело к возрастанию притока иностранного капитала в Китай, наращиванию производства экспортной конкурентоспособной продукции и увеличению валютных поступлений. В 1987 г. объем экспорта 14 прибрежных городов по сравнению с предыдущим возрос на 40 %⁴². Следовательно, открытие для зарубежных предпринимателей вслед за учреждением четырех специальных экономических зон 14 портовых городов и острова Хайнань играет положительную роль в области реализации открытой политики в сфере экономики.

В заключение хотелось бы остановиться на тех проблемах и отрицательных последствиях, которые возникают в ходе проведения открытой политики как в сфере экономики, так и в области социальных отношений и существуют наряду и несмотря на многие ее положительные стороны. Китайская пресса отмечает с тревогой, что масса экономических преступлений крупного масштаба (получение прибыли незаконным путем, незаконная торговля иностранной валютой, контрабанда и сбыт контрабандных товаров, спекуляция и т. д.) совершается именно в открытых приморских районах. Ряд негативных моментов обусловлен также серьезным нарушением своих обязательств по контрактам со стороны зарубежных партнеров. Так, проведенное в Шанхае обследование вступивших в строй, а также находящихся на стадии строительства или подготовительной стадии 199 предприятий на совместном китайско-иностранном капитале показало, что около 20 из них находится на грани кризиса из-за отказа иностранной стороны осуществить в полном объеме обусловленное положениями контракта инвестирование. В качестве иллюстрации приводится случай с предприятием по производству холодильного оборудования, в которое иностранный партнер, начиная с 1985 г., инвестировал только 10 тыс. гонк. долл., вместо положенного по контракту 1 млн. (В этом свете вполне определенное значение приобретает фраза члена Госсовета КНР Чжан Цзиньфу о том, что необходимо «тщательно выбирать партнеров сотрудничества и объекты сотрудничества»)⁴³. Основной причиной, приводящей к столь малоприятному для китайской стороны положению, является то, что, как отмечается в материалах обследования, в некоторых из подписанных контрактов не определен конечный срок инвестирования как с китайской, так и с иностранной стороны, а в других даются лишь расплывчатые формулировки типа того, что срок должен быть установлен с учетом прогресса проекта» либо «решен советом директоров». По заключению специалистов, отныне новые контракты (чтобы поставить надежную защиту от допущенных ранее болезненных промахов) должны включать графики выполнения инвестиций капитала, и обе стороны обязаны строго придерживаться положений контракта.

Но, безусловно, нельзя все отрицательные моменты, связанные с неэффективностью некоторых смешанных предприятий, относить лишь за счет зарубежных

партнеров. Во многом здесь, как отмечается и представителями иностранных компаний, и самими китайскими руководителями, доля ответственности лежит и на китайской стороне, особенно в том, что касается излишне бюрократических формальностей, мешающих ускоренному привлечению иностранного капитала, препятствующих повышению эффективности хозяйственной деятельности. Сотрудничество демонстрирует достаточную эффективность в целом, этому есть немало примеров. Да и существовала ли в противном случае необходимость дальнейшего проведения подобной политики?

Если говорить о соотношении позитивных и негативных сторон открытой политики на данном этапе, то, с нашей точки зрения, оно, очевидно, склоняется в пользу первых. Помимо чисто экономических выгод, к позитивам относят также «дальнейшее духовное раскрепощение китайской нации»⁴⁴. И в отчетном докладе XIII съезду КПК с подтверждением долгосрочного характера открытой политики признается ее стимулирующее воздействие на страну в целом.

¹ КНР. Конституция и законодательные акты.— М., 1984.— С. 27.

² Социалистическая экономика в Китае.— Пекин, 1985.— С. 53 (на кит. яз.).

³ См.: Жэньминь жибао. 1985.— 22 января.

⁴ См.: Социалистическая экономика в Китае.— С. 54.

⁵ См.: Жэньминь жибао.— 1985.— 18 января.

⁶ См.: Социалистическая экономика в Китае.— С. 55.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: Жэньминь жибао.— 1985.— 18 января.

⁹ In: Ta Kung Pao (Hong Kong).— 1985.— 10 January.— P. 5.

¹⁰ In: Beijing Review.— 1985.— January.— N 2.— P. 20.

¹¹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1985.— Пекин, 1986.— С. VII — 52.

¹² См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1987.— Пекин, 1987.— С. 74.

¹³ In: China Daily.— 1985.— 12 November.

¹⁴ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь.— 1987.— Пекин, 1987.— С. 73.

¹⁵ In: China Daily.— 1985.— 12 November.

¹⁶ См.: Жэньминь жибао.— 1985.— 8 ноября.

¹⁷ См.: там же. 1985.— 18 января.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ См.: Шэньчжэнь тэцзюйбао.— 1985.— 11 октября.

²⁰ См.: Цзинцзи даобао (Сянган).— 1984.— № 27.— С. 20.

²¹ См.: Жэньминь жибао.— 1985.— 31 января.

²² См.: там же.

²³ Коммунист.— 1988.— № 1.— С. 116, 119.

²⁴ Жэньминь жибао.— 1985.— 18 января.

²⁵ In: Beijing Review.— 1985.— January.— № 2.— P. 27.

²⁶ In: Ta Kung Pao (Hong Kong).— 1985.— 10 January.— P. 5.

²⁷ In: China Daily.— 1988.— 13 January.

²⁸ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1987.— С. 74.

²⁹ In: China Daily.— 1988.— 13 January, 1 February.

³⁰ In: Beijing Review.— 1985.— January.— № 2.— P. 19.

³¹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь.— 1985.— С. VII—50.

³² In: China Daily. 1988.— 13 January.

³³ Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1985.— С. VII—52.

³⁴ In: China Daily.— 1986.— 3 April.— 1988.— 18 January.

³⁵ Ibid.— 1988.— 22 January; 2, 9, 13 February.

³⁶ Ibid.

³⁷ In: China Daily.— 1988.— 14 January, 3 February.

³⁸ In: Beijing Review.— 1984.— August.— № 35.— P. 27—28.

³⁹ См.: Новая модель экономической системы Китая.— Пекин, 1984.— С. 289 (на кит. яз.).

⁴⁰ China Daily. 1988.— 12 January.

⁴¹ Коммунист.— 1988.— № 1.— С. 119.

⁴² In: China Daily.— 1988.— 13, 15 January.

⁴³ Жэньминь жибао.— 1985.— 25 октября.

⁴⁴ Коммунист.— 1988.— № 1.— С. 111.

Л. М. ГИРИЧ

Пятый год осуществляется реформа в системе Академии наук Китая. Она является частью общей реформы системы управления наукой и техникой и проводится одновременно с экономической реформой. В чем суть этой реформы, какие изменения произошли за это время в Академии наук, как они повлияли на развитие науки и техники в Китае? Ответы на эти вопросы интересуют не только китайскую общественность, но и всех тех, кто внимательно изучает опыт Китая в преобразовании социально-экономической жизни своей страны. Прежде чем ответить на поставленные вопросы, видимо, было бы полезно выяснить, какое место в развитии науки и техники отводится в Китае Академии наук и чем была обусловлена необходимость проведения реформы.

В первой статье Временного устава Академии, принятого в мае 1981 года четвертой сессией Общего собрания Академии, записано, что Академия наук Китая является ведущей научной организацией, комплексным научно-исследовательским центром в области естественных наук¹. Созданная 1 ноября 1949 года, она ответственна за разработку и развитие новых теорий, новых технологий и новых методов в области естественных наук. Она призвана во взаимодействии с соответствующими организациями решать межотраслевые научно-технические проблемы, имеющие важное значение для социально-экономического развития страны, готовить квалифицированные научные кадры в аспирантуре и в ходе выполнения научно-исследовательских работ.

Академия наук имеет 123 научно-исследовательские организации (НИИ, центры, обсерватории, станции), Университет науки и техники с аспирантурой, школу менеджеров, 9 заводов, издательство «Кэсюэ» («Наука») и другие организации. Всего в системе Академии наук занято свыше 82 тыс. человек, из которых 49,8 тыс. — научно-технические работники высшей, средней и низшей квалификации, что составляет более 15 % всех специалистов Китая с высшим и средним специальным образованием негуманитарного профиля, занятых в науке и комплексном техническом обслуживании². В 1987 году расходы госбюджета на Академию наук составили 740,5 млн. юаней, или свыше 6 % всех госбюджетных расходов на развитие науки³. Научный потенциал по видам исследований распределялся примерно так: 20 % — на фундаментальные исследования, 50 — на прикладные и 30 % — на разработки⁴.

В 1986 году исследования и разработки выполнялись по 6217 темам, распределение которых по отраслям науки было следующим: математика, физика, астрономия — 1555 тем (25 %), технические науки — 1455 тем (23,4 %), биология — 1361 тема (21,9 %), химия — 940 тем (13,1 %), науки о Земле — 874 темы (14,1 %) и другие — 32 темы (0,5 %)⁵. Из общего числа НИР работы, выполняемые по государственному и академическому заказу, составляли 45 %, по заказам министерств, ведомств, местных органов власти и предприятий — 15 %, по темам, самостоятельно выбранным научными работниками, — приблизительно 30%. Причем наиболее крупные работы государственного значения (в том числе в интересах военной промышленности) составляли 30 % общего числа НИР⁶.

Из приведенного краткого обзора видно, что Академия наук Китая представляет собой довольно мощную научную силу, способную существенно влиять на темпы научно-технического прогресса в КНР.

Проводя курс на модернизацию промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники, руководство Китая еще в конце 70-х годов не могло не заметить,

Гирич Лев Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

что вклад Академии наук в дело ускорения научно-технического развития страны далеко не соответствует ее реальным возможностям. Это объяснялось целым рядом причин, основные из которых были названы президентом Академии наук Китая Чжоу Гуанчжао в интервью корреспонденту журнала «Beijing Review» в 1987 году⁷.

Он отметил, что с годами научно-исследовательские институты Академии превратились в закрытые системы, оторванные от производства и вузовской науки. Планирование работы осуществлялось «сверху» и не всегда учитывало реальные потребности практики, преобладало мелкотемье. Управление развитием науки осуществлялось командно-административными методами со всеми свойственными им недостатками. Права институтов были весьма ограничены. Результаты исследований и разработок с трудом находили практическое применение, проблемы практики никак не оказывали влияния на работу исследовательских институтов. Среди научных сотрудников преобладали лица старших возрастов. Значителен был так называемый «научный балласт». Связи Академии наук Китая с научными организациями и научной общественностью других стран были незначительными. Преобладал дух «опоры на собственные силы» и пренебрежительного отношения к изучению иностранной, более совершенной техники.

Преобразования в системе Академии наук начались в начале 80-х годов. К этому времени было проведено Всекитайское совещание по науке и технике (март 1978 года), проводившее модернизацию науки и техники ключевым звеном «четырех модернизаций». К февралю 1981 года был разработан стратегический курс развития науки и техники, суть которого коротко сформулирована так: «В экономическом строительстве необходимо опираться на науку и технику, наука и техника должны служить экономическому строительству»⁸.

Новый курс включал пять положений:

1. Науку и технику необходимо развивать координированно с развитием экономики и общества. Содействие экономическому развитию следует рассматривать в качестве первостепенной задачи науки и техники.

2. Следует особое внимание обратить на изучение производственной техники, на ее правильный выбор, на формирование рациональной технической структуры промышленного и сельскохозяйственного производства.

3. Надлежит усилить внедрение и освоение новой техники в промышленности и сельском хозяйстве. Научные силы на горнорудных предприятиях, в сельской промышленности еще очень слабы, поэтому следует поощрять перемещение научно-технических кадров на работу, в частности по совместительству, в эти области в качестве советников и консультантов.

Научно-исследовательские организации должны предлагать предприятиям новые достижения науки и техники, выполнять работы по их заказам. НИИ и предприятия могут взаимодействовать на контрактной основе, а также создавать научно-производственные объединения.

4. Необходимо обеспечить на стабильной основе развитие фундаментальных исследований, прежде всего имеющих отношение к развитию народного хозяйства.

5. Изучение, освоение и применение зарубежных достижений в области науки и техники следует рассматривать в качестве важного метода развития науки и техники Китая⁹.

В соответствии с этим курсом в системе Академии наук были сделаны первые шаги по приближению деятельности академических институтов к нуждам народного хозяйства. Они выражались в снятии административных ограничений на мобильность ученых с целью обеспечения квалифицированными кадрами экономически отсталых районов страны и технически слабо развитых отраслей промышленности.

В мае 1981 года на четвертой сессии Общего собрания Академии наук Китая был принят уже упоминавшийся Временный устав Академии наук, определивший статус самой Академии и ее основных учреждений, установивший порядок выборности руководящих органов и их отчетность. Было зафиксировано, что высшим органом Академии наук является общее собрание, определяющее политику и основные направления исследований. Оно утверждает Устав АН Китая, вносит в него изменения, заслушивает и обсуждает доклад президента о работе Академии, избирает сроком на 4 года президиум Академии наук. Президиум избирает на 2 года президента и его заместителей¹⁰.

В феврале 1982 года решением Госсовета КНР был создан Фонд естественных наук, предоставивший средства на проведение научных исследований и разработок, обещающих достижения крупных прорывов в науке и крупномасштабные приложения в народном хозяйстве.

С 1984 года в работу НИИ Академии наук стала вводиться контрактная система.

В марте 1985 года было принято постановление ЦК КПК «О реформе системы управления развитием науки и техники». Основу реформы составляет положение о том, что результаты НИОКР являются товаром, который, как любой товар сферы материального производства, может продаваться и покупаться на соответствующем рынке. Различного рода информационные, научно-технические и прочие услуги также подлежат оплате. Это позволяет командно-административные методы управления наукой и техникой постепенно заменить экономическими методами.

Основное содержание реформы сводится к следующему:

— реформа системы финансирования НИОКР. Отказ от финансирования только через госбюджет и введение системы, предусматривающей финансирование их нескольких источников (госбюджет, фонды, кредиты, отчисления от доходов заказчиков, поступления за счет хозрасчетной деятельности и пр.). Устанавливались различные формы финансирования в зависимости от профиля научно-исследовательского учреждения;

— реформа организационной структуры, обеспечивающая создание промежуточных звеньев, связывающих научные учреждения с производством и с техническим рынком;

— расширение прав НИИ и научных сотрудников, предоставление последним права полнее использовать свои способности и таланты путем работы по совместительству, оказания различного рода научно-технических услуг и т. п.;

— введение практики объявления конкурсов на выполнение крупных научно-технических проектов, экспертной оценки предлагаемых вариантов, выполнение этих проектов на контрактной основе¹¹.

В январе 1986 года вышло Временное постановление Госсовета КНР о финансировании развития науки и техники, определившее конкретный порядок и источники финансирования НИОКР.

Однако до конца 1986 года изменения в системе Академии наук были незначительны. Возможно, определенную медлительность проявляло руководство Академии; на эту мысль наводит решение отказаться от, казалось бы, демократической практики выборов президента и вице-президентов, начатой в 1981 году, и вернуться к ранее существовавшей системе назначений на эти должности. В январе 1987 года Постоянный комитет ВСНП назначил президентом АН Китая Чжоу Гуанчжао, а позднее и двух новых вице-президентов — Ху Цихэн и Ван Фусуна. Новое руководство значительно активизировало проведение реформы. Этому способствовало также появление ряда уточняющих указаний, изданных Госсоветом в начале 1987 года. Сказалось и изменение ситуации в народном хозяйстве. Получив определенную самостоятельность, право выхода на внешний рынок и начав работать в системе хозрасчета, промышленные предприятия почувствовали необходимость в налаживании связей с наукой. И это двухстороннее стремление к сближению привело к появлению в Китае новых форм интеграции науки и производства, позволило реализовать дифференцированный подход к финансированию НИОКР.

Так, институты Академии наук, осуществляющие технические и технологические разработки, создают с промышленными предприятиями компании для организации практического использования в народном хозяйстве результатов исследований, полученных в своих институтах. Отчисления от доходов компаний идут в фонд институтов. Для стимулирования развития связей институтов с производством Академия наук начиная с 1986 года ежегодно сокращает на 10 % отпускаемые им средства с последующим переводом их на полное самофинансирование. В настоящее время насчитывается около 400 компаний, созданных с участием НИИ АН Китая, вузов и местных органов власти и занимающихся на коммерческой основе передачей технологии предприятиям, технической консультацией, обучением специалистов. В их числе 12 компаний и корпораций находятся в непосредственном подчинении Академии наук, 5 — в совместном подчинении АН и местных органов власти и 23 предприятия основаны на смешанном капитале с иностранными фирмами¹².

В городах Пекин, Шанхай, Ухань, Шэньян, Гуанчжоу из таких компаний орга-

низуются научно-промышленные центры (другое название — экспериментальные районы по освоению новой техники).

В Пекине, например, такой центр создается в местечке Чжунгуаньцунь района Хайдянь, где расположены сотни различных НИИ и 30 вузов столицы и работают около 50 тыс. научных и технических специалистов. Здесь уже имеется более 300 предприятий высокой технологии, 80 % которых специализируется на разработке, производстве и продаже вычислительной техники и другой электронной продукции, программного обеспечения ЭВМ, остальные разрабатывают приборы, новые материалы, специализируются в области биотехнологии, оказывают разного рода услуги. Здесь находятся 8 корпораций и компаний НИИ АН Китая. Крупнейшими из них являются корпорации «Кэли» (годовой доход в 1986 году составил 5 млн. юаней), «Сигма», «Кэхай». Предприятия компаний Чжунгуаньцуня уже внедрили в производство более 4 тыс. разработок, 16 из которых относятся к категории передовых мировых достижений¹³.

Академия наук совместно с городскими властями и иностранным капиталом формирует научно-промышленные центры в специальных экономических зонах. Так, в Шэньчжэне создается научно-промышленная генеральная компания, которая будет осуществлять научные разработки в области микроэлектроники, прецизионного машиностроения, новых ЭВМ, биоинженерии. Она объединяет более 20 научно-исследовательских организаций с их производственными предприятиями, 9 из которых возникают на смешанном капитале.

Подобный центр, ориентированный на работы в области биотехнологии, создается в другой специальной зоне — Сямэнь. Здесь планируют разрабатывать и производить основные виды биопрепаратов, лекарственных средств, заниматься исследованиями в области биотехнологии. Со временем этот научный центр может стать центром проведения международных научных симпозиумов в области биологии¹⁴.

Создаваемые в Китае научно-промышленные центры в какой-то степени имеют общие черты с подобными организациями в других странах (например, научные парки в США, странах Западной Европы, в Австралии, технополисы в Японии). Но это скорее внешнее сходство. Они возникают с учетом специфических условий и потребностей Китая. Поскольку академический сектор науки в Китае более развит, чем вузовский и отраслевой, ведущая роль при создании научно-промышленных центров принадлежит Академии наук. НИИ, лаборатории и специалисты вузов также принимают активное участие. Центры, таким образом, представляют собой форму интеграции академической и вузовской науки с промышленным производством.

Имеются примеры и другого рода объединений. Так, шесть НИИ АН Китая (Шанхайский институт технической физики, Шанхайский, Чанчуньский, Сианьский, Аньхойский институты оптики и точной механики и Чэндуский институт оптики и электроники) создали оптико-электронную компанию по исследованию, производству и продаже своей продукции. Характерным является то, что объединились НИИ, расположенные в разных городах страны, обладающие разными возможностями для координированного решения задач в одной области.

Институты, ведущие прикладные исследования, которые не могут достигнуть уровня разработок, для выполнения НИР тоже объединяют свои усилия, но здесь другая обстановка. Речь идет об институтах, ведущих исследования в области природных ресурсов, охраны окружающей среды и т. п. Они объединяют свои усилия для решения научных проблем в области экологии, разработки стратегии развития отдельных регионов, использования водных ресурсов страны. Заказчиками для них выступают Госплан КНР и другие заинтересованные ведомства и министерства. Работы ведутся на хоздоговорной (контрактной) основе. Кроме того, существенную часть бюджета этих НИИ составляют централизованные поступления из фонда Академии наук.

В институтах, занимающихся фундаментальными исследованиями, главной задачей реформы является обеспечение необходимых условий для проведения исследований на высоком (мировом) уровне. С этой целью особое внимание уделяется совершенствованию материально-технической базы институтов, усилению их связей с зарубежными исследовательскими центрами, приглашению для работы в них видных ученых из других стран. Для проведения совместных исследований в настоящее время объявлены открытыми два института (Институт теоретической физики и Ин-

ститут физики в Пекине) и 38 лабораторий при НИИ, научных центрах и заводах АН Китая, расположенных в 10 городах страны. В них уже работают более 30 иностранных ученых из США, Канады, Швеции, Франции и других стран. Финансирование этих научных учреждений осуществляется из нескольких источников: из фонда самой Академии (расходы на зарплату, жилье, основное оборудование, накладные расходы), целевое финансирование НИР за счет средств заказчика, а также научного фонда Китая.

Поскольку реформа в Академии наук продолжается, некоторые новые организационные формы носят экспериментальный характер и в дальнейшем могут быть видоизменены или вообще заменены другими формами. Но уже сейчас можно отметить, что переход Академии Наук на новую организационную структуру и введение новой системы финансирования позволили увеличить объем расходов на НИОКР и капитальное строительство и темпы их роста. Так, если в 1981—1987 годах среднегодовой прирост расходов составлял 3,5 %, то в 1985—1987 годах он составил уже 7,4 %. Расходы АН Китая в 1987 году составили 886,2 млрд. юаней, что в 1,3 раза больше, чем в 1983 году (678,7 млрд. юаней), и в 1,5 раза больше, чем в 1980 году (600 млрд. юаней). Причем объем ассигнований по госбюджету в годовом бюджете Академии имеет тенденцию к сокращению при сохраняющемся росте абсолютной величины ассигнований. Так, ассигнования Академии наук по госбюджету возросли с 728,5 млрд. юаней в 1986 году до 740,5 млрд. юаней в 1987 году, но их доля сократилась с 84 до 78 %, что отражает более быстрый рост внебюджетных ассигнований¹⁵.

В качестве положительного результата проходящей реформы следует также отметить восстановление и расширение научных связей между Академиями наук Советского Союза и Китая. Официально связи были восстановлены в 1986 г. подписанием в Пекине Соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и АН Китая и Плана научного сотрудничества на 1987—1988 годы. План предусматривал установление контактов и организацию совместных работ по 62 проблемам в области математики, физики, химии, геологии, наук о Земле. Был установлен обмен учеными на безвалютной основе в объеме 50 человеко-недель и 12 человеко-месяцев.

Ряд институтов АН СССР начал в инициативном порядке осуществлять двухсторонние научные связи с соответствующими НИИ АН Китая. Так, ученые Института кристаллографии АН СССР регулярно проводят советско-китайские симпозиумы по физике лазерных средств. Очередной симпозиум запланирован на 1989 год в Москве.

Начали устанавливаться научные связи на региональном уровне. Так, в ноябре 1988 года было подписано соглашение о научном сотрудничестве в области науки и техники между АН Узбекистана и Синьцзянским филиалом Академии наук Китая. Устанавливается сотрудничество Сибирского и Дальневосточного отделений АН СССР с научными учреждениями АН Китая.

В декабре 1988 года в Москве был подписан План научного сотрудничества между АН СССР и АН Китая на 1989—1990 годы. План предусматривает дальнейшее развитие сотрудничества во всех областях естественных и технических наук и увеличение ежегодного объема безвалютного обмена учеными в 2 раза по сравнению с предыдущим планом. Теперь он будет составлять 100 человеко-недель и 24 человеко-месяца. Налаживаются прямые связи между издательствами наших Академий.

В феврале 1989 года состоялся визит в КНР делегации Академии наук СССР во главе с ее президентом академиком Г. И. Марчуком. Это был первый визит в КНР президента советской Академии наук после более чем 20-летнего перерыва в отношениях между Академиями наших стран. В ходе визита были согласованы основные направления научного сотрудничества между АН СССР и АН Китая до 2000 года и подписано Соглашение об организации непосредственного научного и научно-технического сотрудничества между их научными учреждениями. Проведенные переговоры показали, что у наших академий имеются значительные резервы для расширения взаимного сотрудничества в интересах достижения наивысшего уровня в решающих областях науки и техники, широкого использования научно-технических результатов в народном хозяйстве обеих стран.

¹ In: The Chinese Academy of Sciences. General Office.— Beijing.— December 1981.— P. 219.

² Ibid., 1987.— P. 1.

³ См.: Чжунго тунци няньцзянь, 1987.— С. 917. По оценке автора, госбюджетные расходы на науку в 1987 г. составили 11,5 млрд. юаней.

⁴ См.: Чжунго цзинци няньцзянь, 1987.— С. VI—213.

⁵ In: The Chinese Academy of Sciences, 1987.— P. 12.

⁶ См.: Чжунго цзинци няньцзянь, 1987.— С. VI—213.

⁷ In: Beijing Review.— 1987.— № 12.— P. 14—16.

⁸ См.: 2000 нянь чжунгоды кэсюэ цзишу.— Бэйцзин, 1987.— С. 65.

⁹ Там же.— С. 65—68.

¹⁰ In: The Chinese Academy of Sciences. General Office.— P. 221—222.

¹¹ См.: Чжунго кэсюэ цзишу чжэнцэ чжинань.— Бэйцзин, 1986.— С. 298—304.

¹² In: The Chinese Academy of Sciences, 1987.— P. 2.

¹³ См.: Чжунгун яньцзю.— Тайбэй, 1988.— № 9.— С. 42.

¹⁴ См.: Цзинци жибао.— 1987.— 18 февраля.

¹⁵ Подсчитано по данным: Чжунго тунци няньцзянь, 1986.— С. 791; 1987.— С. 917; Проблемы Дальнего Востока.— 1987.— № 2.— С. 160.

Г. ДАШДАВАА

Со временем все весомее и яснее становится значение XIX съезда МНРП, состоявшегося в 1986 году. Съезд наметил стратегический курс на ускорение экономического и социального прогресса монгольского общества, реально оценив при этом успехи и достижения страны в социалистическом строительстве и вместе с тем откровенно и гласно указав на существующие недостатки и упущения.

Обновление начато с экономики

В ретроспективе успехи Монголии в социалистическом строительстве очевидны во всех областях общественной жизни, в том числе и в экономической. В то же время необходимо признать, что достигнутое далеко не удовлетворяет растущие потребности монгольского народа. По основным экономическим показателям Монголия значительно уступает развитым братским социалистическим странам. Более того, налицо явная тенденция увеличения этого разрыва.

В экономике МНР накопился целый ряд нерешенных проблем, которые потребуют к себе особого внимания уже в ближайшие годы. Так, объем национального дохода, производимого нами, не достигает уровня, необходимого для наполнения фондов потребления и накопления, а доходы от экспорта не покрывают валютные затраты на импорт (например, в 1988 году стоимость экспорта покрывала лишь 66,4 % импортных платежей). Структурное сопоставление показывает, что хотя развитие легкой и пищевой промышленности началось еще в 30-х годах, проблема переработки животноводческого сырья до уровня готовой продукции решалась практически только в последние три пятилетки. В сельском хозяйстве и особенно в животноводстве по-прежнему преобладают экстенсивные способы ведения хозяйства. Что касается горнорудной промышленности, то мы находимся на первом, малоэффективном этапе ее развития. Создание производственной инфраструктуры требует огромных затрат, причем далеко не всегда вложенные средства способствуют получению готовых изделий, более того, на какой-то период они вызывают повышение затрат в других отраслях. Тем не менее без этого невозможно решить задачу индустриализации.

Эти и ряд других факторов позволяет сделать вывод о том, что на сегодня не обеспечена сбалансированность нашей экономики, ее структура имеет, в основном, сырьевой характер.

Такое положение дел диктует необходимость проведения экономической реформы, которая обеспечила бы ускорение темпов развития народного хозяйства и последовательное улучшение благосостояния народа путем интенсификации экономики, повышения ее эффективности. Такую задачу, конечно, невозможно решить с помощью старых методов и подходов. Поэтому, начиная с 1987 года, в МНР принимаются меры по совершенствованию управления и планирования народного хозяйства, созданию эффективного хозяйственного механизма. Это предполагает, прежде всего, отказ от старых административно-командных методов работы, задействование экономических рычагов управления, расширение самостоятельности предприятий и других хозяйственных организаций.

Гомбосурэнгийн Дашдаваа заместитель министра иностранных дел Монгольской Народной Республики.

Важное значение придается совершенствованию производственных отношений. Новый подход к вопросу о производственных отношениях нашел отражение в таких законодательных актах, как Закон о государственных предприятиях и недавно вынесенный на всенародное обсуждение Закон о кооперативах. Как показывает практика прошлых лет, у нас непосредственный производитель и собственность фактически существовали как бы сами по себе, что не могло не иметь серьезных негативных последствий. Именно поэтому приближение производителя к собственности, поощрение инициативы и социалистической предприимчивости составляют основное содержание нашей экономической реформы.

В рамках экономической реформы значительные усилия прилагаются к повышению эффективности всего народнохозяйственного комплекса. Ведется реконструкция и модернизация ряда ведущих предприятий. Поставлена задача существенно изменить структуру национальной промышленности, в частности создать ряд современных, преимущественно мелких и средних, предприятий по глубокой переработке минерального и сельскохозяйственного сырья, производству готовой для потребления и экспорта продукции.

В плане прогрессивной структурной перестройки промышленности предусматривается формирование в стране собственной базы для производства отдельных видов машин и оборудования, преимущественно для сельского хозяйства, на основе специализации и кооперации с предприятиями Советского Союза, некоторых других социалистических стран. Наряду с этим будут изучены возможности организации изготовления отдельных компонентов электронной техники и средств связи.

Курс на обновление экономической жизни страны начал претворяться в жизнь. 1988 год — первый год осуществления политики экономической реформы. Однако уже можно констатировать некоторые позитивные сдвиги в экономической жизни страны: усилилась тенденция к самостоятельности в деятельности предприятий и хозяйств, они стали меньше ожидать указаний сверху, постепенно изживаются иждивенческие настроения, стремление работать на дотации, растет интерес к хозрасчетной деятельности. В 1988 году расширился объем общественного производства; при этом темпы его роста ускорились по сравнению с 1987 годом. Произведенный национальный доход в 1988 году по сравнению с предыдущим возрос на 4,3 % или 315 млн. тугриков. Промышленное производство увеличилось на 5 % против 1987 года.

Новые формы хозяйствования особенно важны для традиционной отрасли нашей экономики — сельского хозяйства. Конкретные результаты внедрения арендного подряда в этой области видны на примере животноводства. Поголовье скота в стране на конец прошлого года составило 23,1 млн. голов, что на 381,3 тыс. больше, чем в 1987 году.

По сравнению с предыдущим годом в 1988 году объем внешнеторгового оборота МНР возрос в целом на 2,5 %, в том числе экспорт — на 3,9 %, импорт — на 1,5 %.

Однако продвижение новых методов хозяйствования сталкивается с рядом негативных моментов. Все еще растет материалоемкость общественного производства, снижается его фондоотдача. Выпуск товаров широкого потребления, продуктов питания и объем оказываемых услуг не соответствует потребностям населения. Вызывает беспокойство увеличение денежной массы, находящейся в руках у населения. Отсюда видно, какие сложности предстоит преодолеть в ходе начатой в стране экономической реформы. Но мы уверены, что кардинальное решение указанных проблем возможно лишь в условиях последовательного осуществления процесса обновления всего нашего общества.

С экономики — на другие сферы

В ходе осуществления экономической реформы стало ясно, что процесс обновления не может ограничиваться лишь экономикой, он должен охватить все сферы общественной жизни. Встала необходимость обновления политической системы, социальной и духовной жизни нашего общества.

Конкретные пути реализации этих задач указаны в решениях V пленума ЦК МНРП, состоявшегося в конце прошлого года. Решения пленума нацеливают коммунистов, трудящихся МНР на перестройку работы всех звеньев партийного

и государственного аппарата, а также общественных организаций на основе расширения гласности и демократии, путем поднятия ее на уровень требований сегодняшнего дня.

Надо отметить, что партия как руководящее ядро политической системы перестройку начинает с себя. Признавая неоспоримую истину о непрерывном возрастании руководящей роли партии в социалистическом строительстве, нельзя в то же время камуфлировать отрицательные явления, возникшие в результате того, что мы еще не умеем в полной мере использовать механизм этой закономерности.

До сих пор на практике не было строгого разграничения функций партийных, государственных, хозяйственных и общественных организаций. Партийным организациям приходилось вмешиваться в хозяйственные вопросы, не свойственные им как политическим органам. V пленум ЦК МНРП по-новому определил функции партии. При этом первостепенное значение придается вопросам повышения ответственности и расширения полномочий первичных партийных организаций, уделяется большое внимание налаживанию правильного взаимодействия между выборными органами и партийным аппаратом в целях расширения партийной демократии.

В соответствии с решениями Пленума ЦК МНРП принимаются меры по совершенствованию организационной структуры партийного аппарата, сокращению его штатов. Они осуществляются начиная с ЦК и во всех звеньях партии. В целях совершенствования внутрипартийной демократии вносятся изменения в порядок формирования выборных органов партии. По решению ЦК МНРП устанавливается единый срок полномочий выборных органов партии от ЦК до первичных организаций — 5 лет. Вследствие важности укрепления парторганизаций свежими силами каждые 2—3 года будут созываться партийные конференции с частичным (до 25 %) обновлением состава партийных комитетов. В этих же целях предусматривается лишь однократное переизбрание на руководящий пост в партийных организациях.

Сегодня в центре партийной деятельности находятся кадры. От них зависит судьба обновления общественной жизни Монголии. Им предъявляются требования перестройки стиля работы, утверждения деловитости, расширения демократии и гласности в целях решительного продвижения вперед процесса обновления.

Партия считает необходимым коренным образом улучшить идеологическую работу, поставив ее на уровень требований обновления всего общества. На V пленуме ЦК МНРП резкой критике подверглись догмы и устаревшие концепции, бюрократизм и административно-приказной метод идеологической работы, факты ухода от решения или даже обсуждения острых вопросов общественной жизни, упрощенные представления о закономерностях развития социалистического общества в нашей стране.

Пленум решительно осудил культ личности Х. Чойбалсана, сложившийся под влиянием культа личности И. Сталина. На V пленуме ЦК МНРП шел принципиальный разговор о массовых репрессиях 30-х и более поздних годов, а также о фактах нарушений принципов коллегиальности в руководстве страной, пренебрежения нравственными нормами в быту в период, когда высшие посты в партии и государстве занимал Ю. Цеденбал.

Пленум наметил задачи по перестройке форм и методов идеологической работы, указал на необходимость максимально приблизиться к удовлетворению духовных запросов трудящихся и тем самым способствовать успешному осуществлению больших задач обновления монгольского общества.

Процесс демократизации и гласности последовательно укрепляется в деятельности партии и государственных органов, во всех сферах общественной жизни; он содействует нарастанию общественно-политической активности членов партий, всех трудящихся. Уже теперь в общественной мысли наблюдается отказ от прежних стереотипов и догм, утверждаются плюрализм мнений и представлений о прошлом и настоящем страны, стремление правильно оценить отдельные этапы становления и развития МНР.

Особенно большой интерес в духовной жизни страны стали вызывать проблемы восстановления традиций, обычаев, национальной культуры и других национальных ценностей. Приобретает новое значение вопрос о воспитании, прежде всего у молодежи, уважительного отношения к истории и культуре своего народа наряду

с формированием прочных интернационалистических взглядов и убеждений.

В рамках совершенствования политической системы монгольского общества предусматривается укрепление роли государственных органов. Принимаются меры, нацеленные на обеспечение реального полномочия Хуралов народных депутатов как политической основы нашего государства. В этих целях необходимо добиваться укрепления законодательных, управленческих и контрольных функций Хуралов. Для всех Хуралов устанавливается один срок полномочий — 5 лет, а занятие выборных должностей ограничивается двумя сроками подряд. Решено также не выдвигать в депутаты Хурала соответствующего уровня руководящих работников исполнительных органов, непосредственно ответственных и подконтрольных данному выборному органу власти.

В связи с этим V пленум ЦК МНРП принял решение обновить действующую избирательную систему. Намечается перейти к выдвижению нескольких кандидатур, широкому и свободному их обсуждению, включению в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов.

Обновление монгольского общества также затрагивает такие его важные звенья, как профсоюзы, ревсомол, женские и другие общественные организации.

Обновление во внешней политике

Нет сомнения в том, что со времени победы Народной революции наша внешнеполитическая деятельность привносит большой вклад в дело утверждения и укрепления международных позиций МНР, всестороннего развития и углубления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, в решение актуальных задач социально-экономического развития страны.

В деле обновления деятельности МНР на международной арене важнейшую роль играют установки и решения V пленума ЦК МНРП. Именно этот пленум, реалистично и критически оценив внешнеполитическую деятельность нашего государства, выдвинул новые крупные задачи перед ведомствами внешних сношений. Тон критического и в то же время позитивного анализа международной деятельности МНР задал в своем выступлении товарищ Ж. Батмунх. В частности, он заметил: «Мы не всегда в полной мере использовали широкие возможности наших внешних связей в деле решения назревших проблем внутренней жизни страны». Ж. Батмунх отметил и то обстоятельство, что во внешнеполитической деятельности МНР нередко проявлялась склонность к декларациям, широковещательным заявлениям, что порой не отвечало нашим реальным возможностям. Слабо обеспечивается взаимозависимость и целостность внешнеполитических и внешнеэкономических задач. Во многих случаях, увлекаясь крупными политическими проблемами глобального характера, мы растрачивали немало сил и времени.

В период обновления всех сфер жизни монгольского общества в качестве главных задач внешней политики МНР выступают вопросы дальнейшего углубления дружбы и взаимодействия с Советским Союзом, другими братскими странами, повышения эффективности сотрудничества с ними, более полного использования внешних факторов в решении назревших социально-экономических проблем страны, повышения роли политических рычагов в обеспечении ее безопасности. В международной сфере особое значение придается развитию внешнеэкономических связей Монголии, рациональному участию МНР в международном социалистическом разделении труда и мировых хозяйственных контактах.

Развитие всесторонних отношений и углубление сотрудничества МНР с Советским Союзом и другими социалистическими странами по-прежнему является приоритетным направлением нашей внешней политики. Монголо-советские отношения успешно развиваются во всех областях. Успехи и достижения МНР неразрывно связаны с дружбой и сотрудничеством между двумя нашими странами. В монголо-советских отношениях большое место занимает экономическое сотрудничество, объем которого постоянно возрастает. В соответствии с Долгосрочной программой развития экономического и научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и МНР до 2000 года, а также Концепцией развития экономических связей между МНР и СССР на период до 2000 года связи двух стран будут значительно расширены.

Вместе с тем процесс перестройки и обновления, разворачивающийся в социалисти-

ческих странах, порождает качественно новую ситуацию и в их взаимоотношениях. Ключевой момент развития отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами мы видим в придании им динамизма, в повышении эффективности нашего сотрудничества. Было время, когда отношения между нашими странами абсолютизировались, бытовали приукрашивание, некритическая оценка положительных сторон наших взаимоотношений, умалчивание факта существования нерешенных проблем. До сих пор не изжиты в этой сфере элементы формализма и парадности. Вместо тщательной разработки и определения позиции по вопросам международных и двусторонних отношений с учетом интересов страны иногда проявляется упрощенческий подход к линии МНРП на координацию и увязку нашей внешнеполитической деятельности с братскими странами и партиями, копирование их оценок и мнений, которые берутся на веру, без должного критического осмысления. Такое отношение к внешнеполитическим вопросам ничего полезного не дает в смысле повышения авторитета нашей страны, тем более в области сотрудничества с братскими социалистическими странами. Все это требует выработки новых подходов к развитию сотрудничества с социалистическими странами. Теперь мы сообщаем работая над решением накопившихся и возникающих проблем. Повышены требования к эффективности экономического сотрудничества с братскими социалистическими странами, прямых производственных и научно-технических связей, деятельности совместных предприятий.

В этой связи важное место занимает совершенствование деятельности СЭВ. Участие МНР в СЭВ всегда было важным фактором подъема ее народного хозяйства, способствовало развитию всестороннего экономического и научно-технического сотрудничества нашей страны с братскими странами. Страны—члены СЭВ оказывают Монголии технико-экономическое содействие в различных отраслях народного хозяйства, в том числе в сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности, в проведении геологоразведочных работ. В настоящее время актуальной становится проблема повышения эффективности сотрудничества Монголии с социалистическими странами путем совершенствования техники и технологии на предприятиях, улучшения качества продукции, сооружения необходимых смежных объектов, обеспечения комплексной поставки оборудования. Ведь не секрет, что немало предприятий, построенных с помощью братских стран, работают нерентабельно, качество их продукции значительно ниже, чем продукция, выпускаемая соответствующими предприятиями этих государств. Серьезным остается вопрос внешнеторговых цен в связи с быстрым повышением цен на импортируемую нашей страной продукцию. Цены же на наши экспортные товары растут гораздо медленнее. Мы ведем переговоры по этой проблеме, и уже есть некоторые результаты.

В настоящее время развивается сложный творческий процесс перестройки механизма сотрудничества, социалистической экономической интеграции и совершенствования деятельности СЭВ. В этом деле важное место занимает коллективная концепция международного социалистического разделения труда на 1991—2005 годы. В органической связи с этой концепцией на 44-м заседании сессии СЭВ были одобрены специальные комплексные программы многостороннего сотрудничества европейских стран — членов СЭВ с СРВ, Кубой и МНР. Эффективное сотрудничество нашей страны в рамках СЭВ и с отдельной социалистической страной позволит нам быстрее осуществить структурные изменения в экономике, преодолеть ее сырьевую направленность, ускорить научно-технический и социальный прогресс страны.

Около 96 % всего внешнеторгового оборота и почти все экономическое сотрудничество нашей страны приходится на долю стран — членов СЭВ. Этот факт ясно показывает масштабность и размах исторически сложившихся связей нашей страны с этими государствами. Но, с другой стороны, это служит свидетельством и однобокого, одностороннего характера наших внешних связей.

Ныне социалистические страны, расширяя свое торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество, проводят курс на развитие контактов с промышленно развитыми капиталистическими странами. На сегодняшний день связи МНР с капиталистическими странами не выходят за рамки чисто дипломатических. Такое положение дел не соответствует новым условиям международных отношений и не отвечает нуждам современного развития нашей страны. На наш взгляд, допускавшиеся нами сверхидеологизация и игнорирование предприимчивости в межгосударственных

отношениях стали главным барьером в развитии отношений МНР с несоциалистическим миром.

На V пленуме ЦК МНРП подчеркивалось важное значение развития сотрудничества с высоко развитыми западными странами на основе равноправия и взаимовыгодности. Мы считаем актуальным повышение уровня политического диалога со странами Запада. Такое направление деятельности должно способствовать укреплению наших международных позиций на новой основе и развитию взаимовыгодных торгово-экономических отношений с этими государствами. С целью диверсификации внешнеэкономических связей мы изучаем возможность создания совместных предприятий с капиталистическими странами, предоставления им права на другие формы экономического сотрудничества.

Азиатское направление занимает особое место во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности МНР. Это вполне понятно. МНР как азиатская держава искренне заинтересована в создании в АТР климата, способствующего росту взаимопонимания и доверия, развитию мирного сотрудничества между государствами региона. Обеспечение безопасности, ускорение социального прогресса в АТР зависят от всех расположенных здесь стран — больших и малых. Конструктивная советская программа создания системы безопасности, атмосферы доверия и сотрудничества, реальные инициативы, практические шаги СССР в этом направлении служат главным фактором укрепления мира в азиатско-тихоокеанском регионе.

Мы активно поддерживаем известные миролюбивые инициативы КНДР, Вьетнама, Лаоса и Кампучии, которые являются значительным вкладом в борьбу за мир и сотрудничество народов Азии и бассейна Тихого океана.

В МНР были положительно оценены решения КНР впредь не проводить ядерные испытания в атмосфере, сократить свои вооруженные силы и уменьшить военные расходы. Монгольская общественность надеется на более активное участие Китая как крупнейшей азиатской державы в общем процессе оздоровления и стабилизации положения в азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире. Монголия приветствует полную нормализацию китайско-советских отношений, имеющих важное значение не только для этих двух государств, но и для всеобщего мира и безопасности. Что касается монголо-китайских отношений, то в последние годы в результате усилий обеих сторон достигнут значительный прогресс. Между МНР и КНР растет взаимовыгодное сотрудничество в торгово-экономической, культурной и научно-технической областях. Достигнута договоренность о нормализации межпартийных связей.

Успешно развиваются наши традиционные дружеские отношения с Индией. Недавний визит товарища Ж. Батмунха в Индию дал сильный импульс дальнейшему расширению отношений и сотрудничества между двумя странами. Теперь важно укрепить наши политические связи взаимовыгодным экономическим сотрудничеством.

Мы также придаем важное значение развитию отношений с Японией и другими странами региона. Здесь имеется немало неиспользованных пока возможностей. Мы будем прилагать конструктивные усилия для их эффективного использования. При этом, думается, географический фактор должен играть важную роль.

Мы считаем необходимым уделять больше внимания развитию дружественных отношений, установлению и углублению взаимовыгодного сотрудничества с государствами АТР.

Содействие упрочению взаимопонимания, доверия, мира и безопасности в АТР является важной частью внешнеполитической деятельности МНР в регионе. Наша страна выступила с известным предложением о создании международного механизма, исключающего применение силы в отношениях между государствами АТР. Для продвижения этого предложения проводится немалая работа МНРП, государственными и общественными организациями. В соответствии с этим предпринимаются конкретные шаги. В принципиально новых условиях, когда безопасность отдельной нации и безопасность народов всего мира стали неразделимыми, когда стало невозможно решать спорные вопросы насильственным, военным путем, для нашей страны, находящейся между двумя социалистическими державами, упрочение своей безопасности политическими средствами является задачей большого практического значения.

Исходя из этого, МНР пошла на сокращение численности вооруженных сил.

С 1985 года наша армия сокращена почти на одну четверть. В 1989—1990 годах личный состав армии уменьшится еще на 13 тыс. человек, бюджетные ассигнования на цели обороны сократятся на 11 %. С экономической точки зрения такое решение имеет важное значение для ускорения развития нашей страны. С другой стороны, это наш реальный вклад в дело укрепления доверия и военной разрядки в регионе.

На V пленуме ЦК МНРП было отмечено, что МНР является социалистической развивающейся страной. Естественно, многие проблемы и трудности, с которыми Монголия сталкивается, сходны с теми, что волнуют большинство развивающихся стран. Возникает необходимость с этой позиции строить и развивать на реалистической основе, с учетом наших реальных возможностей отношения с развивающимися странами в рамках ООН, других международных организаций и с отдельными государствами. Нам предстоит по-новому определить свое отношение к таким жизненно важным проблемам, как создание нового международного экономического порядка, ликвидация задолженности, преодоление отсталости, экология и т. д.

Выявилась также потребность выработки на нынешнем этапе концепции деятельности МНР в международных организациях. Главной целью нашей деятельности в ООН остается всемерное содействие повышению эффективности деятельности и укреплению авторитета этой организации. Наряду с этим нас во все большей степени интересует экономическая сторона нашей международной деятельности. В данном случае имеется в виду изучение возможности участия и активизации деятельности МНР в работе таких международных экономических организаций, как МБРР, Международный валютный фонд, Азиатский банк развития, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана. Мы будем сотрудничать с этими организациями с позиции развивающейся страны.

Движение неприсоединения — один из влиятельных факторов международных отношений. Как известно, МНР стала наблюдателем в этом движении. Тщательная разработка нашей политики и активизация дипломатической деятельности в движении неприсоединения становится одним из важных направлений международной деятельности Монголии.

МНР с удовлетворением восприняла новое политическое мышление в международных делах, предложенное Советским Союзом, и намерена руководствоваться им в своей внешнеполитической деятельности.

Процесс обновления и перемен, начатый по инициативе МНРП и поддерживаемый всем монгольским народом, охватывает все сферы общественной жизни нашей страны, в том числе сферу внешних отношений. Это является неременным условием дальнейшего совершенствования социалистического строительства на монгольской земле, повышения благосостояния народа, упрочения позиций и авторитета МНР на международной арене.

Маршрутами Владивостока и Красноярска

И. КОВАЛЕНКО

В ядерный век нельзя построить всеобъемлющую систему безопасности, охватывающую все стороны отношений между государствами, чисто военными средствами, какими бы совершенными они ни были, невозможно сохранить и упрочить мир в одном регионе, сохраняя или тем более разжигая очаги напряженности в других. Подлинный социализм может полнокровно развиваться только путем наращивания своего интеллектуально-экономического потенциала в тесном взаимодействии с другими социально-экономическими системами. Вряд ли сегодня вызывает сомнение необходимость для социалистических стран как можно полнее включиться в хозяйственную и духовную жизнь современного мира и в ходе соревнования доказать эффективность и превосходство нашего социалистического выбора. Сегодня ясно, что осуществление этой цели может быть достигнуто только с помощью политических средств — диалога, переговоров, разумных компромиссов со странами другой социально-экономической формации.

Новое политическое мышление требует, в числе прочего, учета полной картины современных международных отношений, их рассмотрения в диалектическом единстве и взаимозависимости. В этой связи КПСС провела существенный анализ обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе и пришла к выводу, что без учета происходящих здесь событий нельзя серьезно говорить об обеспечении всеобщего мира и международной безопасности.

Для Советского Союза, свыше трех четвертей территории (с населением более 70 млн. человек) которого находится в Азии и на берегах Тихого океана, заинтересованность в мире и безопасности в АТР чрезвычайно велика. Вместе с тем, руководствуясь интересами мира и безопасности всех народов, Советский Союз не демонстрирует какие-либо исключительные претензии или права на азиатские дела. Он не предпринимал и не предпринимает попыток укрепить свое положение в регионе за чужой счет, не ищет выгоды в ущерб другим и никому не навязывает своей идеологии и образа жизни.

Иную позицию занимают в регионе США, Япония и другие великие державы, располагавшие здесь в недалеком прошлом обширными колониальными владениями и мечтающие вернуть свои богатства и привилегии любым путем, в том числе и с помощью силы. Положение осложняется тем, что не во всех странах АТР, в отличие от Европы, сформировались общественно-политические силы, способные поставить заслон милитаризации.

Учитывая создавшуюся обстановку, Советский Союз поставил вопрос о коллективном обеспечении мира в АТР как крупнейшей проблеме современности. В новой редакции Программы партии указывается, что «КПСС выступает за объединение усилий всех заинтересованных государств в целях обеспечения безопасности в Азии, за совместный поиск ими конструктивного решения этой проблемы. Азия, Африка, Латинская Америка, бассейны Тихого и Индийского океанов могут и должны стать зонами мира и добрососедства»¹.

Впервые Советский Союз выдвинул идею обеспечения безопасности в Азии на основе совместных усилий на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году в Москве. Эта идея дополнялась и качественно развивалась в выступле-

¹ Коваленко Иван Иванович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник-консультант ИВ АН СССР.

ниях советских руководителей, в документах КПСС и Советского правительства. Обсуждалась она и политическими деятелями практически всех стран региона.

На основе анализа различных предложений и высказываний, сделанных как советскими, так и зарубежными деятелями, можно прийти к выводу, что концепция общеазиатской безопасности должна базироваться примерно на следующих основных принципах: отказ от применения силы в отношениях между государствами; уважение суверенитета и неприкосновенности границ; невмешательство во внутренние дела; широкое развитие экономического и иного сотрудничества; признание и соблюдение права каждого народа распоряжаться своей судьбой; недопустимость аннексии территории путем агрессии; урегулирование всех международных споров мирными средствами; утверждение неотъемлемого права каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

Советский Союз твердо убежден, что в силу самой своей природы коллективная безопасность должна иметь общеазиатский характер и что действенной формой сотрудничества может стать региональная основа, то есть организация системы безопасности на отдельных континентах и в отдельных географических районах. Следует отметить, что решение проблемы коллективной безопасности в Азии — сложный и противоречивый процесс. На пути к нему придется преодолеть многочисленные трудности и преграды. Необходимо иметь в виду, что в мире существуют силы, для которых выгодно обострение обстановки, усиление гонки вооружений, особенно ядерных.

Как показал опыт, создание системы коллективной безопасности — это длительный процесс становления новых отношений между странами, в основе которого должен лежать принцип одинаковой безопасности для всех государств, независимо от их экономической мощи, военного потенциала, размеров и социально-политического устройства. Превращение Азии в континент мира и сотрудничества потребует немало усилий, времени и терпения всех стран, всех политических и общественных движений, чтобы преодолеть взаимное недоверие, подозрительность и предубежденность, веками насаждавшиеся колонизаторами среди народов азиатских стран.

Выдвигая идею общеазиатской безопасности, СССР исходит из того, что АТР должен подключиться к общемировому процессу, направленному на предотвращение термоядерной катастрофы. Несмотря на различие позиций по отдельным вопросам, народы стран Азии и Тихого океана связаны общностью жизненных интересов, они стоят перед необходимостью решения сходных задач, которые могут быть осуществлены только в условиях мира, добрососедства и взаимного сотрудничества.

Сформулированные на XXVII съезде КПСС (февраль 1986 года) Основы всеобъемлющей системы международной безопасности, предусматривающие целый комплекс политических, военных, экономических, и гуманитарных мер, имеют непосредственное отношение и к положению в АТР. Съезд вновь поставил вопрос о необходимости активизации коллективных поисков путей разблокирования конфликтных ситуаций, в том числе и в АТР.

Крупным шагом, сыгравшим важную роль в поисках путей налаживания новых отношений в АТР и общего оздоровления здесь обстановки, явилось заявление Советского правительства (апрель 1986 года) по вопросам развития открытого для всех сотрудничества в Азии и в бассейне Тихого океана. Выступив против планов создания замкнутых организаций и «сообществ», которые противопоставляют одни государства другим и тем усиливают напряженность в АТР, Советский Союз предложил начать широкий обмен мнениями между всеми заинтересованными странами по вопросам налаживания взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического, технологического, научного и культурного сотрудничества. По мнению Советского Союза, создание регионального объединения могло бы стать представительным форумом обсуждения и решения назревших проблем региона, изменения сложившейся там неравноправной структуры международных торгово-экономических отношений и налаживания общерегионального хозяйственного сотрудничества.

Концептуальной основой советской точки зрения на упрочение мира и безопасности в АТР является владивостокская речь М. С. Горбачева (июль 1986 г.), которая воплощает в себе суть нового мышления и новых подходов к решению сложных проблем, волнующих народы азиатско-тихоокеанского региона. Что же конкретно предлагает Советский Союз?

Во-первых, ликвидацию очагов напряженности путем политического урегулирования.

Речь идет о ликвидации конфликтной ситуации вокруг Кампучии и предоставлении народу этой страны права самому решать свою судьбу; установлении взаимоприемлемых отношений между странами Индокитай и АСЕАН; снятии опасной напряженности на Корейском полуострове; окончательном политическом урегулировании афганской проблемы на основе национального примирения; укреплении безопасности в Индийском океане. Следует отметить, что благодаря усилиям СССР, других социалистических стран и миролюбивых народов удалось достичь определенных успехов в решении конфликтных ситуаций в ряде указанных регионов. Вместе с тем события в Афганистане принимают все более опасный характер, что вызвано в первую очередь попытками пакистанской военщины начать фактически открытую агрессию против него.

Вторым пунктом владивостокской программы является призыв к прекращению гонки ядерных вооружений. Речь идет о том, чтобы поставить заслон распространению ядерного оружия в регионе. СССР поддерживает объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной, а также инициативу КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове и идею создания такой зоны в Юго-Восточной Азии.

В-третьих, Советский Союз предлагает начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием.

В-четвертых, СССР придает большое значение радикальному сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности.

Наконец, Советский Союз призывает перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе.

Советский Союз выступает за подготовку и проведение азиатско-тихоокеанской конференции по типу хельсинкской с участием всех тяготеющих к океану стран. В качестве места ее проведения предлагается Хиросима.

Важный вклад в формирование советской концепции азиатско-тихоокеанской безопасности внесли ответы М. С. Горбачева индонезийской газете «Мердека». От имени советского руководства М. С. Горбачев заявил о согласии Советского Союза полностью ликвидировать свои ракеты средней дальности не только в Европе, но и в Азии, не связывая эту инициативу с ядерным присутствием США в этом регионе. СССР выразил готовность не наращивать количество самолетов—носителей ядерного оружия в азиатской части страны, если США не будет дополнительно размещать в регионе ядерные средства, достигающие советской территории. Было выдвинуто предложение понизить военно-морскую активность СССР и США на Тихом океане, в частности ограничить плавание боевых кораблей, чтобы они не приближались к побережью другой стороны на расстояние действия своих бортовых ядерных систем. Было предложено также отказаться от военно-морских маневров в международных проливах и начать переговоры о гарантии безопасности судоходства в Индийском океане, Персидском заливе, Ормузском и Малаккском проливах. Названы были и другие меры, реализация которых способствовала бы упрочению мира и безопасности в АТР.

Ясность и определенность советских предложений вызвала тревогу в Вашингтоне, где последовало заявление, что внешнеполитическая активность Москвы имеет целью изолировать США от их союзников, вбить клин между ними. Однако это не помешало странам региона увидеть в предложениях, изложенных в ответах газете «Мердека», серьезность подхода Советского Союза к проблемам мира и безопасности в АТР. Особо благоприятный отклик новые советские инициативы вызвали в Индии, Индонезии, на Филиппинах, в Австралии и Новой Зеландии, то есть в странах, где антивоенное и антиядерное движение достигло высокого накала.

Следует особо отметить значение для дела мира и безопасности в АТР такого выдающегося документа как Делийская декларация, подписанная М. С. Горбачевым и Р. Ганди 27 ноября 1986 года. В ней были провозглашены основополагающие принципы свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Было подчеркнуто, что сила и угроза силой не могут более и не должны быть инструментом внешней политики. Прежде всего это относится к ядерному оружию, но дело не только в нем. От всех государств, а от более сильных в первую очередь, подчеркивается в Декларации, требуется самоограничение и полное исключение применения силы вовне. Делийская декларация стала поистине документом мирового значения, в которой были в более развернутом виде применительно к современной обстановке сформулированы принципы мирного сосуществования в качестве универсальной нормы международных отношений.

В ней было заявлено, что человеческая жизнь является высшей ценностью, а насилие — основой человеческого общества.

Прямым продолжением владивостокской программы обеспечения мира и безопасности в АТР является выступление М. С. Горбачева в Красноярске (сентябрь 1988 года). «...Формулируя свою владивостокскую инициативу, — говорил М. С. Горбачев в Красноярске, — мы руководствовались новым мышлением. Кое-кто попытался тогда поставить под сомнение искренность и честность наших намерений и предложений, представить дело так, будто Советский Союз под прикрытием миролюбивых фраз затеял очередную экспансию. Сейчас уже нет необходимости вести полемику с этими оценками, выдержанными в духе заскорузлого антисоветизма: жизнь их просто отбросила. Наши владивостокские инициативы вызвали большой резонанс в государствах этого региона...

Большинство азиатско-тихоокеанских стран с большим интересом восприняли нашу политику, наши инициативы. В общественном сознании народов многих стран произошел по отношению к Советскому Союзу если не коренной перелом, то существенный сдвиг к лучшему. Из этого мы делаем вывод, что наши размышления, предложения правильно уловили особенности ситуации в этом регионе»².

От лица советского руководства М. С. Горбачев выдвинул в своей речи в Красноярске следующие предложения.

Первое. Принимая во внимание озабоченность азиатских и тихоокеанских стран, Советский Союз не будет увеличивать в этом регионе, как он уже некоторое время это и делает, количество любого ядерного оружия и обращается к Соединенным Штатам и другим ядерным державам с предложением не размещать его здесь дополнительно.

Второе. Советский Союз приглашает к консультациям между основными военно-морскими державами региона о ненаращивании здесь военно-морских сил.

Третье. СССР предлагает обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи, имея целью замораживание и соразмерное сокращение уровней военно-морских и военно-воздушных сил, ограничение их активности.

Четвертое. Если США пойдет на ликвидацию военных баз на Филиппинах, то СССР будет готов, по согласованию с правительством СРВ, отказаться от пункта материально-технического обеспечения флота в бухте Камрань.

Пятое. В интересах безопасности морских и воздушных коммуникаций региона предлагаем совместно разработать меры по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним.

Шестое. Не позднее 1990 года провести международную конференцию о превращении Индийского океана в зону мира.

Седьмое. Предлагаем на любом уровне и в любом составе обсудить вопрос о создании переговорного механизма для рассмотрения наших и любых других предложений, относящихся к безопасности АТР. Можно было бы начать это обсуждение между СССР, КНР и США как постоянными членами Совета Безопасности ООН.

В связи с тем, что в печати США и других стран НАТО в течение длительного времени ведется нагнетание домыслов и спекуляций вокруг красноярской радиолокационной станции (РЛС), что негативно сказывается на ходе переговоров в Женеве, Советский Союз предложил создать на базе красноярской РЛС центр международного сотрудничества для использования космического пространства в мирных целях.

М. С. Горбачев высказался за организацию встречи министров иностранных дел всех заинтересованных государств для обсуждения первоначальных подходов к строительству новых отношений в азиатско-тихоокеанском бассейне.

В Красноярске были выдвинуты и другие позитивные идеи, касающиеся охраны окружающей среды, борьбы со стихийными бедствиями, налаживания и развития экономических, научно-технических, культурных и иных связей в этой части Азии.

Красноярские инициативы вызвали довольно широкий отклик в мире. Хотя официальный Вашингтон пытался замолчать или исказить многие предложения красноярского пакета, американские средства массовой информации уделили должное внимание новым советским предложениям. Так, газета «Бостон глоб» писала, что «Кремль в который уже раз перехватывает дипломатическую инициативу у Белого дома», «Горбачев искусно использовал предоставленные ему политические возможности для изложения своих планов в АТР»³. Большинство американских обозревателей едины в своих суждениях: выдвинутые в Красноярске инициативы ясно свидетельствуют о том,

что советский руководитель настойчиво и последовательно проводит в жизнь разработанный два года назад план усиления влияния СССР в АТР.

Большим импульсом для выработки эффективных подходов к решению проблем азиатско-тихоокеанского региона могут стать решения Венской встречи (1988—1989), которая наполняет европейский процесс новым конкретным содержанием. Участники встречи сумели заложить фундамент «европейского дома», который предстоит возвести усилиями всех европейских народов. Важнейшим достижением венской встречи явилась договоренность ее участников продвинуть дело разоружения на Европейском континенте, а также приступить к выработке и осуществлению нового комплекса мер укрепления доверия и безопасности. Сейчас обеспечение безопасности в Европе вырисовывается как процесс создания совместными усилиями всех государств политических, военных, правовых, материальных, организационных и иных гарантий сохранения мира и налаживания широкого взаимовыгодного сотрудничества. Достигнута договоренность в ближайшее время приступить к переговорам о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Европе от Атлантики до Урала. При этом исходным пунктом будущих переговоров стало согласие всех участников в том, что выиграть гонку вооружений нельзя, но уничтожить цивилизацию можно.

Немаловажное значение имеет тот факт, что в Вене удалось достигнуть удовлетворяющих всех договоренностей по основным принципам общеевропейского процесса. Это уважение национального законодательства, права государств выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы и устанавливать свои законы и административные правила. Согласовано положение о территориальной целостности государств, мирном урегулировании споров, о совместной борьбе с терроризмом.

Существенные результаты достигнуты в области налаживания сотрудничества в сфере экономики, науки и техники, окружающей среды. Установлены официальные отношения между СЭВ и ЕЭС, что является важным шагом к формированию единого европейского хозяйства, укреплению экономического фундамента «европейского дома».

Достигнуты важные договоренности о мерах доверия и в гуманитарной области, в частности о создании контрольного механизма, с помощью которого государства-участники могут обмениваться информацией, мнениями и претензиями друг к другу в связи с практической реализацией принятых на себя обязательств. Страны-участники согласились провести трехэтапные конференции по гуманитарным вопросам (человеческому измерению европейского процесса) в Париже, Копенгагене и в Москве; информационного форума в Лондоне; симпозиума о культурном наследии в Кракове. Эти шаги призваны изменить укоренившиеся стереотипы «образа врага» и «холодной войны». Идея «европейского дома» получила дальнейшее развитие в ходе визитов М. С. Горбачева в ФРГ (май 1989 года) и во Францию (июль 1989 года).

Советская концепция безопасности и сотрудничества в АТР, естественно, учитывает позитивные моменты Хельсинкского заключительного акта и Венского итогового документа, ставших фундаментом общеевропейского процесса. Но это отнюдь не означает механического копирования этого опыта, его догматического перенесения на азиатскую действительность. Нельзя не учитывать разный уровень экономического и культурного развития, громадные перепады социальной зрелости государств региона, где представлены элементы по меньшей мере трех общественных формаций — социалистической, капиталистической и феодальной. Велика разница в научно-техническом развитии, в духовной сфере и социальной психологии. Здесь сочетаются и соседствуют как различные формы национальных, этнических, религиозных, территориальных противоречий и споров, так и конфликтные ситуации, порожденные различиями в общественных системах и вмешательством внешних сил.

Если в Европе противостоят друг другу два военно-политических блока, обладающие примерно равными боевыми потенциями, то в Азии военно-политическая картина складывается из десятка, если не больше, двусторонних балансов или конфликтных ситуаций. Все это способствует развитию центробежных сил, вносит особую специфику в военно-политическую картину АТР. В настоящее время здесь еще не созрели необходимые предпосылки для общеазиатского процесса, имеющего целью установление прочного мира и надежной безопасности.

Однако у народов и правительств стран Азии и Тихого океана есть собственный

богатейший опыт борьбы за утверждение принципа ненасилия, неприменения силы, борьбы за свободу и независимость, за создание отношений добрососедства и равноправного сотрудничества.

Общеазиатский процесс будет, видимо, складываться и консолидироваться по отдельным зонам, регионам и субрегионам. Из суммы региональных и субрегиональных зон безопасности может быть создана надежная общеазиатская система безопасности и сотрудничества. В АТР уже начинают складываться отдельные региональные сообщества, которые, помимо чисто экономического и научно-культурного сотрудничества, выдвигают политические цели, направленные на обеспечение мира и безопасности входящих в них государств.

Прежде всего это региональная группировка АСЕАН. Объединяя страны с населением около 300 млн. человек, обладающие значительными природными богатствами и достаточно развитым экономическим потенциалом, ассоциация превратилась в значительную политико-экономическую силу, оказывающую существенное влияние на развитие обстановки в Юго-Восточной Азии. Она объявила о создании зоны мира, свободы и нейтралитета, свободной от вмешательства других держав, и последовательно борется за достижение этой цели.

Это — государства, входящие в СААРК (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивские острова), которые не только ставят перед собой задачу налаживания экономического, культурного и научно-технического сотрудничества в рамках своей ассоциации, но и заявили о стремлении к миру и стабильности, приверженности принципам неприменения силы и невмешательства, мирного урегулирования конфликтов, выразили надежду на ликвидацию ядерного оружия и скорейшее заключение договора о полном запрещении ядерных испытаний.

Наконец, это — форум стран южной части Тихого океана, объединивший 13 тихоокеанских государств (Австралия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату, Фиджи, Тонга, Западное Самоа, Кирибати, Науру, Тувалу, Острова Кука, Ниуэ) и принявший решение (август 1985 года) о заключении договора, объявляющего южную часть Тихого океана безъядерной зоной. Договор, получивший название «Раротонга», запрещает на вечные времена обладание ядерным оружием, его применение, складирование и испытание, а также захоронение ядерных отходов в водах Тихого океана.

Провозглашение южной части Тихого океана безъядерной зоной было враждебно встречено в Вашингтоне и столицах некоторых других западных стран, которые начали усиленную обработку южнотихоокеанских государств, понуждая их не подписывать договор. В отличие от США, Англии и Франции, Советский Союз присоединился к договору Раротонга и стал активным борцом за реализацию его целей.

Накоплен определенный опыт регионального экономического сотрудничества в рамках СЭВ как между азиатскими социалистическими государствами, так и между странами, входящими в АСЕАН и СААРК. Более открытый характер приобретает Конференция тихоокеанского экономического сотрудничества, которая должна стать важным инструментом налаживания экономических и торговых связей между странами всего региона.

Важную роль в стабилизации обстановки в Азии и бассейне Тихого океана сыграли выработанные азиатскими народами пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), которые стали важным средством в налаживании не только азиатского, но и международного сотрудничества.

Немалым резервом в борьбе за общеазиатскую безопасность является движение неприсоединения, обладающее огромным потенциалом воздействия на ход мирового развития как через входящие в него страны, так и через международные организации, прежде всего ООН. Особое значение движение неприсоединения приобретает сейчас, когда под влиянием концепции нового мышления, выдвинутой советским руководством, происходит позитивный процесс разрядки международной напряженности, растут настроения в пользу создания азиатской системы коллективной безопасности.

Важно отметить, что в регионе имеется немало примеров международного урегулирования конфликтных ситуаций — перемирие в Корее (1953), женевские соглашения по Индокитаю (1954), индо-пакистанские соглашения в Ташкенте и Симле (1966 и 1972 годов), парижское соглашение по Вьетнаму (1973), подписание женевских соглашений по Афганистану и завершение вывода в установленный срок советского воин-

ского контингента, наметившееся сближение позиций заинтересованных сторон по проблеме Кампучии, прекращение военных действий между Ираном и Ираком, усилившийся поиск решения ближневосточного кризиса. Это далеко не полный перечень позитивных примеров в борьбе за мир и сотрудничество в АТР, что означает продвижение вперед на пути разблокирования самых сложных узлов противоречий, стремление к поискам взаимоприемлемых решений.

Можно было бы привести и другие примеры заинтересованного подхода азиатских стран к обеспечению мира и безопасности в АТР на основе совместных усилий государств этого региона. К их числу относятся инициатива МНР о заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменения силы в отношениях между государствами региона (1981), предложение КНДР о готовности вести переговоры с США и Южной Кореей по вопросам смягчения военной напряженности на территории Кореи и превращения Корейского полуострова в безъядерную зону; предложение стран Индокитая по налаживанию мирных добрососедских отношений со странами АСЕАН и подписание с ними договора о ненападении и Соглашения о создании зоны мира и стабильности в ЮВА; предложения СРВ о налаживании китайско-вьетнамских отношений (1986); заявление КНР о неприменении первой ядерного оружия, об отказе от испытания его в атмосфере, о недопустимости милитаризации космоса и т. п. Большой отклик в Азии и в бассейне Тихого океана вызвало провозглашение демократическими силами Японии трех неядерных принципов (не иметь, не производить и не ввозить такое оружие на свою территорию). В 1982 году СССР заявил о готовности начать переговоры с Японией по этому вопросу, однако японское правительство под давлением США отвергло советскую инициативу.

Вместе с тем приходится констатировать, что в АТР пока не сложился механизм регулярных многосторонних консультаций, нет стабильных переговорных структур. В этой связи во время пребывания в КНР М. С. Горбачев поставил вопрос о необходимости совместными усилиями всех заинтересованных стран, при поддержке и помощи со стороны ООН, дать толчок тому, что он назвал «общеазиатским процессом». Некоторые государства, указывая на существующие в Азии конфликты, полагают, что условия для реализации идеи «общеазиатского процесса» еще не созрели. Отвечая на эти возражения М. С. Горбачев отметил, что именно общими усилиями возможно решение проблемы урегулирования региональных конфликтов, столь важную не только для Азии, но и всего мира.

Сила и жизнеспособность владивостокских и других инициатив состоит в том, что они являются выражением нового политического мышления, овладевающего умами и сердцами миллионов и миллионов людей на всем земном шаре и имеющего универсальный характер во всей системе международных отношений. Если говорить в самой общей форме, то суть нового мышления можно свести к следующим основополагающим принципам.

Первое. Ядерная война не может быть средством достижения разумных целей и выступать в качестве орудия решения спорных политических вопросов, ибо применение ядерного оружия в какой-либо форме неизбежно приведет к возникновению глобального ядерного конфликта, который означал бы гибель человеческой цивилизации и самой жизни на Земле.

Второе. Нельзя выиграть в современных условиях гонку вооружений. Любое самое современное оружие быстро становится достоянием вероятного противника и вынуждает агрессора тратить новые миллиарды для изобретения еще более разрушительного оружия. Современное состояние военной технологии и ее дальнейшее совершенствование открывают все новые возможности для создания новых типов не только ядерного, химического и бактериологического оружия, но и обычных видов вооружений, увеличения их разрушительной мощи до уровня ядерных устройств.

Третье. Безопасность каждого государства невозможна вне равной безопасности для всех. Использование ядерного оружия в целях массового поражения ведет к тотальному заражению окружающей среды, коренному изменению биосферы, наступлению ядерной зимы, что в равной степени опасно как для агрессора, так и его жертвы. Чернобыльская катастрофа показала, что взрыв только одного ядерного реактора может иметь прямые или косвенные последствия для сотен тысяч и даже миллионов людей, если не принять быстрых и решительных мер для ликвидации источника заражения.

Четвертое. Различия социально-экономических систем, идеологий и мировоззрений не

должны быть препятствием для развития взаимовыгодного сотрудничества и поддержания нормальных межгосударственных отношений. Опыт показал, что нельзя привносить в ядерный век в межгосударственные отношения свое мировоззрение и навязывать его другому государству, народ которого исповедует другие идеологию или религию. Новое политическое мышление отодвигает на задний план идеологические постулаты, поскольку в основе его лежит тезис о необходимости искать и находить в межгосударственных отношениях общечеловеческие ценности, то есть то, что сближает страны и народы, откладывая в сторону то, что их разъединяет. «Требованием нового этапа,— заявил М. С. Горбачев, выступая в ООН,— стала деидеологизация межгосударственных отношений». «Мы,— подчеркнул он,— не отказываемся от наших убеждений, от нашей философии, традиций, не призываем никого отказываться от своих»⁴. Такая постановка вопроса стала возможной в ядерную эпоху, когда военный путь решения спора двух систем, двух противоборствующих идеологий означал бы взаимное самоубийство.

Важнейшими факторами, обуславливающими мирное сосуществование в качестве императива времени, стали прежде всего проблемы предотвращения ядерной войны и разоружения, охрана окружающей среды. Уже достигнутые соглашения о ликвидации отдельных видов ядерного оружия и сдерживания гонки вооружений отвечают коренным интересам народов, всего человечества. Однако принятие принципа мирного сосуществования не означает ликвидации противоречий и разногласий между двумя противоположными системами, отказ от соперничества между ними, прекращения идеологической борьбы. Оно не исключает движения за социальный прогресс, борьбу за национальное и социальное освобождение, развитие мирового социального прогресса.

Однако возвращение наших мировоззренческих представлений к ленинским нормам, изгнание сталинских догм и его «авторитарного социализма», перестройка, охватившая все сферы социальной и экономической жизни советского общества и предусматривающая разнообразие «моделей» социалистического развития, с одной стороны, и крупные изменения, происходящие в развитых капиталистических странах (ограничение деятельности монополий антитрестовскими законодательствами, усиление роли мелких и средних предприятий в современной капиталистической экономике, вступление в новый этап научно-технического прогресса, дальнейшее развитие специализации и кооперации производства, совершенствование методов управления производством, повышение жизненного уровня большей части трудящихся, улучшение сферы услуг), с другой, в значительной мере ослабляют «межсистемные противоречия» и идеологическое противостояние, открывают новые возможности для взаимодействия Востока и Запада в решении важнейших глобальных проблем.

В то же время следует подчеркнуть, что мирное сосуществование не имеет ничего общего с «экспортом революции» и решительно противостоит «экспорту контрреволюции». Колониальные войны, акты агрессии против национально-освободительного движения, военная и экономическая интервенция, колониализм во всех его формах и проявлениях, включая расизм, апартеид, экономическую эксплуатацию колониальных стран и неоколониализм несовместимы с его принципами.

В наше время, когда ни одно крупное событие в мире не может не затрагивать интересы всех государств, просто мирное сосуществование в его ортодоксальном понимании уже не может отвечать возросшим требованиям мирового сообщества, нуждающегося в более гибких и более подвижных формах взаимодействия.

Сегодня мир больше чем когда-либо нуждается в многовариантности общественного развития, в большем разнообразии общественно-политических структур. «А этот объективный факт,— подчеркивает М. С. Горбачев,— предполагает уважение к взглядам и позициям других, терпимость, готовность воспринимать иное не обязательно как плохое или враждебное, способность учиться жить бок о бок, оставаясь разными и не во всем согласными друг с другом»⁵.

Исходя из концепции целостности противоречивого, но взаимозависимого мира, КПСС пришла к выводу, что прогресс возможен ныне лишь через поиск общечеловеческого консенсуса и движение к новому мировому порядку, в котором будут происходить революционные перемены как внутри отдельных стран, так и в мировом сообществе в целом, но эти перемены будут формироваться и направляться таким образом, чтобы сохранить цивилизацию, сделать ее безопасной для всех и более благоприятной для нормальной жизни.

Пятое. Обязательность принципа свободы выбора социально-экономической систе-

мы и пути развития, который должен стать одним из ключевых принципов международных отношений. В наше время ни один сколько-нибудь важный международный вопрос не может быть надежно решен без соблюдения принципа свободы выбора. Более того, непризнание его чревато тяжелейшими последствиями для всеобщего мира.

Владивостокские и красноярские инициативы и следовавшие за ними конкретные дела Советского Союза раздвинули горизонты межгосударственных связей нашей страны со странами АТР, оказали заметное влияние на оздоровление всей обстановки в Азии и бассейне Тихого океана. Через двусторонний и многосторонний политический диалог, через активизацию торгово-экономических связей, через конкретные меры в военной области и усиление контактов в гуманитарной сфере Советскому Союзу в тесном взаимодействии с другими социалистическими странами и миролюбивыми силами удалось в значительной мере смягчить напряженность в АТР, укрепить позиции тех, кто выступает за создание нового политического порядка в регионе, за построение безядерного и ненасильственного мира.

Инициативы, выдвинутые во Владивостоке и Красноярске, дают в руки советской дипломатии новое мощное оружие для продвижения идеи общеазиатской безопасности, для нахождения более коротких и верных путей к установлению взаимодействия со странами региона в интересах мира, добрососедства, и сотрудничества. Комплекс советских предложений открывает советским внешнеполитическим ведомствам и организациям новые возможности для активизации их деятельности на азиатско-тихоокеанском направлении.

Как показал опыт, особый эффект дают государственные визиты и встречи на высшем уровне между руководящими деятелями СССР и лидерами стран Азии и бассейна Тихого океана. За сравнительно короткий отрезок времени после Владивостока нашу страну посетили почти все лидеры как социалистических, так и несоциалистических стран этого региона. Руководящие деятели СССР нанесли официальные государственные визиты в КНР, КНДР, Монголию, Вьетнам, Лаос, Кампучию, Индию, Индонезию, Таиланд, Филиппины, Малайзию, Сингапур. Во время этих визитов и встреч помимо двусторонних отношений обсуждались и исследовались пути ослабления напряженности и оздоровления общего климата в АТР.

Оживление деятельности советской внешней политики осуществлялось и по другим каналам: по линии обмена парламентариями, видными государственными и общественными деятелями, общественных организаций. Расширяется взаимное сотрудничество между научными и культурными центрами, активизируется обмен журналистами, писателями, художниками и другими представителями творческой интеллигенции, идет активный поиск новых форм взаимодействия и в других сферах человеческой деятельности. Наша внешняя политика, в том числе и на азиатско-тихоокеанском направлении, опирающаяся на принципы свободы выбора, на деидеологизацию, гуманизацию, демократизацию межгосударственных отношений, на баланс интересов и поиски путей сближения народов, открыта для контактов и взаимодействия с самыми разнообразными силами современного мира, включая те, с которыми еще совсем недавно мы находились на противоположных полюсах мировой политики.

Все это способствует лучшему взаимопониманию, распространению идей мира и разоружения, взаимному ознакомлению народов с жизнью друг друга, укреплению между ними духа взаимопонимания и сотрудничества.

Перестройка всех сфер советского общества, расширение гласности и открытости, демократизация общественной жизни в нашей стране создают дополнительные стимулы углубления сотрудничества народов Советского Союза и азиатско-тихоокеанских стран в их борьбе за лучшее будущее человечества.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— М.— 1986.— С. 69.

² Время действий, время практической работы. Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева в Красноярский край 12—16 сентября 1988 г.— М.— 1988.— С. 81—82.

³ Boston Globe.— 1988.— 20 September.

⁴ Правда.— 1988.— 8 декабря.

⁵ Там же.

Особенности модернизации Южной Кореи

С. ШИЛОВЦЕВ

Южная Корея является одной из наиболее динамичных экономик мирового капиталистического хозяйства (МКХ). В 1960—1986 гг. темпы роста ВВП Южной Кореи составили 8,7 % в год. В 1986 г. ВВП достиг объема в 100,6 млрд. долл. (цены 1980 г.). В 80-е годы наблюдается замедление темпов экономического развития в центре и на периферии МКХ. Новые индустриальные страны (НИС), к группе которых относится Южная Корея, не составили исключения. Однако и в этих условиях экономический рост в Южной Корее замедлился по сравнению с Тайванем, Сингапуром и Гонконгом в наименьшей степени. В 1980—1986 гг. темпы роста ВВП Южной Кореи составили 8,3 % в среднем по четырем «драконам» Азии — 7,3 %.

Наиболее примечательными чертами экономического развития Южной Кореи являются стремительная индустриализация и экспортная экспансия. При минимальной энергосырьевой базе в Южной Корее сформировался диверсифицированный промышленный комплекс, включающий трудо-, капиталоемкие и наукоемкие отрасли. Ключевую роль в экономике играет обрабатывающая промышленность. В 1970—1986 гг. прирост ее продукции составил 13,5 % в год. За те же годы темпы роста экспорта Южной Кореи в текущих ценах равнялись 26 %, а экспортная квота в ВВП увеличилась с 15 до 42 %. На долю Южной Кореи в 1985 г. приходилось 18,5 % промышленного экспорта развивающихся стран. Вместе с Тайванем, Сингапуром и Гонконгом Южная Корея превратилась в зону повышенной промышленно-торговой активности в азиатско-тихоокеанском регионе.

Вместе с тем Южная Корея входит в число крупнейших должников развивающегося мира. Основная причина внешней задолженности — хронический отрицательный баланс внешней торговли. Экономический кризис начала 80-х годов вызвал скачок внешнего долга Южной Кореи с 29 до 43 млрд. долл. в течение 1980—1984 гг. Однако по сравнению с другой НИС — Аргентиной, внешняя задолженность которой за те же годы выросла с 27 до 45 млрд. долл., внешний долг не вызвал столь же угнетающего воздействия на экономику. В Аргентине отношение выплат по внешнему долгу к экспорту увеличилось с 17 до 29 %, в Южной Корее оно осталось на уровне 11—13 %. С 1985 г. баланс внешней торговли Южной Кореи стал положительным. Намечилась тенденция к сокращению объема внешней задолженности, однако в обозримом будущем Южная Корея будет находиться в сильной зависимости от транснациональных банков (ТНБ).

На рубеже 60-х годов Южная Корея входила в группу наименее развитых стран, во второй половине 80-х она прочно обосновалась в «верхнем эшелоне» развивающегося мира. Высоким темпам роста ВВП, промышленности, экспорта соответствовала существенная капиталистическая модернизация социально-экономических структур. По уровню развития Южная Корея приблизилась к государствам среднеразвитого капитализма. Среди других НИС — Аргентины, Бразилии, Мексики, Тайваня, Сингапура, Гонконга — Южная Корея имеет, пожалуй, наибольшие возможности для того, чтобы войти в число промышленно развитых капиталистических стран. Динамизм хозяйственного развития Южной Кореи в истекшие 25 лет — пример действия закона неравномерности экономического и политического развития в условиях сохранения и подчас ужесточения внешней зависимости. С этой точки зрения интересен анализ формирования ключевых элементов капиталистического хозяйства в открытой, зависимой экономике — рынка труда, капиталов, конкурентного механизма. На его основе можно оценить

Шиловцев Сергей Игоревич, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИВ АН СССР.

стратегию, результаты и перспективы капиталистической модернизации Южной Кореи.

Исторические предпосылки капиталистической модернизации уходят корнями в колониальное прошлое. Корея стала японской колонией в 1910 г. и в считанные годы превратилась в аграрно-сырьевой придаток метрополии. В сельском хозяйстве утвердилось товарное производство, земля из дарения превратилась в частную собственность или собственность японской колониальной администрации. В корейской деревне доля арендованных земель увеличилась с 39 % хозяйств в 1913—1917 гг. до 56 % в 1938 г. Спрос на продовольствие в метрополии обусловил рост продукта земледелия в 1,7 раза за период с 1910 по 1940 г. при заметном сокращении подушевого потребления сельскохозяйственных продуктов в самой Корее¹. Возникла экспортная ориентация экономики при деформировании внутреннего рынка.

Добывающая и обрабатывающая промышленность также получила развитие лишь в той мере, в какой это было выгодно метрополии. Если с открытием Суэцкого канала было предопределено спонтанное развитие капитализма в Сингапуре и Гонконге, их превращение в «нервные узлы» капиталистического международного разделения труда (МРТ), расположенные в азиатско-тихоокеанском регионе, то в товаризации сельского хозяйства и по-колониальному частичной индустриализации Кореи возможность будущего рывка в экономическом развитии при всем желании не просматривалась. Колониальная экономика Кореи не была единым целым.

Важной непосредственной предпосылкой капиталистической модернизации Южной Кореи стала аграрная реформа, проводившаяся на юге Корейского полуострова с 1950 г. Она была направлена на ликвидацию арендаторских отношений в сельском хозяйстве и рост продовольственной самообеспеченности за счет развития фермерских производств с наделом не более 3 га. С 1945 по 1965 г. удельный вес хозяйств, владеющих землей, которую они обрабатывали, увеличился с 14 до 70 %, доля же арендаторских хозяйств упала с 49 до 7 %². Как и на Тайване, аграрная реформа создала более прочную основу для развития капитализма. Она ускорила размывание докапиталистических отношений в аграрной сфере, обусловила приток дешевой рабочей силы в промышленность, превращение ренты в торговый и торгово-промышленный капитал. Трудно переоценить значение аграрной реформы в создании рынка рабочей силы, но она не могла решить ключевых проблем капиталистической индустриализации — решительного превращения торгового капитала в промышленный при дефиците накоплений, отраслевой стратегии индустриализации, формирования конкурентного механизма в экономике и рынка капиталов.

С этой точки зрения ключевое значение имел период от окончания корейской войны в 1953 г. до середины 60-х годов. Война нанесла ущерб объемом в 1—2 годовых ВВП. В течение первых лет этого периода хозяйство поддерживалось «на плаву» за счет американской помощи. Государственная политика импортзамещения в легкой промышленности не привела к оздоровлению экономики. Скорее наоборот, эта политика опиралась на американские поставки в счет помощи. При завешенном курсе национальной валюты импортзамещение поощряло спекулятивную активность, коррупцию, черный рынок. Трансформация торгового капитала в промышленный, естественно, замедлялась. Однако именно в этой обстановке усилились связи между государственной бюрократией, национальной буржуазией и американским капиталом, готовилась почва для компромисса интересов трех сил. Это имело первостепенное значение в капиталистической модернизации Южной Кореи.

Важность компромисса, баланса интересов заключалась в том, что ни одна из этих сил не могла осуществить капиталистическую модернизацию в одиночку. Американское влияние и помощь не могли инициировать стабильное развитие экономики Южной Кореи, хотя США были заинтересованы в этом. Лисынмановская бюрократия не была готова к решению задач, связанных с индустриализацией. Ее интересы не распространялись далее двуединой задачи политического контроля и коррупции. Что касается национальной буржуазии, то черный рынок «воспитал» не только спекулянтов, но и предпринимателей, «способных соединить части в целое и прибыльно вести дело»³. Однако им была необходима государственная поддержка.

На рубеже 60-х годов в Южной Корее назрела революционная ситуация. Вопросы оздоровления экономики, ее будущего развития приобрели громкое политическое звучание. На широкий социальный заказ роста производства, занятости, доходов могло быть

два политических ответа — демократическая революция и связанные с ней прогрессивные социально-экономические преобразования или военный переворот и создание авторитарного государства, осуществляющего баланс интересов в «бермудском треугольнике» бюрократии, национальной буржуазии, иностранного капитала. В 1961 г. развитие Южной Кореи пошло по второму пути. Это определялось тем, что в то время армия была ключевой и наиболее организованной силой в обществе. Отметим, что южнокорейская армия является массовой, а не узкопрофессиональной, как во многих развивающихся странах. Офицерский корпус такой армии понимал, что политическая стабильность лучше обеспечивается экономическим ростом, чем репрессиями (это, однако, не означало отказа и от репрессивных методов).

Заменив штатских бюрократов, военные сделали попытку построить экономическую стратегию на импортзамещении. Это было необходимо для сокращения дефицита платежного баланса, насыщения внутреннего рынка потребительскими товарами, следовательно, для расширения социальной поддержки новому режиму. Национальная буржуазия, лучше других представлявшая узость внутреннего рынка, замороженная успехами экспортной ориентации Гонконга и Японии, отстаивала внешнюю ориентацию экономического развития. Что касается иностранного капитала, то в первые годы режима Пак Чжон Хи он не рвался в Южную Корею: признаков оживления ее экономики было мало. В первой половине 60-х годов объем американской помощи стал снижаться, некоторое облегчение принесла нормализация отношений с Японией, расширившая источники зарубежного финансирования.

В приоритетах первого пятилетнего плана экономического развития Южной Кореи на 1962—1966 гг. были названы импортзамещающие отрасли (легкая промышленность и производство промежуточных товаров), инфраструктура, расширение занятости, сокращение дефицита платежного баланса на основе роста экспорта сырья и металлов. Экспортная ориентация развития, использование сравнительных преимуществ в капиталистическом МРТ по производству трудоемких товаров не были сформулированы в плане. Национальная буржуазия использовала часть капиталовложений плана для развития трудоемких экспортных производств в легкой промышленности⁴. В сжатые сроки эти капиталовложения дали существенный прирост производства, занятости и экспорта. Одновременно были достигнуты плановые цели, связанные с развитием инфраструктуры, импортзамещающего производства товаров промежуточного назначения. Так в экономическом развитии Южной Кореи впервые утвердилось сочетание, допущение экспортной ориентации импортзамещением.

Западные исследователи Л. Тэрнер и Н. Мак-Муллен, авторы одной из крупных работ по экономике НИС, придерживались точки зрения, что возникновение последних объясняется перемещением промышленных производств из развитых капиталистических стран (РКС) в ограниченное число развивающихся стран под влиянием уникальных условий, связанных не только с наделенностью экономическими ресурсами, дающими сравнительные преимущества в МРТ, но и экономической политикой принимающих государств. По их мнению, экономический бум в четырех «драконах» Восточной Азии, а также в Бразилии был обусловлен изменениями в экономической политике государства в середине 60-х годов. Речь шла о следующих общих элементах экономической политики НИС: отказ от импортзамещения; либерализация импорта; унификация обменных курсов; экспортные субсидии⁵.

Действительно, для всех указанных стран и территорий характерен поворот государственной политики к стимулированию экспортной активности экономики в 60-е годы, но в каждом отдельном случае по-разному. Здесь мы сталкиваемся с тем, что НИС, составляя одну группу в капиталистическом МРТ, реализовывали специфические модели экономического развития. В Бразилии поворот к внешним рынкам был наиболее плавным, в результате экономика не стала открытой: в 1965 г. экспортная квота составила лишь 7,3 %, в 1980 — 8,1 %. На наш взгляд, бразильская модель строилась на сочетании импортзамещения с экспортной ориентацией, которая использовалась для повышения общих темпов роста экономики.

В экономике Сингапура и Гонконга ориентация на рынки РКС и рэкспортные функции были предопределены изначально, в 60-е годы они лишь усилились. Наиболее резкий переход к экспортной ориентации наблюдался в то время в Южной Кореи и на Тайване.

По сравнению с Южной Кореей аграрная реформа на Тайване была более ра-

дикальной, импортзамещение было проведено более последовательно. Это позволило строить экспортную ориентацию экономики, включая создание свободных экономических зон, на привлечении иностранных инвестиций. Отличительной чертой тайваньской модели является активный торговый баланс. Для НИС в целом до начала 80-х годов характерно обратное, что связано и с потерями от изменения условий торговли, которые нейтрализовал только Тайвань.

При пассивном торговом балансе Южной Кореи импортзамещение не могло не стать органическим элементом формирования открытой экономики и капиталистической модернизации. Тайвань преодолевал дефицит накоплений ввозом производственных инвестиций, Южная Корея — преимущественно за счет ссудного капитала, дающего большую свободу в выборе отраслевых приоритетов индустриализации, включая импортзамещающие производства. Тяжело и не сразу сложившийся баланс интересов в «Бермудском треугольнике» требовал, чтобы открытая экономика создавалась в виде промышленного комплекса, избирательно адаптирующегося к капиталистическому МРТ, а не серии экспортных анклавов, служащих полюсами роста и структурной перестройки для остального хозяйства. Формирование адаптирующегося промышленного комплекса — рискованная стратегия опережающего развития конкурентного механизма в экономике и одновременно это оптимальная стратегия.

В приоритетах второго пятилетнего плана экономического развития Южной Кореи на 1967—1971 гг. были названы: экспортная ориентация и импортзамещение, продовольственная самообеспеченность, рост металлургической и химической промышленности, машиностроения. Надо отметить, что сочетание экспортной ориентации с импортзамещением объясняет скорее особенности капиталистической модернизации, чем экономический рост в Южной Корее. По расчетам американских исследователей К. Кима и М. Роемера, в 1955—1973 гг. главными факторами роста южнокорейской экономики были внутренний спрос и экспорт. Импортзамещение и технологический прогресс играли сравнительно меньшую роль⁶. В любом случае экономический рост и капиталистическая модернизация Южной Кореи и других НИС не определяются упрощенной моделью: сравнительные преимущества в капиталистическом МРТ, иностранные инвестиции, экспортная ориентация экономики.

В течение 1967—1986 гг. сочетание экспортной ориентации с импортзамещением в экономике Южной Кореи прошло трудо- и капиталоемкую фазы, находясь ныне в наукоемкой. Для каждой из них характерен свой набор отраслевых приоритетов роста и структурной перестройки хозяйства.

Начало трудоемкой фазы (1967) — первый год второго пятилетнего плана экономического развития, когда увеличилось внешнее финансирование экономики Южной Кореи в ссудной и производственной формах. В том году крупнейшие американские и японские банки приняли предложение открыть свои филиалы в Южной Корее.

Переход к капиталоемкой фазе (1974) определялся политическими причинами, а также адаптацией к энергетическому кризису, которая за счет нефтедолларов вызвала рост внешнего финансирования экономики НИС, включая Южную Корею. Вместе с тем переход к капиталоемкой фазе был подготовлен динамичным развитием легкой и тяжелой промышленности в предыдущий период.

Наукоемкая фаза началась в 1980 г. Переход к ней был обусловлен ужесточением конкуренции на внешних рынках, усилением зависимости от импорта нефти, ростом внешнего долга, инвестиционным перегревом экономики.

Период 1967—1973 гг. Темпы роста объема экспорта в этот период намного обгоняли высокие темпы роста ВВП (47,3 и 10,9 % соответственно). Рост был основан на массивных инвестициях (15,7 % в год). Экономика Южной Кореи становится открытой (табл. 1).

В экспорте в этот период преобладают трудоемкие изделия. Южная Корея эффективно использует сравнительные преимущества дешевой рабочей силы. На долю трудоемких предметов потребления в 1967 г. приходилось 30,5 % экспорта, в 1973 г. — 36,5 %. Трудоемкие сборочные производства за те же годы составили 4,4 и 12,3 % экспорта. Вместе с тем в вывозе важную роль играли капиталоемкие товары — продукция металлургической промышленности и другие конструкционные материалы. Их удельный вес в экспорте вырос за данный период с 31,7 до 34,2 %. В импорте доля сырья, полуфабрикатов и готовых изделий для внутреннего рынка сократилась

Т а б л и ц а 1
Среднегодовые темпы роста экономики Южной Кореи
в 1967—1986 гг., %

Показатели	1967—1973	1974—1979	1980—1986
ВНП	10,9	9,8	8,3
Инвестиции в основной капитал	15,9	18,9	9,0
Производство инвестиционных товаров	21,8	23,2	21,0
Производство промежуточных товаров	20,7	21,7	10,0
Производство предметов потребления долговременного назначения	1,8	29,0	27,3
Производство предметов потребления краткосрочного назначения	29,0	18,1	8,0
Объем экспорта	47,3	27,5	12,0
Объем импорта	27,3	24,3	6,0

Рассчитано по: Major Statistics of Korean Economy 1987.—
Seoul, 1987. P. 29, 32, 90.

с 49,3 до 29,5 %. Это позволило увеличить долю сырья и полуфабрикатов для экспортного сектора во ввозе с 13,6 до 36,7 %⁷.

В экономике Южной Кореи начал складываться диверсифицированный промышленный комплекс. Производство предметов потребления краткосрочного назначения ежегодно возрастало на 29 %, производство инвестиционных товаров — на 21,8, промежуточных товаров — на 20,7 %. В целом импортзамещение, особенно по промежуточным товарам (продукты нефтепереработки, цемент, удобрения, металлы), эффективно поддерживало экспортную ориентацию, которая окончилась бы крахом при отставании темпов роста экспорта от темпов роста импорта.

Зарождение диверсифицированного промышленного комплекса резко активизировало перемещение рабочей силы из традиционного сектора в современный. В 1965 г. на традиционный аграрный сектор приходилось 70 % занятых, на традиционных городской сектор — 20, на современный городской — 10 %, в 1979 г. — соответственно 45, 28 и 27 %⁸. Южная Корея избежала того, что стало тормозом экономического развития многих стран «третьего мира». Изменения в структуре занятости «послевали» за стремительными сдвигами в структуре производства, не произошло размежевания между динамичным современным сектором и застойным традиционным. Расширился внутренний рынок потребительских товаров. При существенном неравенстве в распределении доходов проблема «основных нужд» была в целом решена, в потреблении стала расти доля расходов на товары долговременного назначения.

Расширению рынка потребительских товаров в этот период способствовал рост занятости в промышленности (63,3 %) и в сельском хозяйстве (15,7 %). Подобная параллельная динамика рынка рабочей силы была свойственна только трудоемкой фазе, в капиталоемкой — занятость в промышленности увеличилась на 57 %, в аграрной сфере — сократилась на 12 %.

С начала 70-х годов для обрабатывающей промышленности характерно соотношение: рост производительности труда больше, чем рост реальной оплаты труда, но меньше, чем рост номинальной оплаты труда (в 1971—1980 гг. — соответственно 250, 222 и 885 %). Это тонкий механизм ценообразования и эксплуатации рабочей силы. Значительный опережающий рост номинальной заработной платы над реальной вел к инфляции. В то же время этот механизм как нельзя лучше соответствовал стратегической задаче капиталистической модернизации Южной Кореи — созданию диверсифицированного промышленного комплекса, адаптирующегося к МРТ. Он стимулировал постоянную интенсификацию труда, создавал микроэкономическую основу для динамичного и адаптивного развития открытого хозяйства.

Такой механизм эксплуатации рабочей силы в промышленности делал ненужным перераспределение стоимости из аграрной сферы в индустриальную, что характерно для

многих развивающихся стран. Действительно, на рубеже 70-х годов условия торговли изменились в пользу сельского хозяйства. По некоторым расчетам, в 1966 г. цены занижали стоимость аграрного продукта Южной Кореи, в 1978 г., наоборот, завышали, стимулируя продовольственную самообеспеченность по основным продуктам питания⁹. В свою очередь затухание перераспределения предотвратило чрезмерную концентрацию производства и капитала в современном секторе экономики, а занятости — в традиционном. Уже на трудоемкой фазе экономическое развитие Южной Кореи миновало саму возможность появления дуалистической, дезинтегрированной структуры хозяйства.

Ключевым элементом трудоемкой фазы было развитие конкурентного механизма. Для Южной Кореи это было синонимом создания диверсифицированного промышленного комплекса, адаптирующегося к капиталистическому МРТ. Он создавался при финансовой поддержке государства, которое ориентировалось не на средние предприятия, а на конгломераты, полагая, что предпринимательские группы способны дать максимальный темп роста и структурной перестройки экономики. В 1968 г. рентабельность фирм экспортного сектора составила 2 %, а работавших на внутренний рынок — 9 %. Вопреки низкой рентабельности предприниматели стремились на внешние рынки. Экспорт был нужен для оплаты импорта. Предприниматели стояли не перед выбором — экспортировать или нет, а перед более сложным расчетом, включающим низкую норму прибыли от экспорта, доступ к экспортным кредитам под льготный процент и возможность использовать часть этих кредитов в более рентабельных областях¹⁰. Эти условия способствовали развитию финансово-промышленных групп, концентрации в них производства и капитала, особенно в экспортном секторе экономики.

Государство координировало создание конкурентного механизма в экономике. Фактически он отлаживался не спонтанно, а планомерно. Речь идет о целевом финансировании капиталовложений и экспорта, ограничении активности «теневое» рынка капиталов с целью сократить финансовые потери промышленных групп и инфляцию, а также о программах подготовки квалифицированной рабочей силы, развитии инфраструктуры, инвестиционном законодательстве, стимулирующем приток производственных инвестиций и технологий в приоритетные отрасли.

В не меньшей степени конкурентный механизм отлаживался ценообразованием на внешних рынках. В этом соединении планомерно-координирующих функций государства с конъюнктурой мировых рынков состоит важная особенность капиталистической модернизации Южной Кореи. Если бы в трудоемкой фазе не была сведена к минимуму возможность появления дуалистической структуры, подобное прихотливое объединение государственного дирижизма с внешними факторами не состоялось бы.

Период 1974—1979 гг. Трудоемкая фаза могла продолжаться до конца 70-х годов. Переход к этой фазе не был обусловлен эволюцией хозяйства, хотя несомненные предпосылки для этого имелись. Первая причина перехода была чисто политической. Нормализация отношений США и КНР сделала гипотетически возможным уход американских войск с юга Корейского полуострова. Режиму Пак Чжон Хи тяжела промышленность стала остро необходимой для развития собственного оборонного потенциала. Но главная причина все же — энергетический кризис. Он повысил заинтересованность РКС в перемещении части производственных мощностей тяжелой промышленности, пораженных структурными диспропорциями, на периферию МКХ. Стагнация экономик РКС и низкая абсорбционная способность экономик нефтеэкспортирующих стран поставили проблему рециклирования нефтедолларов, которая была во многом решена за счет расширения финансирования экономики НИС. В адаптации МКХ к энергетическому кризису важная роль принадлежала НИС. Во второй половине 70-х годов эти страны и территории с разными моделями экономического развития превратились в азиатскую и латиноамериканскую зоны повышенной торгово-промышленной активности, стали посреднической, амортизирующей подсистемой МКХ.

В Южной Корее формирование конкурентного механизма, диверсифицированного промышленного комплекса и рынка рабочей силы опережало развитие рынка капиталов, что компенсировалось государственным финансированием экономики на основе ссудного капитала. В первой половине 70-х годов Южная Корея стала экономикой больших предприятий и маленьких банков. В трудоемкой фазе была успешно реализована рискованная стратегия опережающего развития конкурентного механизма в

капиталистической модернизации. Логическим продолжением формирования диверсифицированного промышленного комплекса, адаптирующегося к капиталистическому МРТ, был поворот в сторону капиталоемких производств тяжелой промышленности. Неожиданное расширение возможностей финансирования за счет нефтедолларов как нельзя лучше отвечало этой особенности экономики Южной Кореи, внушая надежды на успех.

Среднегодовой рост ВВП в 1974—1979 гг. сократился до 9,8 % при темпах роста вложений в основной капитал 18,9 % (см. табл. 1). Это создавало ситуацию инвестиционного перегрева экономики. Производство инвестиционных и промежуточных товаров росло более высокими темпами, чем в капиталоемкой фазе (23,2 и 21,7 %). По темпам роста лидировало производство предметов потребления долговременного назначения (29 %). Эта группа отраслей начала приносить все больший объем экспортной выручки.

Доля машин и оборудования в экспорте поднялась с 12,3 % в 1973 г. до 20,3 % в 1980 г., химических товаров — с 1,5 до 4,3 %. Однако экономика стала чрезвычайно зависимой от импорта нефти. Ее доля во ввозе поднялась с 6,5 % в 1973 г. до 25,3 % в 1980 г. при параллельном увеличении доли сырья, полуфабрикатов и готовых изделий для внутреннего рынка с 29,5 до 34,7 %. В открытой экономике Южной Кореи возникла чрезвычайно опасная тенденция — сближение темпов роста объема экспорта и импорта (27,5 и 24,3 % по сравнению с 47,3 и 27,3 % в трудоемкой фазе). Эту тенденцию не остановило сокращение доли сырья для экспортных производств в импорте с 36,7 % в 1973 г. до 17 % в 1980 г. При пассивном балансе внешней торговли сближение темпов роста экспорта и импорта означало падение эффективности открытой модели экономики, рост внешнего долга, угрозу резкого снижения уровня жизни до опасных для режима пределов. Капиталоемкий вариант сочетания экспортной ориентации с импортзамещением оказался нежизнеспособным.

Вместе с тем он внес серьезный вклад в структурную перестройку экономики. В докладе МБРР, посвященном индустриальному развитию Южной Кореи, отмечается, что политика капиталоемкого варианта была амбициозной, привела к серьезным ошибкам в размещении ресурсов и выборе технологий, однако многие ее цели были реализованы позднее. Продукты тяжелой промышленности составили в 1980 г. менее 50 % экспорта, но уже в 1983 г. — 56 %. В отраслевой структуре производства также произошел сдвиг в пользу капиталоемких отраслей¹¹.

Авторы доклада приводят данные о пофакторном разложении темпов экономического роста Южной Кореи, отражающие специфику капиталистической модернизации.

В 1960—1980 гг. главным фактором роста было частное потребление. Внешние рынки были третьим по важности фактором после инвестиций: индустриализация доминировала над экспортной ориентацией. Государственное потребление играло регулируемую роль, его вклад в экономический рост изменялся волнообразно.

В 1965—1980 гг. импортзамещение тормозило рост экономики Южной Кореи. На первый взгляд эти данные противоречат тому, что сочетание экспортной ориентации с импортзамещением было одним из ключевых условий экономического развития Южной Кореи. Однако в ином варианте пофакторного разложения из того же доклада на его долю и связанные с ним изменения коэффициентов прямых затрат приходилось 4 из 13 % источников роста тяжелой промышленности в 1970—1975 гг., 7 и 3 % — во второй половине 70-х годов. В целом по экономике они составили 1,7 и 1,8 %¹².

Данные об отрицательном вкладе импортзамещения в экономический рост, приведенные в докладе, скорее дают оценку риска стратегии опережающего развития конкурентного механизма, органичным элементом которой было сочетание экспортной ориентации с импортзамещением. Их взаимосвязка в 60-е годы существенно сократила тормозящее воздействие импортзамещения, вернее, его незавершенности на экономический рост в первой половине 70-х годов. Производственных мощностей и межотраслевых связей, обслуживавших замещение импорта, не хватило, чтобы выдержать инвестиционный перегрев экономики второй половины 70-х годов.

Оценивая результаты экономического развития Южной Кореи в капиталоемкой фазе, надо сказать, что хозяйство оказалось на «мине замедленного действия». Проблема состоит не в росте внешнего долга и ошибках в выборе технологий. Это

лишь признаки главной опасности, состоящей в том, что индустриальные производительные силы реализовали заложенный в них потенциал и вступили в полосу кризиса. Для ресурсно бедной, открытой экономики Южной Кореи дальнейшее развитие по капиталоемкому варианту означало крах, в лучшем случае превращение хозяйства в «коллекцию» структурно больших отраслей.

Это подтверждается поведением экономики Южной Кореи в ходе приспособления к скачкам цен на нефть в 1974—1976 и 1979—1981 гг. При первом нефтяном шоке финансовые потери были связаны с резким понижением курса валюты (55,7 %) и дополнительными расходами на импорт и импортзамещение (89,9 %). Они частично компенсировались ростом внешних кредитов (—32,3 %) и доходами от роста объемов производства (—13,3 %). При втором нефтяном шоке львиная доля потерь определялась падением объемов производства (107,6 %) ¹³. На рубеже 80-х годов экономика Южной Кореи столкнулась с проблемой качества роста.

Период 1980—1986 гг. Эту фазу сочетания экспортной ориентации с импортзамещением нельзя в полной мере считать наукоемкой, она скорее является прологом к развитию экономики на базе высоких технологий, способных дать новое качество роста экономики.

Период открывается глубоким спадом. В 1980 г. объем ВВП сократился на 4,8 % вследствие роста цен на нефть, внешнего долга и неурожая. Вследствие недогрузки производственных мощностей инвестиции в основной капитал сократились на 10 %, импорт — на 5 %. Внешний долг заставлял экспортировать любую ценой. В 1980 г. объем вывоза увеличился на 10 %, во многом за счет доходов от зарубежного строительства. Создание «кочующей» отрасли южнокорейской экономики связано с адаптацией МКХ к энергетическому кризису. Это любопытный пример перехода импортзамещения к экспортной ориентации. Действуя на строительном рынке нефтеэкспортирующих стран Ближнего и Среднего Востока, южнокорейские фирмы вновь участвовали в рециклировании нефтедолларов.

Конкурентоспособность товарного экспорта стимулировалась снижением валютного курса. В 1974—1979 гг. он был равен 484 вонам за доллар США, в 1980 г. — 660, в 1986 — 860 вонам. В 1980—1986 гг. объем экспорта рос в два раза быстрее объема импорта. Эффективность открытой экономики Южной Кореи вновь стала повышаться.

С 1980 по 1986 г. удельный вес машин и оборудования в экспорте увеличился с 20,3 до 33,6 %, предметов потребления и прочих продуктов обрабатывающей промышленности, включая электронные компоненты, — с 30,1 до 32,1, доля конструктивных материалов понизилась с 35,7 до 23,5, химических продуктов — с 4,3 до 3 %. В Южной Корее усилилась экспортная экспансия, вызвав повышение доли сырья и полуфабрикатов для экспортных производств во ввозе с 17 до 26 %. Экспортная экспансия выявила технологическую зависимость экономики Южной Кореи от США и Японии.

В целом за 1980—1986 гг. темпы роста ВВП равнялись 8,3 % в год при существенно меньших, чем в предыдущем периоде (9 %), темпах роста вложений в основной капитал. По темпам роста лидировало производство предметов потребления длительного назначения, прежде всего бытовой электроники и автомобилестроения (27,3 %). Производство инвестиционных товаров ежегодно росло на 21 %. В этой группе основное значение принадлежит судостроению, производству комплектного промышленного оборудования, а также станкостроению и авиационной технике. Во второй половине 80-х годов Южная Корея имеет устойчиво положительный баланс в торговле с США, а проникновение южнокорейского экспорта на рынки Японии даже названо «тихой революцией». Показательно, что с января 1989 г. США лишили Южную Корею торговых преференций.

Рост отраслей-лидеров все более определяется не инвестициями, а освоением прогрессивных технологий, использованием высококвалифицированной рабочей силы и таких вариантов участия в международно кооперации производства, которые позволяют увеличивать долю национальной добавленной стоимости в конечном продукте. В 1980—1986 гг. производительность труда в экономике Южной Кореи увеличилась в 1,87 раза, реальная заработная плата — в 1,38 раза, что способствовало замедлению инфляции, вызванной инвестиционным перегревом экономики.

Затухание инфляции облегчило формирование рынка капиталов. Рост внешнего долга вынудил государство отказаться от прежних масштабов целевого финансирования

и денационализировать коммерческие банки. С ними стали успешно конкурировать инвестиционные компании, страховые и пенсионные фонды. Расширились операции на фондовой бирже. Создание рынка капиталов в Южной Корее не завершено, но в 80-е годы произошел существенный поворот к использованию внутренних сбережений, т. е. замещению внешних источников финансирования.

В 1983—1987 гг. государство сняло ограничения на импорт 1190 наименований товаров. Либерализация импорта свидетельствует о создании конкурентного механизма, о решении ключевой проблемы капиталистической модернизации экономики Южной Кореи. Об этом же говорит превращение южнокорейских концернов «Самсун», «Дэву», «Хёндэ», «Лаки голд стар» в серьезных конкурентов корпораций ведущих капиталистических государств. Советские исследователи А. Ю. Мансуров, В. В. Михеев справедливо отмечали, что финансово-промышленные группы Южной Кореи вышли на уровень международной вертикальной интеграции. В 80-е годы за рубежом созданы центры производства компонентов узлов, добычи сырья, сбыта¹⁴. Экономическое развитие Южной Кореи все более превращается в фактор интеграции национальных хозяйств в тихоокеанском регионе.

В этих условиях сочетание экспортной ориентации с импортзамещением не теряет своего значения, но меняет форму, перемещаясь с продуктов и отраслей на исходный ресурс экономики — научно-технический прогресс. Речь идет о создании мощного сектора НИОКР и развитии рационального научно-технического потенциала.

Южная Корея активно участвует в интернационализации высоких технологий. В середине 80-х годов вместе с Тайванем и Сингапуром она входила в десятку крупнейших производителей и экспортеров электронной продукции. В 1985 г. ее электронный экспорт составил 3,8 млрд. долл. (1,8 млрд. долл. — ЭВМ и периферийное оборудование, 1,3 — бытовая электроника, 0,7 млрд. долл. — интегральные схемы и другие товары). Это 12 % общей величины экспорта. Южная Корея осваивает производство и международные рынки автомобилей и производственного оборудования с числовым программным обеспечением, которые также относятся к высокотехнологичной области. В машиностроении расширяется применение микропроцессорной техники в сочетании с квалифицированной рабочей силой — своеобразный аналог гибких производственных систем, в которых живой труд не вытесняется полностью. Электронная модернизация связи и сферы услуг, создание компьютерных сетей рассматриваются как задачи стратегической важности.

Развитие наукоемких производств основывается на трансферте и скорейшей адаптации технологий из Японии и США. В Южной Корее прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки увеличили свой вклад в экономический рост в течение 80-х годов. Они исподволь меняют качество роста. Одновременно активизация технологического трансферта сокращает необходимость во ввозе высокотехнологичных компонентов из США и Японии, увеличивает возможности эффективного подключения к международной кооперации производства с целью повышения доли национальной добавленной стоимости в конечном продукте. Все это позволяет назвать 80-е годы наукоемкой фазой сочетания экспортной ориентации с замещением импорта.

Однако радикального сокращения технологической зависимости Южной Кореи от РКС, включая импорт высокотехнологичных компонентов и программного обеспечения ЭВМ, не произошло. Между тем проблема сокращения технологического разрыва с РКС становится все более острой, от ее решения во многом будут зависеть перспективы социально-экономического развития Южной Кореи.

Это определяется тем, что на международных рынках Южная Корея сталкивается с протекционизмом РКС и все более жесткой конкуренцией со стороны других НИС. Всемирная диверсификация экспорта, характерная для 80-х годов, имеет свои пределы, особенно после либерализации импорта. Долговременного решения проблемы она не дает. Его может дать прорыв в область высокотехнологичных товаров, означающий структурную конкуренцию с США и Японией за создание и моделирование качественно новых рынков. В этом случае без создания мощного сектора НИОКР, включающего фундаментальный цикл, не обойтись.

Среди других НИС Южная Корея наиболее решительным образом пытается сократить технологический разрыв с развитыми государствами. В тихоокеанском регионе она находится на четвертом месте после США, Японии, Канады по численности ученых и исследователей, которая превысила в 1985 г. 41 тыс. человек. Разработана долговре-

менная научно-исследовательская программа страны. Основными приоритетами научных исследований до 2000 г. являются: исследования экспортной ориентации (микроэлектроника, информатика, тонкие химические технологии); перспективные исследования (новые материалы, биотехнология); пионерные исследования (освоение океана, аэрокосмическая промышленность); исследования общественной важности (экология, здравоохранение)¹⁵.

Южнокорейская научная программа явно рассчитана на технологический прорыв в будущее. Намечается увеличение расходов на НИОКР до 2,5 % ВВП в 1991 г. Программа носит характер явного подражания инновационным проектам США и Японии. Вместе с тем в ней не говорится о развитии мехатроники — проектирования машин и оборудования с минимальным числом узлов и компонентов. На наш взгляд, в этой области высоких технологий Южная Корея имеет несомненные преимущества, позволяющие использовать квалифицированную рабочую силу и гибко специализироваться на динамичных, «точечных» рынках.

Маловероятно, что все исследования по всем направлениям долгосрочной программы приведут к успеху. С этой точки зрения она амбициозна, как и программа развития капиталоемких производств 70-х годов. Однако самостоятельные прорывы по одному-двум ключевым направлениям научно-технического прогресса способны серьезно сократить технологический разрыв Южной Кореи с РКС, увеличить ее возможности в структурной конкуренции за принципиально новые рынки. Первым таким успехом можно считать разработку сверхбольших интегральных схем емкостью 1 мегабайт и более.

Трудно переоценить значение сокращения технологического разрыва и участия в структурной конкуренции с РКС для перспектив социально-экономического развития Южной Кореи. На наш взгляд, в обозримом будущем «проходным баллом» в сообщество развитых стран явится создание конкурентного механизма в экономике, развитие национальной базы НИОКР, структурная конкуренция на качественно новых рынках. Капиталоизбыточные нефтеэкспортирующие страны показали, что уровень ВВП на душу населения уже не является показателем уровня развитости; в равной мере опережающее развитие рынка капитала не является лучшей стратегией капиталистической модернизации. В сегодняшнем мире страна может иметь более низкий уровень дохода на душу населения, но более высокое качество экономического роста.

Сочетание экспортной ориентации с импортозамещением, меняя качество экономического роста, стало формой реализации закона неравномерности экономического и политического развития в экономике Южной Кореи.

Вместе с тем оно стало громадным источником прибылей для иностранного капитала. В 1967—1986 гг. потери Южной Кореи от изменения условий торговли составили не менее 36 млрд. долл. Страна выплатила дивидендов в размере 29,9 млрд. долл. при частных прямых иностранных инвестициях в 2,6 млрд. долл. Портфельные и новые формы инвестиций в подсчет не включались. Долгосрочные и коммерческие займы за этот период достигли 32,7 млрд. долл., выплаты по ним — 27,9 млрд. долл.

Таким образом, в основе эксплуатации иностранным капиталом экономики Южной Кореи, как и капиталистической модернизации в целом, лежало развитие конкурентного механизма, определившее классическую последовательность источников получения прибылей из «периферийной» экономики.

* * *

В 80-е годы Южная Корея вместе с другими НИС превратилась в посредническую подсистему МКХ. Это определяется тем, что РКС перешли к созданию новой модели производства на базе высоких технологий, тогда как на периферии МКХ еще не завершён промышленный переворот. Воспроизводственные структуры центра и периферии начали расслаиваться. Контртенденцией, способствующей сохранению целостности МКХ, является превращение НИС в посредников между его центром и периферией. Действительно, выросло их значение в постадийной индустриализации развивающегося мира, в трансфере и адаптации технологий, поступающих

из РКС. Посреднические функции НИС в МКХ сохраняются на длительную перспективу.

В силу своей промежуточной, посреднической роли НИС «открыты» и для межсистемного сотрудничества. В частности; НИС Восточной Азии заинтересованы в развитии экономических отношений со странами СЭВ по двум причинам. Первая — емкость рынков социалистических государств, прежде всего СССР. Вторая — возможность через сотрудничество с социалистическими странами создать «канал» связи с единым европейским рынком в первой половине 90-х годов.

В свою очередь развитие экономических отношений СССР с НИС Восточной Азии способно не только увеличить эффективный вклад нашей страны в процессы экономической интеграции в тихоокеанском регионе, но и создать предпосылки для укрепления международной безопасности, основанной на мерах доверия.

¹ In: C. Hamilton. Capitalist industrialization in Korea.— L., 1986.— P. 9—12.

² Ibid.— P. 30.

³ J. Woronoff. Korea's economy: man-made miracle.— Seoul, 1985.— P. 57.

⁴ In: Y. Lim. Government policy and private enterprise: Korean Experience in industrialization.— Berkeley, 1981.— P. 16.

⁵ In: L. Turner, N. Mc. Mullen. The newly industrializing countries: trade and adjustment.— L., 1982.— P. 11, 20.

⁶ In: K. Kim, M. Roemer. Growth and structural transformation. Studies in the modernization of the Republic of Korea: 1945—1975.— Cambridge, 1979.— P. 123, 124.

⁷ Структуры экспорта и импорта рассчитаны по: Major Statistics of Korean economy.— 1981.— Seoul, 1981.— P. 214, 222.

⁸ Bai-Moo-Ki. The turning point in the Korean Economy // The Developin. Economies. 1982.— Vol. 20.— № 2.— P. 118.

⁹ In: C. Hamilton. Op. cit.— P. 84.

¹⁰ In: P. Kuznets. Economic growth and structure in the Republic of Korea.— New Haven, 1977.— P. 158, 159.

¹¹ In: Korea managing the industrial transition.— N. Y., 1986.— Vol. 1.— P. 45.

¹² Ibid.— Vol. 2.— P. 44—45.

¹³ B. Balassa. Adjusting to external shocks: the newly industrializing developing economies in 1974—1976, 1979—1981 // Weltwirtschaftliches Archiv.— 1985.— Band 121.— Heft 1.— S. 120.

¹⁴ См.: Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 4.— С. 47.

¹⁵ In: Asia Pacific Tech. Monitor.— 1986.— № 2.— P. 41.

Почему преуспевают НИС?

В. АНДРИАНОВ

В последние годы отчетливо просматривается тенденция к усилению роли новых индустриальных стран Азии (к их числу относятся Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Таиланд¹) в мировом капиталистическом хозяйстве, особенно в его внешнеэкономической сфере. В 1986 году 11 % прироста мирового капиталистического экспорта было достигнуто за счет азиатских НИС. В том же году на их долю приходилось 8,2 % стоимости экспорта стран, входящих в мировое капиталистическое хозяйство, и 37 % экспорта развивающихся государств.

Основной статьей экспорта НИС Азии являются товары обрабатывающей промышленности, которые составляют почти 80 % стоимости их поставок на внешний рынок. По совокупной стоимости вывоза готовых изделий, который в 1986 году достиг 123,54 млрд. долл., азиатские НИС уступали лишь ФРГ (213 млрд. долл.), Японии (202 млрд. долл.) и США (147 млрд. долл.)². По нашим расчетам, на долю азиатских НИС в середине 80-х годов приходилось 53,4 % мирового капиталистического экспорта обуви, 34,7 — одежды, 33 — судов, 26,1 — электронных компонентов, 21,9 — бытовой электронной аппаратуры, 11,5 — оборудования связи, 10,2 — электронно-вычислительной техники (в основном периферийное оборудование), 4,3 % — металлообрабатывающего оборудования.

Успешная экспансия новых индустриальных стран на мировом рынке промышленной продукции обусловлена прежде всего способностью основных отраслей обрабатывающей промышленности выпускать товары, которые более конкурентоспособны по сравнению с их зарубежными аналогами.

В целом конкурентоспособность является синтетической характеристикой, а ее параметры в мировой практике определяются рядом объективных статистических показателей, дополняемых субъективными факторами — опросом мнения руководителей крупных корпораций и ведущих экономических экспертов исследуемых стран. Швейцарская исследовательская организация «Уорлд экономик форум» регулярно проводит анализ конкурентоспособности отдельных стран, используя для этого 340 показателей, которые сгруппированы в 10 ведущих факторов. Среди них — динамизм экономики (темпы роста экономики), эффективность промышленного производства (выпуск продукции на единицу совокупных затрат), масштабы внедрения нововведений, производственные и людские ресурсы, роль государства, развитие инфраструктуры, динамизм рынка и др.

С помощью специально разработанной методики каждая страна получает определенное количество баллов, которое определяет ее место на иерархической лестнице конкурентоспособности. Более высокий балл свидетельствует не только о уровне развития производительных сил, но и о гибкости экономической системы, способной к перестройке в соответствии с изменениями на мировом рынке. По методике швейцарских экономистов конкурентоспособность страны в целом отражает усредненные сравнительные условия для развития производства и не дает представления о сравнительных преимуществах какой-либо одной отрасли.

Начиная с 1984 года такой анализ проводится и по развивающимся странам. В указанном году, на основании оценок конкурентоспособности, Южная Корея занимала 18-е место в мире, Малайзия — 20-е, опережая такие страны, как Франция, Италия, Испания и Португалия.

Андрианов Владимир Дмитриевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ВНИКИ МВЭС СССР

В дальнейших своих публикациях «Уорлд экономик форум» стала проводить оценку конкурентоспособности отдельно по развитым и развивающимся государствам. В списке развивающихся государств явно доминируют новые индустриальные страны. В 1985 году наиболее конкурентоспособным был Тайвань, за ним следовали Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Малайзия, Таиланд³. В 1986 году под воздействием ряда внутренних и внешних причин ситуация несколько изменилась. 1-е место среди развивающихся стран занимал Гонконг, за ним следовали Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд⁴.

Министерство торговли Сингапура разработало собственную модель индекса конкурентоспособности. За период с 1985 по 1987 год этот индекс для Сингапура был выше в среднем на 32 %, чем у его ближайших конкурентов — Южной Кореи, Тайваня и Гонконга.

Конкурентоспособность продукции новых индустриальных стран находится в прямой зависимости от многих разноплановых факторов. Среди них первостепенное значение имеет производительность труда и издержки на заработную плату.

Производительность труда является основным показателем при оценке конкурентоспособности, поскольку именно в процессе производства закладываются материальные основы конкуренции, которые проявляются на рынке через сравнительный уровень прибыльности и рыночных цен. Проведенный нами сравнительный анализ темпов роста производительности труда развитых, развивающихся и новых индустриальных стран Азии показал, что для отдельных НИС характерны более высокие показатели. Так, за период с 1970 по 1985 год темп прироста производительности труда в Южной Корее составил 8,5 % и был значительно выше, чем у любой из развитых капиталистических стран. В 70-е годы этот показатель у Южной Кореи достигал рекордного уровня — 9,1 %, что в 3,8 раза выше, чем в среднем у развитых капиталистических стран.

По темпам прироста производительности труда в 70-е — первой половине 80-х годов Тайвань среди развитых капиталистических стран уступал лишь Бельгии, Японии и Нидерландам, его среднегодовой темп прироста составлял 5,1 %. У Гонконга и Сингапура отмечались более низкие темпы роста производительности труда — соответственно 2,5 % и 1,8 %.

Высокий уровень производительности труда в азиатских НИС обусловлен рядом причин, из которых прежде всего можно выделить: использование передовой технологии и техники; высокий уровень автоматизации производства; наличие высококвалифицированных кадров, включая инженерно-технический состав; использование современных методов управления производством; способность экономики эффективно применять научно-технические достижения, абсорбировать нововведения; более высокая степень интенсификации производственного процесса и др.

Различия в темпах динамики производительности труда в новых индустриальных странах Азии в значительной мере корректировались масштабом изменения номинальной заработной платы. Следует подчеркнуть, что индекс номинальной заработной платы в НИС Азии рос опережающими темпами по сравнению с производительностью труда. За период с 1970 по 1985 год этот показатель увеличился у Тайваня на 14,6 %, Южной Кореи — на 12,7, Сингапура — на 10,8, Гонконга — на 8,8 %. Относительно низкие показатели для Сингапура и Гонконга объясняются изначально более высокими ставками номинальной заработной платы и политикой сдерживания роста оплаты труда. В целом же индекс номинальной заработной платы в азиатских НИС увеличивался гораздо быстрее, чем в развитых капиталистических странах.

В советской экономической литературе часто пропагандировался тезис о том, что рост заработной платы не должен опережать рост производительности труда. Мировая практика, в том числе и приведенные выше цифры, свидетельствуют об обратном: в тех странах, где более быстрыми темпами растет заработная плата (конечно, при условии насыщения внутреннего рынка потребительскими товарами), более быстрыми темпами растет и производительность труда.

В результате изменения показателей производительности труда и его оплаты сложилась соответствующая динамика итогового показателя, отражающего совокупное изменение параметров, характеризующих функционирование трудовых ресурсов — индекс удельных затрат на оплату рабочей силы. Этот показатель отражает изменение затрат

на оплату труда в стоимости единицы продукции. В свою очередь затраты на оплату труда, являясь основным элементом производственных издержек, служат главным фактором изменения конкурентоспособности производителей и экспортеров.

Расчет этого показателя в национальных валютах характеризует изменение внутренних условий использования трудовых ресурсов при производстве продукции. Аналогичный расчет, произведенный на базе единой валюты (в долларах США), позволяет дать оценку реального сопоставления относительных затрат по странам при их участии в международной торговле, так как валютный фактор вносит существенные коррективы в соотношение сил в конкурентной борьбе.

В период с 1970 по 1985 год удельный вес затрат на оплату рабочей силы в национальной валюте возрос в Южной Корее на 10,5 %, на Тайване — на 9,0, в Гонконге — на 7,9 и Сингапуре — на 6,7 %, что было выше аналогичных показателей Японии (в национальной валюте — 4,9 %, в долларах США — 6,7 %), ФРГ (4,2 %; 5,8 %) и США (4,9 %) — основных конкурентов НИС на мировом рынке из числа развитых капиталистических стран⁵.

Следуя логике нашего рассуждения, конкурентоспособность промышленной продукции азиатских НИС по сравнению с ведущими развитыми капиталистическими странами должна была бы снижаться, однако этого не произошло. Причина в том, что, несмотря на значительный рост затрат на оплату рабочей силы, в НИС Азии в процентном отношении абсолютный их уровень остается значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах.

По данным за 1986 год, средняя почасовая заработная плата в обрабатывающей промышленности Южной Кореи была в 9 раз ниже, чем в США, и в 7 раз ниже, чем в Японии, на Тайване — соответственно в 8 и 6, в Гонконге — в 7 и 5, в Сингапуре — в 6 и 4 раза⁶.

Таким образом, из-за более низких издержек на заработную плату в новых индустриальных странах сохраняются более низкие производственные затраты на выпуск продукции и соответственно выше остается конкурентоспособность. По оценкам специалистов, например, издержки производства при сборке электронных компонентов в азиатских НИС в среднем на 30 % ниже, чем в США⁷.

В свою очередь низкие издержки производства в обрабатывающей промышленности в НИС Азии дают им возможность использовать такой важный фактор конкурентоспособности, как цена товара. Являясь в основном производным от внутренних условий создания потребительских стоимостей, на внешнем рынке цена товара, наряду с качеством, приобретает первостепенное значение.

Необходимо отметить, что если для японских производителей и экспортеров в настоящее время главным орудием в конкурентной борьбе на мировом рынке является качество товара, то для НИС Азии основным конкурентообразующим фактором остается цена реализуемой продукции.

На мировом рынке значительно дешевле западных аналогов товары из азиатских НИС швейной, обувной, текстильной, электронной и электротехнической, сталелитейной, станкостроительной и автомобильной продукции.

В целом примерно на 30 % дешевле японских продаются в США южнокорейские видеомагнитофоны, что позволило фирмам Южной Кореи к середине 80-х годов увеличить объем продаж до 2,4 млрд. долл. и захватить примерно 10 % американского рынка этих товаров. В Западной Европе видеомагнитофоны южнокорейских ТНК «Лаки голд стар» продаются по цене 360 долл., что в среднем на 20 % дешевле европейских аналогов. Микроволновые печи фирмы «Дэву» во Франции реализуются по 165 долл., или на 36 % ниже цены местных производителей⁸.

Особую тревогу у западных конкурентов вызывают низкие цены на электронно-вычислительную технику, выпускаемую в НИС. Персональный компьютер «Блю чип» южнокорейской фирмы «Хёндэ» в 1986 году продавался на американском рынке за 830 долл., что на 41 % дешевле аналогичного изделия американской фирмы «ИБМ» и дешевле продукции японских компаний. В 1987 году в США их было реализовано 50 тыс., что соответствовало 4 % американского рынка персональных компьютеров⁹.

Ценовой фактор позволяет НИС конкурировать с японскими товарами не только на рынках третьих стран, но и в самой Японии, что с трудом удается развитым капиталистическим странам. Продукция электронной и электротехнической промышленности

Южной Корее (телевизоры, видеомагнитофоны, стиральные машины, холодильники и др.) в среднем на 20—30 % дешевле японских аналогов¹⁰.

Приблизительно такое же соотношение цен на мировом рынке характерно для продукции автомобильной промышленности НИС. Основные модели японских легковых автомобилей реализуются на американском рынке в среднем по цене от 8 до 10 тыс. долл., в то время как южнокорейские машины в среднем по 5—7 тыс. долл. Так, по низким ценам в США продается легковой автомобиль марки «Пони» южнокорейской фирмы «Хёндэ» (в 1987 году за 4 995 долл.¹¹). В свою очередь южнокорейским компаниям в ближайшие годы серьезную конкуренцию могут оказать малайзийские фирмы, которые будут реализовывать в США легковые автомобили марки «Протон сага» по более низким ценам.

Ценовая конкуренция проявляется не только на рынках развитых капиталистических стран, но и развивающихся государств. В Сингапуре, например, цены на автомобильную продукцию Южной Кореи в среднем на 20 % ниже японской, что позволило Сеулу захватить примерно 13 % местного рынка.

Согласно результатам исследования Ассоциации южнокорейских станкостроительных компаний, цены на изготавливаемое ими металлообрабатывающее оборудование на основных рынках сбыта ниже аналогичной японской продукции по токарным станкам без ЧПУ на 6 %, по сверлильным и фрезерным станкам на 7—20, оборудование с ЧПУ — на 6—18 %. В то же время цена на такую же продукцию станкостроения Тайваня в среднем на 18—33 % ниже южнокорейской.

Следует подчеркнуть, что, желая укрепить свои позиции на основных рынках сбыта, компании из НИС иногда устанавливают цены ниже издержек производства. В частности, канадское правительство обвинило южнокорейскую фирму «Хёндэ» в демпинге своей продукции на местный рынок. В результате исследований было установлено, что модели этой фирмы «Пони», «Стеллар» и «Эксел» продаются в Канаде в среднем от 16,2 до 31,8 % ниже издержек производства¹².

Всего же только за 1987 год по демпинговым ценам южнокорейские фирмы реализовывали на внешнем рынке 15 видов промышленной продукции, в том числе — легковые автомобили, телевизоры с цветным изображением, удобрения и химические товары, суда, сталь и изделия из стали¹³.

В 1987 году министерство торговли США обвинило сингапурский филиал японской фирмы «Хитати» в том, что он реализовывал на американском рынке телевизионные кинескопы цветного изображения на 1,52 % ниже цен, по которым эти изделия продавались в Сингапуре¹⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют, что, используя ценовой фактор, компании из новых индустриальных стран Азии осуществляют стремительную экспансию на мировой рынок промышленной продукции.

Сложившаяся ситуация напоминает 60-е годы, когда началось проникновение японских товаров на основные рынки мира. В то время основной причиной расширения экспорта продукции японских фирм были низкие цены, обусловленные способностью производить товары дешевле конкурентов. В настоящее время такой способностью в большей мере обладают новые индустриальные страны Азии, которые все громче заявляют о себе на мировом рынке и активно конкурируют не только с местными производителями, но и с японскими ТНК.

Однако в последние годы в международной торговле наметилась тенденция к возрастанию роли неценовой конкуренции. Произошло определенное выравнивание национальных условий производства в обрабатывающей промышленности развитых капиталистических стран за счет сближения уровней производительности и оплаты труда. В этих условиях на первый план в конкурентной борьбе выходит качество производимой и эксплуатируемой продукции.

По результатам опросов, проведенных исследовательскими организациями США в 1987 году, до 90 % руководителей 300 крупнейших американских компаний считают, что повышение качества продукции является основным фактором, обеспечивающим конкурентоспособность на мировом рынке.

Вместе с тем по качественным параметрам продукция новых индустриальных стран Азии сохраняет высокую конкурентоспособность. Дело в том, что большинство товаров выпускается с использованием западной технологии, что, как правило, обеспечивает

необходимый уровень качества продукции. Кроме того, многие компании НИС, особенно азиатских, используют у себя японский принцип бездефектного производства, который предусматривает разработку системы превентивных мер, предотвращающих возникновение брака.

В частности, о высоком качестве продукции электронной и электротехнической продукции Южной Кореи свидетельствует исследование, проведенное американской ассоциацией потребителей. В ее докладе отмечается, что в 1987 году среди 20 наиболее популярных моделей цветных телевизоров продукция фирмы «Лаки голд стар» занимала седьмое место вслед за японскими фирмами «Тосиба» и «Сони»¹⁵.

В конечном итоге качество выпускаемой продукции во многом определяется технологическим уровнем промышленности, который непосредственно связан с научно-технической революцией и зависит от объема расходов на НИОКР. В этом плане большинство новых индустриальных стран Азии значительно отстает от развитых капиталистических держав. Доля ассигнований на НИОКР в ВВП Южной Кореи составляла 2 % (1987 год), Гонконга и Таиланда — 0,5, Тайваня — 1, Малайзии — 0,7 % (1986 год)¹⁶.

В то же время расходы на эти цели увеличились в 1986 году у Японии до 3,1 %, у США — до 3 и ФРГ до 2,9 %. Причем совершенно естественно, что по абсолютному объему ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки НИС еще больше отстают от западных стран, чем по доле в ВВП.

Поскольку создание новых товаров и разработку новых технологий превращаются в важный фактор неценовой конкуренции, то здесь для азиатских НИС возникает реальная опасность утратить свои преимущества на внешнем рынке.

Именно в этом состоит одна из главных причин начавшейся в НИС Азии структурной перестройки экономики, основная задача которой — развитие научно-технической и исследовательской базы для создания наукоемкой конкурентоспособной продукции. Так, планируется увеличить затраты на НИОКР в Южной Корее до 2,5 % ВВП к 1991 году и до 5 % к 2000 году, на Тайване и в Сингапуре до 2, Гонконге и Малайзии до 1,5 и Таиланде до 1 % к 1995 году. Большая часть этих ассигнований предназначена для исследований прикладного характера.

Для разработки новых образцов наукоемкой продукции в азиатских НИС идет активный процесс организации научно-производственных парков. «рискофирм» («венчурных» компаний), привлекаются ведущие ТНК для совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

Организация научно-производственных парков по своей форме очень напоминает создание экспортно-производственных зон в новых индустриальных странах. Та же экономическая обособленность, те же финансовые и налоговые льготы для привлечения иностранного капитала, та же экспортная ориентация. Единственным, но принципиальным отличием является характер производства. Если в экспортно-производственных зонах создавалось в основном крупносерийное, трудоемкое, сборочное производство, то в научно-производственных парках осуществляется экспериментальное мелкосерийное производство, разработка новых технологий, новых изделий, новых материалов. В случае удачных экспериментов организуется массовый выпуск продукции, которая, как правило, отличается высокой конкурентоспособностью и предназначена для экспорта.

Наибольшее распространение организация научно-производственных парков получила на Тайване, в Сингапуре, Малайзии и Гонконге. Первый научно-производственный парк «Синчу сайнз-Бэндз индастриал парк» был образован на Тайване в 1980 году в местечке Синчу, в 70 км от Тайбэя. Рядом расположены два крупнейших национальных университета — Тонгхуа и Чиаутунг, а также Научно-исследовательский институт промышленной технологии, в состав которого входит несколько крупных лабораторий. Всего в парке насчитывается около 12 тыс. квалифицированных ученых и специалистов.

Для привлечения иностранных инвесторов в законодательном порядке введен ряд финансовых и других льгот. В частности, предусматривается освобождение от уплаты налогов и ренты в течение 5 лет, беспогонный импорт машин, оборудования, полуфабрикатов и сырья, гарантируется юридическая защита торговых марок, патентов и авторских прав. Фирмам предоставляется возможность получить льготный кредит в размере до 50 % планируемого объема инвестиций, использовать государст-

венные субсидии, местную научно-исследовательскую базу и высококвалифицированный научный потенциал¹⁷.

В середине 1988 года в научно-производственном парке действовало 73 промышленных компании, из них 50 — филиалы ТНК, главным образом из США. Основной сферой деятельности транснациональных корпораций является электронная промышленность, примерно 30 % фирм заняты разработкой и выпуском компьютеров и периферийного оборудования, 25 — электронных компонентов, 20 % — полупроводниковых приборов. На научно-производственный парк в Синчу приходится 14 % всего тайваньского производства электронно-вычислительной техники, периферийного оборудования и 13 % полупроводниковых приборов. Примерно 70 % выпускаемой продукции предназначено для внешнего рынка. В 1988 году стоимость экспорта парка достигла 1 млрд. долл., что составило около 2 % от национального вывоза.

Среди американских ТНК наибольшими активами в научно-производственном парке располагают «ИТТ», «Юнайтед микроэлектроникс корп.» (ЮМК), «Вэриан», «Проам»; среди западноевропейских фирм — «Филиппс». Ежегодные отчисления иностранных фирм на научно-исследовательские цели составляют 5—10 % от их доходов по сравнению с 1—2 % крупных компаний, действующих вне парка. Наиболее капиталоемкие программы научно-исследовательских разработок осуществляют компании «Тайвань манифэкчуринг комп.» (дочерняя фирма ТНК «Филиппс») стоимостью 220 млн. долл. и американская «ЮМК» — 88 млн. долл. Их исследования связаны с разработкой новой технологии производства полупроводниковых приборов.

Можно предположить, что значение научно-производственного парка в структурной перестройке экономики Тайваня в ближайшие годы сильно возрастет. К середине 90-х годов около 200 иностранных компаний планируют организовать свои отделения в парке. Число ученых и квалифицированных специалистов может увеличиться до 70 тыс. человек. Обсуждается проект строительства синхротрона и крупного вычислительного центра, оснащенного суперкомпьютером. Объем экспорта продукции из зоны научно-производственного парка к 1994 году увеличится до 9 млрд. долл., а его доля в национальном вывозе возрастет до 5 %.

По таким же принципам организованы научно-производственные парки в Сингапуре. В ближайшие годы его правительство планирует расширить сеть парков, при этом упор предполагается сделать на создание современных технологий производства сельскохозяйственной продукции. В период до 1995 года будут образованы 10 агротехнических парков, где сконцентрируются ведущие специалисты в области зоологии, микробиологии, генетики, биохимии, ветеринарии, энтомологии, биотехнологии и др. Им предстоит принять участие в разработке принципиально новых технологий выращивания овощей и фруктов, разведения рыбы и использования морепродуктов. В 1988 году на эти цели правительство выделило 19 млн. долл.

Для транснациональных компаний, которые примут участие в проведении научно-исследовательских разработок, предусматривается ряд налоговых льгот, которые раньше распространялись только на экспортноориентированные отрасли. О своем намерении открыть научно-исследовательские отделения в агротехнических парках Сингапура объявило около 20 ведущих в этой области ТНК¹⁸.

Малайзия только приступает к организации научно-производственных парков. В 1988 году правительство ассигновало 2 млн. долл. для создания парка в Таман-Тин-Разак, общая стоимость которого оценивается в 10 млн. долл. Парк будет состоять из четырех основных подразделений — институтского корпуса, инновационного центра, промышленных отделений и сырьевой базы. Основные направления исследований связаны с микроэлектроникой, резинотехнической промышленностью, биотехнологией, деревообработкой.

Специальный научно-производственный центр в Малайзии был создан итальянскими фирмами, которые будут проводить разработку технологических процессов с целью их унификации для итальянских фирм. Впоследствии планируется на базе центра создать ряд научно-производственных совместных компаний по выпуску изделий из древесины, включая высокотехнологичные товары.

Одна из крупнейших в Малайзии экспортно-производственных зон в Баян-Лепасе на острове Пинанг постепенно может трансформироваться в научно-производственный парк. Остров Пинанг называют малайзийской Силиконовой долиной, так как здесь сконцентрирована большая часть производства электронных компонентов, в основном

сборочные предприятия. Известная американская ТНК «Нэшнл семикондактор корп.» планирует подключить научный потенциал университета острова Пинанг для проведения прикладных исследований в области развития современных технологий производства полупроводниковых приборов.

Большую помощь в выпуске конкурентоспособной продукции в азиатских НИС оказывают «рискофирмы», которые делают ставку на разработку и производство новых товаров, еще не утвердившихся на рынке. «Рискофирмы» обеспечивают тесное сотрудничество между исследователями, обладающими перспективными научно-техническими идеями, и потенциальными инвесторами (как правило, ТНК), готовыми принять участие в финансировании осуществления этих идей на практике. Среди азиатских НИС эта форма разработки конкурентоспособной продукции наибольшее распространение получила в Гонконге.

К концу 80-х годов в Гонконге насчитывалось около 40 «рискофирм» (примерно столько же было в США в 1970 году) с общим объемом капиталовложений примерно 500 млн. долл. Фирмы объединены в Гонконгскую ассоциацию венчурных компаний¹⁹.

«Рискофирмы» создаются по принципу организации совместных компаний. Обычно партнерами выступают местные предприниматели, иностранные фирмы и международные финансовые организации. На начальном этапе образуется лишь небольшая исследовательская группа, которая делает первые шаги в подготовке к производству и сбыту новой продукции. Затем предприятие начинает свою хозяйственную деятельность и выходит на рынок, при этом выявляется его рентабельность или убыточность. Следующий этап характеризуется активной деятельностью в области маркетинга, проникновением и закреплением на рынках сбыта. На заключительном этапе происходит фактическая трансформация «венчурной» компании в обыкновенную коммерческую фирму, выпускаются акции, компания регистрируется на фондовой бирже.

По расчетам американских экономистов, в 15 % случаев авансированный «рискокапитал» полностью теряется, в 25 — «рискофирмы» несут убытки в течение более длительного времени, чем предполагалось, в 30 — прибыль оказывается незначительной, но в остальных 30 % случаев успех позволяет в течение всего нескольких лет окупить первоначальные вложения и получать устойчивую прибыль, причем, как правило, превышающую общие инвестиции в 10—20 раз.

Для развития «рискобизнеса» в новых индустриальных странах одна из ведущих в этой области американская фирма «ТА ассошйэйтэд» при поддержке международной финансовой корпорации (филиал МБРР) создала специальные фонды в Сингапуре, Малайзии и Таиланде. Через свое отделение в Сингапуре «Саут Ист Эйша венчур инвестмент» (СИАВИ) компания инвестировала в эти страны около 28 млн. долл. в создание 36 «рискофирм».

Программой расширения операций «рискокапитала» в Сингапуре, Малайзии, Гонконге и Тайване предусмотрено создание нового фонда развития в размере 25 млн. долл. Кроме СИАВИ, донорами фонда будут американская ТНК «Монсанто» и транснациональные банки — «Фэст нэшнл бэнк оф Бостон», «Алгемайн бэнк оф Неверлэндс», «Индастриал бэнк оф Кувейт» — и целый ряд местных вкладчиков, включая индивидуальных²⁰.

Основные принципы развития научно-исследовательской базы и создания конкурентоспособной продукции в Южной Корее несколько отличаются от других новых индустриальных стран Азии. В Южной Корее используется японский метод организации научных изысканий, который предполагает объединение усилий частных, государственных и академических организаций.

Как в Японии 60-х годов, большинство научно-исследовательских разработок в Южной Корее носит прикладной характер и осуществляется в НИИ, организуемых при крупнейших корпорациях. Если в начале 80-х годов лишь несколько южнокорейских компаний имели свои научно-исследовательские лаборатории, то к 1988 году их число возросло до 360. За этот период расходы промышленных корпораций на НИОКР возросли почти в 10 раз и достигли 2 млрд. долл.

Ассигнования на эти цели одной из крупнейших электротехнических ТНК, «Лаки голд стар», достигли 102 млн. долл., а число ее научно-технических работников превысило 800 человек. Другая ведущая электротехническая корпорация, «Самсун», планирует

увеличить долю расходов на НИОКР в общем объеме своих продаж с 5 % в 1987 году до 10 % в 1990 году. В научно-исследовательских подразделениях автомобильной фирмы «Хёндэ моторс» занято около 2 тыс. человек, а ассигнования на НИОКР в 1988 году превысили 100 млн. долл.²¹

Для достижения конкретных задач южнокорейские фирмы, как и японские компании 60-х годов, осуществляют координацию научно-исследовательских работ крупнейших корпораций. Такая организация НИОКР приносит свои плоды, которые наиболее ощутимы в области электроники.

Совместными усилиями научно-исследовательских организаций разработана технология производства видеокамеры и видеоманитофона с четырехмиллиметровой пленкой, тридцатидвухразрядной персональной ЭВМ, магнитофона с цифровой записью, более мощных интегральных схем, в частности динамических запоминающих устройств с произвольной выборкой (ЗУПВ) емкостью 1 Мбит и 4 Мбит, статических ЗУПВ емкостью 1 Мбит. К 1990 году планируется создать технологию производства собственного суперкомпьютера, цифровых коммутационных систем, единых интегральных схем с различными функциями и др.

Активную роль в стимулировании научно-технического прогресса в Южной Корее играет государство. Министерство науки и техники разработало план развития научных исследований и опытно-конструкторских разработок, который имеет своей целью снижение зависимости Южной Кореи от зарубежной технологии, а также повышение конкурентоспособности ее продукции.

Разработка плана связана, с одной стороны, с увеличением платежей южнокорейских компаний за импортную технологию, с другой — с нежеланием ведущих капиталистических стран продавать новейшую технологию. Кроме того, высокий курс иены по отношению к доллару нанес серьезный ущерб экспортным фирмам Южной Кореи, традиционно закупающим в Японии технологически сложные компоненты для своей продукции. Планом предусматривается приоритетное финансирование НИОКР в ряде отраслей, и прежде всего в электронике, промышленной автоматике и биотехнологии.

Многоплановое воздействие на конкурентоспособность каждой страны оказывают валютные факторы. Изменение курсов валют приводит к нарушению сложившихся межстрановых соотношений в области издержек, в том числе на заработную плату, оптовых, внешнеторговых и розничных цен. Начавшееся в конце 1986 года падение курса доллара США относительно западноевропейских валют и особенно японской иены распространилось и на валюты новых индустриальных стран Азии (за исключением Гонконга, курс валюты которого привязан к доллару США).

За период с декабря 1986 по март 1988 года тайваньский доллар возрос на 19,4 % (больше, чем японская иена — 18,9 %), южнокорейский вон — на 11,9, сингапурский доллар на — 7,4, тайландские баты — на 3,3 и малайзийский ринггит — на 1,2 %²².

Повышение курса национальных валют азиатских НИС по отношению к американскому доллару окажет сдерживающее влияние на рост экспортных цен в национальной валюте из-за стремления сократить потери в конкурентоспособности. Это приведет к отставанию темпов роста экспортных цен от внутренних и снизит сравнительную привлекательность поставок продукции на американский рынок.

Противоположная тенденция складывается в соотношении национальных валют НИС (кроме Тайваня) по отношению к японской иене. За период с декабря 1986 по март 1988 года курс малайзийского ринггита понизился относительно японской иены на 20 %, гонконгский доллар — на 19,7, тайландские баты — на 16,2, сингапурский доллар — на 12,5, южнокорейский вон — на 7,8 %. Понижительная тенденция характерна также для курсов национальных валют НИС по отношению к валютам стран Западной Европы. Понижение курса даст возможность экспортерам из НИС снизить уровень своих цен относительно конкурентов из других стран, одновременно увеличатся экспортные доходы в пересчете на национальную валюту.

Изменение соотношения национальных валют НИС Азии к американскому доллару, западноевропейским валютам и японской иене нашло свое отражение в определенной переориентации экспорта НИС с американского рынка на западноевропейский и японский. Снижение конкурентоспособности НИС на американском рынке компенсировалось ростом их конкурентоспособности на рынках Западной Европы и Японии.

Особенно заметно повысилась конкурентоспособность товаров из НИС Азии на японском рынке. Согласно опросу, проведенному среди японских предпринимателей, ценовая конкурентоспособность НИС Азии по сравнению с Японией по таким товарам, как одежда, выше на 45 %, бытовая электронная аппаратура — на 31, легковые автомобили — на 21 %²³. Это привело к своеобразному нашествию товаров из азиатских НИС на японский рынок. В 1987 году экспорт в Японию только «четырёх драконов» возрос на 50,3 %²⁴.

В свою очередь это явление оказало определенное влияние на состояние внутреннего рынка Японии. В частности, массовый наплыв товаров из НИС Азии, которые в среднем на 20—30 % дешевле японских аналогов, явился одним из факторов, способствующих развитию в Японии процесса дефляции: он повлиял на уровень розничных цен и привел к банкротству ряда фирм²⁵, не выдержавших ценовой конкуренции. Такое явление в мировой экономике встречается впервые.

В свое время, когда промышленная продукция азиатских НИС завоевывала американский рынок и продавалась по заниженным ценам, это не сказывалось на состоянии внутренних цен, однако приводило в движение механизм государственного-монополистического регулирования цен, который выражался в ужесточении политики протекционизма. Таким образом поддерживалась стабильность внутреннего рынка и защищались местные производители от конкурентов из азиатских НИС. Такое же противодействие встречали экспортеры из этих стран на рынках Западной Европы.

Важную роль в укреплении конкурентных позиций азиатских НИС на мировом рынке играет политика государства, которая направлена на стимулирование экспорта и защиты отечественных производителей от конкуренции при импорте товаров из других стран.

Национальные программы развития экспорта в НИС Азии хотя и имеют определенные различия, но по своей сути сводятся к оказанию различных видов финансовой помощи экспортерам продукции (субсидирование экспорта, предоставление экспортных кредитов, предоставление различных налоговых и таможенных льгот, создание экспортно-производственных и научно-производственных зон и др.).

* * *

Анализ основных факторов конкурентоспособности НИС Азии на мировых товарных рынках позволяет сделать вывод, что в ближайшей перспективе они несколько утратят свои позиции на рынке текстильных изделий, одежды и обуви, хотя и будут продолжать доминировать на нем прежде всего за счет переноса производства в наименее развитые страны. Достаточно конкурентоспособными останутся электронные и электротехнические изделия, легковые автомобили, сталь и изделия из стали, химические товары, продукция станкостроения.

В связи с новым подходом Советского Союза к развитию внешнеэкономических связей, направленным, в частности, на улучшение структуры экспорта за счет повышения доли готовых изделий, и прежде всего наукоемкой машиностроительной продукции, пристального внимания заслуживает модель экспортной ориентации азиатских НИС, которая имеет ряд несомненных преимуществ.

Модель экспортной ориентации, выработанная в НИС, может вполне быть приемлема в условиях социалистической экономики, о чем наглядно свидетельствует опыт КНР. Китайские экономисты примерно на десятилетие раньше нас реально осознали те преимущества, которые дают экономическому развитию активное участие в международном разделении труда и эффективность модели экспортной ориентации, разработанной в НИС, и уже сейчас пожинают плоды такой стратегии развития внешнеэкономических связей.

При решении актуальной задачи по более активному и всестороннему вовлечению народнохозяйственного комплекса Советского Союза в международное разделение труда определенную помощь может оказать изучение опыта НИС, которым в короткие сроки удалось не только значительно повысить конкурентоспособность экспортной продукции, найти свою «нишу» на мировом рынке, но и потеснить конкурентов из числа ведущих капиталистических государств.

¹ В настоящее время в научный оборот входит термин «новые индустриальные экономики» (НИЭ) вместо — «новые индустриальные страны» (НИС). Это понятие более емкое и отражает уже целое явление в мировой экономике. На наш взгляд, терминологическая разница не имеет принципиального значения, если рассматривать появление НИС как определенное явление в капиталистическом хозяйстве. Западные экономисты к НИС Азии, как правило, относят лишь Южную Корею, Тайвань, Гонконг и Сингапур. Однако по ряду экономических показателей Сингапур, например, уступает Малайзии и Таиланду. И хотя достижения последних на мировой арене не столь феноменальны, как у «четырех драконов», тем не менее они развиваются, используя аналогичную модель: генезис капитализма имеет те же характерные черты и особенности, и они, несомненно, тяготеют к НИС. Поэтому с методологической точки зрения, как представляется, Малайзию и Таиланд следует изучать как НИС, тем более если исследовать феномен НИС именно как определенное явление в мировом капиталистическом хозяйстве.

² Подсчитано по: International Trade 1986—1987, GATT.— Geneva, 1987.— P. 156.

³ The EMF Foundation's Seventh Annual World Competitiveness Report.— Geneva, 1986.— P. 2.

⁴ Le rapport annuel de la Fondation pour l'économie mondiale.— Geneva, 1987.— P. 2.

⁵ Рассчитано по: Adjusting to Success: Balance of Payments Policy in East Asian NIC's.— Washington, 1987.— P. 92—93; Monthly Labor Review.— December 1987.— P. 98.

⁶ U. S. News and World Report.— 1987. September 14.— P. 52.

⁷ South.— July 1987.— P. 11.

⁸ Business Week.— 1988.— January 11.

⁹ The Asian Wall Street Journal.— 1986.— November.— P. 12.

¹⁰ Mainichi Daily News.— 1988.— January 3.

¹¹ Japan Times.— 1987. November 25; Automotive News.— 1987.— December 14.— P. 31.

¹² Japan Times.— 1988.— January 21.

¹³ Shipping and Trade News.— 1987.— December 1.

¹⁴ Business Times.— 1987.— July 21.

¹⁵ Far Eastern Technical Review.— 1987. August.

¹⁶ Handbook of Statistics 1987.— New Delhi, 1988.— P. 274.

¹⁷ Far Eastern Economic Review.— 1988.— January 28.

¹⁸ The Asian Wall Street Journal.— 1988.— March 29.

¹⁹ Ibid.— 1988.— March 8.— P. 21.

²⁰ Business Times.— 1988.— July 8.

²¹ The Asian Wall Street Journal.— 1987.— August 11.

²² Рассчитано по: National Westminster Bank, Asia Pacific Review.— 1988.— March.— P. 2.

²³ The Daily Yomiuri.— 1988.— October 4.

²⁴ Цусэ хакусэ сорон.— 1988.— С. 65. *

²⁵ По официальным данным, из-за наплыва дешевых товаров из азиатских НИС в 1987—1988 годах в Японии разорилось около 150 мелких компаний, в основном производителей одежды и электронных изделий.— Japan Times.— 1988.— October 15.

Ю. ШИШКОВ

Круглый стол «Социализм и собственность» («ПДВ», № 2, 1989), несомненно, внес заметный вклад в разгорающуюся в советской науке и публицистике дискуссию о путях обновления и обогащения отношений собственности на средства производства. Как и Китай и некоторые другие страны реального социализма, мы неожиданно обнаружили, что «король гол»: слепая вера в общегосударственную собственность как высшую и самую прогрессивную форму присвоения оказалась несостоятельной. Начались лихорадочные поиски альтернативы, но идут они преимущественно на ощупь, методом проб и ошибок, эмпирически. Прав Р. Н. Евстигнеев: «Не только в КНР, но и у нас, и в других социалистических странах наука не прокладывает путь реформе, а в основном следует за практикой»¹.

Причин такого положения немало. Хотелось бы выделить, с моей точки зрения, главную: утрату доверия к теории научного коммунизма как инстинктивную реакцию на то, что в начале пути всех нынешних стран реального социализма лежал футурологический проект основоположников марксизма, дошедший до нас из XIX века. С точки зрения психологической такая поведенческая реакция общества примитивно проста: если в начале было слово, а результат оказался разочаровывающим, то долой всякое слово, будем верить только делу. Это шарахание из одной крайности в другую не делает чести цивилизованному обществу конца XX столетия, которое, между прочим, активно работает над созданием искусственного интеллекта. Ленинский афоризм «Без революционной теории не может быть и революционного движения»² в полной мере относится и к революционной перестройке наших нынешних экономических и политических структур.

Как представляется, многие ошибки и перекосы в строительстве реального социализма, да и промахи в проведении самой перестройки во многом обусловлены либо плохим знанием теории, либо пренебрежительным к ней отношением. Наполеон, правда, говаривал: «*On s'engage et puis... on voit*»³. Но то, что было позволительно корсиканскому авантюристу в ходе очередного военного сражения, вряд ли допустимо при решении судеб исторической формации. Речь идет в первую очередь о марксистской теории общественной собственности на средства производства как основе всей системы производственных отношений нового, послекапиталистического способа производства.

В последнее время некоторые ученые предлагают начать поиски «доктринальных причин деформации социализма», по существу перекаладывая вину с культа личности на марксистско-ленинское учение.

В чем суть Марксова учения о необходимости общественной собственности на средства производства?

Прежде всего он четко разграничивал собственность в экономическом смысле как реальное присвоение индивидом или обществом материальных и духовных благ для обеспечения своей жизнедеятельности и собственность в юридическом смысле как субъективное отношение людей к материальным условиям своего производства и потребления или систему волевых отношений между людьми по поводу условий реального

Шишков Юрий Витальевич, доктор экономических наук, профессор, зав. сектором ИМЭМО АН СССР.

присвоения, закрепленных в обычаях, нормах морали или права. Исходное реальное, или, как писал Маркс, «действительное» присвоение есть процесс труда, позволяющий завладеть необходимыми предметами природы или «освоить» их, или переработать в удобную для личного или производительного потребления форму. «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей...»⁴. Но этот процесс на протяжении всей истории человеческой цивилизации является общественным, т. е. осуществляется в рамках общества и при его содействии. Поэтому реальное присвоение неотделимо от разнообразных отношений между людьми по поводу производства, в том числе волевых — отношений собственности в юридической их ипостаси.

Эволюция реального присвоения предопределяется развитием производительных сил и характером производства. Когда появилась возможность присваивать у природы не только необходимый, но и прибавочный продукт, сложились условия для обмена излишками материальных благ, а значит, и условия для разделения труда. Появилась возможность присвоения на безвозмездной (путем насильственного захвата) или на возмездной основе потребительных ценностей, созданных другими людьми (коллективами). Разделение труда и основанная на нем система реального присвоения (собственности в экономическом смысле) образуют ствол того разветвленного дерева, кроной которого является вся сложнейшая система экономических отношений современного общества. В этом — смысл известного пояснения Маркса: на вопрос о том, что такое буржуазная собственность, «можно было ответить только критическим анализом «политической экономики», охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как производственных отношений»⁵.

Но «юридическое выражение» — не пассивное надстроечное украшение над экономическим базисом, а серьезный фактор обратного воздействия волевых отношений на производственные. Только в условиях развитых юридических отношений собственности грубые, основанные на голом насилии формы эксплуатации человека человеком могли быть заменены более эффективными, опирающимися на личную или экономическую зависимость. Чтобы возникла система крепостничества, нужна была не только военная сила феодала, но и сила закона, санкционирующего иерархию личной зависимости, закрепление земли в безраздельное владение и распоряжение определенного класса, рентные отношения (натуральный, потом денежный оброк) и т. п. Чтобы ростовщик мог присваивать себе овеществленный в продуктах или деньгах неоплаченный труд должника, нужна была достаточно зрелая система норм кредитного права. Наконец, становление капиталистической формы эксплуатации, основанной на безвозмездном присвоении части живого труда наемного рабочего или служащего, было возможным лишь в условиях высокоразвитых отношений частной собственности, обеспечивающей монополизацию основных средств производства в руках класса предпринимателей.

Ясное дело, та или иная система собственности выражает кровные материальные интересы определенных классов и защищается ими всеми доступными средствами, вплоть до открытого насилия. И все же решающая роль остается за реальным присвоением. Вещь «становится действительной собственностью только в процессе общения и независимо от права», — пояснил Маркс и Энгельс⁶, подчеркивая первичность экономической стороны собственности и вторичность правовой ее стороны. Реальное же присвоение видоизменяется вместе с эволюцией производительных сил общества, углублением и усложнением разделения труда, обратной стороной которого является повышение уровня его обобществления. Вот почему в марксистской политической экономии исторические судьбы собственности прочно связаны с развитием обобществления труда (производства).

Когда крестьянин или ремесленник посредством своего труда добывает необходимые ему и его семье материальные блага, то имеет место преимущественно частное производство и частное присвоение. (Преимущественно, а не целиком потому, что и тот, и другой должны выменивать на стороне как недостающие ему средства производства, так и недостающие предметы личного потребления). Такому частному производству и присвоению (собственности в экономическом смысле) адекватна и юридическая частная собственность на средства производства и продукты труда.

Иное дело — завод или фабрика. Здесь труд каждого рабочего или служащего объективно не может быть изолированным, индивидуальным присвоением или освоением

предметов природы, ибо изначально выступает как частица совместного труда многих рабочих и служащих, как кооперация труда. «Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие... из фабрик и заводов,— писал Ф. Энгельс,— представляют собой продукт совместного труда множества рабочих, через руки которых они должны были последовательно пройти, прежде чем стали готовыми. Никто в отдельности не может сказать о них: «Это сделал я, это мой продукт»⁷. В условиях столь высокого обобществления труда (производства) реальное присвоение по самой своей природе является коллективным. Однако в силу отмеченных выше обстоятельств юридическая форма собственности при капитализме отрывается от своего экономического содержания и вступает в противоречие с ним.

Но коллективный характер реального присвоения не ограничивается рамками фабрики или завода. Если фермер или ремесленник в своем полунатуральном хозяйстве не может обойтись без присвоения — через эквивалентный обмен — некоторых продуктов чужого труда, то в еще большей мере это характерно для высокотоварного фабричного производства. Фабрика должна иметь постоянный приток сырья, материалов, полупродуктов, а также — время от времени — новых машин и оборудования, которые сама она не производит. Иначе говоря, трудовой коллектив той или иной конкретной фабрики не может использовать имеющиеся в его руках средства производства, а значит, реально присваивать предметы природы без широкого технологического взаимодействия со многими другими трудовыми коллективами. Чтобы здесь состоялся процесс труда, нужна определенная степень устойчивого общественного разделения труда и обобществления производства в макроэкономических масштабах. «Обобществление,— писал В. И. Ленин,— ...состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только — частичка процесса)... а в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства»⁸.

На этой ступени развития общественного производства экономическое присвоение выходит далеко за рамки отдельных предприятий. Каждый трудовой коллектив, по существу, присваивает (посредством обмена товаров) какие-то доли продукта, а следовательно, и соответствующие доли средств производства предприятий-смежников. Со временем становится невозможно сказать: «Это мой продукт» — и в отношении стального проката или электроэнергии, питающей предприятия и жилища; в отношении переработанных, расфасованных и упакованных пищевых товаров; не говоря уже об автомобилях или электровозах, состоящих из многих тысяч деталей, узлов и компонентов, созданных сотнями самых различных предприятий.

Коллективный характер присвоения в экономическом смысле вступает в еще более острое противоречие с прежней юридической формой частного присвоения. Острота его отчетливо снимается развитием акционерной собственности. Полное же разрешение этого противоречия основоположники марксизма видели в утверждении общественной (общенародной) собственности. «...Историческая тенденция капиталистического производства,— писал Маркс в 1877 г.,— сводится к тому, что оно «с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание»; ...что капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную»⁹.

Не касаясь сейчас вопроса о том, насколько правильным был этот вывод (жизнь оказалась значительно сложнее таких представлений), отметим, однако, очень важный момент. Для Маркса и Энгельса «экспроприация экспроприаторов» — естественный процесс приведения юридической формы собственности в соответствие с ее реальным экономическим содержанием. Иными словами, это заключительный акт перехода капитализма в свою противоположность, а не его пролог. Энгельс совершенно определенно подчеркивал, что экономическим прогрессом национализация средств производства будет «лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным». Он едко высмеивал тех, кто воспринимал в качестве шагов к социализму обращение Бисмарком некоторых средств производства в собственность прусского государства. В таком случае, писал он, «должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская Seehandlung, королевская фарфоровая мануфактура и даже ружейные швалбни в армии»¹⁰.

Однако эта сердцевина учения основоположников марксизма об условиях появления общественной (общенародной) собственности оказалась преданной забвению и у нас,

и в КНР, и в других странах, последовавших по нашему пути. Впрочем, ее, может быть, просто не разглядели. Национализация и конфискация, то есть законодательное превращение крупных, средних, а подчас и мелких предприятий в государственную собственность, воспринимались как социалистическое обобществление средств производства. Юридическая форма была спутана с экономическим содержанием.

Правда, были нюансы в понимании социалистического обобществления. В 1918 г. «левые коммунисты» во главе с Н. Осинским выступали за самое решительное обобществление предприятий и «социализацию» производства. Возражая им, В. И. Ленин писал: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению»¹¹. Однако даже он, противопоставляя этой юридической форме общественной собственности «обобществление на деле», сводил последнее лишь к «строжайшему и повсеместному учету и контролю производства и распределению продуктов»¹². И подписывал многочисленные декреты о национализации земли, банков, фабрик, заводов и т. д., ибо тоже был убежден, что «задача социализма — переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим»¹³.

И это — в полукапиталистической стране, где более половины национального продукта давало сельское хозяйство, в котором было занято почти 4/5 трудоспособного населения и которое в массе своей оставалось атомизированным полунатуральным хозяйством (в 1917 г. на один двор приходилось около 3,5 десятины земли). В России, которая накануне революции была «...невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»¹⁴. При таком уровне развития производительных сил и реального обобществления производства насаждение общенародной собственности на все средства было явным забеганием вперед, насилием над экономическими законами.

Причины такого теоретического промаха стратегов социалистической революции и в нашей стране, и в КНР, и в других странах не сводятся, однако, к тому, что они не вникли в суть открытых Марксом закономерностей становления общественной собственности в ее экономическом и юридическом проявлении. Дело, думается, еще и в том, что сами основоположники марксизма, разрабатывая теорию собственности, сконцентрировали почти все внимание на вопросах социальной справедливости, распределении средств производства и прибавочной стоимости, оставив на обочине своих исследований проблемы эффективности общественного производства.

Между тем эта практическая сторона дела во многом предопределяет на каждом этапе истории фактическое соотношение правовой формы собственности и ее экономического содержания. Задумаемся над таким фактом: почему даже в наиболее экономически развитых странах Запада, где степень реального обобществления производства еще при жизни Маркса была, по его мнению, достаточно высока, чтобы там могла произойти закономерная «экспроприация экспроприаторов», — почему в этих странах и сегодня сохраняется плюрализм форм собственности на средства производства? Подавляющая часть сельскохозяйственных предприятий здесь находится в индивидуальной или семейной собственности фермеров, включая частную собственность на землю. В такой же собственности находятся сотни тысяч мелких промышленных и особенно торговых предприятий, различных заведений в сфере услуг. В последние десятилетия определенные позиции завоевала кооперативная собственность в сельском, рыбном хозяйстве, торговле и т. п. Подавляющая часть средних и крупных промышленных, кредитных, торговых и других фирм находится в акционерной собственности. Некоторые из них через систему участия в капитале, личную унию, производственное кооперирование контролируют значительную часть производства и сбыта в той или иной отрасли, что придает акционерной собственности монополистический характер. Наконец, почта, железные дороги, телекоммуникационные предприятия, воздушный транспорт, а в некоторых западноевропейских странах также предприятия электроэнергетики, угольной, автомобильной и некоторых других отраслей промышленности представляют собой полную или частичную государственную собственность. И, конечно, при этом имеется множество переходных (смешанных) форм.

Столь богатая палитра форм собственности в капиталистическом обществе обу-

словлена двумя причинами: с одной стороны, различным уровнем реального обобществления в разных отраслях экономики, с другой — императивом эффективности хозяйствования. Последний предполагает личную материальную заинтересованность не-просредственных производителей. А она достигается при оптимальном для каждого уровня обобществления производства сочетании владения средствами производства, распоряжения и пользования.

Для капиталистического общества, ставящего во главу угла экономическую эффективность производства, и для социализма, отдающего предпочтение социальной справедливости, исключаяющей возможность наживы одних членов общества за счет других, этот оптимум владения, пользования и распоряжения, по-видимому, не может быть одинаковым. В первом случае он достигается при такой форме собственности, которая дает максимум простора для предприимчивости, невзирая на способы получения прибыли на капитал. Во втором — такой оптимум достигается тогда, когда обеспечивается возможность получения максимума совокупного трудового (т. е. исключаяющего наживу за чужой счет) дохода, включающего гармонично дополняющие друг друга личные доходы и поступления в общественные фонды потребления, из которых обеспечиваются различные социальные нужды трудящихся. Поэтому при прочих равных условиях в капиталистическом обществе весь спектр форм собственности несколько смещается в сторону частной собственности. В социалистическом же он должен, по-видимому, несколько смещаться в сторону коллективных форм собственности.

Поэтому, устранив романтические ошибки прошлого, исправляя уродливый перекос в сторону огосударствления всего и вся, безотносительно к степени реальной зрелости производственных отношений, страны социализма, если они хотят сохранить свои социальные цели, не могут просто копировать структуру правовых отношений собственности, существующую в капиталистических странах сегодня, или даже ту, которая была тогда, когда там уровень реального обобществления производства соответствовал нынешнему его уровню в СССР, КНР и т. д. Общество реального социализма не может дальше мириться с бесхозяйственностью, порождаемой безбрежными просторами государственной собственности, но оно не станет терпеть и того индивидуального и коллективного эгоизма, который уже дает о себе знать с появлением кооперативных и хозрасчетных форм хозяйствования. В этом сложность нынешней перестройки экономических отношений. Наши формы собственности должны быть гибче, подвильнее, скажем так, квалифицированное, чем на Западе.

Представляется, что с теоретической точки зрения правы те китайские, советские и другие ученые, которые предлагают вести поиск упомянутого оптимума в трех направлениях. С одной стороны, в направлении акционерной собственности, которая позволяет в тысячах вариантов сочетать интересы трудового коллектива с интересами общества в лице государства, региональных или местных его органов, которые выступали бы сособственниками средних и крупных промышленных, торговых, финансовых и прочих компаний, обеспечивая себе не только часть прибыли, но и долевое участие в управлении соответствующим хозяйственным объектом. Кстати, такое долевое участие облегчало бы решение и острой проблемы распределения финансовых ресурсов общества между центральными, республиканскими и местными бюджетами.

С другой стороны, плодотворным представляется и активно экспериментируемый в КНР путь развития различных форм арендных отношений, когда право владения основными средствами производства сохраняется за государством (либо колхозом), а права пользования и распоряжения передаются трудовым коллективам (либо отдельным лицам или семьям). Это «расчленение» государственной собственности особенно удобно в тех отраслях экономики, где уровень обобществления невысок и экономически эффективнее мелкие и средние хозяйственные единицы. Важно, однако, чтобы сроки аренды были достаточно длительными (30—50 лет и более), а условия аренды не могли бы изменяться арендодателем в ущерб арендатору. В сельском хозяйстве с учетом особенностей основного средства производства — земли — и специфики труда земледельца, по-видимому, наиболее эффективна бессрочная аренда. Напомню мнение по этому вопросу эстонского фермера М. В. Сальдере, выступавшего на совещании в ЦК КПСС в октябре 1988 г. Аренда на 20 лет не гарантирует от того, что по истечении ее сроков труд, вложенный в улучшение плодородия земли, окажется утраченным. Кроме того, «хозяин тот, кто знает, что земля останется его детям и они будут работать на ней, если отец воспитал у них любовь к земле»¹⁵.

И, наконец, как вспомогательная форма собственности на небольшие предприятия в сфере услуг, а кое-где и в производстве — кооперативная собственность.

А как же государственная собственность? На мой взгляд, совершенно очевидно, что полная собственность государства (как владельца, распорядителя и пользователя средствами производства) должна быть не правилом, а исключением для тех случаев, когда речь идет об очень крупных комплексах (например, транспортных магистралах), имеющих особое народнохозяйственное или стратегическое значение. Вся мировая практика подтверждает низкую экономическую эффективность такой собственности. Признаком растущего понимания этой истины является уже то, что в научной печати, да и в выступлениях политиков государственная собственность не отождествляется более с общенародной. Пора отказаться и от еще одной идеологической догмы: будто государственная собственность — это специфически социалистическая форма собственности. Форма собственности сама по себе не имеет социальной окраски так же, как не имеет ее договорная форма рыночных сделок, в процессе которых товар меняет собственника. Это — не более чем правовой инструмент, который может использоваться в разных общественно-экономических системах и исполнять разные, подчас прямо противоположные, социальные роли.

¹ Проблемы Дальнего Востока. — № 2, — 1989.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — т. 6, с. 24.

³ «Сначала вяжутся, а потом... смотрят» (фр.).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, — С. 195.

⁵ Там же. — Т. 16, — С. 26.

⁶ Там же. — Т. 3, — С. 64.

⁷ Там же. — Т. 20, — С. 280.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 1, — С. 177.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — Т. 19, — С. 120.

¹⁰ Там же. соч. — Т. 20, — С. 289.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 36, — С. 293.

¹² Там же. — Т. 36, — С. 171.

¹³ Там же. — Т. 35, — С. 411.

¹⁴ Там же. — Т. 23, — С. 360.

¹⁵ Правда. — 1988. 14 октября.

С. ТИХВИНСКИЙ

Вступление Советского Союза в войну с Японией настолько деморализовало японские и китайские марионеточные власти Бэйпина, что они даже не интернировали коменданта зданий советского генконсульства или кого-либо из местных советских граждан. Зато прибывшие вскоре после безоговорочной капитуляции Японии в Северный Китай офицеры американской армии и морской пехоты, особенно контрразведчики, тотчас же стали проявлять повышенный интерес к местной советской и русской эмигрантской колонии и особенно к главе русской православной церкви в Китае архиепископу Виктору и его сотрудникам. Архиепископ Виктор (в миру Леонид Святин), сын священнослужителя из оренбургских казаков, во время первой мировой войны был мобилизован в армию и окончил школу прапорщиков. Вместе с частями белых армий под командованием Дутова и Бакича, отступавшими под натиском Красной Армии, попал в Синьцзян, где постригся в монахи и вскоре выехал в Пекин, став там сотрудником Российской Духовной миссии. Через несколько лет руководство эмигрантской церкви направило его в Чехословакию, для прохождения курса богословия, после чего он был назначен главой миссии в Пекине. Он пользовался большим авторитетом среди русской эмиграции в Китае и со временем был произведен в архиепископы. Несмотря на то что в годы японской оккупации власти назначили его главой антикоммунистического союза Северного Китая, он вполне лояльно относился к верующим советским гражданам и в годы Великой Отечественной войны не скрывал своих патриотических чувств, чем вызвал недовольство японских властей.

Некоторые американские офицеры владели русским языком; среди них были и эмигранты из России, получившие в свое время американское гражданство. Они активно склоняли архиепископа Виктора и других русских эмигрантов, а также отдельных советских граждан к отъезду из Китая в страны Запада.

После окончания войны с фашистской Германией Верховный Совет СССР обязал советские дипломатические и консульские учреждения за границей провести работу по восстановлению в гражданстве СССР всех лиц, состоявших к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи и не утратившими советского гражданства в соответствии с Законом о гражданстве СССР от 19 августа 1938 г. В Бэйпине проживало к тому времени около ста местных советских граждан, объединявшихся «Обществом граждан СССР» (председатель общества — адвокат Ребрин, секретарь — артист Спешнев, казначей — бывший царский дипломат Бруннерт), и около 200 русских эмигрантов — лиц без гражданства.

Первое время мне пришлось заниматься главным образом оформлением советских паспортов бывшим эмигрантам, подавшим заявление о восстановлении в гражданстве СССР вслед за архиепископом Виктором, который на первой же встрече со мной в октябре 1945 г. заявил о признании им юрисдикции Московской патриархии и вскоре решил на восстановление гражданства¹. Такую работу мне и сотрудникам открывшегося вскоре в Бэйпине генерального консульства пришлось проводить практически до середины 1946 г.

После капитуляции Японии в Китае сложилась новая военно-политическая обстановка. Гоминьдановское правительство под давлением общественного мнения внутри страны, а также позиции, занятой Советским Союзом и США, вынуждено было вступить в конце августа 1945 г. в переговоры с КПК. В Чунцин прибыли Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай. После 43 дней переговоров с представителями Гоминьдана 10 октября

* Окончание. Начало см: Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 3.

было подписано коммюнике, в котором содержалось обязательство обеих сторон избегать гражданской войны и сотрудничать в создании независимого, свободного и мирного Китая. На состоявшемся в Москве во второй половине декабря 1945 г. совещании министры иностранных дел СССР, США и Великобритании «подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая»², признали необходимым прекращение гражданской войны, объединение и демократизацию всех органов национального правительства Китая. Там же руководители дипломатических ведомств Советского Союза и Соединенных Штатов Америки пришли к единому мнению о «желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок». Советские войска, выполнив свою миссию, в согласованные с китайским правительством сроки (к маю 1946 г.) покинули Северо-Восточный Китай; американские же, прибыв уже после безоговорочной капитуляции Японии, надолго задержались на китайской земле, тщетно пытаясь помочь агонизировавшему гоминьдановскому режиму удержаться у власти.

Капитуляция Японии внесла существенные коррективы в китайскую политику США. Если до этого в предвидении длительной затяжной войны основная ее цель заключалась в активизации военных действий Китая против Японии (для чего было необходимо объединить военные усилия Гоминьдана и КПК), то теперь на первый план вышла задача укрепления позиций американского капитала и создания наиболее благоприятной для достижения этой цели внутривосточной обстановки.

Уже 30 сентября 1945 г. в Тяньцзине высадилась дивизия американской морской пехоты, стали прибывать все новые и новые части американских войск, численность которых в Китае к концу 1945 г. составила 113 тыс. человек³. Началась открытая военная интервенция США, на первых порах прикрывавшаяся необходимостью разоружения капитулировавших японских войск, а затем, как откровенно заявил 19 июня 1946 г. заместитель госсекретаря США Д. Ачесон, необходимостью «восстановить внутренний порядок в стране». Американская армия, авиация и военно-морской флот осенью 1945 г. спешно перебрасывали в Северный и Восточный Китай основные вооруженные силы гоминьдановцев. дислоцированные ко времени капитуляции Японии за многие тысячи километров от приморских районов. Это делалось с целью не допустить вступления в жизненно важные центры этих регионов войск, подконтрольных компартии расположенных вблизи Бэйпина, Циндао и Шанхая. 10-й и 14-й корпуса воздушных сил США и вся находившаяся в Китае американская транспортная авиация были заняты срочной переброской гоминьдановских войск в Бэйпин — Тяньцзиньский и Шанхайский районы. По тем временам это была самая крупная в мире авиатранспортная операция.

Одновременно готовились и осуществлялись крупномасштабные операции по переброске отборных гоминьдановских дивизий в Маньчжурию, для чего был задействован и американский военно-морской флот.

Советское правительство решительно отказало гоминьдановским властям (и стоявшим за их спиной американцам) в разрешении на использование для высадки войск порта Дальний, разъяснив, что по договору от 14 августа 1945 г. Дальний является сугубо торговым портом. Советский Союз таким образом оградил северо-восточные провинции Китая от интервенции США и задержал развязывание гражданской войны в этом регионе.

27 ноября 1945 г. американский посол генерал П. Хэрли подал в отставку, обвинив в провале своей политики в Китае ряд сотрудников посольства США, якобы исповедовавших прокоммунистические взгляды. Президент США Г. Трумэн послал в Китай в качестве своего специального представителя бывшего начальника штаба американской армии генерала Д. Маршалла, который в начале также предпринял попытку выступить посредником между Гоминьданом и КПК. 3 января 1946 г. в Чунцине для обсуждения вопроса о прекращении военных действий была создана «комиссия трех» в составе представителя Гоминьдана Чжан Цюня (позднее Чжан Чжичжуна), представителя КПК Чжоу Эньлая и самого Маршалла как председателя комитета. 10 января эта комиссия достигла соглашения, по которому стороны прекращали военные действия на всей территории страны, за исключением северо-восточных провинций. В этот же день в Чунцине начала работу Политическая консультативная конференция (ПКК) с участием представителей двух основных, а также ряда других китайских политических партий и видных беспартийных общественных деятелей. ПКК приняла ряд важных реше-

ний о введении в стране конституционного правления, создании коалиционного правительства и объединении всех вооруженных сил. Для наблюдения за соблюдением условий прекращения военных действий в Бэйпине был учрежден Исполнительный штаб в составе представителей трех сторон: представителя Гоминьдана генерала Чэнь Цземина, представителя КПК генерала Е Цзяньина и представителей США советника-посланника Посольства США в Китае Уолтера Робертсона и генерала Байруда — профессионального военного, впоследствии дипломата. Исполнительный штаб был внушительной организацией с многочисленным военным, преимущественно американским, персоналом, носившим на рукавах своих мундиров эмблему штаба — три переплетающихся кольца. Американцы обеспечивали радиосвязь штаба трехсторонними полевыми наблюдательными группами, отправляли их самолетами в районы столкновений между частями Гоминьдана и КПК. Деятельность Исполнительного штаба в Бэйпине проходила на фоне все учащавшихся нарушений гоминьдановским командованием условий прекращения гражданской войны, вооруженных столкновений гоминьдановских войск с частями войск КПК. Одновременно гоминьдановская реакция повсеместно развернула преследование демократических сил. Еще во время сессии ПКК в Чунцине в январе 1946 г. (на которой Чан Кайши торжественно обещал обеспечить народу демократические права, легализовать деятельность различных партий и групп, провести всеобщие выборы и освободить политических заключенных) агенты гоминьдановской охраны избивали выступавших на собраниях общественности делегатов и участников собраний. 10 февраля 1946 г. были зверски избиты участники митинга, состоявшегося по случаю завершения работы ПКК, ранив при этом видного деятеля Демократической Лиги Ли Гунпу, Го Можо и свыше шестидесяти других участников митинга. В феврале—марте в Чунцине гоминьдановские молодчики организовали погромы редакций газеты КПК «Синьхуа жибао» и органа Демократической Лиги «Миньчжу бао», подвергли разгрому филиал «Синьхуа жибао» в Чэнду, совершили налет на представительство 18-й армейской группы в Сиани.

20 февраля 1946 г. в Бэйпине гоминьдановская реакция перед зданием Исполнительного штаба организовала антикоммунистическую демонстрацию, в которой участвовало свыше тысячи человек, спровоцировала столкновения, направленные против представителей КПК. Власти запретили издававшуюся в Бэйпине дважды в неделю газету КПК «Цзефан», установили открытое полицейское наблюдение за сотрудниками Исполнительного штаба, представлявшими КПК.

Ввиду срыва гоминьдановцами соглашения о прекращении военных действий и откровенного пособничества представителей США гоминьдановцам в конце июня 1946 г. работа Исполнительного штаба была прекращена.

Одновременно с возобновлением военных действий против войск КПК летом 1946 г. на демократические силы Китая обрушилась волна репрессий. 11 июля 1946 г. в Куньмине от рук гоминьдановских убийц погибли известные лидеры Демократической Лиги Ли Гунпу и Вэнь Идо. Соглашение о прекращении военных действий неоднократно нарушалось гоминьдановскими войсками в различных районах страны, где они соприкасались с войсками КПК. 1 июля 1946 г. гоминьдановцы начали всеобщее наступление против войск компартии. В стране развернулась новая гражданская война. Д. Маршалл продолжал свою деятельность в Китае до января 1947 г. 11 июля 1946 г. в помощь Д. Маршаллу Трумэн направил послом США в Китае бывшего ректора Яньцзинского американского университета в Бэйпине Лэйтона Стюарта, долго жившего в Китае и пользовавшегося здесь известностью в академических и политических кругах. 4 ноября 1946 г. в Нанкине — гоминьдановской столице — был подписан американо-китайский договор о дружбе, торговле и навигации, открывавший широкий доступ американскому капиталу в Китай.

7 января 1947 г. Д. Маршалл был назначен государственным секретарем США, а 29 января того же года госдепартамент США официально объявил о прекращении посреднической миссии США в Китае. Американское правительство в полном соответствии с провозглашенной 12 марта 1947 г. президентом Трумэном антикоммунистической и антисоветской доктриной стало безоговорочно на сторону Чан Кайши в его вооруженной борьбе с КПК. В то же время американская администрация не могла не видеть глубокий экономический кризис гоминьдановского Китая, коррупцию и некомпетентность, царившие среди гоминьдановских правителей, жестокое подавление гоминьдановской секретной службой демократических сил страны, отсутствие народной под-

держки политики Гоминьдана. Отсюда попытки оказания нажима на Чан Кайши, желание найти третью силу, которая могла бы служить противовесом как КПК, так и Гоминьдану. Отсюда и стремление использовать в интересах США старые связи Л. Стюарта среди либеральной части Гоминьдана и руководства КПК, поиск альтернативы рекомендациям бывшего командующего американскими войсками в Китае генерал-лейтенанта А. Ведемейра, предложившего во имя борьбы с коммунизмом политику всесторонней военной, политической и экономической поддержки Чан Кайши.

29 июля 1946 г. между Бэйпинном и Тяньцзинем произошло вооруженное столкновение солдат американской морской пехоты и гоминьдановцев с частями 8-й армии, которое чанкайшистское правительство попыталось использовать как предлог для попытки вовлечения США в крупномасштабную военную авантюру. Этот инцидент вызвал волну возмущения китайской общественности, решительно выступившей против американской интервенции в Северном Китае. Солдаты расквартированного в Бэйпине батальона американской морской пехоты проживали в бывших английских казармах, расположенных в северо-западной части бывшего «дипломатического квартала», практически в центре города. Около ворот казарм постоянно дежурили два-три десятка рикш со своими легкими колясочками, в которые, получив увольнение, усаживались рослые американские солдаты и устраивали на виду у возмущенных их бесцеремонным поведением местных жителей шумные гонки, направляясь в публичные дома. Подчас можно было видеть, как, впрягаясь в коляски вместо рикш, они, пьяные, носились по городу, устраивая драки и дебоши.

Возмущение жителей Северного Китая достигло своей кульминации в конце декабря 1946 г., когда американский солдат надругался над студенткой Бэйпинского университета. Улицы города были заполнены демонстрантами, требовавшими от правительства США немедленно убрать войска из Китая. Повсюду можно было видеть лозунги и транспаранты: «Янки, убирайтесь домой!», «Американские солдаты, вон из Китая!» В десятках городов в эти дни возникли союзы борьбы против бесчинств оккупантов, требовавшие положить конец американской интервенции.

Гоминьдановское правительство не только не реагировало на справедливое возмущение китайского народа в связи с пребыванием на территории Китая американских войск, но, наоборот, всячески способствовало созданию американских военных и военно-морских баз — в Циндао, Дагу, Яньтае, на острове Тайвань. 3 июля 1948 г. США подписали с нанкинским правительством «двустороннее соглашение», по которому получали возможность поставить под свой контроль ряд важных отраслей народного хозяйства страны. Однако время гоминьдановского правления уже подходило к концу.

Еще весной 1946 г. Гоминьдан стал проводить политику, открыто враждебную Советскому Союзу. Гоминьдановские войска и гражданская администрация, вступившие в северо-восточные провинции Китая после возвращения оттуда на Родину Советской Армии, создали невозможные условия для деятельности оставшихся в Шэньянском отделении Китайской Чанчуньской железной дороги советских железнодорожников, которые прибыли туда на работу в соответствии с советско-китайским договором от 14 августа 1945 г. и соглашением о КЧЖД и исправно выполняли свои служебные функции. После вывода советских войск из северо-восточных провинций, начатого в марте и завершеного 3 мая 1946 г., гоминьдановцы учинили расправу над многими советскими гражданами — железнодорожниками, работниками конторы «Экспортхлеб» в Телине и других пунктах, в результате чего было убито и замучено 60 человек и более 200 семей ограблено. Сотрудникам нашего генконсульства в Бэйпине пришлось в начале осени 1946 г. эвакуировать в Советский Союз через Тяньцзинь и порт Тангу на пароходе «Гоголь» всех оставшихся в Шэньяне советских железнодорожников и сотрудников отделения торгового представительства. Нормальное функционирование КЧЖД и железнодорожная связь между Харбином и Дальним были нарушены.

Старинный культурный центр Китая Бэйпин после окончания войны с Японией стали посещать многие иностранные китаеведы. Здесь обосновалась талантливая молодая чета американцев Артур и Мэри Райт, интернированная японцами в годы войны в концлагерь в провинции Шаньдун. Артур Райт занимался исследованием китайской философии и буддизма, а Мэри Райт — новой и новейшей историей Китая. По заданию Гуверовского института в Стэнфорде М. Райт собирала документацию по истории китайской компартии — книги, брошюры, газеты, плакаты, воззвания, листовки, издававшие-

ся на подконтрольных КПК территориях. Собранная усилиями М. Райт коллекция хранится в Гуверовском институте и является одной из наиболее полных в своем роде, не имеющей аналога даже в КНР. В круг научных интересов М. Райт входило и исследование периода правления маньчжурского императора Тунчи. По возвращении в США она выпустила книгу «Последний оплот китайского консерватизма», посвященную истории Китая после второй опиумной войны 1858—1860 гг. Супруги Райт познакомили меня с посетившим Бэйпин видным американским историком-китаеведом Джоном Фэрбэнком, в годы войны возглавлявшим американский информационный центр в Чунцине. Они его знали еще по Гарвардскому университету, где были его студентами.

В Бэйпине проживал в те годы и другой американский китаевед — стипендиат Фонда Фулбрайта Дерк Бодде, женатый на местной русской женщине. Он занимался исследованием философии ханьского Китая и впоследствии опубликовал в США свой дневник, описывавший период осады Бэйпина НОАК.

Первым французским синологом, с которым мне довелось встречаться по приезду в Бэйпин, был один из первооткрывателей и исследователей синантропа («пекинского человека») антрополог и философ, член ордена иезуитов Тэйяр де Шарден, неоднократно подвергавшийся угрозе отлучения от католической церкви за свои материалистические взгляды. Он был также известен как крупный философ, пропагандист эволюционных идей, и в частности учения В. И. Вернадского о ноосфере. Тейяр де Шарден во время нашей встречи с большой симпатией говорил о советских войнах, сокрушивших немецкий фашизм и японский милитаризм, их освободительной миссии. Он рассказал о своем участии в раскопках в пещере Чжоукоудянь, где были найдены останки синантропа, подарил свой трактат «Есть ли жизнь на других планетах»¹. В Бэйпине к моменту капитуляции Японии находилась группа французских дипломатов, возглавлявшихся Ролланом де Маржери, выходцем из известного аристократического рода, давшего Франции не одно поколение профессиональных дипломатов. Среди проживавших в городе при японцах французом был также сподвижник де Голля по службе в Африке полковник Ивон. Французские дипломаты формально представляли при японцах вишистские власти, фактически же были эмиссарами правительства де Голля. Вскоре в Бэйпин прибыл молодой французский китаевед Жан Шэно, специализировавшийся по истории рабочего движения в Китае.

Во время войны в Бэйпине проживали и известные немецкие китаеведы Г. Франке, О. Франке и В. Хэйссиг, вскоре после окончания войны на Тихом океане репатриированные из Китая.

Между 1946 и 1949 гг. в Бэйпине действовали консульские представители США, Великобритании, Франции, Бельгии и Голландии, среди которых наиболее представительной и авторитетной фигурой был крупный специалист по Китаю и по Советскому Союзу Оливер Э. Клабб, получивший назначение на пост генерального консула США в Бэйпине в 1947 г. (после того как он не смог занять такой пост в Харбине, где американцы намеревались открыть генконсульство, но не смогли этого сделать ввиду отказа народно-демократических властей города выдать разрешение на пропуск американской консульской миссии). О. Клабб свободно владел китайским и русским языками. Еще в 1932 г., будучи вице-консулом США в Ханькоу, он написал пространный доклад о коммунизме в Китае, впоследствии изданный в виде отдельной книги. В годы Великой Отечественной войны Советского Союза О. Клабб был американским генконсулом во Владивостоке. Несмотря на свои антикоммунистические и антисоветские взгляды, О. Клабб по возвращении в США в 50-х годах стал жертвой маккартизма и был уволен из госдепартамента.

По роду своей официальной деятельности, а также с учетом своих научных интересов я за время работы в Бэйпине завел связи среди представителей местной интеллигенции. Познакомился с директором Пекинской национальной библиотеки профессором Юань Тунли и заведующим русским отделом библиотеки Чжан Тецзянем; профессором русского языка, бывшим дипломатом Ван Чжисяном; с дочерью известного китайского педагога и политического реформатора Кан Ювэя — Кан Тунби и ее мужем, бывшим дипломатом, Ло Чаном; с братом одного из руководящих участников реформаторского движения в Китае в конце XIX в. Май Мэнхуа — Май Чжунхуа; историком, специалистом по минской династии профессором У Ханем и другими. Кан Тунби, узнав о моей работе над докторской диссертацией по истории движения за реформы, предоставила возможность ознакомиться с хранящимися у нее

рукописями отца, помогала собирать публицистические материалы участников реформаторского движения. Она сама и ее муж активно участвовали в кампании за мирную сдачу Бэйпина, влияли в этом направлении на командный состав гоминьдановских войск.

Сразу после возвращения в город гоминьдановских властей представители старой бэйпинской интеллигенции подверглись всесторонней дискриминации. Их увольняли с работы, обвиняя в том, что они по тем или иным причинам не смогли покинуть город после его захвата японцами в 1937 г., совершенно забывая, что и в этих тяжелых условиях они продолжали вести большую культурно-просветительскую и преподавательскую работу среди молодежи и населения города, стоя на патриотических позициях. Имущество, дома и квартиры гонимых зачастую конфисковывались в пользу гоминьдановских чиновников и военщины. Не было ничего удивительного в том, что среди этой прослойки интеллигенции Гоминьдан не пользовался авторитетом.

Несмотря на постоянное явное наблюдение за нами со стороны агентов гоминьдановских спецслужб, наши читальный зал и библиотеку с произведениями советской и русской литературы, находившиеся по соседству с генконсульством на улице Дунцзяоминьсян, посещали многие представители китайской интеллигенции, учащаяся молодежь, живо интересовавшиеся жизнью советского народа, его культурой.

Летом 1948 г. у меня было несколько встреч с профессором У Ханем и его коллегами — преподавателями университетов Пекинского и Цинхуа, поделившимися своими оценками обстановки в Северном Китае. Территория этих двух расположенных за пределами городских стен на пути к Летнему дворцу университетов к тому времени получила у жителей Бэйпина прозвище «освобожденный район» — настолько сильные были среди студентов и преподавателей антигоминьдановские настроения. Многие студенты бросали занятия и уходили в партизанские отряды и регулярные части НОАК. Интеллигенция Бэйпина как и все его жители тяжело страдала от растущей дороговизны жизни, от произвола гоминьдановской охранки, преследовавшей прогрессивных, демократически настроенных людей.

Летом 1948 г. в Бэйпин перенес свою ставку главнокомандующий правительственными войсками в Северном Китае генерал Фу Цзюи, ставший по совместительству и главой гражданской администрации обширного района, охватывающего порт Тангу на побережье Чжилийского залива, Тяньцзинь, Бэйпин, Чжанцзякоу (Калган), Датун, Баотоу, Баодин.

В сентябре месяце я как генеральный консул в Бэйпине нанес протокольный визит Фу Цзюи. Он принял меня, обоих вице-консулов и секретаря генконсульства в своем штабе, расположенном в западном пригороде Бэйпина в бывших казармах японских войск. Это был высокий полный китаец, типичный северянин, уже немолодой. Нам было известно, что генерал Фу Цзюи, 1884 года рождения, был кадровым военным, уроженцем Шаньси, окончившим офицерскую школу в Баодине и долгое время служившим под командованием шаньсийского милитариста Янь Сишаня. В августе 1931 г. он был назначен гоминьдановским правительством губернатором провинции Суйюань. На этом посту он снискал общеитайскую известность патриотическим сопротивлением японской агрессии в Северном Китае. На подконтрольной территории Фу Цзюи в отличие от других гоминьдановских генералов избегал преследования левых сил, снял введенные нанкинским правительством ограничения свободы слова, собраний и деятельности профсоюзов, отказался от насильственной мобилизации в свою армию местного крестьянского населения.

Представив генералу Фу Цзюи сопровождавших меня сотрудников генконсульства, я кратко охарактеризовал ему местную советскую колонию в Бэйпине и просил содействия в деле охраны личности и имущества советских граждан. Командующий заверил, что с его стороны будет оказано необходимое внимание охране интересов иностранной колонии в Бэйпине, и перевел разговор на темы внутренней и внешней политики Советского Союза, проявив незаурядный интерес к истории советских вооруженных сил, и особенно к участию в рядах Красной Армии офицеров и генералов бывшей царской, а затем и белой армий. Я подробно рассказал ему о политике нашей страны, об итогах Великой Отечественной войны и о честной службе в рядах Красной Армии на стороне народа таких бывших крупных военных специалистов царской армии, как Маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников и Л. А. Говоров, генерал Калининский, с которым я познакомился на фронте под Юхновом в марте 1942 г., когда тот командовал артиллерией 49-й армии Западного фронта. Фу Цзюи выслушал мой рассказ

с большим вниманием и, как нам всем показалось, с чувством удовлетворения.

В результате генерального гоминьдановского наступления на опорные базы компартии, начавшегося в июле 1946 г., войскам КПК до лета 1947 г. пришлось вести оборонительные бои. В марте 1947 г. руководство КПК было вынуждено покинуть Яньань, где в течение 10 лет находились ЦК и Главное командование вооруженных сил КПК. Однако уже в сентябре 1947 г. Народно-освободительная армия перешла от обороны к наступлению и к осени 1948 г. очистила северо-восточные провинции Китая от гоминьдановских войск, что не замедлило сказаться на обстановке в Бэйпине.

К концу ноября 1948 г. военная обстановка в Северном Китае сложилась в пользу Народно-освободительной армии: после капитуляции гоминьдановских войск в северо-восточных провинциях командование НОАК перебросило крупные подкрепления в Северный Китай, вынудив войска Фу Цзон сосредоточиться в основном вокруг Бэйпина и Тяньцзиня. В ноябре—декабре 1948 г. в Бэйпин, кроме отступившей 200-тысячной армии Фу Цзон, хлынул поток беженцев (помещиков, гоминьдановских чиновников, полицейских, главарей местных помещичьих отрядов «самообороны») с женами и детьми, насчитывавший около 30 тыс. человек. Влившиеся за последнее время в армию Фу Цзон подразделения гоминьдановских войск, отступивших под натиском НОАК из северо-восточных провинций, отличались крайней недисциплинированностью. Оказавшись внутри городских стен Бэйпина, они принялись за повальные грабежи местного населения, не исключая при этом иностранных подданных. Главы консульских представительств СССР, США, Великобритании, Франции, Бельгии и Голландии были вынуждены в этой связи обратиться к военному командованию с настоятельной просьбой оградить граждан их стран от произвола распоясавшейся военщины. В осажденном городе начался голод.

Сотрудникам советского генконсульства в период сорокадневной осады Бэйпина не раз приходилось срочно выезжать по вызову местных советских граждан, чтобы защищать их от насильственных действий гоминьдановских войск. Особенно много беспокойства доставляли постоянные кражи сена и кормов, заготовленных на зиму двумя молочными фермами — при Российской Духовной миссии и при продовольственном магазине местного советского гражданина Шикина. Укрывшаяся в городе гоминьдановская кавалерия с давних пор фуражировалась за счет грабежа местного населения и не собиралась менять своих привычек, оказавшись в пределах городских стен Бэйпина.

Произвол гоминьдановской военщины сопровождался и открыто антисоветскими призывами, плакатами и карикатурами, которые расклеивали в городе агенты гоминьдановских спецслужб. Нам пришлось заявить решительный протест начальнику гарнизона генералу Дэн Баошаню и потребовать снять плакаты.

Предчувствуя неизбежность своего поражения, гоминьдановская верхушка, офицеры спецслужб, богатые помещики — все те, кто опасался заслуженного возмездия за свои преступления перед народом, — стали изыскивать пути бегства из осажденного города.

С последней декады декабря 1948 по 30 января 1949 г. на двух взлетно-посадочных полосах, срочно оборудованных в городе у пересечения проспекта Дунчанъаньцзе и улицы Чунвэньмэнь с прилегавшим к ней пустырем («гласисом») бывшего «дипломатического квартала», ежедневно приземлялись пилотировавшиеся гоминьдановскими и американскими летчиками небольшие транспортные самолеты, привозившие в осажденный город муку и другое продовольствие и за огромные деньги вывозившие всех тех, кто имел основания опасаться за свою судьбу после вступления в город НОАК. Окружавшие город войска КПК не препятствовали функционированию этого воздушного моста. Все население осажденного Бэйпина с нетерпением ожидало скорейшей сдачи города. Выражая эти настроения, мэр Бэйпина Хэ Сыюань, известный своими либеральными взглядами, пытался установить связь с командованием НОАК, однако был арестован агентами гоминьдановской контрразведки.

Еще до начала боевых операций против Бэйпина и Тяньцзиня командование НОАК предложило генералу Фу Цзон следующие условия капитуляции гарнизонов оboих городов:

1. Боевые действия обеих сторон должны быть прекращены одновременно.
2. Обе стороны высылают парламентариев, из которых создается смешанная комиссия для ознакомления с военной и политической обстановкой, чтобы на этой основе разработать условия и план капитуляции войск гарнизонов.

3. Для поддержания мира и порядка в городах Бэйпин и Тяньцзинь до полной капитуляции гоминьдановских войск остаются и несут службу специально выделенные части и подразделения гоминьдановских войск. Они вместе с полицией несут ответственность за сохранность предприятий и магазинов.

4. Гоминьдановские войска выводятся с оружием и боевой техникой в пригород (места по указанию командования НОА), в течение месяца приводят в порядок себя и вооружение, готовятся к капитуляции.

5. Все чиновники учреждений, банков, магазинов, предприятий, учреждений культуры и учебных заведений продолжают функционировать (работать) в соответствии с их статусом, ожидая инструкций от смешанной комиссии.

6. Правительство Хэбэйской провинции остается на месте и продолжает выполнять свои административные функции, ожидая инструкций от смешанной комиссии. Безопасность членов правительства гарантируется.

7. В городах и провинциях продолжают иметь хождение золотой юань и его эквивалент.

8. Все виды военного строительства и военного производства немедленно прекращаются.

9. Безопасность консульского аппарата зарубежных стран в Бэйпине охраняется.

10. Почта и телеграф продолжают работу.

11. Газеты, издаваемые в Бэйпине и Тяньцзине... должны быть поставлены на учет и заявлены в смешанной комиссии. В ближайшем будущем будет установлена цензура на публикации в печати.

12. Учреждения культуры, церкви, пагоды, исторические музейные памятники охраняются, им обеспечивается безопасная деятельность.

13. В целом нормальные условия жизни населения не должны быть нарушены⁵.

Об этих условиях командование НОАК широко информировало также жителей Бэйпина и Тяньцзиня, и они были поддержаны населением.

В пользу мирной сдачи Бэйпина определенное влияние на командующего правительственными войсками генерала Фу Цзюи оказывали настроения офицерского и рядового состава его армии, влиятельных представителей торгово-промышленных кругов и интеллигенции города, религиозных организаций. Как опытный военачальник, Фу Цзюи, никогда не пользовавшийся за свои патриотические убеждения и решительные действия в ходе антияпонской войны полным доверием Чан Кайши и правых гоминьдановцев, понимал, что НОАК пользуется широкой поддержкой народных масс и что Гоминьдан, лишившийся какой-либо поддержки внутри страны и целиком зависящий от США, победить ее не сможет. Все это побудило Фу Цзюи пойти на предложенные командованием НОАК контакты и принять условия мирной сдачи Бэйпина. К тому времени ему уже были известны результаты молниеносного разгрома частями НОАК гоминьдановской группировки, оборонявшей Тяньцзинь и не принявшей предложенных НОАК условий капитуляции. Согласившись на сдачу Бэйпина без боя, Фу Цзюи не только помог сохранить эту старинную столицу Китая с ее уникальными памятниками архитектуры и культуры, избавить жителей Бэйпина от ненужных жертв, но и подал убедительный пример другим гоминьдановским военачальникам, убедив их в бессмысленности дальнейшей борьбы.

31 января 1949 г. состоялось торжественное вступление в Бэйпин частей Народно-освободительной армии. Испытавшие на себе последствия более чем четырехлетнего гоминьдановского владычества, 40-дневной осады города и бесчинства чанкайшистской военной жителя Бэйпина с флагами и транспарантами радостно приветствовали освободителей. Не остались в стороне и сотрудники нашего генерального консульства, вышедшие с женами и детьми к настежь открытым воротам генконсульства, над которыми развевался алый флаг нашей Родины. Около полудня колонна Народно-освободительной армии вошла в город, проследовав с юга на север по широкой магистрали Цяньмэньдацзе, миновала городские ворота Цяньмэнь, затем свернула на восток по главной улице бывшего «дипломатического квартала» Дуңцзюминьсян, где были расположены консульства США, Бельгии, Голландии, Советского Союза и Франции и к которой примыкала также территория генконсульства Великобритании. В отличие от других улиц Бэйпина, бурливших радостными толпами горожан, улица Дуңцзюминьсян была пустыня. Напуганные антикоммунистической пропагандой, представители западных стран наглухо заперли свои ворота, выходящие на улицу, и изнутри подперли

их кто грузовиками, автомобилями, кто наспех сооруженными баррикадами из мешков и ящиков.

По Дунцзяоминьсян в образцовом порядке на трофейных американских автомашинах непрерывным потоком следовали полки НОАК. Одетые в новую, с иголки, теплую меховую форму, вооруженные захваченными в боях с гоминьдановцами американскими карабинами, с обветренными зимними ветрами лицами ехали герои сражений в Северо-Восточном и Северном Китае. Автомшины с артиллерийской прислугой тащили на прицепах трофейные американские пушки и зенитные орудия. Замыкала шестые кавалерия. Более часа продолжалось прохождение колонны. Затем на нашей улице вновь наступила тишина, но со всех сторон огромного города до нас доносились звуки праздничной музыки и радостный гул народных толп, вышедших приветствовать свою армию. Едва мы вернулись в здание генконсульства, как раздался звонок городского телефона и на правильном русском языке, но с типичным китайским акцентом меня поприсл к телефону какой-то человек, не назвавший себя дежурному.

«Товарищ Цихэвенько? Узнаёте ли Вы, кто с Вами говорит?»

Память быстро подсказала фамилию обладателя голоса на другом конце провода.

— Товарищ Е Цзяньин?

— Да, это я. Сейчас я к Вам приеду.

Не прошло и получаса, как к зданию консульства на невзрачном легковом автомобиле без охраны подъехал знакомый мне по встречам в Бэйпине в начале 1946 г. во время работы Исполнительного штаба генерал Е Цзяньин, только что назначенный на пост председателя Военно-революционного комитета города Бэйпина. Е Цзяньин прибыл со своей маленькой дочуркой Сяо Нюню, которой сразу же занялись жены наших сотрудники, а мы уединились для дружеской беседы.

— Ты и твои сотрудники, видимо, родились под счастливой звездой, или, как говорят у вас в России, «в рубашке», — сказал Е Цзяньин после того, как мы обменялись приветствиями. — Командование НОАК через свою агентуру в осажденном городе получило достоверные сведения о подготовке гоминьдановской секретной службой в Бэйпине крупной провокации против персонала советского и американского генконсульств, приуроченной к моменту вступления в город частей НОАК. Гоминьдановские террористы под видом местных жителей-антикоммунистов должны были напасть на помещение советского генконсульства, убить всех его сотрудников и членов семей; одновременно другая группа гоминьдановских диверсантов, одетая в форму НОАК, должна была совершить налет на генконсульство США и совершить убийство всех находившихся на его территории американцев. Цель задуманной акции — спровоцировать войну между Советским Союзом и Америкой, ибо только эта война, по мнению гоминьдановцев, могла спасти их режим.

Как только об этом узнали, продолжал Е Цзяньин, был приведен в полную боевую готовность полк специального назначения, чтобы в случае необходимости послать его нам на выручку. Одновременно принимались меры в городе для предотвращения провокации.

Выразив удовлетворение тем, что командованию НОАК не пришлось пускать в дело этот полк и поблагодарив Е Цзяньина за своевременно принятые меры, я тут же дружески посетовал, что артиллеристы НОАК в начале января доставили нам неприятность, выпустив по территории нашего генконсульства 75-миллиметровый снаряд, к счастью не разорвавшийся и обезвреженный местным гарнизоном, рассказал о тяжелом положении местных советских граждан в период осады города, о грубом притеснении их гоминьдановской военщиной. Е Цзяньин обещал немедленно разыскать виновных в грабежах, найти и вернуть награбленное.

25 марта 1949 г. в Бэйпин из деревни Сибайпо, что в западной части провинции Хэбэй, перебазировалось руководство и аппарат Центрального Комитета Компартии Китая и штаб Народно-освободительной армии. Хотя после смены власти в Бэйпине мы получили указание из Москвы на время прекратить выполнение официальных функций, мне по ряду вопросов, опять-таки по указаниям из Министерства иностранных дел, приходилось встречаться с Е Цзяньином, а также с Чжоу Эньлаем и другими прибывшими в город китайскими руководителями.

В середине апреля Е Цзяньин получил новое назначение и перед своим отъездом к войскам на юг пригласил меня на прощальный завтрак в ресторан летнего дворца Ихэюань в окрестностях города. Повар этого ресторана, в свои молодые годы служив-

ший поваренком на кухне маньчжурской императрицы Цы Си, был известен искусством приготовления множества чисто рыбных блюд, обладавших, однако, вкусовыми качествами различных сортов мяса и дичи. Когда я в завершение завтрака похвально отозвался о вкусовых качествах блюд, Е Цзяньин, уроженец Гуандуна, не стал оспаривать мое мнение, но заявил, что южная, гуандунская, кухня несравненно богаче северной и что он приглашает меня после освобождения Юга Китая от власти Гоминьдана, в чем он несколько не сомневался, побывать у него в гостях на его родине и лично убедиться в правоте его оценки. (К слову сказать, не прошло и девяти месяцев со времени этой нашей встречи, как в начале января 1950 г. мне довелось снова быть его гостем, на этот раз в недавно освобожденном НОАК городе Гуанчжоу и вместе с корреспондентом «Правды» О. И. Чечеткиной дегустировать знаменитые южнокитайские блюда.)

По просьбе народно-демократических властей Северного Китая советские специалисты-железнодорожники во главе с бывшим министром путей сообщения И. В. Ковалевым в 1948 г. оказали помощь в восстановлении движения по КЧЖД, а в конце 1948 — начале 1949 гг. — в осуществлении работ по восстановлению и северокитайских железных дорог в направлении Бэйпина. К середине 1949 г. эта работа была успешно завершена. Восстановление железнодорожного сообщения между Бэйпином и Советским Союзом облегчило установление экономических и культурных советско-китайских связей⁶. И. В. Ковалев, прибывший в Бэйпин весной 1949 г., поселился в одном из домов, расположенных на территории генерального консульства, и часто общался с китайскими руководителями по вопросам материально-технического обеспечения восстановительных работ, осуществлявшихся на железных дорогах по мере продвижения НОАК на юг. Как правило, перед своим бегством гоминьдановцы варварски взрывали мосты, станционные сооружения, угоняли подвижной состав. Нашим специалистам-железнодорожникам, помогавшим им китайским инженерам, техникам и рабочим было много работы.

17 июня днем И. В. Ковалев зашел ко мне в кабинет и передал приглашение Мао Цзэдуну на обед в его загородной резиденции. Уже темнело, когда на присланной за нами машине мы подехали к скрытой многовековыми кипарисами и соснами усадьбе в 20 км от города. Автомобиль долго взбирался вверх по петлявшей среди деревьев дороге, пока не остановился у ворот старинного буддийского монастыря, огражденного высоким белым забором. После влажной жары и духоты города здесь приятно веяло прохладой. Поднявшись по ступенькам к входным воротам, мы увидели два невысоких одноэтажных павильона типичной китайской храмовой архитектуры, расположенных на противоположных берегах пруда, беседку и небольшую площадку у самой воды. Через пруд был переброшен горбатый каменный мостик, соединявший оба берега. На площадке справа уже стояли Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Не Жунчжэнь. После того как мы поздоровались и едва успели обменяться несколькими фразами, китайские собеседники умолкли и повернулись влево, в направлении противоположного здания, откуда, медленно спускаясь по мостику, вышел высокий, грузный, несколько сутулившийся Мао Цзэдун, которого я сразу узнал по его портретам. И. В. Ковалев, поздоровавшись с Мао Цзэдуном, представил меня. Протянув свою мягкую руку, он долго не отпускал мою, то поднимая, то опуская, задавая вопросы о моем возрасте, месте рождения, учебе, о прохождении дипломатической службы, времени приезда в Китай. При этом он пристально, в упор рассматривал меня. Когда Мао Цзэдун закончил это своеобразное «анкетирование», все двинулись вслед за ним в правый павильон, где был накрыт длинный стол. Мао Цзэдун сел во главе стола в его торце. Справа от него расположился И. В. Ковалев с переводчиком Ши Чжэ, а слева — я. Моим соседом слева оказался Чжоу Эньлай, соседом И. В. Ковалева справа — Лю Шаоци. Чжу Дэ сидел рядом с Чжоу Эньлаем, а Не Жунчжэнь — с Лю Шаоци. За столом шла непринужденная беседа. Чжоу Эньлай рассказывал в деталях историю задержания, а затем и инсценировки «бегства» английского крейсера «Аметист», оказавшегося в ходе военных действий в бассейне реки Янцзы в тылу НОАК без угля. Чтобы избежать затяжного дипломатического конфликта с Великобританией, командование НОАК решило помочь «побегу» крейсера с подконтрольной ей акватории, продав через подставных лиц незадачливому командиру крейсера необходимое для «смелого прорыва коммунистической блокады» количество угля.

Когда обед подошел к концу, И. В. Ковалев с переводчиком и все китайские участники, кроме Мао Цзэдуна, переместились на противоположный конец стола, разложили карты и бумаги и стали обсуждать различные вопросы материально-технического снабжения, а я, оставшись один на один с Мао Цзэдуном, решил использовать пред-

ставившийся редкостный случай для внесения ясности в давно беспокоивший меня вопрос.

Дело заключалось вот в чем. После того как летом 1945 г. я защитил свою кандидатскую диссертацию о внешнеполитических взглядах и практике Сунь Ятсена, редакция Госполитиздата заключила со мной договор об издании на базе моей диссертации книги о докторе Сунь Ятсене. Вернувшись в Китай, я переработал материал диссертации и с оказией переслал рукопись книги в издательство своему редактору Динерштейну. Через год он мне прислал ряд замечаний издательского рецензента на рукопись, носивших сугубо конъюнктурный характер. Вскоре я отослал в Москву переделанный в соответствии с полученными замечаниями текст рукописи. Незадолго до осады Бэйпина было получено новое письмо от Динерштейна, в котором тот предлагал еще раз переработать рукопись с учетом быстро меняющейся политической обстановки в Китае. Поскольку, судя по развитию событий, окончательная победа КПК была не за горами, я решил узнать, как оценивает личность и деятельность Сунь Ятсена руководитель КПК. Мао Цзэдун дал высокую оценку выдающемуся китайскому революционеру-демократу, отметив при этом, что Гоминьдан изменил его заветам.

На другом конце стола продолжалась активная работа, и я решился спросить мнение моего собеседника о Кан Ювэе, его философских воззрениях и практической деятельности китайских реформаторов конца XIX в. Получив исчерпывающий ответ и на этот вопрос и видя, что на другом конце стола по-прежнему идет деятельное обсуждение, я поинтересовался у Мао Цзэдуна, какую политику КПК намерена проводить в отношении китайской буржуазии после прихода к власти в масштабах всей страны. Мао Цзэдун, пояснил, что в Китае в отличие от России периода Октябрьской революции буржуазия, как и остальной народ — крестьяне, рабочие, интеллигенция, — подвергалась гнету иностранного империализма и местных феодалов, и поэтому ее следует рассматривать как союзника КПК, а не как врага и соответственно не отталкивать ее.

Исчерпав вопросы политического и исторического характера, я спросил мнение собеседника относительно перспектив алфавитизации китайской иероглифической письменности как средства борьбы с массовой неграмотностью. Мао Цзэдун отвечал, что иероглифическое письмо — выдающееся богатство китайской нации и не может быть заменено никаким алфавитом. Я рассказал Мао Цзэдуну об опыте латинизации китайской письменности, проделанном моим учителем академиком В. М. Алексеевым совместно с китайскими учеными У Юйчжаном и Цюй Цюбо во Владивостоке в 30-х годах. Для китайских рабочих, проживавших в городе, на этом латинизированном алфавите специально издавалась газета «Гунжэньчжилу» («Рабочий путь»). Это позволило быстро вовлечь легко освоивших несложный алфавит доселе неграмотных китайских рабочих в активную общественную жизнь. Мао Цзэдун ответил, что ему об этом известно и что в бытность его в Яньани там тоже предпринимались попытки алфавитизации китайского языка, но что он лично к этим попыткам относился и относится отрицательно, ибо в переводе на алфавит исчезнет богатая самобытность многотысячелетней китайской культуры. На этом наша длившаяся более часа беседа закончилась, ибо И. В. Ковалев и его китайские собеседники к этому времени завершили все свои дела, свернули карты и убрали бумаги. Пришла пора прощаться. Мы поблагодарили хозяев, вместе с ними вышли во двор, попрощались, обменявшись рукопожатиями, спустились по ступенькам лестницы к ожидавшей нас машине и вернулись в душный, жаркий и влажный Бэйпин.

Через неделю с лишним после этой памятной встречи я прочел в китайской газете статью Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа», приуроченную к 28-й годовщине образования КПК, где упоминался ряд затрагивавшихся в нашей беседе имен и сюжетов. В этой программно-характера статье Мао Цзэдун среди прочего сформулировал ряд важных положений, не утративших своего значения и в наши дни. Например, он писал: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла передовым людям всего мира, в том числе и Китая, пересмотреть свои проблемы, применяя пролетарское мировоззрение в качестве орудия для изучения судеб своей страны. Идти по пути русских — таков был вывод»⁷. Отвечая своим оппонентам в Китае и за границей на обвинения в односторонней ориентации на Советский Союз, Мао Цзэдун писал: «Опыт, накопленный за 40 лет и за 28 лет, показывает, что китайцы держатся либо стороны империализма, либо стороны

социализма, и тут не может быть никакого исключения. Сидеть между двух стульев невозможно, третьего пути не дано»⁸.

В это время в Бэйпин уже стали съезжаться представители различных демократических партий и групп, видные общественные деятели, и статья Мао Цзэдуна давала ответ на многие имевшиеся у них, да и у членов КПК, недоуменные вопросы. Вскоре после ухода 21 января 1949 г. в отставку Чан Кайши и вступления на пост исполняющего обязанности президента гоминьдановского правительства генерала Ли Цзунжэня, последний, в феврале, проявил инициативу в деле возобновления мирных переговоров с КПК, послав для выяснения позиции КПК делегацию жителей Шанхая, которую как частное лицо сопровождал Шао Лицзы. 1 апреля 1949 г. в Бэйпине начались официальные мирные переговоры между делегациями Гоминьдана во главе с Чжан Чжичжуном и компартии во главе с Чжоу Эньлаем. Однако ввиду упорного отказа правых гоминьдановцев принять условия КПК эти переговоры не увенчались успехом.

Руководящие деятели демократических партий, представители левого крыла Гоминьдана, видные писатели, деятели науки и искусства поддерживали выдвинутую КПК программу мирного объединения страны. По инициативе компартии с 15 июня в Бэйпине начал свою работу подготовительный комитет по созыву Народного политического консультативного совета Китая.

С 4 по 10 мая 1949 г. в Бэйпине прошел I Всекитайский съезд молодежи, на котором была учреждена Всекитайская федерация демократической молодежи. Со 2 по 19 июля в городе состоялся Всекитайский съезд представителей работников литературы и искусства, основавший Всекитайский союз работников литературы и искусства — единую общенациональную организацию творческих работников. 16 июля по инициативе 698 представителей различных партий, организаций и слоев общества в помещении бывшего японского посольства на представительном собрании общественности в Бэйпине был создан подготовительный комитет Общества китайско-советской дружбы. Среди инициаторов создания подготовительного комитета были Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Сун Цинлин, Го Можо. Запомнилось выступление перед собравшимися Чжу Дэ, который, в частности, остановился на задачах будущего общества, призванного развивать и укреплять дружбу между двумя великими странами, внедрять опыт СССР во все области строительства, распространять достижения советской науки и культуры среди народа, рука об руку с Советским Союзом идти вперед, борясь за мир и народную демократию. Собрание прошло с большим подъемом, и его участники приняли приветственное послание руководителям советского правительства, текст которого был опубликован 17 июля 1949 г. в «Жэньминь жибао».

21 сентября в Бэйпине с участием 662 представителей — от КПК, всех демократических партий и групп страны, профсоюзов и других массовых организаций, НОАК, беспартийных общественных деятелей, зарубежных китайцев — открылась первая сессия Народной политической консультативной конференции, взявшей на себя роль Учредительного собрания. 30 сентября на сессии НПКК была принята «Общая программа» НПКК, Закон об организации Центрального правительства, Декларация об образовании Китайской Народной Республики, утверждены флаг, эмблема и Государственный гимн КНР. Сессия постановила переименовать Бэйпин в Бэйцзин (Пекин) и сделать его столицей КНР.

Помню ясное солнечное утро 1 октября 1949 г. За несколько часов до начала исторической торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики в город поездом из Северо-Восточного Китая прибывала делегация представителей советской общественности во главе с писателями А. Фадеевым и К. Симоновым. Сотрудники генерального консульства, прибывшие на вокзал для их встречи, были немало удивлены, когда за несколько минут до прибытия поезда на пустынном перроне появилось несколько военных, бережно с двух сторон поддерживавших двигавшегося в нашем направлении с закрытыми глазами бледного как полотно Чжоу Эньлая, механическим передвижением ноги. Подошедший к нам его помощник тихим голосом попросил не будить Чжоу Эньлая и пояснил, что его шеф не смыкал глаз на протяжении всех четырех предшествовавших дней, когда он практически один руководил работой учредительной сессии Народной политической консультативной конференции.

Как только поезд показался из-за поворота и стал приближаться к перрону, помощник разбудил Чжоу Эньлая. Очнувшись, тот с виноватым видом, но очень приветливо поздоровался с нами и, как только из остановившегося вагона вышли члены советской де-

легации, горячо приветствовал их от имени китайского государства, тут же проявив трогательную заботу о заболевшем в дороге А. Фадееве. Спустя несколько часов, как всегда бодрый и подтянутый, Чжоу Эньлай с другими руководителями избранного накануне Центрального народного правительства республики стоял на трибуне на площади Тяньаньмэнь.

К полудню огромную площадь перед бывшим императорским дворцом Гугун заполнили жители города — рабочие и служащие предприятий и учреждений, студенты и преподаватели учебных заведений, крестьяне городских пригородов. В ожидании начала праздничной церемонии они оживленно беседовали между собой, тут же самодеятельные артисты исполняли танцы янгэ под гулкие звуки барабанов. Всюду царило неподдельное веселье, развевались красные флаги, играла музыка, четкими квадратами были построены подразделения НОАК, войска столичного гарнизона. Все взоры были устремлены на главные ворота бывшего императорского дворца Тяньаньмэнь, на галерею которых, украшенную большими круглыми красными праздничными фонарями, собрались члены избранного накануне Центрального народного правительства Китайской Народной Республики.

Внизу, у ворот, на невысоких деревянных трибунах находились депутаты НПКК, руководящие работники КПК и демократических партий, представители общественных организаций, участники проходившей в то время в городе международной профсоюзной конференции, зарубежные гости.

Ровно в 15 часов секретарь Центрального народного правительства КНР, ветеран коммунистического движения в стране Линь Боцюй объявил о начале торжественной церемонии. По команде председателя Центрального народного правительства Мао Цзэдун на высокоом флагштоке в центре площади медленно поднялся вверх красный стяг с пятью звездами — государственный флаг КНР. Под звуки Государственного гимна прозвучали 28 залпов артиллерийского салюта, символизировавших 28 лет борьбы Коммунистической партии Китая за победу над силами реакции. По окончании гимна и салюта Мао Цзэдун зачитал текст Декларации об образовании правительства республики, принятой накануне на заключительном заседании НПКК. В Декларации, в частности, говорилось:

«С тех пор как реакционное правительство Чан Кайши изменило родине, вступило в заговор с империалистами и начало контрреволюционную войну, народ всего Китая был ввергнут в жестокие страдания и несчастья. Однако наша Народно-освободительная армия при поддержке народа всей страны в героической самоотверженной борьбе во имя защиты территориальной целостности и суверенитета нашей родины, во имя защиты жизни и имущества народа, избавления народа от страданий и обеспечения его прав уничтожила реакционные войска и свергла реакционное господство гоминьдановского правительства.

В настоящее время народно-освободительная война в основном выиграна и большинство народа нашей страны освобождено»⁹.

В Декларации перечислялся состав сформированного на сессии НПКК Центрального народного правительства республики. «...Это правительство, — указывалось в Декларации, — является единственным законным правительством, представляющим весь народ Народной Республики Китая. Это правительство готово установить дипломатические отношения с любым иностранным правительством, которое готово соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета»¹⁰.

После того как Мао Цзэдун огласил текст Декларации, начался военный парад, который принимал главнокомандующий НОАК, прославленный народный полководец Чжу Дэ. Парадом командовал генерал Не Жунчжэнь — командующий военным округом Северного Китая, войска которого блестяще осуществили освобождение от гоминьдановского владычества Бэйпин-Тяньцзиньского района.

Непрерывным потоком на протяжении трех часов с востока на запад мимо центральных трибун и собравшихся на противоположной стороне площади представителей жителей города двигались колонны моряков, пехотинцев, моторизованных частей, артиллерии, кавалерии. В небе промчались самолеты молодых военно-воздушных сил республики. Отлично прошедший военный парад наглядно продемонстрировал боевую мощь и выучку НОАК. Это была внушительная демонстрация трофейной американской военной техники, захваченной в боях с гоминьдановскими армиями. Когда над площадью

уже стало смеркаться и вслед за последними эскадронами кавалерии на площадь вступили колонны демонстрантов, в небо взмыли ракеты праздничного фейерверка. Хотя некоторые ракеты, не успев полностью сгореть в полете, разбрасывали огненные брызги и падали прямо на трибуны, это отнюдь не омрачило всеобщего ликования.

Во время фейерверка ко мне, находившемуся на правой трибуне, подошел помощник только что назначенного министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая и передал просьбу последнего не уезжать из генерального консульства на праздничный правительственный прием до тех пор, пока от него не поступит срочное письмо.

Вскоре после того, как я вернулся с площади Тяньаньмэнь, в генконсульство с пакетом от Чжоу Эньлая прибыл его помощник. В своем письме Чжоу Эньлай писал:

*«Генеральному консулу
Советского Союза в Пекине
господину Тихвинскому*

Официальное письмо

Настоящим извещаю Вас о том, что сегодня Председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдун опубликовал декларацию. При настоящем письме я направляю Вам эту декларацию и надеюсь, что Вы перешлете ее правительству Вашей уважаемой страны.

Я полагаю, что установление нормальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными государствами мира является необходимым.

Министр иностранных дел Центрального Народного правительства Китайской Народной Республики

1 октября 1949 года, Пекин

Чжоу Эньлай»¹¹

Переведя с китайского и срочно телеграфировав в Москву текст письма Чжоу Эньлая, я с женой поехал на правительственный прием в гостиницу «Бэйцзин фаньдянь», а на площади Тяньаньмэнь до глубокой ночи продолжалось праздничное гулянье по случаю провозглашения республики.

Рано утром следующего дня, 2 октября 1949 г., Московское радио оповестило на весь мир о признании Советским Союзом народной республики в Китае. В телеграмме Чжоу Эньлаю от 2 октября по поручению правительства СССР заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко писал:

«Правительство Союза Советских Социалистических Республик настоящим подтверждает получение Декларации Центрального народного правительства Китая от 1 октября с. г. с предложением об установлении дипломатических отношений между Народной Республикой Китая и Советским Союзом.

Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая, Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное народное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение — установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китая и обменяться послами»¹².

Вскоре из Москвы пришло уведомление о назначении меня временным поверенным в делах Посольства СССР в КНР. В этом качестве я присутствовал 5 октября на состоявшейся в дворцовом зале Хуайжэньтан (там, где в конце сентября проходила Народная политическая консультативная конференция) учредительной конференции новой массовой общественной организации — «Общества китайско-советской дружбы», первым председателем которого был избран секретарь ЦК КПК Лю Шаоци, а его заместителями — Сун Цинлин, У Юйчжан, Шэнь Цзюньжу, Ли Цишэнь, Го Можо, Чжан Лань и Хуан Яньпэй. В состав Центрального правления ОКСД вошло 199 человек. В принятом на собрании уставе общества говорилось, что основной целью общества является

развитие и укрепление дружественных взаимоотношений между Китаем и СССР, содействие укреплению связи и сотрудничества между Китаем и СССР в области культуры, экономики и в других областях, ознакомление с опытом и его достижениями в области науки и усиление прочного единства между Китаем и СССР в общей борьбе за прочный мир во всем мире.

По приезде в Пекин посла Советского Союза Н. В. Рошина я до лета 1950 г. работал советником Посольства. Вновь посетить Китай мне удалось лишь через 7 лет, в апреле 1957 г., по пути в Москву через Гонконг из Японии, где мне довелось быть в период установления дипломатических отношений между СССР и Японией временным поверенным в делах Посольства СССР в Токио.

Со времени провозглашения Китайской Народной Республики прошло долгих четыре десятилетия, но из памяти никогда не изглаждаются события 1949 года, исторического для китайского народа, да, пожалуй, и для всего мира, года победы китайского народа, достигнутой под славным руководством его героической коммунистической партии.

¹ Архиепископ Виктор возвратился на родину после прекращения деятельности Российской Духовной миссии в 1955 г. и Патриархом всея Руси сначала был назначен архиепископом Вологодским, а затем, после получения сана митрополита, — митрополитом Кубанским и Краснодарским. Скончался в 1966 г.

² Внешняя политика Советского Союза. — М., 1975. — Т. 1. — С. 375.

³ История дипломатии. — М., 1974. — Т. V. — С. 143.

⁴ См.: Тейяр де Шарден. Феномен человека. — М., 1987.

⁵ См.: Б. Г. Сапожников. Народно-освободительная война в Китае. 1946—1950 гг. — М., 1984. — С. 117.

⁶ См.: М. И. Сладковский. Советско-китайские отношения после разгрома японского империализма (1945—1949 гг.) // Ленинская политика СССР в отношении Китая. — М., 1968. — С. 135, 153.

⁷ Мао Цзэдун. Избр. произв. — Пекин, 1964. — Т. IV. — С. 504.

⁸ Там же. — С. 506.

⁹ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сб. док. — М., 1959. — С. 213.

¹⁰ Там же. — С. 214.

¹¹ Там же.

¹² Там же. — С. 215.

Поэты русского Харбина

Е. ТАСКИНА

На перекрестке эпох

В 1931 году началась японская оккупация Маньчжурии. На рассвете 6 февраля 1932 года японские части вошли в Харбин. Было создано новое «государство» Маньчжоу-го. Так начался более чем тринадцатилетний период политического и административного управления японцами Северо-Восточного Китая.

Изменилась экономическая картина русско-китайского Харбина. Впрочем, мировой кризис еще до этого — с конца 20-х годов — коснулся различных зарубежных представительств и иностранных торговых фирм, обосновавшихся в Маньчжурии. Сократился экспорт, стало трудно с устройством на работу.

Новый режим принес огромные страдания всем народам Маньчжурии. Особенно сильно пострадало китайское население. Жесткие тиски хорошо организованной власти не обошли и многотысячного русского населения этой страны.

Но это произошло не сразу. Появление японских частей в Харбине поначалу было малоощутимым. Только через несколько лет, особенно после вынужденной продажи советской стороной своих прав на КВЖД, тиски стали сжиматься. Уехали на родину тысячи советских служащих. Из оставшихся русских все, кто мог и имел материальную возможность, покинули Харбин, направившись на юг Китая и в Шанхай.

Ужесточение политической жизни в значительной степени сказалось на тех русских, которым не удалось уехать из Маньчжурии. Предпочитая действовать и проводить нужную им политику чужими руками, японцы создали Бюро по делам российских эмигрантов. Нашлись люди, готовые использовать создавшуюся ситуацию в своих корыстных или политических интересах.

Одним из первых мероприятий Бюро был тотальный учет всего русского населения, проживающего в Маньчжурии, всех, как теперь бы сказали, неформальных объединений, политических группировок и партий. Многие из них были запрещены, и в первую очередь те, кто придерживался независимых взглядов. Сначала при Бюро существовали объединения монархистов, легитимистов (последних вскоре тоже «прикрыли») и фашистов, на которых в конечном счете японцы и сделали ставку¹. Основная масса русских харбинцев их сторонилась. Вскоре стала ощущаться ограниченность информации — события представлялись только сквозь призму японских властей, хотя издаваемые газеты были разных направлений. Категорически запрещалось слушать зарубежные радиостанции.

С середины 30-х годов внешний облик Харбина начал меняться: японские флаги на зданиях вместе с флагами Маньчжоу-го; на улицах солдаты Квантунской армии в форме цвета хаки, низкорослые, уверенные в себе, дисциплинированные. По тротуарам города застучали деревянные гета переселенцев из Страны восходящего солнца, замелькали мужские и женские кимоно, которые тогда японцы носили почти повсеместно. («И как только они переносят наши тридцатиградусные морозы с ветром в этой легкой одежде?» — удивлялись русские, глядя на них.)

Как и в каждом сообществе, среди гражданского японского населения были разные люди — некоторые высокомерно смотрели на «малую» народность, коей являлись теперь десятки тысяч русских, другие были по-соседски вежливы и дружелюбны.

* Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока». — 1989. — №3.

Да, в вежливости и организованности в быту японцам отказать было нельзя, хотя наше отношение к ним было, как правило, отрицательным. Они были оккупантами. Да еще старшее поколение помнило события русско-японской войны — знаю это по своему деду, который работал на КВЖД в те тяжкие для России времена начала столетия.

Раздражала и навязываемая японцами чуждая европейской культуре ритуальность, коснувшаяся в значительной степени русской учащейся молодежи, — введение церемоний поклонения памятникам, поклонов в сторону резиденций императоров Японии и Маньчжо-го, чтения манифестов по торжественным дням и т. д. О далеко идущих политических планах Японии в отношении Советского Союза можно было только догадываться. Оказавшись «под колпаком», без достоверной информации, люди жили слухами, пока однажды не произошло событие, которое всколыхнуло весь русский Харбин. Но об этом чуть позже.

Еще о переменах. В учебных заведениях вместо изгнанного китайского было введено изучение японского языка. Позже, после начала войны на Тихом океане, был запрещен английский, так как, по мнению властей, язык врагов — англосаксов изучать, по-видимому, не следовало.

К 40-м годам уже был наложен запрет на свободное перемещение по стране «бесподданных» русских — на любой, даже краткосрочный выезд далее 20—30 км требовалась виза департамента полиции.

Как же складывалась в эти трудные времена жизнь для русских литераторов?

Продолжал существовать журнал «Рубеж», но он уже стал печатать материалы и о «великой Ниппон» (1—2 очерка в каждом номере), позже — о событиях в «Великой Восточной Азии». В последние годы своего существования журнал имел совсем непрезентабельный вид из-за низкого качества бумаги и других экономических факторов, но все же в нем можно было печататься, он существовал и поддерживал на ветру событий огонек русской культурной жизни.

При Бюро по делам российских эмигрантов был также открыт двухнедельный литературно-художественный, научно-популярный и общественно-политический журнал «Луч Азии». «Чураевка» распалась. Политическая обстановка вынудила ее членов уехать из Харбина.

Центрами, вокруг которых после закрытия «Чураевки» могла в те годы собираться творческая молодежь, стали литературно-художественные кружки: имени поэта К. Р.², имени Н. Гумилева, имени Н. Байкова³ и другие.

Расскажу об этой странице культурной жизни Харбина на примере кружка имени поэта К. Р. — главным образом, по воспоминаниям человека, хорошо знавшего его работу, а именно — бывшего председателя кружка Всеволода Александровича Морозова.

В. А. Морозов, юрист по образованию, жил в Харбине с 1920 года, занимался адвокатской практикой. После окончания второй мировой войны он вернулся на Родину, где и умер в 1979 году. Перед своей кончиной он записал все, что помнил о жизни Харбина. На этих страницах, с которыми мне любезно предоставила возможность познакомиться его дочь, писательница Галина Морозова, много интересных свидетельств, честных признаний.

Кружок имени поэта К. Р. был организован при монархическом объединении в конце 1938 года. Работа его, по воспоминаниям В. А. Морозова, протекала только на основе добровольного участия заинтересованных юношей и девушек. Никакого формального членства не было, как не было и устава. Собрания проводились регулярно, один раз в неделю. Кроме того, члены кружка принимали участие в литературных конкурсах, организации выставок, различных концертных, в том числе и выездных с литературно-художественной программой.

Как правило, в еженедельную программу деятельности кружка входил доклад, который делали члены кружка или кто-либо из приглашенных, его обсуждение, выступления с декламацией и мелодекламацией стихов, чтение рассказов и музыкальные номера. Почти все, как и в «Чураевке». Кроме одного очень важного момента, который хорошо характеризует возникшие в Харбине перемены: на каждый «понедельник» должно было быть разрешение полиции. Это означало, что в соответствующее место следовало заблаговременно, не позже четверга предыдущей недели,

представить весь материал вечера: содержание доклада, стихи, слова романсов и т. д. Представитель полиции не всегда посещал мероприятия, но иногда все же заходил. Если его не было, то он просил сообщить на следующий день, как прошло заседание. Бывали, естественно, и изменения в программе, и о них тоже следовало информировать.

С литературно-художественными передачами, с которыми кружковцы стали выходить в эфир на центральной радиостанции⁴, дело обстояло еще сложнее. Весь текст слово в слово представлялся в один из отделов военной миссии, и отступать от разрешенного варианта категорически запрещалось. Так, вспоминает В. А. Морозов, кружок подготовил радиомонтаж на историческую тему «Две столицы: Петербург и Москва», где отчетливо слышались русские патриотические интонации. Передача вызвала резкие возражения цензуры и была запрещена. С точки зрения японских идеологов, было нежелательно любое упоминание о Советском Союзе. (Позже в других обстоятельствах, с некоторыми изменениями радиомонтаж был разрешен и получил благоприятные отзывы русских радиослушателей.)

Следует сказать, что большую роль в работе литературно-художественных объединений и вообще в культурной жизни Харбина играли представители старшего поколения интеллигенции, в которых еще кипела энергия культуры старой России. Многие из них, хотя и не приняли Октябрьскую революцию, политической деятельностью не занимались. Работая врачами, адвокатами, педагогами, они помогали комплектовать библиотеки, издавали книги о русской культуре⁵, не отказывались выступать перед молодежью с докладами на исторические и литературные темы или просто принять участие в каком-либо обсуждении, считая, что это отвлекает от вредных занятий (азартных игр или, еще хуже, наркотиков, жертвой которых стала некоторая часть молодежи). В кружках, несмотря на сложную политическую обстановку, как свидетельствует В. А. Морозов, отсутствовал «дух антикоммунизма». И вообще добавлю, что молодежь тех лет не была, как старшее поколение, отягощена грузом старых авторитетов и воззрений — все остро чувствовали свое кровное и духовное родство с Россией, в независимости от того, родились ли они на Родине или на чужбине.

Вскоре кружок имени поэта К. Р. прекратил свое существование. Последнее заседание в 1944 году было посвящено 125-летию юбилею Петербургского университета. Стало сложно с арендой помещения — стоило оно дорого, а средств не хватало.

В целом этот период был самым тяжелым и в экономическом, и в моральном плане. Война, развязанная японскими милитаристами, еще более усилила нищету коренного населения Маньчжурии. Продукты исчезли. На них и на предметы первой необходимости были введены карточки. Ужесточилась цензура.

Наступил 1941 год. Война бушевала уже и на земле нашей Родины. Русский Харбин охватило томительное напряжение. Нужна была информация — без нее было трудно разобраться в том, что происходило. За тайные попытки слушать советские радиопередачи⁶ немало русских исчезли в японских застенках.

В конце 1944 года слушавшие радио на «дозволенных» волнах вдруг услышали в эфире обращенные к ним слова. Начала работать загадочная подпольная радиостанция «Отчизна». И русские харбинцы, оторванные долгое время от истинной информации о жизни Советского Союза, о положении на фронтах Отечественной войны, стали узнавать новости, в том числе и о политике японских властей, в ином освещении.

Эти волнующие минуты у радиоприемников невозможно забыть. Тайно ходили к тем, у кого можно было послушать, прижимаясь ухом к динамику прикрытого одеялом приемника. Ария варяжского гостя из оперы «Садко» — голос Ф. И. Шаляпина, а затем слова: «Работает радиостанция «Отчизна». Слышимость плохая, да и с трудом находилась нужная волна, но это был свет, который наконец-то забрезжил где-то впереди. Особенно радовались новостям о разгроме немецких фашистов под Сталинградом...

Из молодых поэтов, которые имели отношение к кружку имени К. Р., мне больше всего запомнились Елена Недельская, Фаина Дмитриева и Нина Завадская.

Фаина Леонидовна Дмитриева родилась в 1913 году в семье сотрудника Российского консульства в Харбине, росла на живописной станции восточной ли-

нии КВЖД — Ханьдаохэцзы. Дикая красота этого края оставила глубокий след в ее творческой жизни. Там поэтесса увидела «багряных сопок призрачные дали, на них — скалистые немые замки», «золотые венчики лучами — маленькие солнца в лепестках», «как пламенный широкий веер раскинулась вдали река».

Интимно-лирическая тема — основная в творчестве Фаины Дмитриевой, но она неразрывно связана с окружающей природой: «Приятен запах острый, горький, пропитанных польнью рук», «Я с болью в душе наблюдаю, как падает искристый снег».

У нее нежные, чистые образы:

Снег, с пушистыми, влажными лапками,
Белокурый, смеющийся снег...

Или:

Солнце, солнце — на горах, в долине,
Этот день весь солнцем напоен.
Разбудил уснувший воздух синий
Из-за сопки вырвавшийся звон.

В ее стихах нет социальной тематики, наоборот, порою отчетливое стремление остаться в замкнутом кругу интимных чувств. Постоянно возникают образы цветов — это присуще ее поэтическому мышлению. В изящной прозрачной лирике Ф. Дмитриевой звучит живой женский голос, ощущается тонкое восприятие мира, извечной его красоты.

В Харбине Ф. Дмитриева выпустила один сборник стихов («Цветы в конверте», 1940), подготовила к печати второй, который назвала «Синяя птица», но издать его не успела. Поток событий, открывший другой мир, разрушил это своеобразное поэтическое уединение. Поэтическим творчеством она больше не занималась.

С Ф. Дмитриевой, стихи которой я очень любила в ту пору, жизнь столкнула меня еще в Харбине в конце 40-х годов. Мы вместе работали, и я имела возможность убедиться, сколь в ней всегда были сильны корни русской культуры. Она блистательно знала русскую историю, поражая не только умением дать характеристику эпохе, но и безупречной памятью на имена и даты. Помнила наизусть и стихи любимых своих поэтов А. Блока, Н. Гумилева, А. Ахматовой. Кстати, виделась я с нею всего несколько лет назад — в Свердловске, где она сейчас живет.

У другой поэтессы, Елены Недельской, стихи прозрачны и чисты, как и у Ф. Дмитриевой, но более пессимистичны. В них жалоба, грусть, усталость, что отмечала и зарубежная критика тех лет.

Она родилась в 1912 году в Ярославле, выросла в Харбине, там получила образование. Начала писать стихи очень рано. Издала в Харбине два сборника стихотворений⁷, печаталась в «Рубеже». Лиричные и напевные, многие ее стихи (например, «Далекое», «Не говори, не думай»), переложенные на музыку местными композиторами, часто исполнялись на концертах, да и сама она выступала с мелодекламациями своих произведений. (У меня сохранилась старая программа вечера-концерта поэтессы Е. Недельской и пианистки В. Белоусовой в Российском эмигрантском собрании, состоявшемся 23 мая 1945 года.)

Через 10 с лишним лет после этого Е. Недельская с мужем уехала из Харбина в Австралию, где умерла в 1980 году. За два года до смерти вышел ее третий сборник стихов, получивший в зарубежной прессе хорошие отклики. В одном из стихотворений этого сборника — все то же стремление замкнуться, уйти, спрятаться от невзгод:

Рыщет ветер, хищный ветер,
Злобно ломится в окно.
Хорошо, что дом мой светел,
Двери заперты давно...
(«Наш дом»)

До конца жизни в душе поэтессы жили воспоминания о Родине и тоска по родному краю:

...И жить-то, быть может, осталось недолго.
Пусть! Лишь бы звучала в бессонной тиши
Та песня, что вольно взвивалась над Волгой,
Та песня, в которой и горечь, и ширь...

Русский Харбин тоже был для Е. Недельской кусочком Родины. Ей принадлежит одно из самых, наверное, трогательных ностальгических стихотворений об этом городе, ставшем «малой родиной» для многих русских, оказавшихся за рубежом. (Она написала его в Австралии.) Вот несколько строчек из него:

Мне часто кажется, что это — сон,
Что я проснусь и будет все, как прежде,—
Церквей харбинских перезвон,
Мой город в чистой снеговой одежде...

Все дальше уходящие года...
Чужой закат над нами пламенеет.
Я видела красавцы города,
Но ты, мой пыльный город, всех милее.

Удивительное, незабываемое явление тех лет — Нина Завадская. Юная поэтесса, которая только-только вышла на дорогу поэтического творчества, поразила всех и сгорела мгновенно от страшного азиатского тифа, когда ей не было даже полных 16 лет.

Как вчера помню этот печальный осенний день в 1943 году — день похорон, на которые пришел, наверное, весь литературный Харбин. Хоронили ее на Старом кладбище, почти в центре города.

Трудно было поверить: такой юной, такой талантливой нет в живых! Прерывистые строчки ее последнего стихотворения, написанного за три недели до смерти, помнят, наверное, до сих пор многие ее сверстники:

Ветер ворвался свежий,
Раздулась шторка окна,
А может быть, просто я брежу?
Я больна, я очень больна.

Я была счастлива тоже.
На гроб похожа кровать...
Прости меня, грешную, Боже!
Я так не хочу умирать!

Нина Завадская родилась в Харбине в 1928 году, в семье русского эмигранта, врача К. В. Завадского. С раннего возраста она отличалась незаурядными способностями, к 10 годам уже владела несколькими иностранными языками. Очень любила книги, музыку, интересовалась философией, логикой, историей.

Поэтический дар обнаружился рано. Будучи совсем еще юной, она привлекла к себе широтой своих интересов, смелостью мысли, богатством поэтического воображения. Получила главным образом домашнее образование, а теорию стихосложения проходила с поэтами А. Несмеловым и Г. Сатовским.

В кружок имени поэта К. Р. Нина пришла весной 1942 года. Все обратили внимание на то, что она, дочь заботливых родителей, окруженная вниманием и любовью с детских лет, не избалована, скромна. Доклады ее были содержательны и интересны — их можно было слушать без скидки на возраст.

В своих размышлениях — дневниковых записях (опубликованных в одном из харбинских журналов в 1944 году) она пишет о своей работе в кружке: «Читала стихи совершенно спокойно, не волнуясь, может быть потому, что там я сразу почувствовала себя в родной семье».

У кого же училась юная поэтесса? Вот, что говорит она сама: «Увлеченные поэтами приходило одно за другим. Первой моей любовью была Анна Ахматова. Я восторгаюсь ее лирикой и считаю ее неповторимой. Следующим был Гумилев... Я обожаю его. Но Блок, Белый, Маяковский и Есенин также казались мне незыблемыми идеалами. Каждый из них имеет свое особое место в моем сердце... Блока я ставлю вторым после Пушкина в классической русской поэзии, но он холоднее Есенина. Белый вызывает во мне восхищение силой передачи мысли...»

В единственном (посмертном) сборнике ее стихов⁶ помещена ее фотография — юное, почти детское лицо. Взгляд пытливых глаз не по возрасту вдумчив и серьезен. Такой она была и в жизни — взрослой не по годам. Только снимок не мог передать какую-то особую личность глаз.

Мы были почти сверстницами, но при встречах с ней мне казалось, что она старше. «Она всегда была охвачена какой-то идеей,— написали те, кто хорошо знал ее по кружку.— То готовилась к докладу, то рисовала, то собирала марки или увлекалась шахматами, или выискивала исторические данные для стихов... Все давалось ей легко... Она внушала чувство искренней симпатии к себе прекрасными романтическими стихами и манерой читать — скандировать свои с перебивающимся ритмом стихи».

Перелистывая сборник ее стихов (а он — как альбом изяшных акварельных этюдов), невольно пленяешься богатством воображения. Ее занимает романтика, героика прошлого, увлекает поиск новых дорог. Родившаяся и выросшая вдали от Родины, никогда не видевшая ее, она задает вопрос: «За что меня жизнь обидела?» В те годы мои ровесники помнили наизусть ее стихотворение-жалобу:

Не иметь ни кустов смородины,
Ни берез, о которых петь,
И не знать той страны и Родины,
За которую умереть!

Завадская смело берется за исторические темы, отыскивая яркие образы и события. Ее пленяет героический образ Жанны д'Арк, поражает величие Шекспира, увлекает легенда о кельтском барде Оссиане. По ее собственному признанию, возникновением большинства своих стихов она обязана знанию литературы и истории. «Эти знания являются моими лучшими помощниками в творчестве»,— говорила она.

«В пятнадцать-шестнадцать лет поэты обычно подражают кому-то. С ней этого не было,— вспоминал харбинский поэт Г. Сатовский, хорошо знавший ее.— У нее был какой-то новый, раскрепощенный стих. Ямб смешивался с дактилем и хорей с анапестом. Размер как бы перебивался, создавая особую певучую мелодию, полную своеобразной прелести». Она передавала своим стихом в «Вендетте» быстроту и порывистость поединка, ритм морских волн — в «Колонии», медлительную жуть замка — в «Одной ночи».

В те годы мне очень нравились стихи-этюды Нины Завадской о природе. Это почти всегда тихие задумчивые уголки или волнующие ее воображение манящие морские дали («Вечер», «Осень», «У моря», «Дача», «Лагуны», «В парке»). Поэтические сравнения ее полны своеобразной прелести: «Взметнулась над дальней волной чайка платочком белым»; «за окном, как рога оленей, деревья черные ветки». Глаза ее видели и «зеленых берез нарядки», и «на стволе смолянистый лоск».

В тот последний год своей жизни она написала удивительное четверостишие:

Я видела бесконечность прошлой ночью
Великим светлым кольцом...
Время было ее сыном и смерть — ее дочерью,
И начало было ее концом.

В последний раз я была на «Старом кладбище», где похоронена Нина Завадская, перед отъездом из Харбина осенью 1948 года. На могиле мерцал огонек застекленной лампы-фонарика, лежали живые цветы. Бесстрастно было выражение лица мраморной девы — памятника, непомнившего так остро об этом удивительном явлении, каким была юная поэтесса.

Не думала я, что почти через двадцать лет, в годы «культурной революции» в Китае, все эти памятники на могилах, как и харбинский памятник деревянного зодчества Николаевский собор,— все будет разрушено, а кладбища снесены. Камень и мрамор с русских могил использован городскими властями на укладку новой набережной реки Сунгарь. Где-то там и каменный крест с могилы моего деда, прожившего в Маньчжурии более полувека.

Прошло сорок с лишним лет с того победного для Родины 1945 года, который стал поворотным пунктом и в жизни русского зарубежья. Освобождение Маньчжурии от японских оккупантов, приход Красной Армии в Харбин (подумать только: «катюши» на улицах патриархального Харбина!) остались в памяти на всю жизнь.

Как встретило это событие большинство русских харбинцев, известно прежде все-

го по воспоминаниям советских военачальников К. А. Мерецкова⁹, А. П. Белобородова¹⁰ и других авторов — советских специалистов и корреспондентов, побывавших там в те годы.

Высадившиеся в Харбине десантники 1-го Дальневосточного фронта — их было всего 120 человек — получили реальную, очень важную помощь от русского населения. Молодые «партизаны», одетые кто как, но с оружием в руках и с красными повязками с надписью «Штаб обороны», уже перед приходом Красной Армии заняли ряд важных стратегических пунктов города — склады, мост через Сунгари, не дав японцам их уничтожить.

Штаб, созданный под руководством сотрудника советского консульства Н. В. Дрожжина и бывшего автомеханика КВЖД В. Д. Панова¹¹, был организован молниеносно. Позже «отряды обороны» насчитывали свыше 1200 человек. Оружие ими было отбито у военных частей Квантунской армии и армии Маньчжоу-го.

Незабываемые дни...

Позже тогда еще совсем молодой Николай Вахтин напишет об этих событиях, обращаясь к советским воинам:

Маньчжурское лето вас встретило зноем палящим,
Глухим бездорожьем, трясиной топких болот,
Казалось, не будет конца этим сопкам и чащам,
Где даже не танки, пехота и та не пройдет...

И еще позже, как и многие тысячи русских, прощаясь с Маньчжурией перед долгожданным отъездом на Родину, он скажет:

Маньчжуря! Синие дали
Твоих беспредельных равнин
Порой забывать заставляли,
Что я не родимый твой сын...

Навеки запомню сиянье
И зовы вечерней зари,
И ветра ночного дыханье,
И мутную ширь Сунгари...

С тех пор минуло уже несколько десятилетий. Как сложилась судьба тех, чье творчество начиналось в Харбине и Шанхае в 30—40-е годы? Вот ответ на жестком языке цифр: из 37 поэтов этого поколения умерли в Китае 9, 13 вернулись на Родину, 13 уехали в Австралию, Южную Америку или США. Судьба двоих (Н. Карамзиной и Н. Ильнек) мне неизвестна.

Не сбылось все же пророчество А. Несмелова, с горечью писавшего в 1931 году:

...Мы умрем, а молодняк поделят —
Франция, Америка, Китай.

Русская молодежь (хотя и не все), на Родину приехала.

Из чуряевцев, уже из Шанхая, после окончания второй мировой войны вернулись: Н. Светлов, В. Слободчиков, В. Померанцев, Н. Щеголев, Л. Хайндрова.

Следует сказать, что и в Шанхае с 30-х годов начала пробуждаться литературная деятельность. Периодически выходили альманахи «Парус» и «Понедельник», вокруг которых и группировались авторы.

Заметными фигурами, поддерживавшими культурную жизнь русских шанхайцев, были композитор С. С. Аксаков и поэт, прозаик и критик М. Щербаков. Благодаря их энергии осуществлялись многие начинания.

Приехав в Шанхай, харбинские чуряевцы активно включились в общественную жизнь, создав литературно-художественное объединение, вокруг которого собрались многие литераторы и к которому примкнули существовавшие ранее «Понедельник» и «Восток». Шанхайцы выпустили два альманаха «Врата» (№ 1, 1934; № 2, 1935), печатались в журналах «Понедельник», «Феникс», в газете «Сегодня» и др. Была предпринята попытка наведения мостов с западным зарубежьем, которая вылилась в совместное издание накануне второй мировой войны нескольких номеров «Русских записок».

В 1946 году в Шанхае вышел прекрасно оформленный сборник «Остров», куда вошли стихи почти всех бывших членов харбинской «Чураевки».

Лариса Андерсен, по воспоминаниям всех литераторов того поколения, душа поэтического содружества, издала в Шанхае сборник «По земным лугам» (1940). В настоящее время она живет во Франции.

Уехали за рубеж Е. Рачинская, Н. Резникова, М. Волин.

В 30—40-е годы в Китае не стало С. Сергина, Г. Гранина, В. Обухова, О. Тельтофт и Г. Сатовского.

Взгляд сквозь годы на поэтическое творчество поэтов русского дальневосточного зарубежья высветит прежде всего отличие его от западного, большую связь с русскими традициями. «Парижский стиль» западных русских поэтов «дальневосточникам» нравился, но они, за редким исключением, ему не следовали.

Неизменно присутствовала в их творчестве тема Родины. Если «изгойские» стихи писали больше поэты старшего поколения (А. Несмелов, А. Ачаир, А. Паркау, М. Колосова, О. Скопиченко), то ностальгически настроенные молодые авторы обращались к теме Родины несколько иначе — они тяготели к ее героическому прошлому, картинам русской природы, просто к теме родного дома.

Очень интересное явление, на мой взгляд, — женские поэтические голоса. Лирические стихи Фанны Дмитриевой, Ларисы Андерсен, Елены Недельской, Натальи Резниковой, Елизаветы Рачинской и других — не только о «вечно женственном». В этих женских поэтических голосах, звучавших на Дальнем Востоке, даже при ошутимом влиянии ранней Анны Ахматовой, мне видится своя особенность — своеобразная попытка уйти от действительности, защититься от тягот жизни на чужбине, найти духовную опору в одиночестве.

В стихах дальневосточных поэтов русского зарубежья представлена и тема дальних странствий, и экзотика Востока (В. Перелешин, М. Шербаков, Л. Андерсен), но эти темы не являются ведущими.

Писались и философские стихи, например представителем старшего поколения Вс. Н. Ивановым¹².

Наиболее интересны, по-моему, его «Сонеты», где раскрывается незаурядная эрудиция автора, его философские размышления разных лет о жизни во всем ее многообразии и драматизме.

Писала для детей Е. А. Васильева (псевдоним Юрка). Она была единственной не только на Дальнем Востоке, но и во всем зарубежье, кто писал стихи и прозу только для детей. Живые и остроумные стихи ее в течение многих лет украшали детские уголки газет, а позже — харбинского журнала для детей «Ласточка», способствовали воспитанию ребят.

У дальневосточного зарубежья есть еще один вклад в культуру. Это поэтические переводы китайской поэзии на русский язык. Они охотно печатались всеми журналами Харбина и Шанхая. Это был интересный материал, так как, проживая в Маньчжурии и даже в срединном Китае, русские все же мало знали в те годы о китайской культуре.

Особая заслуга в этой области принадлежит Валерию Перелешину, который, прекрасно владея китайским языком, много переводил с оригинала. Наиболее известные его переводы китайских стихов печатались в «Рубеже» и других журналах, а позже были изданы им отдельными сборниками¹³.

Переводы с китайского оригинала публиковал в русской прессе Китая и Николай Светлов (часть переводов была включена в его сборник «Сторукая», — Шанхай, 1934). В 1946 году в Шанхае Н. Светлов опубликовал перевод поэмы Ай Циня «К Солнцу».

В харбинской прессе появлялись также поэтические переводы с китайского, японского и корейского А. Н. Серебренниковой; переводили поэтические произведения с японского М. П. Григорьев, И. Пасынков и другие.

Сейчас, когда я задумываюсь над явлением дальневосточной «поэтической волны» 20—40-х годов, я задаю себе вопрос: была ли это просто мода? Столько людей писало или пыталось писать стихи! А сколько их было, просто «слушавших», читавших, переписывавших произведения русских классиков и своих полюбившихся поэтов!

Мне кажется, что секрет популярности поэзии в те годы был в том, что на чужбине

многие искали в ней нравственные опоры, утоляли духовную жажду. Русская поэзия как часть духовной культуры помогала сохранить себя, свои русские корни.

По словам одной харбинской поэтессы, «поэзия была частью нашей жизни, когда строки любимых поэтов звучали для нас как некое откровение, пели в сердце и то и дело просились на уста».

История учит, что в дни испытаний русский человек не раз обращался к живительному благу поэзии, к литературному и историческому наследию своего Отечества. Наверное, эта же причина дала импульс и «поэтической волне» дальневосточного русского зарубежья. Беззащитные перед силой чужого закона, оторванные от родной земли, в условиях материальных лишений, люди тянулись к духовной культуре своей Родины.

«Русский Харбин» — культурный центр дальневосточного зарубежья, часть нашей истории, где еще совсем недавно сливались эпохи, уходящая и новая, где в судьбах десятков тысяч людей разных поколений, оказавшихся на чужбине — в этом микромире, — так сильно проявлялось человеческое стремление сохранить верность высоким заветам своей родной культуры.

¹ Попутно хочу заметить, что в связи с использованием в печати последних лет иногда недостаточно проверенных зарубежных источников (например, «Проблемы». — Сб. 3. — Париж, 1936), при упоминании о деятельности русской фашистской партии и ее влиянии на повседневную и политическую жизнь русского населения Маньчжурии, имеются явные передержки. Эта проблема еще требует объективного анализа всех фоновых политических факторов тех лет, в том числе и учета стремления самих руководителей фашистской партии в целях саморекламы завязать ее роль и численность членов.

² К. Р. — псевдоним великого князя Константина Константиновича Романова (1858—1915).

³ Байков Н. А. — местный русский писатель и исследователь-натуралист. (Умер в Австралии в 1958 году.)

⁴ Местная харбинская радиостанция работала в те годы одновременно на трех языках: японском, китайском и русском, но в связи с отсутствием специальной городской радиосети, а также недостаточным количеством радиоприемников у населения программы до широких слоев по-настоящему не доходили.

⁵ См., например: Пушкинский сборник. К 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина/Под ред. проф. К. И. Зайцева. — Харбин, 1938; Русская история в русской поэзии. — Харбин, 1941; Орлов А. С. Пыль кулис. — Харбин, 1934, и др.

⁶ Разрешалось пользоваться лишь длинноволновым диапазоном, что не давало возможности принимать широкоэшелательные программы Советского Союза.

⁷ У порога (1940); Белая роша (1943).

⁸ Светлое кольцо. — Харбин, 1943.

⁹ Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1988.

¹⁰ Белобородов А. П. Прорыв на Харбин. — М., 1982.

¹¹ См.: Отчизна. — 1988; № 10. Советская Сибирь. — 1988. — 2 декабря.

¹² О нем в связи со 100-летием со дня рождения рассказали журналы «Дальний Восток» (1988, № 11) и «Наш современник» (1988, № 10), но авторами публикаций не упомянуто, что в своей разнобразной деятельности Вс. Н. Иванов не забывал и о поэтической музе: только в Харбине им были выпущены сборники стихов: Беженская поэма (1926); Поэма еды (1928); Сонеты (1930).

¹³ Стихи на веере/Антология классической поэзии Китая (1970); Ли Сао/Переводы поэмы Цюй Юаня (1975).

В советских архивах хранится немало документов, свидетельствующих о дружественных советско-китайских связях на различных этапах истории двух стран. Многие из них уже опубликованы, в том числе и касающиеся периода антияпонской войны в Китае 1937—1945 годов. Но дополнительное изучение пожелтевших от времени архивных папок нередко вознаграждает исследователя интересными находками — документами, позволяющими представить исторический процесс во все большем многообразии.

Хорошо известно, что в годы антияпонской войны СССР оказывал Китаю не только морально-политическую поддержку, но и предоставлял кредиты, военную технику и боеприпасы. В главном штабе работал небольшой отряд советских советников, а советские летчики в 30-е годы защищали небо Китая.

Два из публикуемых документов относятся к июлю — августу 1940 года. В ноте Посольства Китая в Москве речь идет о переговорах между советником посольства Китая Лю Цзежуном и заведующим дальневосточным отделом НКВД СССР по вопросу работы с 1939 года советских инструкторов в Кульджинской авиационной школе. (Имя Лю Цзежуна известно в истории советско-китайских отношений. В 1920 году он встречался с В. И. Лениным и их встреча произвела на него неизгладимое впечатление, о чем Лю Цзежун писал в своих воспоминаниях.)

Китайская сторона, учитывая результативность работы советских летчиков в Кульдже, ставила вопрос о продлении срока действия договора на год. В ответной ноте НКВД СССР китайскому посольству сообщалось, что «правительство СССР соглашается на продление на один год договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже».

Представляет значительный интерес третий публикуемый нами документ — китайская нота от 29 июля 1941 года, в которой содержалась просьба о дальнейшем продлении на год, то есть на период с 20 августа 1941 по 20 августа 1942 года действия договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже. Шла смертельная война на советско-германском фронте. Летчики были нужны Советской Армии. Тем не менее 26 августа в устной форме советской стороной был дан положительный ответ.

Эти документы — свидетельство интернациональной политики СССР, которой он оставался верен и в трудный для страны час.

Следующий документ — нота китайского посольства Наркому по иностранным делам СССР из Куйбышева, куда после начала войны переехал дипкорпус. Подписана нота послом Шао Лицзы, книги о котором публикуются ныне в КНР.

В заключение публикуем материал из сборника документов «Foreign Relations of the United States» за 1938 год — телеграмму посла США во Франции Буллита в государственный департамент США от 9 мая 1938 года из Парижа. В телеграмме излагается содержание беседы с известным деятелем китайского правительства, сыном Сунь Ятсена Сунь Фо, в ходе которой Сунь Фо затронул вопросы военной помощи СССР Китаю в войне с Японией и политики великих держав в отношении Китая.

Мы полагаем, что публикуемые документы найдут свое место в истории отношений между нашими странами.

НОТА КИТАЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА

Китайское Посольство.

Москва, 31 июля 1940 года

Ссылаясь на личные переговоры между советником Китайского Посольства

г-ном ЛЮ ЦЗЕ-ЖУН и заведующим дальневосточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел Г-ном Резановым по вопросу об инструкторах для Кульджинской Авиационной Школы, Китайское Посольство, по поручению своего Правительства, имеет честь обратиться к Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР с просьбой подтвердить согласие Правительства СССР на продление на один год срока действия джентльменского соглашения, вступившего в силу в августе прошлого 1939 года и заключенного между б. Китайским Послом г-ном ЯН ЦЗЕ и представителями Правительства СССР о пригласении советских инструкторов в Кульджинскую Авиационную школу.

Народному Комиссариату
Иностранных дел

* * *

НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

Народный Комиссариат
Иностранных Дел
№ 4

Народный Комиссариат Иностранных Дел, свидетельствуя свое почтение Китайскому Посольству, сообщает в ответ на его ноту от 31-го июля 1940 года, что Правительство СССР соглашается на продление на один год договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже, заключенного в августе м-це 1939 года между бывшим китайским послом г-ном ЯН ЦЗЕ и Народным Комиссаром Обороны СССР

Москва, 3 августа 1940 года

Китайскому Посольству
г. Москва

* * *

CHINESE EMBASSY
Moscow.

Китайское Посольство, свидетельствуя свое уважение, обращается к Народному Комиссариату Иностранных Дел Союза ССР, по поручению Китайского Правительства, с убедительнейшей просьбой испросить согласие Правительства Союза ССР на дальнейшее продление на один год, т. е. на период с 20 августа 1941 года по 20 августа 1942 года, срока действия договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже, заключенного в августе 1939 года между бывшим Китайским Послом г-ном ЯН ЦЗЕ и Народным Комиссаром Обороны Союза ССР и продленного в августе прошлого 1940 года на один год обменом нот между Китайским Посольством и Народным Комиссариатом Иностранных Дел.

За исполнение настоящей просьбы Китайское Посольство заранее приносит свою глубокую благодарность.

Москва, 29 июля 1941 года.

НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
Москва*.

* Ответ дан устно в беседе 26 августа 1941 года.

Куйбышев, 27 ноября 1941 г.

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Господин Народный Комиссар!

Подтверждая получение Вашей ноты от 25 сего ноября с описанием жестокого обращения германских властей с пленными красноармейцами, спешу известить Вас, что содержание Вашей ноты мною доводится до сведения моего Правительства.

Позвольте поделиться с Вами несколькими мыслями, навеянными Вашей нотой, которая производит на меня глубочайшее впечатление.

Также как и Германия, Япония в свое время подписала Гаагскую Конвенцию 1907 года. Несмотря на это, представители японской военины в своем захватническом нападении на Китай, позволяют себе также невероятно жестокое обращение, массовые убийства и всевозможные издевательства над имеющими несчастье попасть в их руки ранеными и потерявшими боеспособность китайскими бойцами и офицерами, участвующими в оборонительной войне против них. В особенности известны всему миру факты массовых и зверских убийств, имевших место в Нанкине.

Я глубоко уверен, что основы международного права и общечеловеческой морали не могут быть бесконечно нарушаемы, и жестокие захватчики-убийцы понесут должное возмездие.

Китай в своей героической борьбе за свободу, независимость и честь страны все время видел и видит со стороны народа и Правительства Советского Союза глубокое сочувствие и поддержку. Тем более глубокое сочувствие питают ныне народ и Правительство Китая к Советскому Союзу в его полной мужества и героизма оборонительной войне против сильнейшего в мире носителя грубой силы. Нет никакого сомнения в том, что народ и Правительство Китая с сильнейшим негодованием отнесутся к описанным в Вашей ноте фактам грубого нарушения элементарных норм международного права и человеческой морали. Только полное уничтожение возможности агрессии в международной жизни позволит обеспечить соблюдение этих норм — в этом и состоит наша общая задача сегодняшнего дня.

Прошу Вас, Господин Народный Комиссар, принять уверения в моем весьма высоком уважении.

ШАО ЛИ-ЦЗЫ.

Разослано:

гг. Молотову,
Вышинскому,
Лозовскому,
Павлову,
Лифанову,
в дело.

* * *

Телеграмма

ПОСОЛ США ВО ФРАНЦИИ (БУЛЛИТ)
ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ

Париж, 9 мая 1938 г.

В продолжительной беседе, состоявшейся во время завтрака с председателем Законодательного Юаня, Сунь Фо, последний сделал следующие высказывания:

Он выразил уверенность, что Китай продолжит сопротивление Японии по крайней мере еще в течение года. В Англии, по его словам, имеют место разговоры о посредничестве. Он считает, что в настоящее время не следует предлагать посредничество с рас-

четом получить шанс на успех. Но оно может оказаться полезным к концу последующих 12 месяцев, когда японцы, встретившись с трудностями, сами начнут искать посредничество у Англии или у США. В результате продолжительного визита в Англию у Сунь Фо сложилось впечатление, что англичане не хотят, чтобы Япония покорила Китай и в то же время не желают видеть Японию, потерпевшей поражение, поскольку боятся, что поражение Японии привело бы к усилению в Китае влияния Советского Союза. Он утверждал, что китайские коммунистические лидеры ныне честно сотрудничают с Чан Кайши...

Сунь Фо сказал, что в настоящее время русские поставили в Китай военное снаряжение приблизительно на сумму 150 млн. китайских долларов. Они не спрашивают у Китая о какой-либо плате за эти поставки и, более того, ввезли военное снаряжение даже до того, как Китай пообещал плату за него. Дорога через Синьцзян содержится постоянно открытой, включая зимний период...

Сунь Фо сказал далее: главную заботу его правительства в данный момент вызывает положение с денежным обращением. Китай не нуждается в деньгах для оплаты военных поставок, но ему нужен заем для стабилизации денежного обращения, что явилось бы огромной помощью. Он спросил меня, не вижу ли я какой-либо возможности для китайского правительства получить помощь от правительства США или у частных американских заинтересованных кругов. Я сказал..., что решительно убежден в отсутствии у правительства США таких фондов, какие можно было бы использовать на эту цель и что по-видимому маловероятно, чтобы частные банкиры заинтересовались этой целью.

Сунь Фо завтра отправляется в Китай через Москву. Он детально описал мне 6 часовой разговор со Сталиным, состоявшийся во время недавнего визита в СССР. Сталин заверил его в том, что Россия расценивает битву, которую ведет Китай, как свою собственную, что конечной целью японцев является захват Сибири до озера Байкал, что Китай будет продолжать получать всю возможную помощь от России в виде военного снаряжения, самолетами и другими поставками, что Советский Союз, однако, не вмешается в войну вооруженной силой. Сталин высказывал опасение по поводу того, что Германия может напасть на Советский Союз, если СССР будет воевать с Японией. Сталин также считает, что ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не допустили бы разгрома Японии Советским Союзом.

Буллит

Публикация подготовлена Р. А. МИРОВИЦКОЙ

Советские летчики в Китае

Ю. ЧУДОДЕЕВ

Наряду с советскими военными советниками и специалистами¹ особый вклад в укрепление обороноспособности Китая периода национально-освободительной войны против японских захватчиков внесли советские летчики-добровольцы, мужественно сражавшиеся за свободу китайского народа.

К началу войны самолетный парк китайских ВВС состоял из нескольких сотен боевых машин устаревших образцов, закупленных главным образом в США, Великобритании и Италии. Японские самолеты во многом превосходили китайские по скорости, вооружению, маневренности, потолку и грузоподъемности. Трудности усугублялись неудовлетворительной подготовкой китайского летно-технического состава, отсутствием запасных частей и ремонтной базы. К концу 1937 года, моменту решающих боев за Нанкин, столицу гоминьдановского Китая, китайская авиация, понесшая серьезные потери (из 500 самолетов в строю осталось лишь 20), по существу, утратила свое значение. Были вскрыты серьезные злоупотребления в деятельности Кун Сянси, который долгое время контролировал закупки самолетов за границей, он был отстранен от этой работы, был наконец смещен командующий китайскими ВВС генерал Чжоу Чжичжоу, но это мало что смогло изменить.

Практически полное истребление китайских ВВС явилось, по свидетельству А. Я. Калягина, «одним из самых драматических моментов первого периода японо-китайской войны»² и сразу же сказалось на состоянии фронта и тыла. Японские бомбардировщики получили возможность безнаказанно совершать налеты на китайскую территорию. Они бомбили мирное население, беженцев, медицинские и культурные учреждения, вызывали панику в рядах китайских войск на поле боя. Налеты часто совершались и на районы, далеко отстоящие от линии фронта. «Японские бомбардировщики разбойничали в небе Китая, по существу, безнаказанно,— писал в своих воспоминаниях Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Ф. П. Польшин.— От бомбардировок особенно страдали крупные города. Зажигательные бомбы вызывали многочисленные пожары, и люди гибли тысячами в огне. Японская авиация буквально деморализовала население и войска»³.

Решающую роль в восстановлении китайских ВВС сыграла активная помощь Советского Союза.

В обращениях Чан Кайши к советским руководителям прежде всего речь шла о настоятельной потребности в советских самолетах. «Вопрос с самолетами не терпит отлагательства,— писал Чан Кайши И. В. Сталину.— В настоящее время в Китае не осталось и 10 легких бомбардировщиков. Нужда в самолетах ни с чем не сравнима»⁴. В ходе бесед с советским послом Д. В. Богомоловым, состоявшихся в августе 1937 года, Чан Кайши подчеркивал чрезвычайную заинтересованность китайской стороны в скорейшем прибытии советских самолетов (особенно тяжелых бомбардировщиков и истребителей) «ввиду крайней нужды в них». 28 августа 1937 года Чан Кайши не только попросил через советского посла ускорить решение вопроса о немедленной посылке советских самолетов с инструкторами в Ганьсу, но и зондировал вопрос о возможности разрешить «советским летчикам поступить волонтерами в китайскую армию»⁵.

Вопрос о поставках Китаю советской боевой техники, в первую очередь само-

Чудодеев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения АН СССР.

летов, конкретно обсуждался в ходе переговоров между представителями Народного комиссариата обороны СССР и китайской военной делегацией во главе с генералом Ян Цзе, которые проходили в Москве 9 сентября — 4 октября 1937 года⁶. На первом же заседании глава китайской делегации подчеркнул, что в той критической ситуации, в которой оказался Китай, «вопрос о поставках самолетов приобретает первостепенное значение»⁷. В ходе переговоров уже на третьем заседании (14 октября 1937 года), идя навстречу настоятельным просьбам китайских представителей, советская сторона заявила о готовности немедленно, с 15 сентября начать переброску первых партий самолетов (225 машин) в Китай⁸.

Для закупки советской боевой техники СССР предоставил Китаю кредит в 50 млн. долл. Поставки советского оружия, в том числе самолетов, начались за несколько месяцев до оформления сторонами соглашения о кредите. Оно было подписано 1 марта 1938 года, к тому времени в Китай было уже отправлено 282 самолета. Это был беспрецедентный случай в международной практике, который тем более примечателен, что в то же самое время представители китайского правительства вели безрезультатные переговоры с западными державами в надежде получить хоть какую-нибудь помощь⁹.

На фронт национально-освободительной борьбы китайского народа была направлена из Советского Союза первоклассная авиационная техника: истребители И-15 и И-16 конструкции Н. Н. Поликарпова, скоростные бомбардировщики СБ и тяжелые бомбардировщики ТБ-3 А. Н. Туполева, бомбардировщики дальнего действия ДБ-3 С. В. Ильюшина, составлявшие в то время основу советской военной авиации. Всего за 1937—1941 годы из СССР в Китай было поставлено 1250 самолетов разных типов¹⁰. Для эффективной эксплуатации боевой авиационной техники и обучения китайских солдат и офицеров летному делу Советское правительство дало согласие отправить в Китай группу советских авиационных специалистов в составе 89 человек¹¹. Однако обучение китайских летчиков на советских самолетах требовало немало времени. Между тем обстановка, сложившаяся на фронте, настоятельно требовала немедленного использования советской техники в операциях против превосходящих сил противника. В связи с этим китайские представители в Москве поставили вопрос о подборе и отправке в Китай советских летчиков-добровольцев. Рассмотрев просьбу китайской делегации, Советское правительство разрешило народному комиссару обороны укомплектовать лучшими летчиками-добровольцами несколько боевых эскадрилий, которые вылетели в Китай. Направление советских летчиков-добровольцев, принявших непосредственное участие в боевых действиях, явилось высшим проявлением советского интернационализма по отношению к борющемуся народу.

В октябре 1937 года начал действовать «воздушный мост» Алма-Ата — Ланьчжоу — Ханькоу. По нему в Китай были переправлены первые две эскадрильи — бомбардировщиков СБ и истребителей И-16, — укомплектованные советскими летчиками. Из числа добровольцев выбирали самых опытных воздушных бойцов, преимущественно коммунистов. Непосредственно руководили отбором и формированием группы советских летчиков-добровольцев для поездки в Китай начальник ВВС РККА А. Д. Локтионов и его заместитель комбриг Я. В. Смушкевич. Личный состав первых двух эскадрилий насчитывал 254 человека. К 21 октября 1937 года в Алма-Ату для дальнейшего следования в Китай съехалось 447 человек. Среди них были летчики, авиатехники, авиамеханики, радисты, метеорологи, начальники аэродромов, шифровальщики, шоферы, инженеры, рабочие бригад по сборке самолетов, врачи. Только к середине февраля 1939 года в Китае (на разные сроки) побывали 712 добровольцев — летчиков и авиатехников¹².

Сам перелет в Китай, часто сопряженный с риском для жизни, был серьезным испытанием воли и мужества наших летчиков. Трасса проходила через пустынные и гористые районы Северо-Западного Китая. Промежуточные аэродромы не были приспособлены для приема тяжелых воздушных машин типа СБ, между ними полностью отсутствовала связь, не было сведений о метеорологических условиях. А ведь наши самолеты шли по маршруту, перегруженные боеприпасами и людьми. Малейшая ошибка могла привести к тяжелым последствиям.

Еще большие трудности ожидали летчиков в Китае. Им пришлось воевать в незнакомой и сложной обстановке, вдали от Родины. Противник на первых порах

имел подавляющее численное преимущество. Китайцы располагали ограниченным числом аэродромов, к тому же мало пригодных для базирования современных самолетов. Через разветвленную шпионскую сеть японцы имели возможность быстро получать информацию о наличии советских самолетов на тех или иных аэродромах и нападать на них в самый выгодный момент. Это обстоятельство усугублялось отсутствием надежной противовоздушной обороны, а также средств связи, ремонтной базы, нехваткой обслуживающего персонала.

Первые группы советских летчиков-добровольцев совершили посадку на нанкинском аэродроме в ноябре — декабре 1937 года, когда над столицей Китая нависла смертельная опасность. Фронт проходил в 60—70 км от города, и японская авиация совершала непрерывные массированные налеты на него и на оборонявшиеся китайские войска. Советским пилотам истребителей и бомбардировщиков пришлось вступить в бой с врагом буквально в первые же часы после приземления. Это были Ф. И. Добыш, И. Н. Козлов, В. Курдюмов, М. Г. Мачин, Г. Н. Прокофьев и др.

В первой воздушной схватке над Нанкином 1 декабря 1937 года с 20 японскими самолетами участвовало семь советских летчиков-добровольцев на отечественных истребителях И-16. Они пять раз поднимались в воздух, чтобы вступить в бой с японскими бомбардировщиками. В итоге противник недосчитался нескольких самолетов: были сбиты два японских бомбардировщика и истребитель И-96. В последующие дни японцы потеряли еще десять бомбардировщиков.

Одновременно успешно воевали летчики бомбардировочной авиации. В начале декабря 1937 года девять бомбардировщиков СБ совершили налет на Шанхай, где подвергли бомбардировке аэродром и скопление судов на шанхайском рейде. Точными бомбовыми ударами было уничтожено на земле много самолетов противника, потоплен японский крейсер и повреждено шесть других военных кораблей.

В первые годы войны советские летчики-добровольцы, число которых постепенно увеличивалось, составляли основу китайской авиации. В ноябре 1937 года в Китай была направлена вторая группа бомбардировщиков СБ под командованием капитана Ф. П. Польшина. В ее состав (около 150 человек) вошли также летчики из Забайкалья, которые перегоняли свои самолеты в Китай через монгольские степи по новой трассе: Иркутск — Ланьчжоу — Ханькоу. Комплектовал забайкальскую группу и организовывал ее перелет в Китай выдающийся советский летчик Г. И. Тхор, незадолго до этого вернувшийся из республиканской Испании, где он совершил 102 боевых вылета.

В конце 1937 — начале 1938 года тремя группами в Китай была направлена эскадрилья истребителей И-15 под командованием А. С. Благовещенского. Истребители транспортировались на автомашинах до города Хами (провинции Синьцзян) где их собирали, облетывали и затем воздушным путем переправляли в Ланьчжоу. После падения Нанкина центрами базирования советской авиации в Китае стали Ханькоу и Наньчан. Советниками китайских ВВС и организаторами боевых действий в небе Китая были выдающиеся советские военачальники П. Ф. Жигарев, П. В. Рычагов, Г. И. Тхор, П. Н. Анисимов, А. Г. Рытов, Ф. П. Польшин, Т. Т. Хрюкин и др. Война для многих из них началась раньше, в небе над Мадридом и Гвадалахарой. Комбриг П. В. Рычагов, выдающийся летчик-истребитель, сбил в Испании более 20 фашистских самолетов. Он приехал в Китай в возрасте 27 лет, уже будучи Героем Советского Союза. Здесь под его непосредственным руководством осуществлялось формирование групп летчиков-добровольцев, распределение их по фронтам, планировались и осуществлялись боевые операции.

Прибытие в Китай осенью и зимой 1937 года советских летчиков-добровольцев и советской авиационной техники оживило китайскую авиацию, положило конец безнаказанности варварских налетов японцев. «Появление советских летчиков-добровольцев в воздушном пространстве Китая, — пишет Пын Мин, — сбило спесь с японских летчиков. Если раньше базы японских бомбардировщиков находились в пятидесяти километрах от линии фронта, то после появления советских летчиков-добровольцев японцы вынуждены были перенести свои базы на пятьсот-шестьсот километров в тыл»¹⁴. Советские летчики наносили мощные бомбардировочные удары по аэродромам, кораблям противника, по шоссе и дорогам, бомбили скопления японских войск на переправах, железнодорожных станциях, поддерживали действия

китайских войск на поле боя. 18 февраля 1938 года в воздушном сражении над Уханем советские летчики сбили 12 японских самолетов. После этого боя противник более двух месяцев не осмеливался появляться над городом. «Меч справедливости» — так называли в Китае советских добровольцев, оборонявших Ухань с воздуха.

23 февраля 1938 года группа из 28 самолетов СБ, ведомых советскими летчиками под командованием Ф. П. Шольниина, совершила смелый воздушный рейд на остров Тайвань и нанесла сильный удар по базе японских военно-воздушных сил близ Тайбэя. Операция, детально разработанная при участии советских авиационных советников, явилась полной неожиданностью для японцев. Были уничтожены 40 самолетов противника и трехгодичный запас горючего. Бомбардировщики без потерь вернулись на базу. Этот налет, проведенный в 20-ю годовщину Советских Вооруженных Сил, имел и большое морально-политическое значение. Он вызвал в Китае широкую волну восхищения мужеством и мастерством советских волонтеров.

До прибытия советских летчиков в Китай там подвизалась небольшая группа иностранных наемников, в основном из американцев, англичан, французов (в начале войны итальянские летчики получили указание своего командования не оказывать никакой помощи Китаю в его борьбе с Японией). Из них была сформирована, в частности, так называемая 14-я бомбардировочная эскадрилья, состоящая из 12 летчиков во главе с американцем Винсентом Шмидтом. Их действия в Китае не принесли никакой пользы, а поведение представляло разительный контраст самоотверженности и бескорыстия советских добровольцев. «Кучка летчиков-волонтеров из Англии, США и других капиталистических стран, — вспоминает Я. П. Прокофьев. — прибыла в Китай в надежде разбогатеть. Эти «защитники» не искали боя, а предпочитали вообще не подниматься в воздух, отсиживались на тыловых аэродромах, развлекались, собирали сувениры и делали бизнес». Успехи советских летчиков-добровольцев позволили китайскому правительству отказаться от услуг наемников из капиталистических стран. 1 марта 1938 года, вскоре после налета на Тайвань, было объявлено о расформировании этой эскадрильи, которая так и не совершила ни одного боевого вылета.

Воздушные сражения, развернувшиеся в небе Китая, показали высокие технические качества советских самолетов, мастерство и мужество советских летчиков-волонтеров, их дисциплинированность, бескорыстие и преданность интернациональному долгу. Видный китайский историк и общественный деятель Го Можо в своих воспоминаниях об антияпонской войне писал о советских летчиках-добровольцах: «Наши советские друзья не любили рекламировать себя в отличие от американцев, у которых прямо на лбу было написано «помощь» и «поддержка». Жизнь их была суровой, дисциплина — строгой. Они спали под крыльями своих серебристых птиц, не покидая аэродрома ни в воскресенье, ни в праздники. Как непохожи эти скромные парни на солдат Соединенных Штатов, которые носились по городу на своих джипах, давая прохожих, устраивали драки, насиловали женщин... В начале антияпонской войны советские добровольцы многое для нас сделали (особенно в период обороны Уханя), они не щадили жизни, защищая нашу землю».

Весной 1938 года ожесточенные воздушные бои развернулись над Уханем. 29 апреля, в день рождения японского императора, 54 японских самолета совершили массированный налет на город, но получили сокрушительный отпор советских летчиков.

Го Можо, которому довелось наблюдать эту воздушную схватку, так описывал ее в своих воспоминаниях: «Высоко в голубом небе плыли белые облака, распускались цветы от разрывов зенитных снарядов. Треск зениток, рев самолетов, взрывы бомб, непрерывный стрекот пулеметов — все сливалось в нескончаемый грохот. Ослепительно сверкали на солнце крылья машин, то взлетающих вверх, то стремительно падающих вниз, бросающихся то влево, то вправо. У англичан есть специальный термин для определения жаркого воздушного боя — «дог файтинг», что означает «собачья схватка». Нет, я бы назвал этот бой «игл файтинг» — «орлиной схваткой». Одни самолеты, внезапно объятые пламенем, врезались в землю, другие взрывались в воздухе. Небо стало полотном живой картины «Плач чертей и рев богов». Тридцать напряженных минут — и снова все стихло. Очень жаркий бой! Блестящие результаты: сбит 21 вражеский самолет, наших — 5»¹⁴.

Последующие события укрепили боевую славу советских летчиков-добровольцев.

31 мая 1938 года в воздушном сражении над Уханем японцы недосчитались еще 14 самолетов. В ожесточенных боях советские парни лишили многих японских асов ореола непобедимости. Одна за другой, по словам китайского историка Пын Мина, подверглись жестокому разгрому такие японские авиаэскадрильи, как «Воздушные самураи», «Четыре короля неба», «Киса разду»¹⁵ и «Сасэбо».

К 1940 году, по официальным данным, японские захватчики потеряли на земле и в воздухе 986 самолетов. Эти успехи были неразрывно связаны с героическими усилиями советских воинов. В обеспечении боевой деятельности китайской авиации велика была роль советских авиационных техников и других специалистов-добровольцев.

Сообщения об участии добровольцев из Советского Союза в освободительной войне китайского народа проникали в мировую печать, которая, как правило, давала высокую оценку советской авиационной технике, боевым и моральным качествам советских летчиков. Гоминьдановское руководство, заинтересованное в обострении советско-японских отношений, нередко демонстративно подчеркивало участие советских людей в японо-китайской войне. Помощь советских летчиков была настолько эффективной, что японское правительство в апреле 1938 года обратилось по дипломатическим каналам к СССР с требованием отозвать их из Китая. Это требование было категорически и недвусмысленно отвергнуто¹⁶. Борющийся народ продолжал получать помощь Страны Советов.

Немало побед одержали советские летчики и в период уханьской оборонительной операции (июль — октябрь 1938 года). Незадолго до ее начала в Китай прибыло новое пополнение советских волонтеров, в частности эскадрилья бомбардировщиков СБ в составе 66 человек во главе с полковником Г. И. Тхором¹⁷. Особенно успешными были бомбежки японских боевых кораблей на реке Янцзы. Всего в битве за Ухань советские летчики-добровольцы отправили на дно 92 (в том числе авианосец водоизмещением свыше 10 тыс. т) и повредили 16 кораблей противника¹⁸. Бомбовые удары китайской авиации по японским военно-транспортным судам сдерживали продвижение противника вдоль Янцзы. Все это вынудило японское командование спешно приступить к организации противовоздушной обороны как на кораблях, так и на берегах Янцзы. В местах скопления японских судов устанавливалась зенитная артиллерия. Вдоль берегов Янцзы в спешном порядке японцы начали строить аэродромы для развертывания истребительной авиации.

Именно в эти дни в районе Уханя произошло самое крупное по тем временам авиационное сражение: 40 наших истребителей во главе с командиром группы капитаном Е. М. Николаенко смело вступили в бой со 120 японскими самолетами. Несмотря на трехкратное превосходство, планы японского авиационного командования были сорваны.

В 1939—1940 годах продолжали прибывать советская авиационная техника, новые группы советских волонтеров. Подбор людей для поездки в Китай и их подготовка тщательно планировалась советским командованием. Проводилась специальная тренировка экипажей, учитывавшая особенности театра предстоящих военных действий и маршрут перелета. Главное внимание обращалось на боевое взаимодействие экипажей, отработку техники бомбометания, огневую подготовку, связь, штурманскую службу и т. д.

Характер боевых действий усложнился. После падения Уханя пришлось осваивать новые аэродромы, сильно удаленные от основных авиационных баз Японии на китайской территории. К этому времени на вооружении китайских ВВС появились советские бомбардировщики дальнего действия ДБ-3А. В свою очередь у японцев появился новый скоростной истребитель. Противник, как правило, стал совершать ночные массированные налеты с использованием больших групп бомбардировщиков с сильным истребительным прикрытием.

Советские летчики-добровольцы защищали от налетов японской авиации Чунцин, Чэнду, Ланьчжоу, Сянь и другие города, наносили бомбовые удары по тылам противника. Во время налета на Ланьчжоу 28 и 30 ноября 1939 года они достойно встретили превосходящие во много раз силы противника (210 боевых самолетов), которые так и не смогли сбросить бомбы на город. 14 октября 1939 года крупные соединения китайских самолетов, ведомых советскими экипажами, подвергли

массированной бомбардировке японскую базу в Ханькоу, уничтожив 36 самолетов противника, склады горючего и боеприпасов.

Важным делом являлась подготовка кадров летного состава для китайской авиации. Советские летчики не только несли на своих плечах основную тяжесть ведения боевых действий, но одновременно и обучали китайских авиаторов летному делу и боевому мастерству. Со второй половины 1938 года китайские летчики, подготовленные советскими инструкторами в летных школах в Кульдже, Ланьчжоу, Суйнине, Чэнду и др., стали принимать активное участие в совместных боевых операциях. Одним из примеров совместных действий советских и китайских летчиков явился демонстрационный полет китайской бомбардировочной авиации над японской территорией (островом Кюсю и префектурой Осака) на самолетах СБ. Личный состав эскадрильи (под командованием майора Сюй Хуаншэня) был укомплектован не только китайскими летчиками, но и советскими асами. Однако с самолетов были сброшены не бомбы, а 1 млн. антивоенных листовок. Этот полет имел большое морально-политическое значение для борющегося народа.

Помимо объективных трудностей, связанных с неподготовленностью Китая к войне с сильным и коварным противником, советским волонтерам пришлось столкнуться с исключительно сложной политической обстановкой. Несмотря на существование единого фронта Гоминьдана и КПК, между ними не прекращалась внутренняя борьба. Вынужденный обратиться к СССР за помощью из-за отказа западных держав поддержать освободительную борьбу китайского народа, Чан Кайши испытывал непрерывный страх, что Советский Союз использует ее для укрепления своих позиций в Китае и поддержки КПК. Правящим кругам Китая внушали беспокойство рост авторитета Страны Советов и горячие симпатии китайских трудящихся к ее представителям. Поэтому они стремились помешать интернациональной миссии наших добровольцев, ослабить и нейтрализовать эффект советской помощи. В этих целях распространялись клеветнические слухи, устраивались провокации, искусственно создавались трудности в повседневной жизни и боевой работе советских летчиков. Го Можо писал в своих воспоминаниях: «Гоминьдановцы установили за советскими добровольцами и военными советниками слежку, словно за шпионами. Обслуживающий их персонал целиком состоял из лжудей разведки. В своем кругу гоминьдановцы ругали Советский Союз, иногда у них хватало наглости заявлять: «Присылаемые нам самолеты — плохие, советники — плохие. Советский Союз рассматривает Китай только как учебный плац»». Эта деятельность особенно усилилась в 1939—1941 годах. Советские представители не раз были вынуждены официально обращаться по этим вопросам к китайским властям.

«Нужно сказать, что представители правых кругов, особенно из местных реакционеров, всячески стремились воспрепятствовать нашему перелету и, видимо, вообще оказанию помощи Китаю со стороны СССР,— писал в своих воспоминаниях С. Я. Федоров, воевавший в те годы в Китае.— Так, на аэродроме Аньси (Западный Китай) нам пришлось задержаться в течение 11 суток, потому что местные власти не давали пропуска в глубь территории Китая следовавшим за нами самолетам ЛИ-2, подозревая, что на них летели лица, направляющиеся в Особый район... Иногда складывалось странное положение. Китай вел национально-освободительную войну, а мы, советские добровольцы, уговаривали китайское начальство, чтобы нам дали боевое задание... Трудно было получить военную информацию о положении на фронтах, об авиации противника. Многие от нас скрывали, нас откровенно обманывали, снабжая заведомо неправильными данными о состоянии аэродромной сети (запасных аэродромов), наличии топлива, боевых припасов, о транспортных возможностях аэродромов и др. В Китае, как мы убедились, действовало немало шпионов, которые постоянно информировали японское командование о положении дел»¹⁹.

Несмотря на все эти трудности, советские люди продолжали героически выполнять свой интернациональный долг перед китайским народом. В Китае воевали хорошо известные в советских Военно-Воздушных Силах авиаторы А. С. Благовещенский, А. И. Грисенко, А. А. Губенко, Г. Н. Захаров, К. К. Коккинаки, Г. П. Кравченко, Г. И. Кулишенко, С. П. Супрун и др. Защищая китайское небо, они проявили чудеса героизма и самопожертвования, вынесли на своих плечах тяжесть многих воздушных сражений. Грозой «воздушных самураев» были летчики-истребители

Антон Губенко и Григорий Кравченко. 31 мая 1938 года в воздушном сражении над Уханем, израсходовав патроны, А. А. Губенко таранил самолет противника (вторым в истории авиации и первым из советских летчиков), за что был награжден Золотым орденом Китайской республики. Всего в Китае А. А. Губенко сбил семь японских самолетов²⁰.

Летом 1939 года добился разрешения выехать в Китай и выдающийся летчик-испытатель Степан Супрун. В Советском Союзе он прошел отличную летную подготовку под руководством В. П. Чкалова. В Китае майор С. П. Супрун показал себя мастером ночных воздушных боев. Впоследствии он стал заместителем старшего авиационного советника по истребительной авиации.

В городе Ваньсянь (провинция Сычуань) высится памятник советскому летчику-добровольцу Г. А. Кулишенко. Его имя получило в Китае необыкновенную популярность. Кулишенко командовал советским добровольческим отрядом бомбардировщиков дальнего действия, который прибыл в Китай в июне 1939 года. Много сил и энергии отдал он подготовке китайских летчиков. Во время трех налетов на крупнейшую авиационную базу в Ханькоу группа Кулишенко уничтожила 136 вражеских самолетов. В ходе боевой операции 14 октября 1939 года он был вынужден посадить свою поврежденную машину на водную гладь Янцзы. Раненый герой утонул в глубоководной реке²¹.

Более 200 советских летчиков отдали свою жизнь за свободу и национальную независимость китайского народа. Среди них — командиры добровольческих отрядов Воробьев, А. Рахманов, летчики-волонтеры Ф. Гурлей, И. Гуров, М. Кизельштейн, Д. Кулешин, В. Песочкий, Н. Терехов и многие другие. В Китае с благодарностью вспоминали этих мужественных и бесстрашных людей. «Когда японские самолеты, заправленные американским бензином, сбрасывали на мирные китайские города бомбы из американской стали, — говорил впоследствии маршал Фэн Юйсян, — из Советского Союза прибывали к нам транспорты с оружием и боеприпасами и летчики-волонтеры, чтобы помочь нам устоять против чужеземных захватчиков. На моих глазах советские летчики умирали от ран в китайских госпиталях. Американцы же продавали японцам сталь и бензин, а Китаю слали медикаменты, чтобы лечиться от ран, нанесенных их же бомбами. Теперь подумайте сами, кто является подлинным другом китайского народа»²².

Самоотверженная работа в Китае советских летчиков-добровольцев, военных советников и инструкторов была отмечена высокими правительственными наградами. Четырнадцать советским летчикам, защищавшим небо Китая, — Ф. П. Польшину, В. В. Звереву, А. С. Благовещенскому, О. Н. Боровикову, А. А. Губенко, С. С. Гайдаренко, Т. Т. Хрюкину, Г. П. Кравченко, С. В. Слюсареву, С. П. Супруну, М. Н. Марченкову (посмертно), Е. Н. Николаенко, И. П. Селиванову, И. С. Сухову было присвоено звание Героя Советского Союза²³.

В 1941 году из-за враждебных действий Гоминьдана в отношении КПК и его отказа от активных действий против японских захватчиков Советское правительство было вынуждено принять решение о прекращении поставок оружия в Китай. В этом же году были отозваны на Родину и советские летчики-добровольцы, которые сразу же включились в боевые действия с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Великой Отечественной войны.

В годы войны многие советские летчики, получившие боевое крещение в небе Китая, командовали крупными авиационными соединениями, успешно громили врага. Не все дожили до победы. 23 февраля 1943 года в жесточком бою с немецкими стервятниками погиб выдающийся советский ас, к тому времени генерал-лейтенант авиации Г. П. Кравченко (за участие в сражениях на Халхин-Голе он был награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза). В самом конце боя его самолет был подожжен фашистами. Летчик покинул боевую машину, но парашют не раскрылся (шальная вражеская пуля перебила тросик, идущий к ранцу), и он упал в расположении наших войск. Г. П. Кравченко похоронен у Мавзолея В. И. Ленина в Кремлевской стене.

Драматично сложилась судьба Г. И. Тхора. В 1940 году после возвращения из Китая ему было присвоено звание генерал-майора авиации. Начало Великой Отечественной войны застало Г. И. Тхора на посту заместителя командира 62-й бомбардировочной авиации Киевского особого военного округа. За первые 40 дней

войны дивизия совершила 2173 боевых самолето-вылета. В сентябре 1941 года при выполнении боевого задания боевая машина генерала Тхора была сбита в воздушном бою, и он оказался в тылу врага. Возглавив попавшие в окружение части, генерал Тхор с боями пытался пробиться к своим. В одной из неравных схваток он был тяжело ранен и в бессознательном состоянии захвачен в плен фашистами. В берлинской тюрьме Моабит гитлеровцы угрозами и пытками тщетно пытались склонить советского генерала к предательству. В фашистских концлагерях Хаммельбург и Флоссенбург, куда он был переведен, Тхор наладил связи с патриотами, стал одним из руководителей антифашистского подполья. В январе 1943 года он был расстрелян гитлеровцами. Лишь 15 лет спустя имя этого мужественного человека было возвращено из забвения и правда о его последнем подвиге стала известна народу. В марте 1959 года приказом министра обороны СССР Г. И. Тхор был навечно зачислен в списки Н-ского бомбардировочного авиаполка.

Героизм и самоотверженность советских летчиков-добровольцев, боровшихся за свободу китайского народа, снискали любовь и уважение простых людей Китая. Вот что писала, например, газета «Цзефан жибао» 17 октября 1949 года о советских добровольцах: «Покинув свою Родину, родных и близких, они добровольно приехали в пылающий войной Китай... Своими бесстрашными действиями они подымали боевой дух китайского народа. Кровь, пролитая погибшими героической смертью советскими лётчиками-добровольцами за дело освобождения китайского народа, слилась с кровью, пролитой китайским народом».

В современном Китае чтут память погибших советских летчиков-добровольцев.

...В один из февральских дней 1986 года мне удалось побывать в ханькоуском Парке Освобождения, где после образования КНР на братской могиле советских летчиков, погибших в воздушных боях над Уханем, был сооружен памятный мемориал. На центральном обелиске выбито: «Вечная слава советским летчикам-добровольцам, погибшим в войне китайского народа против японских захватчиков». В могиле покоится прах 15 советских летчиков. Вот их имена: Валентин Сергевич Козлов (1912—15.II.1938), Василий Васильевич Песоцкий (1907—15.II.1938), Владимир Иванович Парамонов (1911—15.II.1938), Моисей Исаакович Кизилыштейн (1913—15.II.1938), Михаил Дмитриевич Шишлов (1908—8.II.1938), Дмитрий Павлович Матвеев (1907—11.VII.1938), Иван Ильич Стукалов (1905—16.VII.1938), Дмитрий Феофанович Кулешин (1914—21.VIII.1938), Марк Николаевич Марченко (1914—9.VII.1938), Владимир Герасимович Долгов (1907—18.VII.1938), Леонид Иванович Скорняков (1909—17.VIII.1938), Филипп Денисович Гульен (1909—12.VIII.1938), Косьян Косьянович Чуриков (1907—12.VIII.1938), Николай Михайлович Терехов (1907—12.VIII.1938), Иван Никанорович Гуров (1914—3.VIII.1938).

Слева и справа от досок с именами погибших — текст, выбитый в камне на китайском и русском языках: «В 1938 году, когда китайский народ подвергся бешеному нападению японских фашистов, советский народ бескорыстно послал в Китай своих лучших сынов — летчиков-добровольцев на помощь китайскому народу в великой справедливой борьбе против японских захватчиков. Вместе с китайским народом советские летчики-добровольцы в борьбе против японских фашистов совершали бесчисленные героические подвиги. Базируясь в районе Ухани, они героически производили воздушные атаки на северную часть Тайваня, сильно бомбардировали вражеские военные корабли на Янцзы и упорно участвовали в битве за Ухань, нанося сокрушительные удары по озверелому врагу, что вдохновляло боевую волю китайского народа. В ожесточенных воздушных боях многие советские летчики-добровольцы отдали свою жизнь. Среди них были командир эскадрильи тяжелых бомбардировщиков т. Кулишенко и командир эскадрильи истребителей т. Рахманов. Кровь павших советских летчиков-добровольцев и китайского народа слилась за дело освобождения Китая от империалистического гнета. Память о советских летчиках-добровольцах вечно будет жить в сердцах китайского народа. Пусть этот благородный дух интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет братскую и нерушимую дружбу китайского и советского народов. Вечная слава павшим героям! Март 1956 года».

«Не забывай прошлого — оно учитель будущего», — гласит китайская пословица. Народы сохраняют память и о той борьбе, которую вели советские люди в небе Китая.

- ¹ См.: Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 2.— С. 117—124.
- ² Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае).— М.— 1979.— С. 85.
- ³ В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев.— М.— 1986.— С. 30.
- ⁴ Цит. по: Пын Мин. Углубим изучение истории периода Республики // Жэньминь жибао.— 1987.— 20 ноября.
- ⁵ Документы внешней политики СССР.— М., 1976.— Т. 20.— С. 481.
- ⁶ Делегация Ян Цзе официально именовалась Комиссией Министерства промышленности для ознакомления с индустрией СССР. В ее состав входили члены ЦИК Гоминьдана Чжан Чун, доверенное лицо Чан Кайши, и Ван Шумин, начальник летной академии в Лояне.
- ⁷ См.: Черновик протокола переговоров китайской военной делегации с представителями СССР об оказании военной помощи Китаю в войне сопротивления // Миньго данъань.— 1987.— № 3.— С. 33.
- ⁸ Там же, с. 37—38. Телеграмма Чан Кайши в адрес советских руководителей, переданная через полпреда СССР в Китае Д. В. Богомолова 22 сентября 1937 года, выражала искреннюю признательность за «содействие в получении нами самолетов, персонала и вооружения» (Документы внешней политики СССР, т. 20, с. 748). Первые группы советских самолетов прибыли в Урумчи для дальнейшего следования в глубь Китая уже 22 октября 1937 года.
- ⁹ Китайский историк Пын Мин особо подчеркивал это обстоятельство, видя в нем яркое свидетельство «большой заботы и поддержки, которые оказывала страна социализма — Советский Союз — делу национального освобождения Китая» (Пын Мин. История китайско-советской дружбы.— М.— 1959.— С. 210). В июле 1938 года и в июне 1939 года в Москве были подписаны соглашения о новых кредитах соответственно в размерах 50 млн. и 150 млн. долл.
- ¹⁰ Только в первые годы войны (октябрь 1937 — сентябрь 1939 года) в Китай поступило из СССР 347 истребителей И-15, 216 истребителей И-16, 292 бомбардировщика СБ, 24 бомбардировщика ДБ и 6 бомбардировщиков ТБ.— См.: Б. А. Бородин. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937—1941 годов.— М.— 1965.— С. 149.
- ¹¹ См.: Миньго данъань.— 1987.— № 3.— С. 40—41.
- ¹² См.: Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа.— М.— 1975.— С. 62; Ленинская политика СССР в отношении Китая.— М.— 1968.— С. 104.
- ¹³ Пын Мин. Указ. соч., с. 211.
- ¹⁴ Го Можо. Песнь о бушующей волне.— М.— 1962.— С. 144—146. По другим данным, китайская авиация потеряла в этом бою только два самолета.
- ¹⁵ В русском издании книги Пын Мина неточно приведено название одной японской эскадрильи — вместо «Ваки кодзу» надо «Киса радзу».
- ¹⁶ См.: Ленинская политика в отношении Китая, с. 107.
- ¹⁷ В середине 1938 года Г. И. Тхор сменил П. Ф. Жигарева на посту старшего советника по авиации.
- ¹⁸ Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа, с. 74—75.
- ¹⁹ В небе Китая, с. 369, 374.
- ²⁰ После возвращения на родину А. А. Губенко был назначен заместителем командующего ВВС Белорусского военного округа. Погиб в 1939 году при авиакатастрофе. О его боевой деятельности в Китае см.: На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945.— М., 1977.— С. 205—209.
- ²¹ О боевой деятельности Г. А. Кулишенко в Китае см.: И. Тельман. Кулишен, или невыдуманная легенда.— М.— 1964.
- ²² Цит. по: Капица М. С. Советско-китайские отношения.— М.— 1958.— С. 285—286.
- ²³ См.: Джога И. М., Кузнецов И. И. Герои боев с японскими захватчиками в Китае // История СССР.— 1972.— № 3.— С. 106—112.

СССР — Япония: на пути к взаимопониманию

В ноябре 1987 г. в Токио по инициативе Академии наук СССР, японской газеты «Емиури» и Японской ассоциации по культурным связям с зарубежными странами (ЯАКС) состоялась первая консультативная встреча представителей общественности и научных кругов двух стран. Тем самым была предпринята попытка создать механизм для неформального диалога. Его конечная цель — через откровенное обсуждение двусторонних проблем и углубление взаимопонимания осуществить концепцию нового политического мышления применительно к советско-японским отношениям. Тогда она, по мнению участников встречи, достигнута не была, и, видимо, об этом говорить было рано. Новую встречу назначили через год в Москве, но состоялась она лишь весной 1989 года.

4—6 мая в Москве, в гостинице «Советская», прошла вторая консультативная встреча представителей общественности и научных кругов СССР и Японии. Ее организовали Институт востоковедения АН СССР (ИВАН), японский университет Токай и газета «Емиури».

С японской стороны во встрече приняли участие заместитель генерального секретаря правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Р. Хасимото, Президент ЯАКС, ректор университета Токай Т. Мацумаэ, главный редактор «Емиури» К. Мидзуками, другие видные общественные деятели, экономисты, представители деловых кругов.

Группу советских участников встречи возглавлял заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин. Среди них были и участники первой консультативной встречи в Токио: директор ИВАН СССР М. С. Капица, директор Института Дальнего Востока АН СССР М. Л. Титаренко, советник Президиума Академии наук СССР П. Н. Федосеев, заведующий сектором Японии ИВАН СССР К. О. Саркисов, что обеспечивало преемственность диалога.

За три дня участники встречи выполнили обширную программу, включающую обсуждение семи проблем: 1. Глобальная ситуация международного развития. 2. Обстановка в азиатско-тихоокеанском регионе. 3. Проблемы мира и безопасности в регионе. 4. Отношения в треугольнике Япония—США—КНР. 5. Положение на Корейском полуострове. 6. Экономические отношения в АТР. 7. Советско-японские отношения. Любая из них могла бы, пожалуй, стать отдельной темой для солидной конференции или симпозиума.

В докладах и выступлениях участников было охвачено большинство сложных проблем стремительно развивающегося азиатско-тихоокеанского региона, которому прочат лидирующее положение в мировой экономике XXI века. Детальному анализу подверглись и советско-японские отношения, которым проходивший непосредственно перед и во время встречи визит в СССР тогдашнего министра иностранных дел Японии С. Уно, его переговоры с советским руководством придали новый позитивный импульс.

Советский Союз выступает за развитие с Японией добрососедских взаимовыгодных отношений, основанных на балансе интересов, а не на их противопоставлении, отметил, выступая с основным докладом, В. М. Фалин. Наши страны — соседи. От того, каковы отношения между ними, во многом зависит состояние и развитие обстановки в одном из важных районов планеты. Заключение мирного договора, отмечалось, в частности, в выступлениях советских участников встречи, насущно необходимо с тем, чтобы обеспечить советско-японским отношениям прочную и стабильную договорно-правовую основу, полностью их тем самым нормализовать и начать эру добрососедства, сотрудничества и дружбы. В мирном договоре должен быть отражен и географический фактор, то есть решаться вопрос о послевоенной государственной границе между СССР и Японией. Его подписание не должно повредить отношениям с третьими странами.

Мы хотим, чтобы в отношениях между СССР и Японией сотрудничество нарастало и ширилось, чтобы атмосфера в общении между двумя народами улучшалась, чтобы уже имеющийся переговорный механизм обеспечивал непрерывный диалог.

Не ограничиваться противопоставлением мнений и интересов, а искать точки их соприкосновения — таков был лейтмотив выступления заместителя генсека ЛДП Японии Р. Хасимото. «В спорах рождается истина», — произнес он по-русски. И споров, действительно, хватало. Не раз, отложив заранее подготовленные тексты, участники встречи вступали в оживленную полемику. Были с японской стороны и знакомые упреки в том, что «тормозящим фактором» в гармоничном развитии двусторонних отношений все еще остается «нерешенный», по ее

мнению, территориальный вопрос. К этому добавлялись и утверждения о наращивании советских вооруженных сил на Дальнем Востоке, хотя сейчас, как известно, происходит процесс обратный: значительное одностороннее сокращение ВС СССР, в том числе и в восточных районах Советского Союза. И все же стремления найти «точки соприкосновения» в выступлениях было больше, нежели «противопоставлений мнений и интересов».

Родилась ли истина в подобных спорах? Однозначно ответить трудно. Во всяком случае откровенный обмен мнениями помог прояснить позиции сторон, их взгляды на важнейшие проблемы как советско-японских отношений, так и региональных, да и некоторых мировых. Он показал, что предстоит еще немало сделать, чтобы качество и объем отношений между двумя странами в полной мере отвечали их национальным интересам, политическим и экономическим реалиям современного мира. Вторая консультативная встреча представителей общественности и научных кругов СССР и Японии внесла в эту большую работу пусть небольшой, но необходимый вклад.

Ю. ЮРЬЕВ

А. КОБЗЕВ

Летом 1937 года под Ленинградом на даче адепт тайной секты Синих Чулков фра Щуц, он же Юлиан-отступник, он же студент Чу, он же бывший польский дворянин и будущий японский шпион, а в данное время — антропософ, поэт, художник, музыкант, полиглот, востоковед, доктор филологических наук и советский профессор Юлиан Константинович Щуцкий, занимался сбором малины. Столь приятное занятие было неожиданно прервано появлением официальных представителей секты Синих Чертей, достойных наследников слова и дела секретного союза Голубых Мундиров. Уверенные в своем всемогуществе Синие Черты позволили взятому врасплох Синему Чулку доесть малину и увели в небытие, за которым, однако, вопреки их бесовскому замыслу последовало его бессмертие.

Бытие же одного из крупнейших отечественных синологов Юлиана Константиновича Щуцкого началось за сорок лет до описанного события. Он родился в Екатеринбурге (Свердловске) 10 (23) августа 1897 года в семье лесничего, окончившего Лесную академию в Польше. Мать преподавала французский язык и музыку. Высшее образование Щуцкий получил в Петербурге, куда его семья переехала в 1913 году. В 1915 году он окончил реальное училище («Приют принца Ольденбургского») и поступил в Петроградский политехнический институт на экономическое отделение, однако в 1917 году оставил его и перевелся сначала в Практическую восточную академию, а затем через год в Петроградский университет, который окончил в 1922 году по кафедре китайского языка этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук. Он изучал китайский язык под руководством таких корифеев отечественного востоковедения, как В. М. Алексеев (1881—1970), Н. И. Конрад (1891—1970), О. О. Розенберг (1888—1919).

Со студенческой скамьи Щуцкий начал научно-исследовательскую и переводческую деятельность и уже в 1923 году вместе с В. М. Алексеевым опубликовал «Антологию китайской лирики VIII—IX вв.», основанную на его дипломной работе «Антология Тан». Рецензируя это издание в 1924 году, Н. И. Конрад писал: «В нашей популярной синологической литературе книжка Ю. К. Щуцкого — событие, несомненно, исключительное, ничего равного ей у нас до сих пор еще не было, и можно лишь надеяться за судьбу новой русской синологической школы, обладающей представителем, который сумел так начать свое печатное служение избранному делу»¹. К 1922 году Щуцкий также осуществил перевод обширного и очень сложного философского трактата воса-алхимика Гэ Хуна «Баопу-цзы» (III—IV вв.). К сожалению, этот труд ныне утрачен, сохранились лишь пространные замечания о нем В. М. Алексеева.

Будучи еще студентом, Щуцкий в 1920 году начал работать в Азиатском музее АН, где прошел путь от научного сотрудника 3-го разряда до ученого хранителя музея, а затем после реорганизации в 1930 году музея в Институт востоковедения АН СССР стал ученым специалистом и с 1933 года ученым секретарем китайского кабинета института. В 1936—1937 годах он сотрудничал в Государственном Эрмитаже. По рекомендации В. М. Алексеева в 1928 году был командирован Академией наук в Японию для приобретения японских и китайских книг и ознакомления с научно-исследовательской деятельностью японских синологов. В Японии он пробыл четыре с половиной месяца.

Щуцкий вел научно-педагогическую и преподавательскую деятельность. Сразу после

¹ Кобзев Артем Игоревич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР

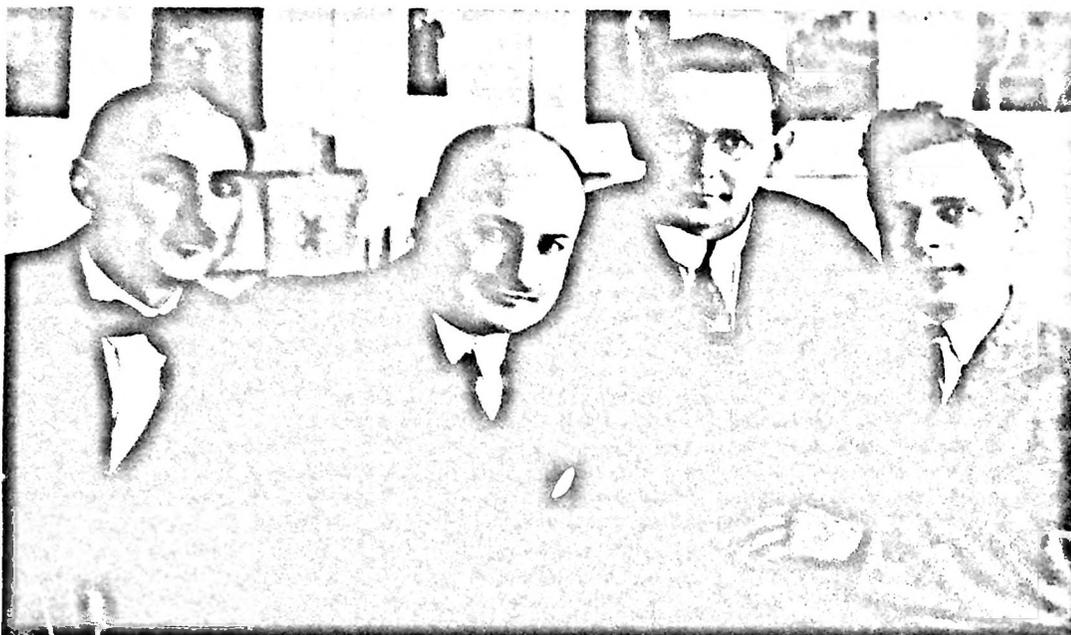
окончания университета, осенью 1922 года, по рекомендации своего неизменного покровителя В. М. Алексева он был зачислен научным сотрудником 2-го разряда на кафедру китайской филологии Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при Петроградском университете. Право это он завоевал статьей «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы», позднее напечатанной в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР» (1928), и на основании более чем благожелательной докладной записки В. М. Алексева Щуцкий в 1924 году прошел квалификационную комиссию, получив право на преподавание китаеведных дисциплин в вузах в качестве доцента. С этого времени он вел различные синологические курсы как теоретического, так и практического характера в Ленинградском университете, Ленинградском институте истории, философии и лингвистики, Ленинградском институте живых восточных языков (Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе). В соответствии со своей основной научной специализацией Щуцкий преподавал главным образом историю китайской философии и китайский язык.

Являясь прирожденным полиглотом и постоянно занимаясь самообразованием, он постепенно овладел практически всем спектром языков, связанных с китайской иероглификой, не говоря уже об основных европейских языках. Ему был доступен весьма широкий лингвистический круг: китайский, японский, корейский, вьетский (аннамский), маньчжурский, бирманский, сиамский (таи), бенгальский (бенгали), хиндустани, санскрит, арабский, древнееврейский, немецкий, французский, английский, польский, голландский и латынь. Не получив возможности побывать в Китае, но в совершенстве зная пекинский диалект китайского языка, ученый также овладел гуанчжоуским (кантонским, или южнокитайским) диалектом. Впервые в отечественном востоковедении он ввел преподавание гуанчжоуского диалекта и вьетнамского языка, создав для последнего учебник (1934). Совместно с Б. А. Васильевым (1899—1946), другим выдающимся учеником В. М. Алексева, позднее репрессированным, он в том же году написал также учебник китайского языка (байхуа). Ю. К. Щуцкий входил в состав временной комиссии по латинизации китайской письменности при Всесоюзном центральном комитете нового алфавита и постоянно участвовал в работе группы по изучению синтаксиса в Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания. Наиболее значительным результатом его лингвистических изысканий стала статья «Следы стадиальности в китайской иероглифике» (1932).

11 февраля 1935 года ученый получил звание профессора. Сохранилось написанное по этому поводу в октябре 1934 года представление академика В. М. Алексева («Записки о Ю. К. Щуцком»). В феврале 1935 года В. М. Алексеев также составил опубликованную ныне «Записку о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого», в которой предлагал увенчать его ученой степенью доктора востоковедных наук *honoris causa*². Это предложение не было реализовано, однако 15 июня 1935 года Щуцкий удостоился степени кандидата языкознания без защиты диссертации.

3 июня 1937 года в качестве докторской диссертации он с блеском защитил законченную за два года до этого монографию «Китайская классическая «Книга перемен». Исследование, перевод текста и приложения», официальный отзыв на которую дал все тот же В. М. Алексеев. Эта глубокая и скрупулезная рецензия, также ныне опубликованная в собрании статей и документов В. М. Алексева «Наука о Востоке», представляет самостоятельный научный интерес и является ценным дополнением к изучению научной деятельности Щуцкого. Вторым официальным оппонентом был член-корреспондент (позднее — действительный член) АН СССР Н. И. Конрад, чья высокая оценка данной работы детально отражена в его предисловии к труду Щуцкого, изданному в 1960 году.

В своем предисловии, увидевшем свет через 20 с лишним лет после описываемых событий, Н. И. Конрад, также хлебнувший лиха в сталинских застенках, нарисовал довольно идиллическую картину: «Ю. К. Щуцкого действительно все дороги вели к «И цзину», и он стал склоняться к мысли приступить к специальному изучению и переводу этого памятника. Мы, коллеги Ю. К. Щуцкого по изучению Китая, единодушно поддержали его. Мы полагали, что к «И цзину» его ведет неумолимая логика его собственного научного развития, а кроме того, мы все — и те, кто работал над китайской художественной литературой, и те, кто изучал исторические памятники, —

Слева направо: Н. И. Конрад, В. М. Алексеев, Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев (редкий снимок).

постоянно сталкивались с «И цзином» то в виде цитаты, то в виде отдельных понятий и образов, то в форме отзвука какой-либо ицзиновской мысли... Надо было кому-то работу над «И цзином» проделать, и Ю. К. Щуцкого мы считали наиболее подготовленным к этому. В такой обстановке Ю. К. Щуцкий и принял решение приступить к «И цзину»³.

Совершенно иное описание обстановки вокруг исследования Щуцкого представил в своем официальном отзыве 1937 года В. М. Алексеев: «Сама инициатива этой работы встретила с неисчислимыми трудностями, от которых — смею это заявить, хотя бы от своего лица — всякий из нас в ужасе бы отступил. Например, в бессилии сражаться с наивными людьми, принимающими исследователя и переводчика за соавтора и злобно приписывающими ему, невзирая на анахронизм, все, что есть в оригинале. Для этих людей написать пасквиль на «И цзин» есть научная работа более достойная, чем научное объективное исследование этой книги, и Вы (Ю. К. Щуцкий.— А. К.) подвергались нареканиям и даже форменным гонениям за эту работу задолго до приведения ее в готовый вид. Толпа обскурантов ИВАН (Института востоковедения Академии наук.— А. К.) решила отнять у Вас решимость закончить исследование этого крупнейшего памятника дальневосточной Азии, и даже мое представление о присуждении Вам докторской степени без защиты диссертации ввиду хотя бы трудностей, связанных с оппозицией Вам, было с негодованием запихано в дальний угол ящика, где и лежало без движения, хотя адресовано было не этому ящику, а высшей академической инстанции (вот что делает ведомственная субординация!). Мои отзывы о Вашей работе уничтожались! Просто!

Гонения на Вас и Вашу работу воспроизводят в точности (тем более что кое-кто из участников гонения был в той и этой конъюнктуре) гонения на меня в 1913 году, когда в моем курсе о Лао-цзы и «Дао дэ цзине» усмотрели «атомистическую теорию на футуристическом языке», подали жалобу Н. Я. Марру (декану) — и курс был упразднен»⁴.

После защиты диссертации рукопись Щуцкого поступила для публикации в Ленинградское отделение Издательства АН СССР, где ее редактором должен был стать работавший там тогда Д. С. Лихачев. Однако 3 августа 1937 года в поселке

Питкелово Ленинградской области Щуцкий был арестован, а затем как японский шпион осужден на «10 лет лагерей без права переписки». В справке о посмертной реабилитации последним годом его жизни указан 1946 год, в «Биобиблиографическом словаре советских востоковедов» — 1941 год.⁵ Однако, судя по эвфемистической формуле приговора, Щуцкий был расстрелян в 1937 или 1938 г.⁶ Достаточным поводом для этой варварской акции послужили его пребывание в Японии (1928), контакты с японскими учеными и публикация научной статьи на китайском языке в японском журнале (1934).

Рукопись монографии Щуцкого 28 ноября 1937 года была возвращена из издательства в Институт востоковедения АН СССР (ныне — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) по запросу его ученого секретаря. В архиве института она в отличие от основной части рукописного наследия трагически погибшего ученого благополучно пролежала до конца 50-х годов. В 1960 году после реабилитации автора и благодаря усилиям Н. И. Конрада, выступившего в качестве редактора монографии, она была опубликована, сразу получила высокую оценку научной общественности и стала одной из вершин отечественного китаеведения.

Уже через полгода после выхода в свет «Китайской классической "Книги перемен"» компетентный рецензент писал, что «без всякого преувеличения работу Щуцкого можно назвать подвигом и достижением культуры в самом широком смысле»⁷. В другой рецензии, появившейся в 1963 году, отмечалось, что «до Щуцкого никто из европейцев не сделал и попытки приступить к решению столь исключительно сложной задачи», его работы также признавались «настоящим научным подвигом»⁸. По прошествии нескольких лет еще решительнее высказался В. Г. Буров, назвавший труд Щуцкого «фундаментальным исследованием, равному которому нет в европейской синологии»⁹. В 1979 году книга Щуцкого была переведена на английский язык и издана видными специалистами (в частности, Х. Вильгельмом сначала в США, а затем в Англии), что явилось свидетельством международного признания ее большой научной значимости. Это особенно впечатляет, поскольку речь идет о произведении, написанном почти за полвека до этого. В рецензии на английский перевод, опубликованной одним из центральных востоковедных журналов Запада, работа Щуцкого была названа «экстраординарной», а сам автор «проявившим замечательный аналитический талант»¹⁰.

Среди дошедших до нас научных трудов Щуцкого монографии о «Книге перемен» («Канон перемен»)¹¹, несомненно, принадлежит первое и особое место. Вторым по значению следует признать цикл его работ о диосизме: «Даос в буддизме» (1927), «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы» (1928), статья о Ду Гуантине (1934), рецензия на книгу Б. Бельпэра «Даосизм и Ли Бо» (1935). Известно также, что Щуцкий составил иероглифические указатели к фундаментальным даосским трактатам «Юнь цзи ци цянь» («Семь ящиков облачной литературы», XI в.) и «Дао дэ цзин» («Канон пути и благодати», V—IV вв. до н. э.) в 1928 и 1936 годах соответственно. Ценный вклад в знакомство русскоязычного читателя с китайской классической поэзией внес он своими прекрасными переводами.

Щуцкий был высокоодаренной личностью, наделенной как экстраординарными научными способностями, так и большим художественным талантом, прежде всего в области музыки, живописи и поэзии. Научные и художественные искания ученого определялись единой мировоззренческой установкой, которая хорошо выражена им самим в автобиографическом «Жизнеописании», сделанном в 1935 г. по просьбе В. М. Алексеева. Этот публикуемый нами ниже документ показывает, что, хотя философские взгляды Щуцкого во многом фантастичны, их очевидное достоинство — стремление к целостному гуманистическому знанию, включающему в себя высшие духовные достижения различных культур. При таком подходе исследование «Книги перемен» составляло для Ю. К. Щуцкого не только и даже не столько историко-культурную, сколько культурно-созидательную и духовную задачу.

Научный и жизненный путь ученого был усыпан многими терниями, но и украшен творческим общением с рядом выдающихся людей. Один из первых среди них — В. М. Алексеев, всегда оказывавший своему лучшему ученику всяческую поддержку и неизменно отзывавшийся о нем в превосходных степенях, даже во времена, когда это можно делать лишь косвенно, не называя имени¹². О замечательной интеллектуально-игровой атмосфере, царившей в кругу В. М. Алексеева — Малаке, то есть Малой академии, и особенно контрастировавшей с начинавшимся тогда умственным одичанием,

живо свидетельствуют воспоминания дочери академика, М. В. Баньковской¹³. В Малаке Щуцкого называли разными шутливыми именами: фра Щуц, Юлиан-отступник, студент Чу (Чу — его китанизированная фамилия, под которой он издал статью о Ду Гуантине). М. В. Баньковская приводит следующий стихотворный портрет Щуцкого, принадлежащий перу В. М. Алексеева:

Он брит, щек шелк — мат.
Глаз мал — взгляд так остр...
Фра Щуц средь нас монстр:
Гэ Хун был им смят¹³.

В тех же воспоминаниях воспроизведена еще одна, прозаическая пародия В. М. Алексеева (1928), в которой он, используя свой стиль перевода новелл Пу Сунлина, создал, на наш взгляд, яркий образ Юлиана Константиновича. В юмористическом гротеске этой миниатюры его характерные черты и таланты (в музыке, каллиграфии, гравировальном искусстве и др.) выделены с графической резкостью, поэтому мы считаем уместным завершить ею краткий рассказ о Ю. К. Щуцком. (В нижеследующем тексте определением «лысый» В. М. Алексеев намекает на самого себя. Хэшан — монах, цинь — музыкальный инструмент, ханьский — китайский, цилинь — благовещий единорог.)

Студент Чу

Студент Чу родился весь в гриве: копным-копной налипли кружки волос... Мать считала это неблагоприятным. Как раз зашел хэшан, посмотрел и блеснул зубами. Сказал: «Твой сын будет учиться у лысого». Тогда успокоилась.

Чу был человек неистовый. В возрасте «слабой шапки» схватывал, бывало, в руки инструмент вроде цинь, но вышиной сажени в две и начинал безумно водить огромным луком по натянутым канатам. На дворе выли псы, слетались кричащие вороны.

Потом Чу научился где-то писать ханьские знаки. Пришел раз домой, взял швабру, окунул ее во что-то такое-этакое и давай писать: вмиг потолок и стены покрылись, как говорится, «следами». На пол — кап-кап-трр! — текли слюны вдохновенного.

Чу знал толк в гравюре. Брал у сапожника нож и начинал крутить по бесчувственному дереву... Крах-трах!.. — слышали все вокруг, но подходить боялись: Чу был силен и крепок. Один раз награвировал бессмертного. Сделал три слоя, как в слоеном пирожке, — глядевшие не могли раскусить, в чем дело. Тогда Чу с размаху всадил в последний пирожок свой нож, рванул раз, рванул два — а глаза уже сияли. Стоявшие разняли скулы.

Чу читал хорошо: много помнил, хорошо толковал. Однако порой приходил в раж, брал слово на язык и носился как ураган, танцуя, как он сам говорил, «вихрь», и все объяснял слушающим и неслушавшим через это слово. Оказывалось, что инь — это чернильница, часы, ножницы и изумруд, а ли — это Исакий, Кронштадт, Александрия. Слушавшие дивились. Однако ругать не смели: Чу умел доказывать твердо.

Чу предался тайной секте Синих Чулков. Бывало, с безумным взором наденет синий чулок и бормочет заклинания. У соседа была дочь, у которой давно уже пропал синий чулок. Вот как-то раз сосед, увидев, что в комнате Чу рычит и гудит синий чулок, испугался и сообщил начальству. Разрезали чулок, повели студента, сто раз отпирался — не помогло. Тогда Чу потребовал у красившего стены маляра кисть и написал стихи: «Синь-синей небо-лазурь, глубоко — ах, не сказать. Чист-чистым Чу-человек, держащий его — лишь черт».

Чиновник испугался: он сам был в секте Синих Чертей, а на «дороге стоявшие» не одобряли. Отпустил студента.

Послесловие рассказчика: Синий бессмертный, синий чулок, синее небо — как все это в одном Чу слилось! А грива-то косматая с рожденья! Кто видел цилиня, тот может тайно понять перворождение Чу.

Вы, нынешние! Жутко!¹⁴

* * *

Образом секты Синих Чулков В. М. Алексеев, по всей вероятности, намекал на

антропософские увлечения своего ученика и соответствующий круг его общения, что с достаточной откровенностью изложено самим Щуцким в публикуемом ниже «Жизнеописании». Столкновение Синих Чулков с Синими Чертями в 1928 г. еще могло представляться юмористически, и В. М. Алексеев описал его благополучное разрешение. Однако поразительным пророческим диссонансом этому счастливому концу звучит последняя фраза: «Вы, нынешние! Жутко!» Жуткая победа Синих Чертей над Синими Чулками уже была предопределена.

Как явствует из публикуемого ниже «Жизнеописания», и сам Ю. К. Щуцкий осознавал, что середина 30-х годов XX в. ознаменуется началом новой мировой катастрофы. Однако это пропредчувствие ничуть не снизило высокую интенсивность его духовных устремлений, поскольку в конечном счете они были направлены на преодоление смерти. Дошедшие до нас результаты этих усилий свидетельствуют о том, что они не были безнадежны.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. Синология.— М., 1977.— С. 587.

² Алексеев В. М. Наука о Востоке.— М., 1982.— С. 93.

³ Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен».— М., 1960.— С. 6.

⁴ Алексеев В. М. Указ. соч.— С. 371—372.

⁵ См.: Миллбанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов.— М., 1975.— С. 622.

⁶ В соответствии с указанными источниками в литературе фигурируют три даты гибели Ю. К. Щуцкого: 1946 г.—Петров В. В. Указатель имен // В. М. Алексеев. Наука о Востоке.— М., 1982.— С. 506; 1941 г.—Григорьева Т. П. Японская художественная традиция.— М., 1979.— С. 366; 1938 г.—Скачков П. Е. Очерки истории русского Китаеведения.— М., 1977.— С. 307, примеч. 144.

⁷ Рубин В. А. Рец. на: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен» // Вестник древней истории.— М., 1961.— № 3.— С. 136.

⁸ См. также: Быков Ф. С. Рец. на: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен» // Народы Азии и Африки.— М., 1963.— № 1.— С. 213—216.

⁹ Буров В. Г. Изучение китайской философии в СССР // Великий Октябрь и развитие советского Китаеведения.— М., 1968.— С. 99.

¹⁰ Hoodock J. Rew.; Shchutskii J. Researches of the I Ching//Philosophy East and West.— Honolulu, 1981.— Vol. 31.— N 4.— P. 551.

¹¹ Об этом памятнике см.: Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 3.

¹² См., например: Алексеев В. М. Указ. соч.— С. 114—160; 402—408.

¹³ Баньковская М. В. Малак — литературные вечера востоковедов. 20-е годы// Традиционная культура Китая.— М., 1983.— С. 123.

¹⁴ Цит. по: Баньковская М. В. Указ. соч.— С. 123—124.

Жизнеописание

Ю. ЩУЦКИЙ

...В порядке неофициальной биографии могу сообщить следующее о ходе развития своих интересов.

Самое сильное увлечение в моей юности — это музыка, особенно Скрябин и позже Бах. Меня больше занимала теория композиции, чем исполнительство. В последнем я никогда не достигал чего-либо достойного внимания. В период 1915—1923 годов написана большая часть музыкальных произведений. Все они потеряны². Вряд ли возможно возобновление занятий композицией, так как для этого необходимо жить в музыке, а на это по ходу моей теперешней жизни нет времени. В порядке некоторой роскоши позволю себе лишь иногда, особенно для отдыха от работы, играть на фисгармонии или на лютне. Второе по времени и значению в моей жизни искусство — это поэзия. Начало занятий ею — 1918 год. Серьезно к этим занятиям я не отношусь. Единственный реальный результат — это овладение поэтической техникой, которую применяю только как переводчик. Занимался я также и живописью, но настоящей живописной школы не имею, если не считать занятий иконописной техникой, которой недолго в 1923 году занимался под руководством мастера Русского музея Ильинского. Занимался также гравюрой на дереве, но теперь не могу продолжать этих занятий из-за зрения, участвовал в выставке при Русском музее в 1927 году. Вот и все мои художественные занятия.

В китаеведной области основной интерес — это философия Китая и японских эпигонов конфуцианства. Эти занятия, однако, не являются результатом силы, а скорее наоборот: слабости. Дело в том, что ни на одном языке (включая и русский) я не способен читать очень быстро. Привычка думать над прочитанным слишком сильно замедляет темп чтения, настолько, что изучение, например, романа или новеллы, требующее быстрого и экстренного чтения, для меня совершенно недоступно. При чтении же философов медленный темп чтения не так мешает, а размышление над прочитанным даже помогает. Есть еще и другая причина занятий философскими текстами: врожденная и сознательно культивируемая поныне любовь к мышлению. Основным недостатком в этой области является то, что могу считать себя самое большее философом-любителем, а не специалистом. В китайской философии наибольший интерес вызывает у меня не древняя чжоуская плеяда философов, а средневековье: начиная от Гэ Хуна и кончая Ван Шоужэнем³. Написать дельную монографию о последнем — мое давнее желание. Интерес именно к средневековым авторам, может быть, коренится в том, что они гораздо менее известны, чем философы Чжоу, о которых пишут все, списывая друг у друга. Кроме того, достоверность средневековых даосов и конфуцианцев как ближайших хронологически превышает достоверность доинских авторов в значительной мере. С изучения средневековья я и начал, но в процессе самой работы убедился, что невозможно миновать чжоуских классиков китайской философии. В свете этого понятны мои занятия «Книгой перемен». Но на все эти занятия смотрю лишь как на пролегомены.

При занятиях философией Китая, и именно в самой трудной части работы историка философии — в изучении терминологии (это было с Чжоу-цзы⁴), я пришел к необходимости взяться за лингвистические исследования для установления этимологий, ибо словари в этой области скорее сбивают с толку, чем помогают. Отсюда мои занятия и увлечение яфетидологией⁵. Впоследствии они переросли в самостоятельные лингвистические интересы (1929 г.). Последние три года в центре научного внимания опять стоит китайская философская литература, а лингвистический цикл в известном смысле завершен. Но я все же не жалею времени, потраченного на мое полиглотство, на знакомство с языками: маньчжурским, корейским, аннамским, кантонским, бирманским, бенгали, хиндустани, арабским, древнееврейским (японский не включаю в этот список,

так как он — моя вторая специальность и важнейшее орудие производства). Я очень благодарен товарищу Чатопадхья, который раздобыл для меня ряд книг и словари, и надеюсь в свободное время двинуть дальше занятия Бирмой. До сих пор не могу дать себе отчет: почему меня привлекает к себе Индокитай. Вероятно, интересна сложность культуры его, ибо в нем слились две классические культуры: Китая (в материальной жизни) и Индии (в духовной). Из-за интереса к китайскому средневековью стою перед необходимостью заняться китайским буддизмом.

Мой отец: по специальности ученый-лесовод, кончил Лесную академию в Новой Александрии под Варшавой. Научной работой никогда не занимался. По мировоззрению был типичен для своего времени: остатки традиционных религиозных привычек, на время (до наступления старости) почти вытесненные естественнонаучным образованием. В этическом отношении человек весьма стойкий, больше думавший о благе семьи, чем о своих личных удобствах. Так, чтобы иметь возможность дать нам образование в Петербурге, он принял громадное Енисейское лесничество и сам был вынужден жить в селе Шушенском (которое было местом ссылки Ленина). Это добровольное изгнание окончательно подорвало его в то время уже не крепкое здоровье.

Моя мать: по специальности учительница французского языка и рояля, в области мировоззрения начала с модного в ее молодости атеизма, но после длительного периода мрачной меланхолии, вероятно навеянной и музыкой Шопена и Чайковского, достигла живого и поныне углубленного устремления к действенной и активной в каждую минуту духовной жизни.

Я родился (вторым ребенком) в воскресенье 10/23 августа 1897 г. в 10 ч. утра под благовест в Екатеринбурге. Мое детство прошло в среде, пронизанной свободой и любовью со стороны окружающих. Было много музыки и много (летних) путешествий на всех видах тогдашнего транспорта. Во время одной из таких поездок, в Баку, я чуть не утонул. Мне не было тогда и трех лет, и сам я помню лишь, как меня переодевали, хотя помню себя (правда, лишь в спорадических эпизодах) сравнительно далеко: до полутора лет. Мое первое детское увлечение — это была астрономия, интерес к которой поддерживал отец. Мы с ним в зимние ночи подолгу стояли под звездным небом почти без слов. Он научил меня полной грудью вдыхать красоту и чистую мощь звездного неба. Возвращаясь в дом, я погружался в отображение космоса в музыке: мама чаще всего играла по вечерам. В детстве друзей у меня не было, если не считать трех собак, живших у нас во дворе. В реальном училище я учился не плохо и не отлично, был типичным четверочником. От общения с товарищами мои интересы изменились: в центре их стояли не звезды, а авиация, делавшая тогда свои первые шаги. По тогдашнему времени во мне невозможно было предположить гуманитария. Жизнь природы и техника занимали меня больше, чем что-либо иное. Религиозная жизнь для меня тогда была просто пустым местом. (В училище Закона Божия я не проходил, а ксендза в городе не было.) И тогда и теперь (правда, по-разному) я чрезвычайно рад тому, что никто не коснулся моего религиозного развития. Я был предоставлен вполне самому себе, и это — самое лучшее.

Около 14 лет я впервые сам осознал музыку, с которой крепко подружился на всю жизнь. Сразу же меня больше заняла инструментальная музыка. Я постепенно перебрал следующие инструменты (в хронологическом порядке): балалайка, гитара, рояль, контрабас, кларнет и медный баритон. Впоследствии к этому списку присоединились фисгармония, цитра, банджо и лютня. У меня было при этом больше склонности к созданию музыки, чем к исполнительству. Я играл на

Ю. К. Щуцкий

многих инструментах, но на всех плохо и, как правило, при слушателях хуже, чем наедине. С самого же начала в центре моих музыкальных вкусов стоял Скрябин с такой определенностью, что бывали периоды, когда я был склонен думать, что музыка — это Скрябин, а остальное — более или менее скучный шум⁹. Впоследствии я допустил в «музыку» и Баха, Корсакова, джаз. Вагнера я принял позже, но вполне. До признания опереточной музыки я никогда не падал. Ее не выношу до сих пор. Определенно не люблю Бетховена (он пугает, а мне не страшно), хотя вынужден признать его историческое значение. Скрябину было суждено сыграть в моей жизни не только музыкальную роль. Его искания идеального мира, стоящего над покровом реального, стали первой философской проблемой, занявшей меня навсегда. Через знакомство с его музыкой я впервые соприкоснулся с религией Индии и впервые принял в свое сознание мысль о неоднородности жизни. Годы самых интенсивных занятий музыкой и особенно Скрябиным совпадают с моим пребыванием на экономическом отделении Политехнического института, из которого я вынес (не окончив его) только две вещи: научно обоснованное знание, что экономистом мне никогда не бывать, и умение дирижировать симфоническим оркестром.

К тому же времени относятся мои первые поэтические опыты. Им, правда, в моей жизни не суждено было сыграть крупной роли. Интерес к поэзии и развитие поэтического вкуса — это нечто вложенное в меня, а не исконное мое, как музыка. Если я что-нибудь понимаю в поэзии, то этим я обязан Л. А. Дельмас-Андреевой (Кармен в стихах Блока и героиня III тома его стихов), которой я обязан и многим другим: если бы не поддержка ее и П. З. Андреева⁷, то не знаю, как бы я прожил трудные годы голода. Не меньшее влияние на развитие моих поэтических вкусов оказала покойная Е. И. Васильева (Черубина де Габриа)⁸, которая, более того, собственно, сделала меня человеком. Несмотря на то что прошли уже годы с ее смерти, она продолжает быть центром моего сознания как морально творческий идеал человека.

Моя университетская жизнь сделана Вами⁹ и Вам более, чем кому бы то ни было, обязана своим бытием и известна. Должен я сказать в дополнение к этому только то, что в период моих колебаний между Китаем и Индией решающим оказался Ваш внутренний образ, образ цельного человека в противоположность образу Ф. И. Щербатского¹⁰, двойственность которого в науке и в жизни меня сильно шокировала. Потребовались годы для того, чтобы я выработал к нему терпимое отношение. В этой работе мне много помог Бус¹¹. История моих отношений к Бусу не понятна без учета еще одного слагаемого, без которого моя биография перестает быть моей и теряет всю правдивость.

В университете я познакомился с Е. Э. Бертельсом¹², от которого я впервые узнал об антропософии. Трудно найти подходящие слова для того, чтобы высказать, как велико значение антропософии в моей жизни. Это незаслуженный подарок от моего самого дорогого, самого любимого и самого прекрасного человека: Рудольфа Штейнера, без духовной поддержки которого моя жизнь давно бы кончилась физическим или моральным самоубийством. Понять всю сложность его учения, понять то, что он сообщил о Христе, мне помогла и своими знаниями, и личным примером Е. И. Васильева. Для этого мне пришлось на протяжении лет напрягать все свои внутренние силы, пришлось все время стремиться перерастать самого себя в области внутренней культуры, следить за собой непрестанно в отношении жизни, этики, эстетики и познания с максимальной требовательностью. К сожалению, должен признаться, что с этой стороны я не удовлетворен собою. Пусть во внешней жизни за мою любовь к Рудольфу Штейнеру я подвергаюсь репрессиям, презрению и т. д., то все это мелочи по сравнению с тем, что я получил от него в дар: если мировоззрение человека можно ощутить как систему духовных координат, то в этой системе он помог мне найти ее центр: Христа. Бесконечно много еще потребуется работы для того, чтобы еще больше и глубже подвинуться в Его познании, пусть, несмотря на годы работы, сделано еще очень мало (ведь познание Его равносильно достижению всеведения, всемогущества, вселюбви), но все же познано самое главное: направление духовной жизни, известен центр координат.

Конечно, нет никакой возможности в нескольких словах изложить содержание антропософии, а тем более ее обоснование, ибо это — сложнейшее мировоззрение, доступное лишь многолетнему изучению и познанию в практике жизни, но все же, помимо указанного, необходимо еще указать на те убеждения, почерпнутые мною из антропософии, которые засвидетельствованы для меня всем моим собственным бытием: весь познаваемый мною мир реален, но, по существу, является лишь откровением лежащего

в его основе мира духовных существ. В своем самосознании, там, где человек говорит себе самому «Я», он примыкает к этому миру духа, но исторически необходимое мощное воздействие чувственного восприятия временно заслоняет от него весь духовный мир, кроме самопознания. Границы рождения и смерти в настоящее время также ограничивают свободный взгляд на мир духа. Однако все эти границы не абсолютны и при соответствующей серьезной работе и подготовке сознания, сводящейся к его оздоровлению и укреплению, небывалому в обычной жизни, эти границы преодолимы. Признавая себя в своем бессмертном существе, человек приходит к познанию повторности жизней и к познанию законов их причинной связи, того, что в несложном упрощенном и банальном виде известно в буддизме под названием «карма». Эти законы в основном слагают историю человечества: на основании их Рудольф Штейнер указывал на критическую дату в развитии современности, на годы, начинающиеся 1935 годом, когда постепенно и для все большего количества подготовленных людей произойдет событие такой же важности, как Мистерия Голгофы, но на этот раз лишь в сфере самосознания, ибо физически Голгофа нигде и никогда не повторима. Христос был вторично распят человечеством духовно в тридцатых годах прошлого века. Как проявление этого возник материализм. Мы стоим на грани духовного воскресения Его в ближайшие годы. Так обстоит дело, которое искажено в сторону материализации и банальности адвентистами и другими сектантами.

Признание этих данных накладывает на человека этические обязательства, несколько превышающие те, которые обычно признаются людьми. Исходя из них, можно прийти к желанию в каждом человеке активно искать то лучшее, что в нем есть. При этом отнюдь не следует закрывать глаза на недостатки, на зло, на ложь, но необходимо достигнуть умения видеть положительное так, чтобы отрицательное не мешало видеть и лучшие стороны наблюдаемого. Для гармонического душевного развития в этом отношении необходима также полная непредвзятость и сознательное владение своими мыслями, чувствами и волей, в которых, как правило, человек живет без полного отчета, инстинктивно. Эта душевная культура достигается длительной и планомерной работой над собой. Если принять во внимание всю недостаточность такого суммарного изложения того, что, собственно, можно считать лишь во всей полноте жизни, то все же в только что изложенных мыслях — вся основная суть моей духовной биографии. Исходя из такого настроения, я счел для себя обязательным воспитать в себе дружественное отношение, например, к Бусу, который, правду сказать, с первой же встречи был мне неприятен. Однако более чем 10 лет сознательной работы над собой принесли желательный результат: необходимое отношение воспитано.

Антропософия оказывает влияние и на мою научную жизнь: культура Китая содержит в себе наследие той поры в истории человечества, о которой греческий миф рассказывает как об Атлантиде. Это может показаться странным на первый взгляд, но это вполне убедительно, если брать это во всей полноте оккультной истории человечества. Как столетие тому назад европейское человечество получило наследие от Индии, древнейшей послеплатонической культуры, так мы стоим перед гранью, за которой должно быть дано наследие Атлантиды, сохраненное в китайской культуре (особенно в даосизме и отчасти в «Книге перемен»). Хотя не на всех людей это наследие будет действовать одинаково: на некоторых оно подействует ошеломляющим образом, иных охватит совсем и лишит их самостоятельности, на иных же оно подействует, не отнимая от них того, что ими приобретено во времена после Атлантиды, и вызывая лишь заслуженное уважение и радость. Возможно при передаче этого наследия множество искажений, шарлатанства и т. п., и нужна для борьбы с этим злом полная и строго научная подготовленность, вся полнота академической науки в ее самом лучшем и самом строгом виде. Вот почему я по мере сил хочу добиться всего, что человеку доступно в этой строгой и беспристрастной академической науке. Хорошо ли я это делаю, судить не мне, а именно Вам.

Многое из того, что говорил Н. Я. Марр о самых ранних ступенях развития языков, иногда дословно повторяет то, что известно в антропософической литературе об Атлантиде. Яфетиды сильно напоминают позднейших атлантов. Последним периодом своей теории Н. Я. Марр несколько исказил более верную картину, очерченную им прежде. Поэтому и мое рвение к яфетической теории охладилось. Все же до сих пор я ощущаю искреннюю благодарность покойному за его гениальные догадки.

Исходя из антропософии, которая является чем-то большим, чем только мировоззре-

ние, я допускаю возможность не одного, а целых 12 мировоззрений, среди которых и материализму отведено подобающее место¹³. При этом эти 12 мировоззрений берутся не эклектически, а в их органической связи, как каждое из них вытекает из другого, являясь его развитием и дополнением. Материализм в современной теории квантов находит свое естественное продолжение и развитие, но в ней исчезает само реальное ощущение материи. По этой теории, в основе лежит число. Так материализм, если считаться не с ортодоксальной догмой, а с действительностью, перерастает в математизм. Но и последний должен иметь своей предпосылкой уверенность в том, что математическая рациональность отображает в себе рациональность самого мира. Мировоззрение, ставящее акцент на эту рациональность, уже не математизм, а рационализм. Но и он при дальнейшем развитии может быть приведен к понятию разумного идеала, правящего жизнью. Человек, живущий такими идеалами, будет уже последователем не рационализма, а идеализма, и при дальнейшем развитии своих наблюдений над жизнью он может поставить в центре своего внимания душу человека как реальную носительницу этих идеалов. Тогда этот человек становится последователем мировоззрения, которое может быть названо психизмом. При более точной наблюдательности человек может найти в душевной жизни сущностное духовное ядро и усмотреть в нем основу мира и таким образом выработать свое мировоззрение, которое можно условно назвать пневматизмом. Отсюда уже недалеко к признанию в основе мира многих духовных существ, как они отражены, например, в учении гностиков или у Дионисия Ареопагита в учении о небесных иерархиях. Далее внимание может быть направлено не столько на их духовную сущность, сколько на их индивидуальность, на их замкнутость в самих себе. Так поступил, например, Лейбниц, создав свое учение о монадах. Но и монадизм, исходящий из спиритуализма, не абсолютно замкнут в самом себе. Для того чтобы быть, каждая монада должна прежде всего проявить свою силу. Из этих сил, собственно, состоит вся ткань мира. Мир в основе своей является силой, говорит динамист и делает это при переходе от монадизма, как в буддийской теории дхарм, или делает это, как позднейший Ницше, видя силу прежде всего в ее проявлении — в реальных вещах. Полноценная акцентуация последних приводит к реализму. Но и реалист не может поставить перед собой вопрос о том, что именно скрывается за реальными предметами. Ведь они видны нам как дискретные. Основа же мира не может быть дискретной, ибо в цельном мировоззрении мир может ощущаться лишь как единство. Тогда реалист будет вынужден за внешним явлением вещей предположить некую хотя бы и не познанную им сущность, а реальные предметы считать лишь проявлением ее. Так возникает мировоззрение, которое может быть названо феноменализмом. На путях скепсиса на смену этому мировоззрению приходит сенсуализм как признание невозможности усмотреть субстанцию. Это мировоззрение считается лишь с чувственными восприятиями и отрицает познаваемость чего бы то ни было, кроме них. Например, Мах думал так. Но марксисты, полемизируя с ним, указывали на материальную природу всех чувственных восприятий, переводя мировоззрение в сферу материализма. Так замыкается круг мировоззрений. Я принимаю положение Лейбница, что каждое мировоззрение право в своей положительной части, но не право, поскольку утверждает свою исключительную значимость. Я принимаю их все, но не механически, не в эклектике и синкретизме, а в их правильном органическом и своевременном приложении к жизни. От статики замкнутого мировоззрения я считаю необходимым переход к динамическому движению по всему кругу мировоззрений¹⁴, которые в действительности осложняются еще различными оттенками познавательных настроений. Хотя это и несколько сложно, но и это только схема. Но признание такой подвижности мировоззрений делает меня иногда мало понятным людям. Однако это настолько проверено для меня в жизни, что отказаться от этого движения для меня — значит солгать самому себе. В этом вся моя философия.

Кроме того, что уже указано, в моей жизни некоторую роль играла и живопись, но всегда лишь как нечто побочное и служебное. С некоторых пор живопись и скульптура (которой я тоже немного занимался) превратились, как я сам это ощущаю, в сознательное построение пластики человеческих отношений. Это — душевная скульптура, умение подойти к тому или другому человеку именно с той стороны своей души, которая лучше всего реагирует на душу другого человека, дало мне возможность создать подлинно дружеские отношения с некоторыми людьми. Дружественная связь с ними столь сильна, что, как показывает мой опыт в Японии, эту связь не нарушает ни время, ни простран-

во, а на примере с Е. И. Васильевой вижу, что и смерть не нарушает самого существа дружбы. Но как реален мир, как мысль художника требует своего воплощения, так и дружба с особой мощью проявляется тогда, когда можно сделать что-то реальное для друга, стоящего физически рядом. Особенно прекрасной дружба (моя наибольшая жизненная радость) становится тогда, когда ей резонирует ответное чувство человека, иного по своему складу, вполне индивидуальному, но также подходящего к проблеме дружбы как к творчеству этически прекрасной душевной скульптуры. Такой полнейший резонанс дружбы я нахожу в моей спутнице: Ирине¹⁵.

В основном это самое важное в моей жизни. Остальное относится к моей внешней биографии дат и фактов. Может быть, написанное здесь — это психологический комментарий к ним. Но может быть, и наоборот: все они (как и эта записка) лишь отчасти верное отображение того существенного, о чем я косноязычно пытался написать, исполняя Вашу просьбу.

¹ «Жизнеописание» было написано Ю. К. Щуцким в 1935 году по просьбе академика В. М. Алексеева и легло в основу составленной последним «Записки о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого» (Алексеев В. М. Наука о Востоке.— М., 1982.— С. 89—93). Отдельные выдержки из «Жизнеописания» были опубликованы В. В. Петровым в примечаниях к «Записке» В. М. Алексеева (Алексеев В. М. Указ. соч.— С. 399—400, примеч. 2) и Н. Ю. Трякаловой во вступительной статье к подборке стихотворений Е. И. Васильевой, посвященных Ю. К. Щуцкому (Русская литература.— Л., 1988.— № 4.— С. 201—204). «Жизнеописание» сохранилось в семье В. М. Алексеева, а затем перешло к потомкам Ю. К. Щуцкого. Его машинописная копия была любезно передана нам Н. Ю. Трякаловой. В нашей публикации «Жизнеописания» опущено начало (объемом в машинописную страницу), в котором автор, говоря о себе в третьем лице, сообщает формальные данные, указанные нами в библиографической заметке более подробно. Нами также в нескольких случаях поправлена или осовременена орфография и проведена более дробная разбивка на абзацы.

² В архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР сохранились рукописи нескольких романсов, музыку к которым написал Ю. К. Щуцкий. См. о них: Трякалова Н. Ю. Неизвестный инскрипт Блока // Александр Блок: Исследования и материалы.— Л.— 1987.— С. 235. В данной статье Н. Ю. Трякалова опубликовала ранее неизвестную дарственную надпись А. А. Блока на книге, свидетельствующую о его знакомстве с Ю. К. Щуцким.

³ Гэ Хун (284?—364?) — знаменитый даосский философ, алхимик и медик, автор энциклопедического сочинения «Баопу-цзы» («Мудрец Охватывающий Перводанность»). Подробно см.: Торчинов Е. А. Основные направления эволюции даосизма в период Лючао (по материалам трактата Гэ Хуна «Баопу-цзы») // Дао и даосизм в Китае.— М., 1982.— С. 60—79.

Ван Шоужэнь (Ван Янмин, 1472—1529) — один из крупнейших неоконфуцианских философов. Подробно см.: Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия.— М., 1983.

⁴ Чжоу-цзы (Чжоу Дуньшань, 1017—1073) — основоположник неоконфуцианской философии. О нем, см., например: Конрад Н. И. Запад и Восток.— М.— С. 178—182.

⁵ Яфетидология — лингвистическая теория («новое учение о языке») Н. Я. Марра (1864/65—1934).

⁶ Точно такие же чувства пришлось испытать Б. Л. Пастернаку. В «Охранной грамоте» он вспоминал: «Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней — Скрябина». Отмеченный Щуцким всепоглощающий эффект, производимый искусством великого композитора, Пастернак характеризовал как «опустошения, производимые его непередаваемой музыкой» (Пастернак Б. Л. Воздушные пути.— М., 1982.— С. 194, 196).

⁷ Л. А. Дельмас-Андреева (1884—1969) — оперная актриса, героиня цикла стихов А. А. Блока «Кармен». См. о ней, например: Литературное наследство.— Т. 92.— Александр Блок. Новые материалы и исследования.— Кн. 3.— М., 1982.— С. 64—67. П. З. Андреев (1874—1950) — артист Императорских театров, певец (бас-баритон), народный артист СССР (1939), муж Л. А. Дельмас-Андреевой. Ныне нам известно лишь одно сохранившееся оригинальное стихотворение Ю. К. Щуцкого, которое хранится в архиве П. З. Андреева и Л. А. Дельмас-Андреевой в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 1056, ед. хр. 517). Оно посвящено Л. А. Дельмас-Андреевой и датировано 4 ноября 1922 г. Знакомство с певицей могло произойти в Театре музыкальной драмы, где Ю. К. Щуцкий служил статистом, одновременно участь в Петроградском политехническом институте. Единственный дошедший до нас образец собственного поэтического творчества Ю. К. Щуцкого мы впервые публикуем здесь по копии, любезно предоставленной нам Н. Ю. Трякаловой.

Л. А. Д.

Между нами протекла река —
 Мне к тебе нельзя прийти никак.
 На твоём далеком берегу
 Я лишь башню разглядеть могу,
 А на башне — днем и ночью ты
 Посылаешь мне во след кресты.
 Но с твоей протянутой руки
 Не кресты летят — а голубки.
 Все равно: нельзя принять мне весть.
 Я лишь памятник печальный здесь.
 Так уже, видно, решено судьбой.
 Чтобы мне не свидеться с тобой.
 Но совсем нельзя тебя забыть:
 Нас связала золотая нить...
 Не объедешь и не отойдешь!..
 Нож навстречу?.. — Ну, пойду на нож...
 В сердце только боль, и боль, и боль,
 Только слезы, как морская соль, —
 И к тебе нельзя прийти никак:
 Между нами протекла река.

4.XI.22

Юлиан

Под текстом приписка рукой Л. А. Дельмас-Андреевой: «Ю. Щуцкий — переводчик китайской лирики».

⁸ Е. И. Васильева (Дмитриева, Черубина де Габриак, 1887—1928) — поэт-философ трагической судьбы; по определению А. Н. Толстого, «одна из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе». В 1922 году она вернулась из Екатеринодара в Петроград, откуда была выслана как дворянка, и познакомилась с Ю. К. Щуцким. Помимо увлечения поэзией, музыкой и живописью, основой их сближения стала приверженность к антропософии. Е. И. Васильева была Саган'ом Антропософского общества в России, получив этот титул от самого Р. Штейнера. В одном из стихотворений, посвященных Ю. К. Щуцкому, она писала: «Ты своею душой голубиной // Навсегда затворился в скиту» (1924?), и свое отношение к нему выражала словами: «В мою жизнь пришла любовь» (письмо М. Волошину от 3 июля 1923 года). В 1926 году Е. И. Васильева поступила на работу в Библиотеку АН СССР (Ленинград), однако уже в 1927 году из-за принадлежности к Антропософскому обществу была этапом сослана в Ташкент, где и скончалась в конце следующего года. В изгнании в 1927 году ее посетил Ю. К. Щуцкий, проведший в Ташкенте месяц. Результатом этой встречи явилось создание Е. И. Васильевой цикла стихотворений «Домик под грушевым деревом», стилизованных под китайскую поэзию и приписанных китайскому поэту Ли Сян-цзы. Это китаизированное имя для Е. И. Васильевой придумал Ю. К. Щуцкий. С одной стороны, оно фонетически соответствует ее имени — Елизавета (Елисавета), с другой — семантически отражает реальную ситуацию ее проживания в Ташкенте в домике под грушевым деревом (в переводе с китайского Ли Сян-цзы буквально означает «Философ Грушевого Флигеля»). Подробно об взаимоотношениях Е. И. Васильевой и Ю. К. Щуцкого см. вышеуказанную публикацию Н. Ю. Трякаловой (Русская литература. — 1988. — № 4. — С. 200—205). «Домик под грушевым деревом», в написании стилизованного прозаического предисловия к которому участвовал Ю. К. Щуцкий, издан в собрании произведений Е. И. Васильевой и материалов о ней: Елис. Васильева. Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь // Новый мир. — 1988. — № 12. — С. 132—170.

⁹ Имеется в виду В. М. Алексеев.

¹⁰ Академик Ф. И. Шербатской — один из крупнейших отечественных востоковедов, индолог и тибетолог. Подробно о нем см.: Шербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. — М., 1988. — С. 3—51.

¹¹ Фра Бус — шуточное прозвище Б. А. Васильева, однокашника и коллеги Ю. К. Щуцкого. Подробно о нем см.: Петров В. В. Научно-педагогическая деятельность Б. А. Васильева (1899—1946) // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. — Л., 1965. — С. 71—73.

¹² Член-корреспондент АН СССР Е. А. Бертельс (1890—1957) — видный исследователь персидско-таджикской литературы и суфизма. См. о нем: Бертельс Е. А. История персидско-таджикской литературы. — М., 1960. — С. 9—15.

¹³ Ср. определение другого русского антропософа — А. Белого: «у Штейнера — диалектика мировоззрений» (Белый А. Почему я стал символистом. — Ann Arbor (Mich.), 1982. — С. 75).

¹⁴ Ср. приводимые А. Белым «лозунги» Р. Штейнера «ИСТИННОЕ ЕСТЬ ВСЕГДА ИНДИВИДУАЛЬНО ИСТИННОЕ; ИСТИНУ ПОЗНАЮТ ЛИШЬ В ЕЕ ВОССТАНИИ В ИНДИВИДУУМЕ» и формулу антропософского принципа «Надо выйти из мировоззрения в

их круг» (Белый А. Указ. соч.— С. 74).

¹⁵ Ирина, жена Ю. К. Щуцкого, Ирина Дмитриевна Щуцкая (до замужества — Алексеева).

Приложение I

Произведения Ю. К. Щуцкого

(а) Монографии, учебники, статьи, рецензии

¹ Даос в буддизме // Записки Коллегии востоковедов.— Л., 1927.— Т. 1 — С. 235—250.

² Основные проблемы в истории текста Ле-изы // Записки Коллегии востоковедов.— Л., 1928.— Т. 3.— Вып. 1.— С. 279—288.

³ Отчет научного Азиатского музея Ю. К. Щуцкого о поездке в Японию // «Известия АН СССР».— Серия: Отделение гуманитарных наук.— Л., 1928.— № 8—10.— С. 568—570.

⁴ Следы стадиальности в китайской иероглифике // Яфетический сборник. VII.— Л., 1932.— С. 81—97.

⁵ Комиссия по латинизации китайской письменности: акад. В. М. Алексеев, Б. А. Васильев, А. А. Драгунов, А. Г. Шпринцин, Ю. К. Щуцкий.

⁶ Чу Цзыци (Щуцкий Ю. К.), Ду Гуантин дуйюй даоцзяо сяньчжэн чжи цзяньйизе (De symbolismo Taoistico ab auctore Tu Kuang-t'ing exposito Taeraky soron (Philologia Orientalis (Осака), 1934.— Т.1.— С. 175—184.

⁷ Учебник аннамского языка.— Л., 1934.— 114, (32), 2с — Литогр.

⁸ Учебник китайского языка. (Байхуа).— Л., 1934.— 2-е изд.— 1935.— 285, XII, II с.— В соавт. с Б. А. Васильевым.

⁹ Рец. на: R. Chauvelot. En Indochine. Aquarelles de Marius Hubert — Robert. Ouvrage orne de 218 heliogravures.— Grenoble, 1931.— 160 p. // Библиография Востока.— Л., 1934.— Вып. 2—4 (1933).— С. 150—151.

¹⁰ Рец. на: Belpaire V. Le Taoism et Li T'ai Po // Melanges chinois et bouddhique.— Bruxelles, 1932.— Vol. 1.— P. 1—14 // Библиография Востока.— М.; Л., 1935.— Вып. 7. (1934).— С. 137—140.

¹¹ Вступительная статья к «Стихам о жене Цзяо Чжунцина» // Восток.— Сб. 1.— М., Л., 1935.— С. 33—39.

¹² Из литературы китайских эссеистов // Восток.— Сб. 1.— М.; Л., 1935.— С. 201—202.

¹³ Хрестоматия старокитайского языка для студентов-японистов.— Л., 1936.— 4, 217, 38, I, II, XIII с.— Литогр.

¹⁴ Строй аннамского языка.— Л., 1936.— 47 с.

¹⁵ Строй китайского языка.— Л., 1936.— 35 с.— В соавт. с Б. А. Васильевым.

¹⁶ Китайская классическая «Книга перемен». Опыт филологического исследования и перевода. Тезисы диссертации.— Л., 1937.— 8 с.

¹⁷ Китайская классическая «Книга перемен».— М., 1960.— 424 с.

¹⁸ Shchutskii J. Researches on the I Ching / Tr. By W. L. MacDonald and Tsuyoshi Hasegawa with H. Wilhelm. Introduction by G. W. Swanson.— Princeton (N. J.), 1979.

(б) Переводы

¹⁹ Из китайских лириков [10 стихотворений: Ван Цзи, Сун Чживэнь, Мэн Хаожань, Лю Цзунъюань, Ван Вэй, Цянь Ци, Мэн Цзяо, Ли Бо, Пэй Ду, Юань Чжэнь] / Вступительная статья В. М. Алексеева // Восток.— М., Пб., 1922.— Кн. 1.— С. 39—49.

²⁰ Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Хр. / Редакция, вводные обобщения и предисловие В. М. Алексеева.— М.; Пб., 1923.— 144 с.

²¹ Вэй Юн. Ночью в горах Ши-и; Мэн Хаожань. Весеннее утро // Литературные среды (прилож. к «Красной газете»).— 1927.— № 12.— С. 5.

²² Ли Бо. Тоска у ящмовых ступеней, Весенней ночью в г. Лояне слышу свирель; Бо Цзюй и. Лютия (отрывок); Ван Вэй. Горный хребет, где рубят бамбук, Поднялся в храм «Исполненный прозрения»; Ван Чанлин. В «Неюфаровом доме» провожаю Синь Цзяня; Пэй Ди. За плетнем из магнолий; Цянь Ци. По Цзяну // На рубеже Востока.— 1929.— № 3.— С. 60—64.

²³ Кано Н. О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника», хранящегося в Азиатском музее Академии наук // Известия Академии наук.— Серия: Отделение гуманитарных наук.— Л., 1930.— № 2.— С. 135—144.

²⁴ Стихи о жене Цзяо Чжунцина — Китайская поэма III века // Восток.— Сб. 1.— М., Л., 1935.— С. 40—50. То же // Антология китайской поэзии.— Т. 2.— М., 1957.— С. 62.

в) Рукописи

²⁷ О применении стенографии к китайскому латинизированному языку. Май 1932 // Архив востоковедов ИВ АН СССР.— Л.: ЛО ИВ АН СССР.— Разряд 1, опись 1, ед. хр. № 165.— 12 л.

²⁸ Китайская классическая «Книга перемен». Исследование, перевод текста и приложения.— Осака; Ленинград, 1928—1935 // Архив востоковедов ИВ АН СССР.— Л.: ЛО ИВ АН СССР.— Разряд 1, опись 1, ед. хр. № 166 (1, 2, 3, 4, 5).— 813 л.

Литература о Ю. К. Щуцком и его произведениях

- ¹ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.— М., 1972.— С. 594 (имен. указ).
- ² Алексеев В. М. Записка о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого. Приложения 1—7: Замечания на перевод Ю. К. Щуцкого «Баопу-цзы». В научно-исследовательский институт им. А. Н. Веселовского. Письмо Н. Я. Марру. Докладная записка о научном сотруднике II разряда Ю. К. Щуцком на предмет выдачи ему авторитетной научной квалификации. Приписка к заявлению Ю. К. Щуцкого о командировке его в Китай и Японию за книгами для Азиатского музея. Директору Азиатского музея АН СССР заявление старшего научного хранителя Азиатского музея В. М. Алексеева. Записка о Ю. К. Щуцком // В. М. Алексеев. Наука о Востоке.— М., 1982.— С. 89—97.
- ³ Алексеев В. М. Замечания на книгу-диссертацию Ю. К. Щуцкого «Китайская классическая «Книга перемен» // Алексеев В. М. Наука о Востоке.— М., 1982.— С. 371—388.
- ⁴ Баньковская М. В. Малак — литературные вечера востоковедов. 20-е годы // Традиционная культура Китая.— М., 1983.— С. 119—126.
- ⁵ Бик Е. П. Рец. на: Восток.— Кн. 1 // Красная новь.— 1922.— № 6 (10).— С. 352—353.
- ⁶ Буров В. Г. Изучение китайской философии в СССР // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения.— М., 1968.— С. 99—100.
- ⁷ Быков Ф. С. Рец. на: Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен» // Народы Азии и Африки.— М., 1963.— № 1.— С. 213—216.
- ⁸ Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае.— М., 1966.— С. 38—42.
- ⁹ Гудзий Н. К. Рец. на: Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Хр. // Новый Восток.— М., 1923.— № 4.— С. 470.
- ¹⁰ История философии в СССР.— Т. 5.— Кн. 2.— М., 1988.— С. 181.
- ¹¹ Конрад Н. И. Рец. на: Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Хр. // Восток.— М.; Пб., 1924.— Кн. 4.— С. 174—179. То же // Конрад Н. И. Избранные труды. Синология.— М., 1977.— С. 587—594.
- ¹² Конрад Н. И. От редактора // Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен».— М., 1960.— С. 5—14.
- ¹³ Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов.— М., 1975.— С. 622—623.
- ¹⁴ Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая.— М., 1970.— С. 275—277, 305, 313, порт.
- ¹⁵ Петров Н. А. Ю. К. Щуцкий — Библиографическая справка // Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен».— М., 1960.— С. 15—17.
- ¹⁶ Рубин В. А. Рец. на: Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» // «Вестник древней истории».— М., 1961.— № 3.— С. 136—140.
- ¹⁷ Скачков П. К. Библиография Китая.— М., 1960.— С. 684 (алф. указ.).
- ¹⁸ Трякалова Н. Ю. Вступительная статья к подборке стихотворений Е. И. Васильевой, посвященных Ю. К. Щуцкому // Русская литература.— Л., 1988.— № 4.— С. 201—204.
- ¹⁹ Hoodock J. Rew.: Shchutskii I. Researches of the I Ching // Phidlosophy East and West.— Honolulu, 1981.— Vol. 31.— № 4.— P. 551—552.

醫學氣功的國際交流

(Международная конференция
по медицинскому цигуну в Пекине)

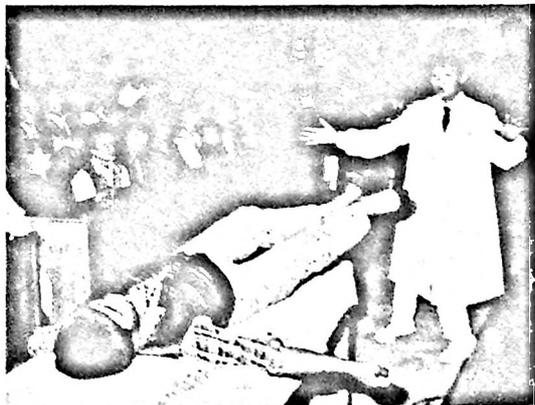
1. Участники Международной конференции по цигуну в Пекине.

нитная, акустическая, световая, которая может улучшать физиологические функции организма, регулировать метаболизм (обмен веществ), инициировать энергию тела, повышать сопротивляемость заболеваниям, предупреждать и лечить болезни, отодвигать старение, продлять жизнь.

Наука, изучающая цигун, столкнулась с не имеющим формы объектом исследования — энергией тела, «внутренней» и «внешней» (нэйци и вэйци), и если удастся ее изучить и смоделировать, то, по мнению Гао, это сыграет огромную роль в прогрессе человечества. В связи с важностью проблемы было предложено создать в Китае «Международное общество по изучению цигуна».

В конце 1988 года по инициативе организаций, занимающихся медицинским цигуну в Китае, Японии, США, Италии, Франции, Австралии и Сингапуре, была созвана конференция в Пекине, в которой приняли участие более 600 специалистов (исследователей и врачей) из 19 стран. Было представлено более 600 научных сообщений, отразивших огромный и быстро растущий интерес к цигуну во всем мире.

Особое внимание уделялось «ци» — ее лечебной и оздоровительной роли. С позиций современной науки, отмечал председатель Китайского общества по изучению медицинского цигуна Гао Хэтин, «ци» — объективно существующая материя: электрическая, маг-

2. «Цигун» — терапевт из НИИ цигуна Пекинского военного округа демонстрирует участникам конференции свой метод лечения.

Мы видим дистанционное воздействие на пациента с помощью «внешней ци» — при таком лечении расстояние особой роли не играет, так как главное — не излучение из рук, а мыслепосыл, ибо «мысль ведет ци, ци ведет кровь».

Цигун: невероятное и очевидное

М. БОГАЧИХИН

В древности термин «цигун» встречался крайне редко. В капитальном исследовании Ма Цзижэня «Китайское учение о цигуне»² автор обращает на это внимание, сообщая, что он читал «цигун» лишь в книге даоса Сюй Суня, жившего при династии Цзинь (265—420), да в одной из книг конца Цинской династии (но это уже не древность). В наши дни этот термин широко употребляется среди занимающихся воинскими искусствами (ушу). В одной из книг «Тайны техники шаолиньских гимнастик» об этом говорится: «цигун имеет два смысла: один — возвращение ци, другой — его тренировку». Там же сообщается, что в 1934 году вышла книга о лечении чахотки методом цигун-терапии, которая, однако, осталась почти незамеченной.

В 1960 году директор Таншаньской клиники цигун-терапии Ван Цзуньбо на совещании в такой же Шанхайской городской клинике поднял вопрос о термине, ибо «если не дать имя, то как называть?». И было решено: не понимать «ци» узко, а опираться на практику, составляющую основу цигуна: то есть методическую самостоятельную тренировку тела и духа при отработке специальных поз, дыхания, расслабления тела и сердца, души, помогающих концентрировать и сознательно использовать внимание при релаксации и ритмических движениях, что регулирует и интенсифицирует различные функции организма и его скрытые силы. Все это оказывает оздоровительное и общеукрепляющее действие, способствует надежной профилактике заболеваний и долголетию.

После указанного совещания термин «цигун» стал широко и повсеместно употребляться, заменив другие. Так, в древнейшем китайском медицинском трактате «Хуанди нэйцзин» — «Трактате о внутреннем», относимом к мифическому Желтому правителю, в числе пяти методов лечения: иглоукалывание каменными иглами, прижигание, «9 игл», лечение лекарствами, упоминается также «дао инь ань цяо», что, считает Ма Цзижэнь, и есть древнейший цигун.

Чжуан-цзы, рассказывая о Пэн-цзу, прожившем якобы более 800 лет, упоминает и о методах, которыми пользовался этот Пэн-родоначальник: «Выдыхают и вдыхают, выплевывают старое и набирают новое, висящему медведю подражают, птицей вытягиваются». Здесь в первую очередь обращает на себя внимание дыхательная гимнастика, а также физические упражнения, напоминающие повадки животных и птиц, что характерно для многих китайских гимнастик целых трех тысячелетий. Можно отметить и акцент на использование сознания — китайские традиционные гимнастики всегда осознанные, здесь невозможно бессмысленное махание руками и ногами или выполнение телом какого-то упражнения, когда мысли бродят где-то в стороне. «Выплевывание старого и набирание нового» позже в гимнастике стали называть «выбрасыванием грязной ци и набиранием чистой» — это сознательное упражнение с вовлечением сознания, когда, например, мысленно на выдохе сбрасывают грязь с кончиков пальцев, а затем (также с использованием сознания) набирают чистую ци. Словарь «Море слов» («Цыхай») поясняет метод Пэн-цзу: «Раскачивание сухожилий и костей, приведение в движение суставов и конечностей — даосский метод культивации (возвращения) жизни».

В «Собрании комментариев», где делаются пояснения древних к тексту «Чжуан-цзы», находим и такое: «Дуют холодным выдохом и выплевывают старое, втягивают теплым вдохом и набирают новое; уподобляются медведю, залезшему на дерево и повисшему там, или птице, которая вытягивает лапки при полете. Это шэнь (дух) и ци (энергия) ведения и привлечения (даоинь), служащие для выращивания формы (тела) и души-хунь (энергии печени), путь продления жизни (комментарий М. Б.). Пэн-цзу было 767 лет к концу правления династии Инь, но он не старел. Когда при следующей династии (Чжоу) его привели к князю (вану), правитель рассудил по-своему: позвал врача, приказав перенять опыт, а Пэн-цзу велел убить, «чтобы пресечь такое». Но Пэн-цзу удалось уйти.

Несколько слов о системах даоинь и аньцяо, упоминаемых в «Трактате о внутреннем», часто рассматриваемых как впервые упомянутый цигун. Комментаторы по-разному описывают даоинь. Например, ссылаются на «Чжуан-цзы»: «медведем повисают...», или

Богачихин Май Михайлович, в 1959 году окончил Тяньцзиньский университет, научный сотрудник ИДВ АН СССР. Автору статьи принадлежит более 40 публикаций, в том числе по китайской гимнастике и биоэнергетике.

«даоинь — это вздымание рук, вытягивание и зевота», подразумевая под «вытягиванием» вдыхание ци, а под «зевотой» его выдыхание с открытым ртом. Ши Хуэйлинь, живший при династии Тан (618—907) написал более конкретно: «Всякое растирание себя, разминание себя, вытягивание и сжатие рук и ног, исключив работу и отбросив волнение, называют даоинь» (по-японски до-ин, под этим названием метод попал в Европу).

Поясняя термин «аньцяо», комментаторы пишут: «Ань означает изгибать и приламливать кожу и мышцы, цяо — быстрое поднятие рук и ног для массажа». Таким образом, аньцяо — массаж, вернее самомассаж (в древности многие не желали массировать других. Массаж как метод лечения других развился позже и получил название «туйна» или «аньмо»).

Когда в начале нашей эры в Китай начал проникать буддизм, он принес индийские системы саморегуляции. Со временем разные системы смешались. В наши дни цигун подразделяют на конфуцианский, буддийский, даосский, медицинский и воинский. Однако индийско-буддийские корни цигуна, видимо, наиболее прочны. Слово «цигун» — калька с санскритского «пранаяма» состоит из двух частей — «ци» (как и «прана») — некая жизненная энергия и «гун» (санскр. — «яма») — работа, работа над собой. В целом — работа с жизненной энергией. Следует только подчеркнуть, что «ци» имеет много значений, самый близкий русский эквивалент которых — энергия, и только в медицине и гимнастике «ци» — жизненная энергия или сила, нечто вроде тонуса, которым учатся управлять: повышать, перемещать (по принципу «мысль ведет ци, ци ведет кровь»). То есть сосредоточение внимания (мысли — «и») на какой-то зоне тела ведет к повышению здесь температуры, активизации физиологических процессов. Это и рассматривается китайской медициной как прилив ци, а за ней и крови. На этом же принципе основывается и распространенная сегодня у нас «аутогенная тренировка».

Сосредоточение, работа с ци, перемещение ци — основа цигуна. Однако фактически вкладываемый в это понятие смысл гораздо шире: цигун можно назвать саморегуляцией в широком смысле — регулирование сознания, эмоций, физических составных тела (при тренировке эмоций имеют в виду сердце или душу-синь как главных их регуляторов).

Источником появления цигуна считают естественные рефлексy: потягивание уставшего человека (предшественник физкультуры), постукивание по занявшей пояснице (предшественник массажа), выдохи с раскрытым ртом при стеснении в груди (предшественник дыхательной гимнастики).

Другой источник — древние танцы. Согласно легендам, более 4 тыс. лет назад в районе центральной равнины Китая произошло наводнение, и вода долго не уходила — у людей повсеместно начали воспаляться кожа и суставы. Юй (по легенде, в 2205 г. до н. э. основавший династию Ся), углубив фарватеры, прорыв каналы, справился с этим бедствием. А для восстановления здоровья людей были выбраны определенные танцевальные движения. Об этом почти через 2 тыс. лет во времена династии Цинь (246—207 гг. до н. э.) Люй Бувэй так писал в книге «Весны и осени Люя» («Люйши чунь ую»): «В старину во времена Тао Тана... пути вод перекрылись и закупорились, не стало первоначального хода, ци в народе застоялась, затормозилась и сгустилась, суставы и кости у многих сжались и не достигали (исходного), поэтому воспользовались танцами, чтобы расшевелить их».

В «Истории дорог» («Лу ши»), написанной позже, через тысячелетие, уточняется: «Было приказано заниматься танцами, обучали всех людей... это называли большими танцами». Возможно, тогда и родилась традиция использовать гимнастические упражнения для оздоровления и лечения.

Родившиеся в древние времена ритуальные танцы, исполнявшиеся при подношениях разным духам, в том числе духам предков, при сборе урожая или удачной охоте, когда копировались повадки животных и птиц, сохранились сегодня в движениях цигуна.

В книге «Танцы и оды» («У фу»), написанной в начале нашей эры, Фу И отмечает и психологический аспект танцев: «Дух (шэнь) веселья изгоняет старость — таково искусство долгих лет жизни». Оздоровительные в широком смысле танцевальные упражнения, то есть оздоравливающие не только тело (мышцы, связки, суставы, кости, 5 плотных и 6 полых внутренних органов), но и психику, китайские авторы считают самым древним цигуном.

В упомянутой книге «Чжуан-цзы», названной по традиции по имени автора, в главе «Великие основоположники» рассказывается и такая история. Однажды ученик Кун-цзы (Конфуция) Янь Хуэй сообщил учителю: «Я продвинулся». — «И что это за продвиже-

ние?» — поинтересовался учитель. — «Я забыл значение иероглифа «жэнь». (Этот иероглиф, состоящий из элементов «человек» и «два», означает «гуманность», «совесть», то есть отношение одного человека к другому — важнейшая, этическая сторона учения Конфуция).

Кун-цзы заметил: «Ничего, но недостаточно». Через несколько дней ученик опять навестил учителя и сказал: «Я еще продвинулся: забыл этикет (еще одно из понятий учения Конфуция). Учитель, смеясь, ответил: «Ничего, но все еще мало». Еще через несколько дней ученик сообщил учителю: «Я обратился к сидению в забытии», и Янь Хуэй объяснил: — «Опускаются конечности и тело, отключаются от слуха и зрения, удаляются от формы (то есть тела), прогоняют значение, объединяются с Великим Проходящим — вот что значит «сиденье в забытии». Кун-цзы сказал: — «Поучусь у тебя!» — но стал ли учиться, неизвестно. Однако известно, что хотя вел жизнь, полную невзгод, все же прожил долго, так что возможно, что-то полезное и извлек из этого метода, который позже получил название «тихое сидение» (цзинцзо).

Го Можо в статье «Работа в тихом сидении» («Цзинцзо-ды гунфу») отмечал: «Работе в «тихом сидении» во время династий Сун и Мин (960—1644) конфуцианцы уделяли очень большое внимание.»

Из приведенной выдержки из «Чжуан-цзы» видно, что «тихое сидение» — не просто сидеть молча. Это — работа над сознанием (как физкультура — работа над телом), в результате чего возникают особые субъективные ощущения. В древнем Китае «тихое сидение» любили многие.

Известный поэт династии Тан (618—907) Бо Цзюйи, как многие другие поэты, был тонким специалистом «на этом пути». Вот что он пишет в стихотворении «Зимняя ночь»: «Долгие годы постепенно сокращаю сон. С полуночи встаю и сажусь прямо, (резко) «не овладеваю» сидением, забываю сердце, могут придти душевная пустота и покой», или еще: «Закрыв глаза, сижу, гармоничная ци проходит сквозь мышцы и кожу... Во вне сплавляются сто костей, в центре нет ни одной мысли. Пусто — и забываешь место, где находишься, сердце сливается с пустотой — в обоих вакуум» («Стихи о тихом сидении»). Далеко не всегда понятно, что хочет сказать поэт, но попробуем немного разобраться. Встают на занятия с полночи, потому что считалось, что в первую половину суток — «ян» — идет прилив энергии (ци), а во вторую — «инь» — идет ее убыль, поэтому с целью набора энергии для оздоровления лучше заниматься во время «ян».

Сидеть прямо, с прямой спиной — неперемнное требование восточных гимнастик, в том числе и йоги. Это способствует прохождению энергии по спинному каналу (у йогов — сушумна, в китайских системах — думай, канал управления). Входить в состояние покоя нужно естественно и нельзя «овладевать» тихим сидением. «Забывать сердце (душу)» (центр восприятия окружающего), добиться душевной (психической) пустоты — главная цель метода: «отстройка» от внешних раздражителей помогает вскрыть новые «спящие» пласты сознания. Тело считается внешним, душевное состояние — внутренним. «Вовне» и «внутри» возникают разные ощущения.

Поэт Сунской династии Су Ши, прозванный Су с Восточного Склона (Су Дунпо), так рассказывает о собственном методе «тихого сидения»: «Каждый день после «часа ребенка», распустив одежду, сижу лицом на восток или юг, скрестив ноги, 36 раз ударяю верхними зубами о нижние, сжимаю плотно кисти (большие пальцы кладут на сгибы указательных или четырех пальцами охватывают большой, кисти помещают у низа живота) и закрываю дыхание». «Час ребенка» — первый двухчасовой период времени «ян» — с 23 до 1 часа ночи. Зубами стучат для укрепления десен и мышц челюсти (кстати, первыми выходящих из строя при инсультах). Видимо, это и еще что-то активизирует. «Закрывать дыхание» означает при сильном расслаблении тела, и, главное, сознания остановить дыхание на максимально возможный срок: грудь при дыхании не вздымается, воздух должен как бы сам вливаться и выливаться из легких. В одной буддийской сутре, переведенной на китайский в конце Ханьской династии (закончилась в 220 г.), говорится о четырех видах дыхания: «первое — ветер, второе — ци, третье — дыхание, четвертое — дыхание «чуань». Есть звук — «ветер», нет звука «ци», входит и выходит (воздух периодически) — «дыхание», нескончаемо выходит и входит ци — «чуань».

В «Книге Поздней Хань» (Хоу хань шу) приводится биография некоего Ван Чжэня. Вот как описывается его внешность: «Ван Чжэнь. Ноша времени — сто лет. Смотришь на него — лицо блестит, как у 50-летних, может осуществлять «зародышевое дыха-

ние» (тем способом, как питается ребенок в чреве матери). «Зародышевое дыхание» — высший уровень дыхательной гимнастики, разработанной даосами. Те, кто занимается релаксацией (расслаблением) в йоге или аутогенной тренировке, нередко вдруг замечают, что дыхание остановилось — и начинают дышать интенсивнее, так как остановка дыхания вызывает страх. Однако, можно с пользой развивать этот эффект.

В книге «Весны и осени Люя», в главе о становлении весны, сказано: «текущая вода не гнивает, петля двери не ржавеет — таковы результаты движения. Ци тела — такая же: тело не движется — воспроизводящая энергия (цизин) не протекает; цзин не притекает — ци становится вредоносной». Вредоносная — то же, что «грязная». Эти рассуждения о текущей воде и петли двери, которые движутся, положены в основу многих школ цигуна и других гимнастик*.

До Тао Хунцзина в дыхательных упражнениях обращали основное внимание на вдох — инь, набор ци. Тао же разработал систему выдоха. Выдох — ян, по его мнению, имеет творческий характер (в библейской символике Бог создал Адама на выдохе, вдохнув в него жизнь). Метод Тао Хунцзина назвали «Шестисловным заклиниванием» (лю цзы цзюэ) и используют в терапевтической практике до наших дней, введя различные дополнения. Произнося определенные звуки, можно таким путем специфически воздействовать на внутренние органы**.

Цигун подразделяют на статический и динамический. В статическом сочетаются «внешний покой и внутреннее движение», в динамическом — «внешнее движение и внутренняя покой». (Под «внешним», как говорилось, понимают тело, под «внутренним» — психическое состояние). К динамическому цигуну относят различные гимнастические упражнения и самомассаж. Так, Пу Цяньгуань, живший в Сунскую династию (960—1279) в книге «Важные записи о сохранении жизни» («Бао шэн яо лу») писал: «Для возвращения жизни тела нужно мало труда: нельзя доводить до большой усталости, ибо текущая вода чистая, застойная грязная... Так что руки и ноги, когда захочется, сгибают и разгибают, руки желательно тянуть влево и вправо — так, как натягивают лук; или толкают двумя руками — так, как толкают камень; или крутят таз в поясице, то запрокидываясь назад, то нагибаясь вперед; или кисти взаимно тонко-тонко скручивают — так, как моют руки; или ладони трут друг о друга, разогревая; закрыв глаза, трут лицо. В случае возникновения затруднений (со здоровьем) выполняют это по возможности, но лучше каждое упражнение по несколько десятков раз. Каждый день мною, и непременно — тело станет легким, глаза светлыми, мышцы крепкими, кровеносные сосуды отрегулируются, пища и питье будут легко усваиваться, не окажется никаких застойных явлений, в теле мало что останется непрекрасным. Делай это — и будет результат.»

Трудно сказать, страдали ли тысячелетие назад жители Поднебесной гиподинамией, но призыв звучит весьма современно. Однако оптимальным считают необходимость сочетания статического и динамического в цигуне.

К динамическому цигуну относится комплекс «Восемь кусков парчи», описанный в

* В книге даоса Тао Хунцзина с Тростниковой горы (Маошань), названной «Записки о возвращении природы и продлении жизни» («Ян син янь мин лу»), в главе «Прием ци и лечение болезней», рассказывается про набирание ци носом и «выплывание» ее ртом. Тао жил во времена Южных и Северных Династий (265—583). Под «возвращением природы» подразумевается развитие качеств, заложенных природой в человеке. В выражении «прием ци: слово «прием» имеет тот же смысл, что в выражении «прием лекарства». При одном набирании существует как бы шесть «выплываний» ци. Единственное набирание ци инеуют вдохом, шесть «выплываний» — дуть (чуй), выдыхать (ху), хихикать (си), согреть дыхание (кэ), медленно выдыхать (ши) и вздыхать (сы) — названия шести выдохов не совсем точны, поскольку в русском нет аналогов. «Холод», «жар», «ветер» — так называемые «извращенные» внешние ци, воздействующие на человека и приводящие к болезням, подробнее описаны в недавно вышедших у нас переводных книгах³.

** Большое влияние на китайские системы саморегуляции оказал прибывший из Индии (примерно в 520 г.) буддийский монах высокого ранга Бодхидхарма (по-китайски Пути Дамо или просто Дамо), поселившийся в монастыре Шаолинь на горе Суншань (провинция Хэнань), создавший направление чань (медитативное) в буддизме. Особенно впечатляющим оказался метод сидения в безмолвии лицом к стене. Такое «стеносмотрение» «делает сердце» (душу) устойчивым, как стена, не склоняющимся и не отклоняющимся». О методах саморегуляции, реально или по легендам исходящих от Дамо, уже много писали, поэтому здесь на этом не будем останавливаться. Недавно по Центральному телевидению прошел интересный фильм на эту тему.

книге Передающего Безымянного (Цзяо Умина) в Сунское время, но популярного и в наши дни. Парча — символ богатства, высокого качества, подчеркивающий, что такая гимнастика очень полезна (в том числе и для ткачей, которые ткут не только парчу). Цифра «8» говорит о количестве упражнений, но ассоциируется и с «восемью триграммами» (багуа). В даосской технике «внутренней алхимии» (нэйдань), считалось, что она ведет к «бессмертию», а на начальном этапе — к «избавлению от ста недугов», важное место уделяется проведению ци с помощью мысли через каналы управления и действия (думай и жэньмай), заднесрединный и переднесрединный.

Известный врач времени династии Мин (1368—1644) Ли Шичжэнь писал: «Два канала: жэнь-и думай — «ребенок» и «полдень» в теле человека (то есть крайности: «ребенок», время с 23 до 1 часа и «полдень» — с 11 до 13 часов.— М. Б.) у даосов представляют собой путь поднятия положительного огня (ян хо) и «опускания» отрицательного знака (иньфу); деревню, где совокупляются вода (кань) и огонь (ли) (кань и ли — триграммы, здесь характеризующие состояние человека.— М. Б.)... Если человек может очистить эти два канала, то проходимыми станут и другие сто... Олень движет хвостом, собирая, а затем пропуская ци через канал управления; черепаха дышит, набирая носом, пропуская через канал действия. Поэтому они оба долго живут. Об этом много раз говорено. И даосы искусно управляют «водяным колесом», то есть вращением ци по каналам управления-действия, образующим цикл — круг. Стоит напомнить здесь, что проходимость энергетических каналов — главное условие здоровья по китайской медицине.

Специалист по иглокалыванию и прижиганию Ян Сюйжоу, живший в те же времена, отмечал, что если «безмолвно думать о жемчужине с просыное зернышко» и «по двум каналам — действия и управления — поднимать и опускать его, вращать, как кольцо, спереди опускать — сзади поднимать, непрерывно без остановок», то «сто болезней станут недейственными». Это выполнять следует долго.

Саморегуляцию, типичную для цигуна, как любые другие тренировки, следует начинать с простого. Позы, в первую очередь, должны быть естественными, как и все, связанное с цигуном. Дальше тоже все должно быть естественным, поскольку неестественного, не принадлежащего природе, не существует.

Итак, позы. Можно работать лежа, сидя, стоя, на ходу — в зависимости от состояния и прочих факторов. Спину держат прямо, рот и глаза часто легонько прикрывают — как пишут, «опускают занавески». В целом, поза должна обеспечить нормальную циркуляцию ци: всякие зажатости и искривления создают в энергетических каналах, в кровеносных сосудах и других системах физического тела «пробки», по-китайски их называют «заставами» (гуань).

Позы принимают не произвольно, а с пространственно-временной ориентацией. О времени занятий выше уже говорилось: лучше всего — во время ян, поэтому и в наши дни на зарядку некоторые энтузиасты встают часов в 5 утра. Однако трудовая деятельность загружает человека, и многие отошли от временного принципа, не учитывая ритмических процессов природы, хотя уже в глубокой древности в Китае космобиоритмология разработана подробно и тщательно.

Что касается пространственной ориентации, то занятия ведут лицом на север, юг или восток, в зависимости от цели. Запад в гимнастике в качестве основного направления не используется. Ориентация на запад возможна лишь в тех случаях, когда последовательно обращаются ко всем направлениям, как бы для баланса сил, сохраняя «устойчивость в центре».

В Китае ориентироваться по странам света просто: улицы в городах, городские стены, вместе с ними и дома ориентированы или в меридианальном, или в широтном направлениях. У нас, к сожалению, дома ставят беспорядочно. В старой Руси улицы деревень, сел и выросших из них городов повторяли изгибы берегов водоемов (рек, озер), около которых строились. Города-крепости размещались по тому же принципу у слияния двух рек — реки служили естественной защитой от врагов. Вроде бы ориентацию зданий по странам света не просматривалась, однако биолокационными и прочими методами было обнаружено, что биологическая активность на берегу проходит линиями, повторяющими изгибы береговой линии. К тому же над жилыми поселениями обязательно возвышался храм или церковь, всегда строго ориентированные по странам света.

Для саморегуляции по системе цигун необходимо отключиться от восприятия внешних сигналов. На образно-символическом языке эти рекомендации звучат так: «вобрать

свет глаз (то есть обратить взор внутрь, на состояние организма), заморозить тонкость слуха, отрегулировать носовое дыхание, запечатать язык и т. д.»

Научившись принимать правильные позы и в какой-то степени расслаблять при этом тело и сознание, переходят к тренировке дыхания, заменяя бессознательное дыхание сознательным управлением им. Сначала дышат, как дышится, но мысленно следят за этим процессом. Это называется естественным дыханием. В дальнейшей тренировке пассивное наблюдение сменяется активным, начинается работа и над сознанием, в которой главным является работа над сосредоточением.

Следят за расслаблением тела: за правильностью и устойчивостью позы, которая должна быть удобной и естественной. По определенным линиям тела просматривают, насколько расслабились мышцы, и дают сигнал к расслаблению там, где это нужно. Цель такой работы, помимо физического расслабления — заменить прыгающие с темы на тему мысли только одной, как мы уже говорили: «Мысль ведет ци, ци ведет кровь». Чаше всего концентрируются на биологически-активных точках, заменяя этим иглоукалывание и прижигание, а также на энергетических каналах и центрах, в первую очередь на кольце, образованном каналами управления и действия, и на нижнем «поле киновари» (ся дантянь).

Для тренировки сознания используют также 2 способа: счет дыханий и слежение за дыханием. Для счета просто считают вдохи и выдохи — досчитав до десяти или ста, начинают сначала. Это называют сосредоточением на счете. Для слежения за дыханием мысленно прослеживают путь воздуха от носа в глубь легких к диафрагме и дальше — к нижнему полю, расположенному примерно на два пальца ниже пупка. Когда при вдохе диафрагма надавливает вниз, естественно возникает ощущение, что ци (воздух) движется дальше границы легких. Это называют «погружать ци в поле пилюли» (ци чэнь дантянь). Здесь «дань» и мы называем пилюлей, поскольку даосы в этом «поле» выращивают «пилюлю бессмертия». Иногда эту зону в теле называют эликсиром или киноварью.

Тренировку сознания по-китайски иногда называют «тренировкой мысли» (лянь и). Ван Лунси, живший при династии Мин (1368—1644), в книге «Способы регулирования дыхания» («Дяо си фа») отмечал: «Регулирование дыхания и счет дыхания — не одно и то же: счет имеет мысль (и), регулирование не имеет мысли — вводит сердце в пустоту и отсутствие (схой у)... Это стабилизация сердца (души). Сердце стабильно — дыхание еще более стабилизируется, истинное дыхание уходит и приходит, механизм выдоха и вдоха может создать изменения, «добиваясь Неба и Земли». Сердце и дыхание друг на друга опираются — это говорит о том, что дыхание возвращается к корню, основе жизни». Здесь «сердце» — сумма чувств и мыслей, успокоение сердца — отрешение от ощущений и мышления.

При династии Цин (1644—1911) Чэнь Цзяшу в книге «Банальные речи о возвращении болезней» («Ян бин юн янь») писал: «Занятия даоинь в сто раз (сильнее действуют), чем медицина и лекарства, нельзя не знать (эту систему), нельзя не стараться овладеть ею... В даоинь необходимо овладеть счетом дыханий, мерой которых служит взаимная опора сердца и дыхание. Если при начальном овладении сердце, возможно, возбуждено, то не нужно считать дыхания, следует наблюдать дыхание. Вначале это наблюдение обязательно будет грубым, по мере наблюдения оно будет утончаться и станет достаточным для того, чтобы сердце и дыхание опирались друг на друга».

Приведем еще рассказ об опыте поэта Су Дунпо: «Смотрел на кончик носа, сам дышал, считая выдохи и вдохи, непрестанно как бы накапливая, используя это без усердствования. Считаю, дохожу до сотен, и сердце впадает в спокойствие, тело становится бесчувственным — таким, как пустота, нет возбуждений, невозможно управление, естественная неподвижность. Считаю, дойдя до тысячи, как будто не могу считать, так что имею одно подобие, имя этому — следование: вместе с дыханием полностью выходишь, снова со всем входишь, следуешь этому без остановки, на одном дыхании сам останавливаешься, не выходишь и не входишь. Пожалуй, чувствуешь это дыхание, из волосяного отверстия рассеиваешься на 84 тысячи облаков, паров и туманов, нет начала, прекратился приход, все болезни сами уходят».

По описанию Су Дунпо, следование — не просто мысленное прослеживание за воздухом или ци, а высокого уровня концентрация внимания, при которой возникает ощущение, что «сам входишь и выходишь с воздухом». Направление сознания (шэнь) или ду-

ховной (психической) энергии наружу и управление этой разумной энергией — одна из целей и методов даосской «алхимии».

Как видно из описанного выше, многие успешно овладевали занятиями цигуном. Однако первая специализированная организация, изучавшая эту систему и практикующая ее, была создана лишь в 1955 г. В Таншаньской городской клинике цигун — терапии. В 1957 году была создана вторая такая же — Шанхайская клиника.

Здесь мы остановились в основном на так называемом медицинском цигуне, предназначенном для профилактики и лечения болезней, повышения уровня работоспособности, творческих возможностей. Этому же посвящена и книга Ма Цзижэня «Китайское учение о цигуне».

В годы «культурной революции» изучение цигуна, как и многого другого, прекратилось, большое количество специалистов пострадали. Однако в 80-е годы снова начался взлет исследований и практики, появилось множество интересных коротких публикаций и солидных монографий. Мастеров цигуна нередко и мы видим по телевидению. Вызванный интерес привлек подражателей, и на первом в нашей стране фестивале ушу в Риге (4—6 ноября 1988 г.), а затем в Загорске и Киеве можно было видеть немало феноменальных выступлений с разбиванием кирпичей, плит, досок, лежанием на острых гвоздях и битых стеклах. Все это проделывалось молодыми ребятами, съехавшимися со всей страны.

Итак, цигун включает тренировку тела, дыхания и сознания, сначала последовательно, потом в сочетании. При этом необходимо помнить, что если не развивать, то и не разовьется. Даже речь и разум, не развитые в младенчестве, не появятся после 4-летнего возраста — человек остается неразумным и бессловесным. Кроме того, известно — то, что не действует, отмирает. Так что не стоит удивляться появлению целеустремленных людей, работающих над собой и за счет этого развивших те или иные способности, отсутствующие у бездельников или лентяев. Конечно, играют роль и талант и врожденные способности.

Долго занимающиеся цигуном, в зависимости от направленности тренировок и собственных возможностей, оказываются способными диагностировать и болезни других, видеть внутренние органы (интроскопия), слышать слабые звуки на больших расстояниях и проявлять другие особые возможности «сверхчувственного восприятия». Об этом пишет бывший директор Шанхайского НИИ китайской медицины Линь Хай в своей книге «Учение о возвращении жизни при работе с ци» («Ян шэн цигун сюэ», Гуанчжоу, 1987.— 297 с.). «Возращивание жизни» — повышение жизненных сил организма с помощью различных нелекарственных методов. Опыт автора пока зывает, что цигун-закалка эффективна для предупреждения и лечения болезней, продления жизни, повышения физических и умственных способностей, развития и интенсификации скрытых возможностей организма.

Систему цигун сегодня многие расценивают как жемчужину китайской медицины, позволяющую, в частности, излечивать коронарную болезнь сердца, бронхиальную астму, неврозы, язвы пищеварительного тракта, болезни печени, последствия сотрясения мозга и многие другие болезни.

Систему цигун автор указанной книги рассматривает как новую пограничную науку, включающую две подсистемы: одна занимается «возращиванием жизни» («мягкий цигун»), другая — воинскими искусствами (ушу, «жесткий цигун»). Книга посвящена первой подсистеме, в которой выделяются три направления: самотренировка тела и души (психики), развитие саморегулирующихся физиологических функций и мобилизация скрытых сил организма. Особо выделена важность введения головного мозга в высшую степень торможения («вхождение в покой»), что затем повышает умственные способности, развивает ум и инициирует развитие скрытых способностей. Изучение цигун-закалки и ее механизма, отмечает автор, позволит расширить наши знания о человеке, научит управлять механизмами жизнедеятельности, обычно саморегулирующимися, и тем самым откроет новую страницу в науке о жизни.

Рассматривая понятие о ци, автор приходит к выводу, что это — некая информация, энергия материальных тел, например, информация электромагнитных колебаний. Поэтому лечение «бесконтактным массажем» в Китае называют информационной цигун-терапией. Большая группа крупнейших НИИ, в том числе НИИ атомного ядра АН КНР, изучала излучение, идущее из рук лечащего, и исходящую при этом информацию. Обнаружена компонента излучения в близкой ИК-области (длина волны 1,06 мкм), электростатическое и магнитное поля, потоки корпускул. Установлено, что излучение зависит от психи-

ческого и физиологического состояний мастера цигуна («экстрасенса») ... Трудно перечислить все поднятые вопросы в этой солидной монографии. Подчеркнем только, что ее автор дает методики накопления ци и излучения внутренней ци для лечения болезней.

Развиваемые цигуном (или йогой) «сверхвозможности» с трудом поддаются объяснению современной наукой или необъяснимы пока совсем. Например, телекинез или «работа над легкостью» (цигун)-левитацией (в современной литературе даются рекомендации, как этого добиться, но подчеркивается сложность — требуется не менее 10 лет). Между тем и китайские источники, и йоги подчеркивают, что увлекаться «сверхвозможностями» (по-китайски «особые возможности» — «тэи гуннэн», на санскрите — «сидхи») ни в коем случае нельзя, поскольку обычно это — бессмысленная трата жизненной энергии и относиться к этому следует как «к цветам по обочине пути жизни».

В заключение следует сказать, что исследования пока непонятных возможностей человека активно проводятся и в нашей стране. В прессе много раз упоминались исследования «физических полей биологических объектов», проводимые группой Гуляева — Годика, также обнаружившие разного рода излучения из рук «экстрасенсов». Не менее впечатляющими выглядят описанные в газете «Труд» (от 1.1.89) исследования директора отдела теоретических проблем АН СССР Э. И. Андрианкина и его сотрудников из двух лабораторий в области парапсихологии, называемой здесь «психотроникой» — наука, которая изучает экстрасенсорные («сверхчувственные») способности, лозоходство (биолокацию), биотерапию, телекинез, дальновидение и т. п. Э. И. Андрианкин считает, что такие явления, как например, дальновидение или ясновидение (предсказание будущего) не укладываются в существующие научные представления и ставят сегодня актуальные вопросы перед фундаментальными основами знаний.

¹ Чжунго.— 1989.— № 2.— С. 35.

² Ма Цзижэнь. Чжунго цигун сюэ. Сиань.— 1983.

³ Перевод с вьетнамского: Иглоукалывание. М.; Медицина.— 1988.

В древневосточной медицинской практике существовало представление о том, что каждый орган тела человека ответствен за определенные качества его характера и психические проявления. Поэтому каждая неадекватная психическая реакция, как отрицательная, так и положительная, нарушает гармоничную циркуляцию ци в соответствующем органе, приводит сначала к энергетическим, а затем — при устойчивых психических стереотипах — и к органическим изменениям в этих органах. Предлагаемый комплекс упражнений «5-ти животных»¹ был разработан древнекитайским врачом-терапевтом Хуа То (начало 2 в. н. э., Восточная Хань²), владевшим искусством «цигун», лечившим недуги уравновешиванием сил «инь» и «ян» с помощью этих упражнений.

Древнекитайские натурфилософы считали животных спутниками жизни человека, у которых можно «учиться» бесспорному и глубокому подчинению ритмам природы.

Каждое упражнение следует начинать, приняв позу того или иного животного. Нельзя рассматривать эту задачу как примитивное внешнее подражание движениям животного. Одновременно имеется в виду и некая духовная метаморфоза. Было бы ошибочным также считать, что с «перевоплощением» в животное человеку грозит опасность развить в себе такие, например, свойства животных, как дикость, кровожадность.

Наоборот, чем четче человек вычленил в себе эти качества, тем легче ему избавиться от них (во время работы над собой в целях своего совершенствования.).

Используя технику скручивания, упражнения по системе цигун развивают у человека гибкость всего тела. А это является первым признаком вечной юности и весны.

Тигр

Принять позу строгого тигра: опустить голову, сжать кулаки, выдохнуть и задержать дыхание. На вдохе медленно поднимать голову и руки, будто в кулаках лежит тяжелый груз. Задержав дыхание, выпрямить голову. Погрузить ци в нижнее «поле киновари» и проследить внутренним взором за этим движением ци. В животе должно возникнуть урчание. На выдохе поворачивать голову вправо-влево и опускать руки. Повторить упражнение 7 раз.

Это упражнение способствует восстановлению гармонии жизненной энергии ци, а также «избавлению от 100 недугов».

Медведь

Принять позу медведя, стоящего на задних лапах. Дыхание произвольное. Слегка откачнуть тело в сторону, затем в другую. Покачаться вправо-влево. Одна нога впереди, другая сзади, при этом стойка должна быть устойчивой. На вдохе внутренним взором проводить ци во все суставы и ребра, начиная «посыл» с пятки ноги, на которую приходится упор. Выполнять, пока приятно.

Это упражнение предназначено для профилактики легочных заболеваний и тренировки сухожилий и суставов, т.к. это первое, что стареет у человека.

Олень

Принять позу оленя: встать, опустить голову, руки приподнять спереди, кулаки сжать. Сделать вдох и задержать дыхание. На выдохе водить головой, будто олень смотрит на свой хвост. При этом голову втянуть в плечи. Одна нога на носке, пяткой другой ноги ритмически бить о пол. Двигаться из стороны в сторону. Концентрировать ци в «нижнем поле киновари». Упражнение делать по утрам несколько раз, пока приятно.

Обезьяна

Принять позу обезьяны, карабкающейся по дереву. Задержать дыхание. Левая рука поднята за головой, будто тянется за плодом. Правая — параллельно полу ладонью вверх. Правая нога поднята высоко. Разворот на пятке левой ноги. Двигаться все время назад, поочередно поднимая то одну, то другую ногу, проворачиваясь на пятке. Когда правая нога идет назад, левая рука идет вперед. Следить за дыханием, накапливая чи в «нижнем поле киновари». Делать до тех пор, пока не откроется дыхание животом и не выступит пот.

Журавль

Поза летящего журавля. Руки поднимаются и складываются в почтительной позе. Одновременно поднимается голова. С поднятием рук на входе вести ци от копчика по позвоночнику в затылок и мозг. Руки опускаются на выдохе. Упражнение для тренировки ума и силы воли. Делать, пока приятно.

*Рисунки к упражнениям
и руководство к ним
подготовила И. Е. Ковычева*

¹ Epich W. und Hse R. Stiefvater. Chinesische Atemlehre und Gymnastik. — 2. Auflage. — Heidelberg: Haug. — 1980. — 121 S.

² Дагданов Г. Б. Социально-психологические аспекты системы цигун в Китае / Психологические аспекты буддизма. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. — 1986. — С. 110.

Праздники в жизни японцев

С. МАРКАРЬЯН,
Э. МОЛОДЯКОВА

«Люди придумывают праздники, мы же до сих пор придумывали почины. Дошли до того, что на именинах говорим о работе. Потому что лишены внеслужебного общения, народных гуляний, пикников...»

(Из письма читателя в «Литературную газету», 25 января 1989 г.)

Праздник — явление всеобщее и постоянное. У людей всегда живет потребность в нем. Человеку издавна было присуще желание отмечать то или иное событие личной, семейной или общественной жизни определенными ритуалами или церемониями. Праздник — это многогранное общественное явление, не просто торжество, красочное карнавальное шествие, танцы, песни и повод повеселиться, а сама история и культура народа, с богатыми традициями во всем многообразии. Национальные праздники не являются только времяпрепровождением, не носят характер праздности в отличие от таких форм досуга, как, например, погоня за «счастьем» в залах игровых автоматов. Эта форма отдыха в большинстве случаев наполнена глубоким содержанием, несет определенную идейную нагрузку и при всей своей зрелищности подспудно выполняет многообразные социальные функции.

Отражая жизнь отдельного человека и общества в целом, праздники способствуют формированию духовного склада личности и становятся социально-культурной ценностью общества. Это — сплав многих сторон духовной жизни народа. Важную роль в праздниках играют социально-психологические факторы, религиозные обычаи и обряды, нормы взаимоотношений между людьми, фольклор.

В Японии, как, пожалуй, ни в какой другой стране, очень много праздников. Перелистывая страницы японского календаря, видишь, что на каждый его день приходится какое-нибудь торжество: общенациональный фестиваль, городской праздник, земледельческий ритуал, праздник какого-то храма или просто ярмарка.

Для большинства людей праздник является возможностью ухода от забот повседневной жизни, своеобразной коллективной психологической разрядкой. Праздник выступает как средство объединения людей, установления определенных общественных связей. Без праздника, очевидно, человек почувствовал бы себя отчужденным, одиноким, изолированным от общества. Праздник — явление коллективное, он организует большие массы людей самых различных возрастов, профессий и социальных слоев общества.

Во время праздника люди принимают участие в обрядах, шествиях, соревнованиях. В это время двери домов открыты для приема гостей, родственников, знакомых и даже незнакомых людей. В дни праздника особенно активно проявляется культурная инициация и социализация личности, поскольку с детского возраста открывается возможность участвовать в коллективных действиях.

Обладая общечеловеческой значимостью, праздник носит, несомненно, социально-классовый характер, имеет определенную идейную направленность, отражая тенденции борьбы добра и зла, культурный антагонизм классового общества. В празднике отражается и ценностная ориентация человека в мире, в котором он живет. Эта

ценностная ориентация очень важна для социализации общества, ибо праздник возобновляется как культурная потребность данного общества в каждом новом поколении.

Функция социализации очень важна в настоящее время, когда участие в празднике становится исключительно добровольным действием, когда оно является непосредственным отражением взаимоотношений индивида и группы. В японском обществе существовали и продолжают существовать праздники, связанные с интересами различных возрастных групп людей.

В первую очередь это относится к многочисленной группе праздников для детей и юношества. Возможно, это связано с тем, что в Японии испокон веков существовало своеобразное обожествление детей. В настоящее время, несмотря на большие изменения, происшедшие в социальных, в том числе и семейных отношениях японцев, «...как и прежде, культ детей остается важной частью духовной жизни японских семей. И в период, предшествующий появлению ребенка на свет, и в период, следующий за его рождением, большинство японских родителей продолжает в наши дни демонстрировать так или иначе свою приверженность этому культу, отдавая дань его обрядам и ритуалам»¹.

Приобщение детей к празднику проходит через всю жизнь ребенка и подростка — в семьях, по месту жительства и учебы. Активное участие детей в праздниках начинается с так называемого общего дня рождения детей, достигших к 15 ноября возрастов трех, пяти и семи лет. Это праздник «*Сиги-го-сан*»². Выбор возрастов когда-то означал определенные этапы повзрелости детей, сейчас это просто традиция. Основным элементом этого торжественного дня является посещение храма с тем, чтобы поблагодарить бога-покровителя за то, что дети растут здоровыми. Однако сейчас этот обряд почти потерял свое религиозное значение и совершается в силу стародавних обычаев.

Очень большой популярностью пользуются в Японии «Праздник девочек» (3 марта) и «Праздник мальчиков» (5 мая)³. Характерной чертой «Праздника девочек» является устройство в семьях выставок кукол, которые подчас являются произведениями искусства и передаются из поколения в поколение. Главным атрибутом «Праздника мальчиков» служат бумажные или матерчатые изображения карпов, поднимаемые на шестах над домами, где есть сыновья. Эти традиционные праздники пустили глубокие корни в народе, поскольку воспитывали у детей лучшие человеческие качества: храбрость, упорство и мужество у мальчиков, верность и преданность у девочек. Очевидно, в связи с этим в послевоенной Японии 5 мая стал нерабочим днем — государственным праздником, «Днем детей». Цель этого нового праздника — содействие воспитанию детей «как достойных членов современного общества»⁴. Как правило, в течение недели со дня праздника повсеместно в детских садах, в школах, культурных центрах проводятся различные соревнования, спортивные игры, конкурсы.

Кроме вышеназванных, имеется еще огромное количество разнообразных местных детских праздников. По содержанию своему они подчас одинаковы, но по форме разнятся в зависимости от района страны. Организаторами их являются, конечно, взрослые — учителя, родители, священнослужители.

Праздники содействуют сохранению народных традиций в музыке, танцах, прикладном искусстве среди детей и юношества. Этому молодежь обучают в процессе подготовки к праздникам, как правило, опытные мастера своего дела — хранители традиций.

Дети являются наиболее активными участниками практически всех праздников. Они и танцуют, и поют, и играют на барабанах, и несут свои маленькие *микоси* (макеты храмов, сделанные из папье-маше). Участие в праздниках воспитывает у них уважение к родителям, старшим вообще, способствует укреплению семьи, коллективов, а также прививает интерес к познанию истории и культуры страны и ее традиционным устоям.

Ту же роль играет и праздник для юношества — «День совершеннолетия», отмечающийся 15 января и также являющийся нерабочим днем. Его проводят, как правило, органы местного самоуправления, которые устраивают официальные церемонии для всех юношей и девушек, достигших двадцатилетнего возраста. В этот день молодежь обычно посещает близлежащие храмы, для нее устраиваются различные соревнования, конкурсы и представления.

Существует свой праздник и для людей преклонного возраста — «День почитания престарелых», нерабочий день, который отмечается 15 сентября. Он проводится на уровне

центральной и местной администрации. Старикам в зависимости от возраста преподносят разнообразные подарки. Тем, кому свыше 100 лет, направляются приветственные послания от правительства. Как правило, муниципалитеты в этот день снимают помещения и устраивают торжественные церемонии поздравления стариков. Этот праздник, безусловно, воспитывает в обществе, и в частности у молодежи, почтение к старости, уважение к предкам.

Все эти праздники различных возрастных групп населения в той или иной степени способствуют объединению семьи, коллектива, общества в целом. Эту же функцию уже на протяжении многих веков выполняет популярнейший традиционный праздник — «День поминовения усопших» («Бон»). В зависимости от района он устраивается в июле или августе. Этот праздник со всеми его обычаями и обрядами стал неотъемлемой частью японской культуры и отмечается фактически всеми японцами. Его устойчивость объясняется тем, что в нем отразились не только мифологическое сознание народа, но и традиции общественного уклада, семейно-бытовых отношений, психологии, морали. Поэтому, когда правительство Мэйдзи, вводя в 1873 г. григорианский календарь, отменило «Бон» как выходной день, он все равно оставался «наиболее важным ежегодным праздником после новогодних торжеств»³.

Наполненность «Бон» на протяжении веков праздничной атрибутикой, карнавальными элементами, танцами и представлениями отодвинула мотивы скорби и печали и фактически привела к утрате религиозного содержания. «Бон» превратился в истинно народный праздник, который живет в сознании японца как часть его духовной жизни и мироощущения.

Отдельные элементы праздника «Бон» вошли в сокровищницу народного творчества. Это, в частности, всемирно известные «Нисимонаи Бон одори» — танцы праздника «Бон» в районе Нисимонаи города Уго (префектура Акита). Выйдя из недр народа и передаваясь из поколения в поколение, существуют они в неизменном виде уже более 300 лет. При поддержке местных властей эти танцы сохраняются как явление культурной жизни жителей данного района, достояние народного творчества и пропагандируются в стране и за рубежом.

Важное место в празднике «Бон» занимает и его социальный аспект, особенно сильно проявляющийся в настоящее время, когда идея *фурусато* (место рождения человека, его связь с прошлыми поколениями) становится одним из главных направлений идеологического воздействия на японский народ со стороны правящих кругов.

Современным проявлением социального аспекта праздника является возникшая с конца 30-х годов и особенно получившая распространение в 80-е годы практика создания компаниями и корпорациями мемориалов, своего рода общих захоронений⁴. Используя традицию почитания предков, японский менеджмент культивирует чувство общности всех работающих на предприятиях, воспроизводя дух патриархальной семьи. Раз в год около этих мемориалов проводятся поминальные службы по тем служащим, которые ушли из жизни за прошедший год. При существующей в стране системе, когда работник практически всю свою трудовую жизнь связан с одной компанией, такие мемориалы в некотором роде выполняют роль сельских храмов прежних времен.

Используя популярность «Бон», как и Нового года, руководители фракций правящей либерально-демократической партии регулярно дважды в год раздают своим сторонникам подарки. Это чем-то напоминает «рисовый паек», который средневековые феодалы выдавали своим вассалам. К этим крупным праздничным датам и приурочена выплата бонусов на предприятиях страны.

В дни праздников «Бон» вся страна приходит в движение. К этим дням люди обычно приурочивают свои отпуски, чтобы посетить родные места и отдать дань уважения живым родственникам и усопшим предкам. Центральные и местные органы власти, фирмы и средства массовой информации во многом способствуют живучести этого праздника.

Праздники, обычаи и обряды, с ними связанные, играют большую воспитательную роль. Они содействуют изучению истории и культуры страны, развивают художественный вкус, любовь к природе, прививают подрастающему поколению уважение к истории страны и народным традициям.

Между праздниками и историей существует прямая и обратная связь. Поводом к возникновению праздников могло служить какое-нибудь историческое событие, например основание государства, города или храма, победа в войне, избавление от стихийных

бедствий, жизнь выдающихся людей. В то же время практически любой праздник является отражением исторического процесса, который влияет на его содержание, обрядность, церемонии, оформление. Само содержание праздника часто являет собой историю, вышедшую на улицу. Кроме того, выбор праздничных дат или событий отражает характерные черты существующего общественного строя, политическую и социальную структуру общества.

Нельзя не отметить, что большинство праздников сознательно поддерживаются и культивируются правящими кругами страны на протяжении многих веков прежде всего потому, что они позволяют и помогают преподнести историю каждому новому поколению в нужном для них аспекте.

Именно таким праздникам уделяется большое внимание со стороны центральных и местных органов власти, которые возводят некоторые из них в ранг «духовных культурных национальных ценностей». В соответствии с Законом об охране культурных ценностей они бывают общенациональными, префектуральными и городскими. Как правило, это наиболее популярные локальные праздники. Устраиваются они обычно по субботам и воскресеньям, привлекая огромное число не только местных жителей, но и туристов.

Самыми известными из так называемых исторических праздников являются «*Гион*» в городе Киото (получил название по одноименному кварталу в городе), «Процессия тысячи лиц» в Никко и «Парад эпох» в Киото. Посвящены они разным событиям в жизни страны, но по форме похожи друг на друга. Это — шествия, занимающие иногда не один день. Во время «*Гион*» на улицах Киото проходят огромные платформы-колесницы. Каждая из них посвящена определенной исторической теме. Ее убранство соответствует материальной культуре изображаемого периода. Праздник сохранился почти в неизменном виде с IX в. Своим происхождением он обязан преданию об избавлении жителей города от чумы⁷.

«Процессия тысячи лиц» проводится в память захоронения тела сёгуна Токугава Иэясу (основателя последнего в истории страны сёгуната). В связи с этим событием начиная с XVII в. в мае месяце в течение двух дней проводится одна из наиболее впечатляющих праздничных процессий в стране. Сейчас это поистине фестиваль народного искусства, который сохраняет старинные обряды, танцы, представления, развлечения, соревнования, игры, а также является демонстрацией подлинных предметов материальной культуры XVII в. — одежды, оружия, головных уборов, музыкальных инструментов⁸.

Самым молодым из этих праздников является «Парад эпох». Он был введен в 1895 г., в год постройки храма Хэйан-дзингу, в ознаменование 1100-летней годовщины основания Киото — древней столицы Японии. Храм посвящен первому и последнему императорам, жившим в этом городе. Цель праздника — увековечить в народной памяти историю Японии, показав во время шествий отдельные ее эпизоды, наиболее известных исторических личностей, а также продемонстрировать неизбежность императорской власти.

В процессиях сохраняется хронологическая последовательность эпох, но в обратном порядке, начиная с эпохи Мэйдзи (1868—1911) и заканчивая периодом Энряку (782—805). С исключительной точностью воспроизводятся все детали костюмов и жизни каждой эпохи. Во время праздника можно увидеть его участников в костюмах аристократов, самураев, крестьян, мастеровых, купцов⁹.

Такого рода мероприятия служат мощным импульсом для развития разного рода художественного творчества, поскольку привлекают людей к активному участию в оформлении праздника с тем, чтобы сделать его пышным и красочным, — к изготовлению специальной утвари и костюмов, созданию музыки, песен и танцев.

Праздники являются и стимулом к развитию торговли, транспорта, гостиничного хозяйства, туризма, поскольку с их проведением связаны большие перемещения населения по стране, охватывающие миллионы людей. Массы туристов приезжают участвовать в наиболее популярных локальных праздниках. Непременным атрибутом многих из них являются паланкины *микоси*. Обычно они приобретаются в специализированных компаниях. По свидетельству владельца одной из таких фирм («Миямото микоси»), в 50-е и 60-е годы *микоси* десятками пылились на складах. Теперь же, когда интерес к праздникам возобновился, чему в немалой степени содействовало внимание к местным торжествам со стороны телевидения, дела фирмы вновь пошли

в гору. Ежегодно она производит до 30 новых паланкинов и примерно 70 штук ремонтирует или реставрирует. Компания не только изготавливает *микоси*, но и сдает их в аренду, что приносит ей большой доход, особенно в период с мая по сентябрь, на который приходится большое число празднеств. Для этой цели у нее есть 20 паланкинов. В 1984 г. в компанию поступило более 100 заявок на аренду. За последние годы этот вид деятельности фирмы особенно возрос¹⁰.

Праздники обычно приносят большие доходы городу, где они проводятся. Подлинной инъекцией в зимнюю экономику Саппоро называют японские журналисты ставший всемирно знаменитым снежный фестиваль в этом городе, который посещают ежегодно около 2 млн. человек. Чтобы обслужить эту массу людей в дни праздника, гостиницы, рестораны, закусочные, магазины и многочисленные лавки работают с перегрузкой. Туристские компании организуют специальные туры.

Не обходится и без вездесущей рекламы, занимающей большое место на праздничных ярмарках и распродажах. В это время очень активно работает мощная индустрия рекламы, этого «смазочного масла» экономики. На ее службе — все средства коммерческой массовой информации. Телевидение, радио, декоративное оформление витрин, современные зазывалы, использующие как арсенал старых средств «зазывания», так и современную технику, — все нацелено на захват потребителя.

Реклама в свою очередь дает средства на проведение праздников, ибо банки, компании, больницы, гостиницы и прочие учреждения, расположенные в районе, где состоится торжество, заинтересованы в привлечении новых клиентов. Деньги на устройство праздников дают и храмы, поскольку большинство традиционных праздников проводится как раз на базе храмов. Значительную долю ассигнуют и местные органы власти, а также отдельные личности¹¹. Ведь имена всех спонсоров широко публикуются в местной печати, а также указываются на специальных щитах, установленных во время праздников на улицах городов.

Особенно тесное переплетение рекламы, торговли и праздника можно ощутить во время «Эннити» — традиционных храмовых праздников с ярмарками в торговых рядах, которые подчас тянутся на несколько километров по обеим сторонам улицы. Деньги на их проведение дают сами торговцы. Такие праздники устраиваются регулярно, становясь частью повседневной жизни людей, ибо храмы-кумирни являются непременным компонентом японских городов. Они с детских лет приучают жителей данного квартала к определенному ритуалу.

Используя социальные функции праздников, правящие круги Японии на различных этапах социально-экономического развития страны, начиная с периода раннегосударственных отношений, и особенно со времени создания централизованного государства в период позднего феодализма, и по настоящее время, проводили и проводят целенаправленную политику. Они культивируют традиционные праздники и создают новые торжественные зрелища для народа. Это делается не только для сохранения национальных традиций, но и для поддержания в народе интереса к идее вечности и незыблемости императорской власти, уникальности японской нации и восприятия японским народом истории и культуры страны с националистических позиций.

Одной из важных сторон политики правящих кругов в отношении праздников является практика выделения нерабочих дней из всего многообразия привычных празднеств. Выбор дат государственных праздников отражает черты общественного строя, политическую и социальную структуру общества, а также изменения, происходящие в нем. При этом государственный праздник, как правило, наследует старинные обычаи создания атмосферы согласия и единения. В отличие от религиозного в государственном празднике на первый план выступает идея государственной власти. Однако связь с культом во многих государственных праздниках Японии до сих пор прослеживается весьма четко.

В настоящее время в Японии имеется 13 нерабочих дней: «Новый год» (1 января), «День совершеннолетия» (15 января), «День основания государства» (11 февраля), «День весеннего равнодействия» (март), «День рождения здравствующего императора», «День конституции» (3 мая), «День отдыха» (4 мая), «День детей» (5 мая), «День почитания престарелых» (15 сентября), «День осеннего равноденствия» (сентябрь), «День физкультурника» (10 октября), «День культуры» (3 ноября), «День труда» (23 ноября).

Отдавая дань традициям, нерабочими днями остались в послевоенное время празднование Нового года и Дней весеннего и осеннего равноденствия. Как и у всех народов Дальнего Востока, Новый год у японцев наиболее любимый и популярный праздник, который отмечается даже теми, кто не особенно склонен поддерживать стародавние традиции. Примерно целый месяц в стране царит праздничная атмосфера. До Нового года все заняты его подготовкой: украшением домов с неизменным *кадомацу* у входа (композиция из сосновых веток, бамбука, мандаринов и пр., перевязанная соломенной веревкой), приобретением подарков родным и знакомым, рассылкой поздравительных открыток и другой предпраздничной суетой. До середины января продолжают традиционные праздничные мероприятия, особенно они распространены в сельских местностях.

Сохранение Дней весеннего и осеннего равноденствия нерабочими днями связано с японской традицией почитания ушедших поколений. Эти праздники появились в Японии вместе с буддизмом в VI в. и органично соединились с синтоистским культом предков.

Кроме упомянутых уже государственных праздников, имеющих отношение к возрастным группам, есть еще три, которые касаются разных сторон жизни человека. — «День физкультурника», «День культуры» и «День труда». При этом «День труда» продолжает традицию почитания трудовой деятельности людей, в далеком прошлом — сельскохозяйственной. В этот день проводятся награждения, устраиваются выставки трудовых достижений. Другие же два праздника являются совершенно новыми. Первый был установлен в день рождения императора Мэйдзи, от которого ведется традиция празднования дней рождения здравствующих императоров. Он был введен для поощрения развития как традиционной культуры, так и современных направлений. Дата «Дня физкультурника», который празднуется с 1966 г., была избрана в связи с тем, что в этот день в 1964 г. в Токио состоялось открытие первых на Азиатском континенте летних Олимпийских игр. Установление этого праздника отражает то большое внимание, которое оказывается развитию физкультуры и спорта в стране. В этот день все спортивные сооружения открыты для желающих, вход бесплатный.

Довольно неожиданно для рядовых японцев в 1986 г. был пересмотрен Закон о национальных праздниках и установлен еще один нерабочий день — «День отдыха» (4 мая). Это решение, очевидно, было связано с тем, что между двумя праздничными днями — 3 и 5 мая — попадал один непраздничный. Но впервые он был реализован в 1988 г., ибо в 1987 г., когда уже нужно было его отмечать, 3 мая (День конституции) пришелся на воскресенье, а по японскому законодательству понедельник в таком случае объявляется нерабочим днем. Таким образом официально увеличилось число нерабочих дней в так называемой «золотой неделе», на которую приходится три нерабочих дня и два воскресенья. Остальные дни берутся в счет отпуска.

Идея официального удлинения «золотой недели» встретила поддержку со стороны большинства руководителей японского бизнеса. Они полагают, что в условиях интенсивной трудовой деятельности необходим более длительный отдых¹².

Политический аспект в государственных праздниках наиболее четко проявился в истории празднования «Дня основания государства». Этот праздник под названием «День основания империи» впервые был введен в 1873 г. Это было сделано с целью обоснования сложившейся системы власти, возглавляемой императором. Его введение узаконило отсчет японского летоисчисления с 660 г. до н. э., т. е. с года воцарения легендарного императора Дзимму, способствовало утверждению среди населения националистических взглядов, пропаганде мифов о божественном происхождении японской императорской династии. В ходе демократических преобразований в послевоенной Японии праздник был отменен. Однако консервативные силы сразу же начали активную кампанию за его возрождение и в 1966 г. добились его восстановления, хотя и под другим названием.

В настоящее время, как и до войны, он используется правительством для доказательства исключительности японской нации, ее божественного происхождения. Стараясь придать этому празднику более торжественный характер, премьер-министр страны, несмотря на протесты широкой демократической общественности, принимает участие в официальной церемонии. Местным органам власти, школьной администрации рекомендуется проводить в этот день торжественные мероприятия.

Такую же роль играет и праздник, посвященный дню рождения здравствующего императора. В послевоенные годы он был сохранен в связи с тем, что, согласно

конституции 1947 г., император оставался символом государства и единства народа. В определенной степени этот праздник используется для поддержания идеи неизбывности императорской власти в стране.

Приверженность японцев к праздникам используют не только правящие круги. Прогрессивные силы страны сделали праздники одним из аспектов своей политики. На фоне многовековой истории большинства традиционных японских народных праздников демократические праздники еще очень молоды и немногочисленны, но и они уже имеют свои традиции, подчас весьма драматические. Речь идет о праздновании 1 Мая. Впервые официально он отмечался в 1920 г., но уже в 1936 г., после военного путча, праздник был запрещен. Традиция возродилась сразу же после окончания второй мировой войны. В первый год его проведения в первомайской демонстрации в Токио приняло участие около полумиллиона человек, по всей стране — около двух миллионов. Это были крупнейшие первомайские демонстрации, проходившие в капиталистических странах. Трагической страницей в историю Японии вошли события 1 мая 1952 г., названные «кровавым Первомаем», когда полицией была разогнана мирная демонстрация, более тысячи человек было ранено, 1300 арестовано и один человек убит. В последующие десятилетия празднование 1 Мая становилось все более популярным, принимая политическую окраску. Однако сейчас, в результате изменения ситуации в стране, в частности расстановки сил в профсоюзном движении, предпринимаются попытки лишить Первомай политической окраски и превратить его в день отдыха и развлечения трудящихся.

Учитывая большую популярность Первомая среди японских трудящихся, правительство в последнее время начинает оказывать ему внимание: на центральном митинге с приветствием к участникам от имени правительства обращается министр труда.

В послевоенные годы в Японии, как и в ряде высокоразвитых капиталистических стран, где коммунистические партии представляют собой значительную общественную силу, появился новый тип политических классовых праздников — праздники коммунистических газет. Праздник газеты японских коммунистов «Акахата» по своему содержанию является политическим праздником, но в то же время и глубоко народным. Проводится он, как правило, в выходные дни. В это время устраиваются митинги и дискуссии, ведется широкая пропаганда политики компартии.

На месте проведения праздников обычно устраиваются выставки, посвященные истории компартии. Здесь можно ознакомиться с работой партийных печатных органов, сотрудники которых встречаются со своими читателями. Обычно во время праздников разворачиваются экспозиции, посвященные какому-нибудь актуальному текущему политическому событию, организуются выставки, на которых можно ознакомиться с лучшими произведениями живописи, графики и скульптуры прогрессивных мастеров. Для желающих даются бесплатные квалифицированные юридические консультации, что является одной из форм работы коммунистов в массах.

Кульминацией таких праздников служит центральный митинг, который собирает свыше 300 тыс. участников. С приветственными словами к присутствующим обращаются руководящие деятели Коммунистической партии Японии и представители братских партий.

Как и на любом празднике, площадь, где происходят эти события, и многочисленные павильоны украшены гирляндами цветов, воздушными шарами, отовсюду слышны удары барабанов, песни. Характерные черты японских традиционных праздников — торговые ряды, передвижные кухни — присутствуют и здесь.

В последние годы большое внимание на праздниках газеты «Акахата» уделяется организации досуга детей. Устраивают специальный детский уголок, где ребята могут заняться рыбной ловлей, посетить аттракционы, принять участие в выступлениях детской самодеятельности, приобрести разнообразные игрушки и повстречаться с популярным героем детской страницы воскресного выпуска «Акахаты».

Демократические праздники так же, как и японские традиционные, выполняют функцию социализации членов общества, но в известной мере на другой основе. Смысл этих праздников состоит в том, чтобы пропагандировать высшие духовные ценности человека, борьбу за мир, охрану жизни человека и природы, за установление нового общественного строя, где будет обеспечена социальная справедливость. Их назначение — привлечь народ к коллективной поддержке этих общечеловеческих лозунгов.

Таким образом, японцы очень бережно относятся к традиционной культуре. И повсеместное сохранение и культивирование национальных праздников, этого важного элемента этнического своеобразия нации, является одним из проявлений этого отношения. Праздник представляет собой и живой механизм передачи из поколения в поколение культурных традиций. Он обеспечивает необходимую адаптацию духовных ценностей, культурных традиций к современности. На протяжении всей истории Японии праздники всегда опирались на традиции, но при этом они меняли свои формы, приспосабливаясь к условиям времени.

По мере социально-экономического развития общества в некоторых местных обычаях и обрядах что-то изменилось или совсем исчезло, особенно это касается городов; в глухих сельских районах, в частности на севере и северо-востоке Японии, пока еще сильны старые традиции. Но и здесь подчас меняется восприятие традиционных праздников, особенно молодым поколением. Они рассматриваются уже скорее как культурные, фольклорные и семейные мероприятия. Нередко бывший культовым по своему происхождению праздник превращается в народное гулянье или фестиваль. Праздник всегда был готов измениться, чтобы идти в ногу со временем. В одних случаях возникал синтез традиций и инноваций, в других — имело место их мирное сосуществование, в третьих — обряд терял свое исконное содержание, а на первый план выходила игра, развлечение, соревнование.

Устойчивость праздника, его постоянство «связаны прежде всего с тем, что, концентрируя из поколения в поколение культурную активность людей, обрастая обрядами, развлечениями, декорациями, создавая атмосферу радости и подъема, прерывая обыденный ритм труда и забот, праздник отвечает столь многим коллективным и индивидуальным запросам, что потребность в его проведении оказывается более устойчивой, чем первоначальная идея, ценность или совокупность ценностей, вызвавшие его к жизни»¹³. И становится понятным, почему современность с ее урбанизацией, с ее бешеными темпами жизни несколько не потеснила празднества в Японии, почему, как и в предыдущие эпохи, она продолжает создавать почву для появления новых торжеств.

¹ Лагатышев И. А. Семейная жизнь японцев. — М., 1985. — С. 88.

² Хигути Киёюки. Мацури то инхондзин — Праздники и японцы. — Токио, 1978. — С. 139—141.

³ Там же. — С. 72—78.

⁴ Нихон но нэндзю гэдзи — Энциклопедия японских праздников. — Токио, 1980. — С. 105.

⁵ Yanagida K. Japanese Manners and Customs in Meiji Era. — Tokyo, 1957. — P. 271.

⁶ The Japan Economic Journal. — 1988. — 27 August. — P. 8.

⁷ Нихон но мацури — Японские праздники. — Токио, 1982. — Т. V. — Вып. I. — С. 133—135.

⁸ Нихон но мацури — Японские праздники. — Токио, 1969. — С. 70.

⁹ Нихон но мацури. — 1982. — Т. V. — Вып. I. — С. 156.

¹⁰ Japan Times Weekly. — 1985. — 4 May.

¹¹ См.: Кусанаги данидзю сюэцу дайсай — Большой осенний праздник при храме Кусанаги. — Симидзу, 1985. — С. 10—29.

¹² The Japan Economic Journal. — 1988. — 7 May. — P. 7.

¹³ Жигульский К. Праздник и культура. — М., 1985. — С. 86.

Сон разума рождает чудовищ (о суевериях в Китае)

В. СИДИХМЕНОВ

Традиции. Всегда ли за этим понятием стоит разум? С изменением общественного бытия меняется и общественное сознание, но происходит это несинхронно. Если бытие человека может измениться даже за один день, то с сознанием этого произойти не может: оно обладает относительной самостоятельностью. «Традиции всех мертвых поколений, — писал К. Маркс, — тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹. И как бы продолжая эту мысль, В. И. Ленин считал силу привычки миллионов и десятков миллионов самой страшной силой².

Слепая вера в чудеса необъяснимого и непонятого не исчезает сама по себе, не уступает добровольно своих позиций — ее устойчивыми союзниками остаются прежде всего отсталое материальное производство, низкий культурный уровень, консервативные традиции, вера в бога, духа, магические заклинания или чудодейственные словесные изречения.

Эмоциональным ядром любой веры (религии) является мистика, она заключает в себе такие истины, которые невозможно понять человеческим разумом и проверить опытом. Вера в сверхъестественное, в чудо — неременное условие любой религии, независимо от ее обрядов и культов.

Признание сверхъестественной сущности в качестве источника и основы бытия — суть идеалистического отношения к миру; само же бытие и природа считаются в нем производными от сверхъестественных сил — духа, божества.

«Всякая мистическая мораль, — писал Г. В. Плеханов, — есть не что иное, как проповедь бегства из действительного земного мира в фантастический духовный мир»³. Появившись на ранней ступени развития первобытного человека, мистика отражает наиболее низкий уровень его обыденного сознания, его примитивное мирозерцание. Без мистики не существует религии, мистика же может жить и без религии, давая знать о себе даже тогда, когда религия отделена от государства и становится объектом критики. Это означает, что индивид может долго оставаться во власти мистики, даже не сохраняя религиозных убеждений. Так, многие суеверия, существовавшие в феодальном Китае, исчезли вместе с ликвидацией феодального строя. Однако при сопоставлении можно и сегодня без труда в новом обнаружить старое.

После победы народной революции в Китае реализовывалась большая атеистическая программа. Однако эта вдумчивая, кропотливая, целеустремленная работа была прервана «культурной революцией» (1966—1976), получившей в китайской печати название «десятилетний хаос».

В самый разгар «культурной революции» мне довелось побывать в Китае и посетить многие китайские города, где я был очевидцем вандализма хунвэйбинов. Во дворце-парке Ихэюань, расположенном в 12 км от Пекина, хунвэйбины разбили многочисленные скульптурные изображения маленьких будд. В живописном уголке Сишань (Западные горы), в Храме Вофосы, медный будда длиной более 5 метров изображен лежащим на боку. Вокруг него были изуродованы все 12 маленьких будд. Во многих других местах «борьба» с религией велась под лозунгом «Уничтожим четыре старые»: старую идеологию, ста-

Сидихменов Василий Яковлевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

ругую культуру, старые привычки, старые обычаи. В Синьцзяне, например, объектом «борьбы» хунвэйбинов оказались мусульманские храмы, откуда изгоняли верующих. В Манаском уезде Синьцзяна хунвэйбины согнали местное население на пустырь, сварили свинину, поставили бочку самогона, а затем выстроенным в ряд старикам и старухам засовывали в рот свинину, заставляя запивать ее самогоном. Кто отказывался — избивался на месте. Как известно, мусульманская религия запрещает верующим есть свинину, пить спиртное.

Были разрушены и осквернены мечети в городах Урумчи, Боро-Тала, Турфане, во многих уездах Кашгарского округа.

В Тибете хунвэйбины громили и грабили все без исключения буддийские монастыри и храмы, сжигали религиозные книги и тханки (иконы), разбивали статуи будд и бодисатв. Руководство кампанией по уничтожению монастырей, храмов, монастырских типографий, библиотек, предметов культа и т. п. осуществлялось в организованном порядке. Здание одного из крупнейших и почитаемых монастырей Тибета Гандэна взрывали отряды армейских саперов. В северо-западном Тибете были сформированы специальные отряды, которые в течение 10 дней спешно крушили монастыри и храмы, уничтожали все, что находилось в них. Проведение религиозных праздников и совершение религиозных обрядов были строжайше запрещены.

Так в годы «культурной революции» хунвэйбины «боролась» с религией и религиозными предрассудками. Такая «борьба», естественно, не привела к желаемым результатам, а вызвала обратную реакцию, особенно у верующих и суеверных людей.

Историческим рубежом, когда культ разрушения в стране уступил место созиданию, явился 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, проходивший в декабре 1978 г. Жизнь показала, что методом «кавалерийской атаки» невозможно покончить с суевериями и религиозными предрассудками. Религии в Китае получили право на самостоятельность, а атеистическая пропаганда не означает запрета на исполнение религиозных обрядов, как это имело место в период «культурной революции». И речь идет не о борьбе с религией, а о преодолении суеверий, которые и поныне полонят сознание миллионов людей.

В 1980 г. в уезде Чжицзинь провинции Гуйжоу 24-летний член народной коммуны Се Сяньцзи, объявив себя прорицателем, решил подработать на суеверии людей. Его жертвами оказались два пожилых крестьянина Чжан Шэнхун и Чжан Цинхун. Прорицатель убедил их, что он святой, спускается с небес на землю, где расследует добрые и злые дела, он может любого сделать святым и вознести на небо.

Мошеник выманил у одураченных людей 1600 юаней. Боясь разоблачений, он решил избавиться от своих «духовных учеников» и начал учить их, как умертвить плоть, чтобы душа вознеслась на небо. Будет лучше, если вся семья последует в небесное царство за своим главой, а отделить душу от плоти можно с помощью взрывчатки или воды.

Глубоко суеверные Чжан Шэнхун и Чжан Цинхун поверили в «доводы» своего «духовного наставника». Глубокой ночью 21 февраля 1980 г. Чжан Шэнхун и его жена, захватив с собой восемь детей, в сопровождении Се Сяньцзи направились к пещере, где прорицатель убил двух детей кинжалом. Остальных подвел к взрывчатке и заставил, молясь, встать на колени к изображению будды. Сам Се Сяньцзи укрылся за камнем, где зажег шнур — раздался сильный взрыв. Тех, кто умер не сразу, «духовный наставник» прикончил кинжалом.

С семьей Чжан Цинхуна прорицатель-убийца поступил иначе: он привел мужа, жену и двух детей на берег реки, связал их, прикрепил к веревкам камни и столкнул в воду. У Чжан Цинхуна при падении лопнула веревка, и он вынырнул. Убийца пытался добить свою жертву камнями, но безуспешно.

Чжан Цинхун, оставшись в живых, рассказал обо всем местным властям. Прорицатель Се Сяньцзи, от рук которого погибли 13 человек, понес заслуженную кару. Этот случай описан в книге Нью Синфана «Духи и феодальные суеверия» (Шиньцзян, 1981).

В 1984 г. в Шапхае вышла книга «Покончим с суевериями. 100 вопросов и 100 ответов». Приведенным в ней суевериям дано популярное научное толкование с тем, чтобы убедить суеверных людей в их заблуждении. Приведем некоторые из них.

— Во время солнечного затмения суеверные наблюдали, как солнце неожиданно покрывалось темнотой, и все вокруг исчезало во мраке. Это вызывало страшный испуг, и тогда говорили: «Небесная собака проглотила солнце». Чтобы заставить ее выплюнуть светило, зажигали благовонные свечи, били в барабаны и гонги, взрывали хлопушки — словом, создавали страшный шум. То же самое делали и в период лунного затмения.

Культурный уровень народных масс повсеместно повысился в КНР. Народное правительство каждый раз перед солнечным и лунным затмением предупреждает население. Поэтому подобное суеверие ослабло. Однако в деревнях немало неграмотных, и старые люди все еще верят, что «небесная собака» проглатывает солнце и луну во время затмения.

— Суеверные люди верили, что дождем распоряжается царь-дракон. Если он скажет «дождю идти» — пойдет дождь; если скажет «дождю не идти» — дождя не будет. Поэтому засуха и наводнение находились во власти царя-дракона. Возникла засуха — молились царю-дракону, возникло наводнение — также ему молились. Кое-где и по сей день крестьяне все еще верят во всевластие дракона.

— В старом Китае люди верили в счастливые и несчастные дни. Готовились ли люди к свадьбе, похоронам, строительству дома, отправлялись в дальний путь или просто брили голову, мылись — в любом случае надо было по старому китайскому календарю определить счастливый день для указанного дела или обратиться за советом к прорицателю. Только в счастливый день следовало браться за дело. Если будет избран несчастный день, то можно испортить любое дело. Ныне еще встречаются люди, которые находятся во власти суеверий и устраивают свадьбу или строят дом только в «счастливые дни», определенные прорицателем.

— В некоторых местах, особенно в каменных расщелинах или на дне колодца, протекает вода. Суеверные люди принимают ее за святую, говорят, что это вода дракона, распространяя слух, что ею можно вылечить слепоту.

Поверив таким слухам, некоторые начинают промывать ослепшие глаза «святой водой», от которой, однако, их зрение не восстанавливается.

— Существовало суеверие: если человек тонул в воде, то превращался в водяного духа, который преследовал живых людей. Если кто-то, плавая, встречался в воде с водяным духом, последний завлекал жертву в глубь водоема, тонул и, приобретая облик загубленного, становился нормальным человеком. Поэтому гибель в воде объясняется «кознями» водяного духа. Такое суеверие кое-где сохранилось и в наши дни.

— Суеверные крестьяне и сейчас верят, что саранчу, пауков, гусениц и других вредителей, наносящих большой урон урожаю, посылает на поля разгневанное небо. Крестьяне возжигают благовонные свечи, совершают челобитье, умоляя вредителей покинуть поля. И хотя ныне применяются ядохимикаты, имеются еще крестьяне, которые молятся небу, прося пощады.

— Суеверные люди верят, что покойник может встать, открыть глаза или, высунув

язык, «отупевшей» походкой зашагать и хватать людей. Ночью на могиле он якобы может преследовать живых людей. О проделках покойников все еще существует много рассказов, и они холодят души суеверных людей.

— Если в деревне ребенок от сильного грома или еще от чего-то теряет сознание, суеверные крестьяне верят, что душа такого ребенка покинула тело. Тогда мать отправляется вечером на берег реки или к подножию горы и там поднимает крик, взывая душу ребенка вернуться в его тело, вроде: «А-мао, пусть твоя душа возвращается домой!» В это время отец ребенка кричит: «Вернулся! Вернулся!» Печальные, заунывные крики выражали глубокую скорбь родителей. Иногда обращались к шаману с просьбой его молитвами уговорить душу ребенка вернуться во плоть. Таких суеверий стало меньше. Но они все еще встречаются в отдаленных деревнях.

— существовало поверье — нельзя строить дом на заброшенном кладбище: потревоженные духи покойников придут в негодование и отомстят за их нарушенный покой. Это суеверие сохранилось и поныне.

— При бракосочетании считалось: если жених родился в год дракона, а невеста — в год тигра, супруги станут непримиримыми врагами и будут драться смертным боем. Верили, что брак между такими молодыми людьми невозможен — в их семье всегда будут ссоры, и жизнь будет короткой. Рожденным в год собаки невесте и жениху — в год петуха в брак вступать также не рекомендовалось: собака загрызет петуха. Значит, невеста загубит мужа. Ныне подобных суеверий стало меньше, однако они все еще не искоренены. Часто прорицатели, используя такое суеверие, разрушают семейную жизнь людей.

1. В деревнях и сегодня обращаются к слепым «прорицателям» за предсказанием судьбы.

В послесловии к названной книге сказано: «В настоящее время в некоторых районах страны оживляются феодальные суеверия, а кое-где они носят настолько серьезный характер, что оказывают пагубное влияние на повседневную жизнь, производство и общество в целом. Поэтому атеистическая пропаганда по преодолению суеверий ныне приобретает огромное значение в создании социалистической культуры. Мы издали эту книгу для того, чтобы она служила кадровым работникам и молодежи пропагандистским справочником».

На какие еще суеверия обращает внимание китайская печать в годы уходящего десятилетия?

В провинции Цинхай около одного из бывших храмов бьет ключ. По многовековому убеждению крестьян, этот ключ — глаза зеленого дракона, а тот, кто дотронется до него, непременно ослепнет. В провинции Юньнань, близ города Гэцзю, местные власти решили прорыть канал. Крестьяне стали противиться этому, уверяя, что «канал растревожит подземного дракона». В провинции Хунань местное население возражало против строительства туннеля только потому, что боялось этими работами прогневить дракона в горах. Почитание дракона усиливалось в период засухи. На него как на последнюю надежду уповали крестьяне, оставаясь наедине со стихией.

В строительном отряде коммуны Дачжан (уезд Ляочэн, провинция Шаньдун), сообщала «Жэньминь жибао» 22 января 1980 г., работал некто Хэ Дэнгао. Его жена страдала нервным расстройством. Знахарки сказали, что в его доме завелись злые духи, они-то и принесли с собой болезнь. Необходимо переехать в другой дом. Хэ Дэнгао, поверив этому, построил новый дом. Чтобы изгнать злых духов, он купил две хлопушки и хотел взорвать их, но взрыва не произошло: они оказались подмоночными. Приняв это за дурное предзнаменование, Хэ Дэнгао достал где-то самодельные гранаты, надумав взорвать их. Бросив одну за другой три гранаты, он сильно поранился и тут же скончался.

Вера в местные божества, в духов гор, рек, озер держится наиболее устойчиво в глубинных районах страны. Так, крестьяне уезда Хунань провинции Хубэй противились решению местных властей разбить чайную плантацию на холме Лэйлунмин, утверждая, что «быть беде, если потревожат духа гор».

В уезде Пиншань провинции Хэбэй распространился слух, что «в скале обитает дух змеи: кто его потревожит, на того обрушится несчастье».

В провинции Хэйлунцзян крестьяне противились прорытию нового канала, считая, что это «навлечет на них гнев духов земли».

Во многих местах крестьяне рассматривали стихийные бедствия (засуху и наводнение) как «возмездие Неба».

Когда в некоторых районах появлялись полевые вредители, крестьяне зажигали благовонные палочки в честь Чунвана — духа насекомых.

Поньше среди крестьян большим вниманием пользуются заклинатели и гадатели, даже те, которые часто попадают «впросак». В целях борьбы с такого рода предсказателями газета «Жэньминь жибао» опубликовала «исповедь» прорицателя Яо Маогэня, который рассказал, как он обманывал суеверных людей:

— Меня зовут Яо Маогэнь. В 1980 г. мне исполнилось 50 лет. Я живу в народной коммуне Цзепай уезда Даньян провинции Цзянсу. В 15-летнем возрасте после болезни оказался слепым. Моя семья бедствовала. Чтобы как-то прокормиться, решил поучиться у знакомых гаданию. Вскоре в нашем селении многие говорили: «Слепой Яо Маогэнь неплохо предсказывает судьбу». При обмане суеверных людей я пользовался такими приемами: вначале подробно выяснял обстановку, в которой жил суеверный человек, выслушивал внимательно его жалобы, затем запугивал злыми духами и предлагал свою помощь. Однажды ко мне обратилась старушка с просьбой предсказать ей судьбу. У нее умер муж, здоровье резко ухудшилось, и она искала какого-то утешения. Пользуясь тяжелым положением этой женщины, я стал запугивать ее злыми духами и обещать ей новые страдания. «Как же мне быть?» — спросила меня напуганная старушка. Я обещал помочь ей в изгнании злых духов и начал бормотать какие-то неясные слова. За такую «помощь» суеверная женщина дала мне 5 юаней и 20 фэн. Меня часто просили предсказать судьбу: девушки интересовались, когда они выйдут замуж, какие у них будут мужья, парни спрашивали о работе. Я всем предсказывал хорошую судьбу и за это получал по 10 юаней...

В 1980 г. в провинции Сычуань появились различные буклеты хиромантов и таблицы для гадания, книги: «Святая ворожба на блюде», «Девять типов людей», «Гадание по папиллярным линиям» и т. п. Истоки суеверий часто лежат в культе бумаги и письма, восходят к понятиям и канонам священных книг. Своеобразной формой проявления религиозных представлений крестьянства является распространение «связных листовок».

В одной большой производственной бригаде народной коммуны Инчао (уезд Тяньдун, Гуанси-Чжуанского автономного района) была обнаружена листовка под названием «Тот, кто верит всевышнему, процветает; тот, кто противится этому, гибнет». В листовке говорилось: в начале седьмой луны прошлого года по лунному календарю солнце не све-

ной вселился «дух бешеной собаки», и, чтобы изгнать его, необходимо воздержание от пищи и воды: «Если ты съешь что-нибудь, это может прибавить сил духу бешеной собаки. Добрый дух сам накормит тебя и утолит твою жажду святой водой. Голодание даст чудодейственные результаты, поэтому к пище нельзя прикасаться.»

На восьмой день больная потеряла сознание и вскоре умерла...

В двадцатые годы XX в. богатые китайцы начали приобретать легковые автомобили. Но и эти атрибуты современности не убили веру в потустороннюю жизнь. После смерти хозяина автомобиль делали из бумаги, картона, из бумажной материи. Его несли в похоронной процессии, а после похорон предавали сожжению у могилы, чтобы в дымообразном состоянии он «достигал» небесной обители, и на том свете дух богатого покойника «мог» им пользоваться для передвижения. В последние десятилетия религиозные суеверия «модернизировались», «модернизировались» и жертвоприношения на могилках покойников: в некоторых местах КНР у гроба покойника сжигают бумажные изображения телевизоров и стиральных машин.

Суеверный китайский крестьянин всегда заботился и о том, чтобы после его смерти осталось мужское потомство — сын обязан заботиться о посмертном существовании отца, приносить ему жертвоприношения. Дочь вырастет, выйдет замуж и уйдет в другую семью, сын же останется с престарелыми родителями, будет присматривать за ними и на этом, и на том свете. Эта религиозная традиция не исчезла и сегодня.

При жесткой демографической политике китайской семье рекомендуется иметь не более одного ребенка. Значит, рассуждают многие, лучше иметь сына, а не дочь. На этой почве возникают семейные трагедии.

Молодежная газета «Чжунго циннянь бао» (5.02.1983) опубликовала заметку под тревожным названием «Трагедия из-за невежества». Передаем ее содержание с некоторым сокращением.

«Папа, папа!» — раздалось из колодца, около которого на корточках сидел Лю Чуньшань, молодой крестьянин из уезда Личэн провинции Шаньдун. Это он бросил в колодец свою четырехлетнюю дочь Лю Чжуань.

История этой трагедии такова. В апреле 1982 г. жена Лю Чуньшаня — Ли Цихань — вторично забеременела. Ее муж отправился к проживавшему в их деревне престарелому прорицателю, который предсказал: роды в нечетный день принесут девочку, а в четный — мальчика. Лю Чуньшань прикинул: жена должна разрешиться от бремени в четный день декабря, а значит будет мальчик. Вечером жена ушла к матери в другую деревню. Муж со спящей девочкой направился к заранее выбранному колодцу... Назавтра Лю Чуньшань, рыдая, бежал по деревне, разыскивая свою малолетнюю дочь (он пытался ввести в заблуждение людей, чтобы его не заподозрили в убийстве). Страшная весть дошла до его жены Ли Цихань. Когда труп ребенка обнаружили в колодце, Лю Чуньшаня арестовали. Он не пытался отрицать своей вины.

18 января 1983 г. после интервью с убийцей корреспондент названной газеты делает такой вывод:

«Видите, сколько феодального, старого, невежественного в голове этого преступника, убившего дочь! И разве не видно, какое множество проблем возникает в связи с этим. Осуществляя плановое деторождение, необходимо освобождаться от феодальных обычаев и нравов, проповедующих почитание мужчины и презрение к женщине, передачу по наследству традиций духов предков».

На эту же тему была написана передовая статья в молодежной газете «Чжунго циннянь бао» 5 февраля 1983 г., которая так оценивала феодальные пережитки, связанные с отношением к женщине: «У некоторых людей довлеет старое представление о продолжении своего рода: рождается мальчик — невероятная радость, есть кому передать по наследству традиции культа предков; рождается девочка — великая печаль, потому что рано или поздно ей выходить замуж, и все на этом кончится. С женщинами жестоко обращаются, младенцев душат, совершают всякие неблагоприятные махинации. Трудно поверить в то, что эти до крайности бессмысленные дикие явления могут происходить в цивилизованном обществе XX столетия».

В китайских газетах публикуется большое количество статей о грубом отношении мужей к женам при рождении девочек. Особенно живучи старые обряды, связанные со свадьбой. Журнал «Чжунго шэгуэй кэсюэ» (1984, № 1) опубликовал информацию о положении крестьянской молодежи в провинции Аньхой: «Кое-где день свадьбы назначается прорицателем — слепым гадалщиком, который определяет «счастливые дни». В ночь

свадьбы жених и невеста должны возжигать ладан, бить земные поклоны, совершать обряд поклона небу и земле, своим предкам, на коленях вместе вползать в пещеру, пить из одной чашки «напиток потомков», совершать другие старые ритуалы. В некоторых местах от сговора до свадьбы требуется пройти длительные ритуальные процедуры, потратить много душевных сил и финансовых средств. По высказыванию старых крестьян, этот ритуал полностью воспроизводит тот, который существовал в старом Китае. Количество ритуальных процедур не уменьшилось, а расходы на них выросли по сравнению с прежними».

26 января 1982 г. «Жэньминь жибао» сообщала, что в некоторых уездах провинции Фуцзянь за молодую невесту устанавливался большой выкуп — значительная сумма наличных денег, велосипед, швейная машина, часы, комод, комплект белья. В ряде районов в выкуп входил телевизор, радиоприемник, магнитофон и даже изделия из золота.

Старые традиции особенно живучи в крестьянских семьях, где не изжит обычай купли-продажи невест и устройства разорительных свадеб. Лю Цзинью в статье «Отсталые обычаи и привычки, подрывающие бракосочетания» пишет: «В нашей стране... для очищения сознания масс от старых привычек, для устранения старого и утверждения нового воспитания потребуются длительное время и огромная работа»¹.

В 1984 г. в г. Цзинане провинции Шаньдун вышла в свет книга «Что такое феодальные суеверия?». Ее автор Ли Суаньмин рассказывает о пагубном влиянии феодальных суеверий на жизнь нынешних китайских крестьян. В предисловии к книге говорится:

«В настоящее время в связи с усилением марксистского воспитания и строительством социалистической духовной культуры суеверных людей становится все меньше и меньше. Однако суеверия далеко еще не изжиты, а в некоторых местах они продолжают свирепствовать, поэтому немало людей становятся их жертвами, что приносит большое несчастье семьям и отдельным лицам. Это обязывает нас усилить пропагандистскую и воспитательную работу по искоренению суеверий».

Когда не обращают внимания на уровень сознания крестьян, поясняет автор, и пытаются административным путем заставить их отказаться от суеверий, результат получается противоположный. Период «десятилетнего хаоса» был тесно связан с разрушением религиозных храмов, скульптур божеств и преследованием верующих. Однако суеверных людей по-прежнему осталось немало. Из сказанного Ли Суаньмин делает вывод: суеверия крестьян нельзя преодолеть насильственным путем. Этот путь не только безрезультатен, но и вреден.

Для подтверждения своих выводов автор книги приводит многочисленные примеры.

— В ряде мест суеверные люди распространяли слухи, что использование при пахоте тракторов «разгневает» духов земли и принесет несчастье крестьянам. Поверив таким слухам, крестьяне приводили в негодность трактора и отказывались использовать их при пахоте.

— Особенно много суеверий было связано с «лечением» больных крестьян. Их заставляли пить грязную воду, уверяя, что это святая вода, пичкали сомнительными пилюлями, приготовленными из золы различных сгоревших трав или «божественных животных». Больному объясняли: причина болезни — злые духи, а затем начиналось их «изгнание»: больного прижигали горящим фитилем, били палками и кололи иголками, ставили колени на горячие кирпичи, прижимали коромыслом и т. д. В одной деревне тяжело заболел мальчик. Приглашенная шаманка заявила: чтоб вылечить больного, нужно немедленно сломать дом. Суеверные родители сделали все, что велела шаманка, сын, конечно, от этого не выздоровел.

— Крестьянин заболел воспалением печени. Ему сказали: причина заболевания — построенный им новый дом из трех комнат, который необходимо разломать. Тогда болезнь пройдет. Дом разрушили, а болезнь еще больше осложнилась...

— В 1983 г. среди крестьян распространялись «календари», в которых пропагандировались феодальные суеверия: в такой-то день такого-то месяца нельзя работать; в такой-то день надо преподнести жертвоприношения предкам, прося их о благоденствии; тогда-то необходимо совершить жертвоприношение во время похорон и т. п. Только в одном 1983 г. было объявлено 102 табу, по которым нельзя было работать 102 дня.

— Суеверные люди верили, как и в старину, что во время солнечного или лунного затмения солнце или луну может проглотить «небесная собака», а чтобы ее отпугнуть, необходимо бить в гонги и барабаны.

— Не исчезли старые обряды и при захоронении. Умер человек — его быстро хоро-

нить нельзя: время захоронения определял прорицатель. Труп, разлагаясь, издавал злобное, но семья покойника ждала указаний прорицателя. Рядом с умершим «хорошили» ценные вещи. Из дорогого дерева изготовляли гроб, в него клали деньги для «дорожных расходов» усопшему.

* * *

Китайская печать подчеркивает, что нельзя смешивать борьбу с суевериями с правом на религиозное исповедание.

Свое нежелание вести борьбу с распространением суеверий некоторые члены партии и кадровые работники, писал журнал «Хунци» (1986, № 8), пытаются оправдать ссылками на закон, провозглашающий свободу вероисповедания, отказываясь рассматривать исполнение суеверных обрядов как преступные действия, запрещенные законом. Но провозглашенная в Конституции КНР свобода вероисповедания вовсе не идентична свободе исполнения суеверных обрядов, свободе распространения суеверий. Принцип свободы вероисповедания относится только к религиозной деятельности, к совершению обрядов, предусмотренных различными религиями. Но этот принцип не распространяется на сохранение феодальных суеверий: жертвоприношения в честь неба, земли и предков, на разного рода гадания, в том числе с использованием различных символов (инь и ян, например).

«Коммунистическая идеология,— делает вывод Ли Суаньмин, автор книги «Что такое феодальные суеверия?»,— является стержнем социалистической духовной культуры, без которой невозможно построить социализм, невозможно выполнить генеральную задачу нового периода. А феодальные суеверия явно идут в противоречии со строительством высокой социалистической духовной культуры».

«В отношении суеверий нельзя занимать позицию постороннего наблюдателя» — так назвал Ши Юсинь статью в указанном выше номере журнала «Хунци», в которой, рассказав о влиянии различных суеверий на городское и сельское население КНР в наши дни, автор подчеркивает две основные причины этого.

Во-первых, многовековая история феодального общества оставила в наследство общественному сознанию пережитки суеверного мышления, которое невозможно преодолеть в короткий срок.

Во-вторых, некоторые коммунисты, включая руководящих работников, обращают внимание только на строительство материальной культуры и пренебрегают строительством духовной.

«Преодоление суеверного мышления, прекращение распространения суеверий,— говорилось в названной статье,— важная повседневная задача в строительстве духовной культуры и идейно-политическом воспитании».

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч.— Т. 8.— С. 119.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч.— Т. 41.— С. 27.

³ Плеханов Г. В. О религии и церкви.— М., 1957.— С. 519.

⁴ Хунци.— 1987.— № 5.— С. 37.

Икэбана. Школа «Согэцу»

Японская школа икэбаны «Согэцу» была учреждена в 1926 году Софу Тэсигахара. Его идеи сразу же были подвергнуты массивной критике многих знатоков икэбаны, так как они низвергали господствующие тогда в стране традиционные стили этого искусства. Сторонники школы «Согэцу» не признавали строгого канонизирования правил построения композиций из растений.

Софу Тэсигахара, его дочь Касуми, а после их кончины сын Хироси Тэсигахара, известный кинорежиссер, смело вводили в икэбану все новые и новые декоративные материалы, все то, что, по их словам, оказывалось под рукой. Использовались не только живые ветки, цветы и листья, но и плоды, колосья, семенные коробочки, сучья, корни, нередко окрашенные, и даже камни, проволока, бумага. Композиции состояются в самых разнообразных сосудах, как классических японских, так и новых, отличающихся необычными формами, подчас экстравагантными, чему в значительной степени способствовали весьма успешные поиски и творчество в фирменном керамическом производстве Хироси Тэсигахара.

По построению композиций в «Согэцу» можно выделить два основных стиля — *морибана* и *нагэирэ*. В стиле морибана цветы и ветки устанавливаются в низких, часто плоских, открытых сосудах на специальных металлических наколках, хорошо удерживающих в нужном положении даже ветки и крупные тяжелые цветы, такие как гладиолусы, розы, лилии. Достоинство этого стиля в том, что при достаточной ширине вазы остается открытой поверхность воды, что создает дополнительный художественный эффект. Низкие вазы позволяют создавать живописные миниатюрные пейзажи.

Устанавливать на наколках ветки с необходимым наклоном нетрудно: сперва нижний конец ветки срезают наискось, вставляют между иглами наколки, а затем наклоняют в сторону от среза, крепко накалывая на иглы стороной, покрытой корой. Стебли цветов и трав подрезают, не делая косога среза, и натывают на иглы сразу с требуемым наклоном. Очень мягкие, неустойчивые и тонкие стебли надо укрепить, привязав к ним кусочки стеблей других растений.

В высоких вазах, при формировании композиций в стиле *нагэирэ*, можно ставить ветки и без закрепления, так, чтобы одна точка опоры (косым срезом) приходилась на внутреннюю стенку, а другая — на край горловины сосуда. В этом случае несколько веток перекрещиваются внутри сосуда, поддерживая одна другую. Однако очень часто для фиксации определенного положения веток прибегают к помощи отрезков древесных стеблей. Это может быть и вертикальное крепление, когда в расщепленный конец прямого вспомогательного стебля вставляются под нужным углом наклон стебель используемой ветки, иногда также расщепленный на конце и упирающийся в стенку вазы, или крестовина крепко, устанавливаемая внутри поперек вазы.

Школе «Согэцу» присущи также совершенно плоские композиции, например, из плавающих цветов, листьев и веток, а также в специальных вазах или висящие в кашпо в виде лодки, полумесяца, корзинки и т. п.

С самого основания школа «Согэцу», в противоположность другим школам, утверждала творческий подход в деятельности аранжировщика, самовыражение автора композиции. Хироси Тэсигахара в своих работах подчеркивает, что икэбана не может оставаться неизменной. Она развивается в постоянно изменяющейся среде и при возникновении новых стилей в архитектуре должна соответствовать разнообразному окружению и пространству, не отставать от стремительно летящего времени, обретая гибкое творческое мышление, впитывающее в себя многообразие современности.

Икэбана родилась и сформулировалась в парадной нише (*токонома*) традиционного японского жилища и поэтому была односторонней. В настоящее же время лишь немногие японские дома сохранили *токоному*. Между тем в каждой квартире найдется место, кото-

рое можно оживить икэбаной. Она уместна и на рабочих местах, в общественных помещениях, на выставках. И вполне правомерно требовать, чтобы принципы построения икэбаны изменялись по мере изменения окружения, обретали большую гибкость. Икэбана должна быть в общем объемной. Поэтому сейчас большое внимание обращается на постановку вспомогательных веток в тыльной части композиции, что придает последней большую глубину, устойчивость, объемность. Такая концепция главы школы «Согэнцу» положена сейчас в основу новой программы обучения в школе. В программу введен ряд существенных новшеств и усовершенствований.

Ранее обучающиеся первоначально проходили весь курс в стиле *мирибана*, а затем *нагэирэ*. Теперь же каждый стиль и варианты прорабатываются параллельно. Это позволяет учащимся не откладывать усвоение более трудной для новичков техники расстановки растений в высоких вазах на вторую половину курса, а постепенно овладевать сложным материалом. Обучение по прежней программе ограничивалось изучением основных форм и их вариантов, а также освоением определенных технических навыков. Только по окончании курса рекомендовалось самостоятельно перейти к творчеству в так называемом свободном стиле. В новой программе упражнения в свободном стиле вводятся уже в конце первого года обучения, а второй год полностью отводится для творческих работ.

Новая программа включает четыре ступени: начальную, общую четвертого разряда, общую третьего разряда и общую второго разряда. Каждая ступень включает 20 уроков по 1—1,5 часа каждый и рассчитана на 6 месяцев занятий. Все обучение занимает 2 года. Успешно окончивший этот курс получает соответствующий диплом, но при желании может продолжить обучение с целью подготовки к преподавательской деятельности, для которой необходим диплом первого разряда.

Обучение начинается с освоения двух основных форм — основная прямостоячая (*риссинкэй*) и основная наклонная (*кэнсинкэй*). Они служат основой для восьми вариантов в низких вазах и шести в высоких. Любая учебная форма состоит из трех основных элементов композиции (они могут быть и ветками, и цветами), которые меняются согласно простейшим правилам. Самая длинная ветка, играющая главенствующую роль, называется *син*, средняя по длине — *соэ* и наименьшая *хикаэ*. Для пышности композиции к каждой из основных веток ставятся дополнительные (*дзюси*), которые обязательно должны быть короче своего «хозяина». Их количество не ограничивается.

Длина главных веток зависит от размеров вазы. Длина ветки *син* определяется как сумма диаметра и высоты вазы, умноженная на 1,5. Это средний, оптимальный, чаще всего встречающийся коэффициент, но в зависимости от состояния растительного материала, окружения и формы композиции коэффициент может быть 1 или 2. Длина *соэ* берется в 3/4 длины *син*, а *хикаэ* в 3/4 или 1/2 длины *соэ*. Для начального обучения в качестве *син* и *соэ* используются ветки, а для *хикаэ* — цветы.

Ветки и цветы внимательно осматриваются и предварительно обрабатываются. Оцениваются их достоинства и недостатки, убираются поломанные, помятые и большие части, излишние листья, сучья и ветви. Непосредственно перед установкой в вазу нижние концы подрезают под водой, что способствует лучшему проникновению воды в стебли. При использовании толстой ветки нужно расщепить ее концы, подрезанный наискось. Сначала ставят в вазу *син* и *соэ*, а затем *хикаэ*. Все три главных элемента композиции расставляют на наколке так, чтобы точки их накалывания были вершинами треугольника. *Дзюси* ставят в пределах этого треугольника. Важно, чтобы основания композиции были опрятными и аккуратными, а наколки и крепления не видны.

В основной прямостоячей форме (*риссинкэй*) ветка *син* устанавливается почти вертикально, лишь на 10–15° склоняясь влево и вперед, *соэ* наклонена на 45° влево и еще больше вперед, *хикаэ* — на 75° вправо и вперед, располагаясь против первых двух и уравновешивая их. При этом нужно усилить объем композиции путем установки дополнительных веток в тыльной ее части.

Эту схему расстановки основной прямостоячей формы, как и последующие, можно построить и в зеркальном изображении, что бывает необходимо, если вид ветвей и их изгиб, листорасположение побуждают к этому.

В основной прямостоячей форме в *нагэирэ* конструкция композиции такая же, как и в *мирибана*, но не столь строго выдерживаются углы наклона из-за трудности установки растений в высоких вазах. Все измерения ветвей ведутся как и в случае *мирибана*, но с увеличением длины на глубину погружения веток в сосуд.

Если ветки *син* и *соэ* поменять местами, то есть первую наклонить на 45°, а вторую на

10—15°, то получим основную наклонную форму (*икэйсинкой*). Все три варианта основных форм получаются в результате взаимных перестановок основных элементов композиции. Четвертый вариант строится без *соэ*. Пятый вариант есть только в *морибана* — в одной низкой вазе размещаются растения на двух наколках. Шестой вариант используется для композиций, устанавливаемых на середине стола, при этом наиболее длинные ветки ставятся по периферии, а остальные по мере приближения к центру берутся все более короткими и вся композиция приобретает форму чаши. Седьмой вариант включает композиции: из плавающих цветов и листьев; цветы, разложенные на столе; фрукты и плоды с цветами на подносе или блюде. Наконец, восьмой вариант, когда композиции строятся в двух или даже трех вазах, низких, высоких или тех и других. Кроме основных есть и дополнительные формы — горизонтальные, каскадные, подвесные и др.

В первый год обучения, когда учащиеся осваивают формы композиций, от них требуют строгого соблюдения определенных конструктивных правил построения учебных композиций. Это способствует развитию чувства гармонии, пропорции и красоты, а также освоению необходимых технических приемов аранжировки.

Второй год отводится углублению мастерства, развитию творческих способностей. Обучаемые работают над созданием свободных композиций, в которых можно отходить от заученных строгих правил расстановки растений, проявить творчество, дать волю фантазии. Не лишне будет привести тематику свободных композиций: композиции из однородного материала (только веток или только цветов); прямолинейные, криволинейные или смешанные; плоскостные; только из листьев; композиции, где основным художественный элемент ваза и др. Кроме того в программу второго года вводятся упражнения для развития современного художественного мышления при работе с растениями (рисунк эскиз, коллаж и др.). Каждый учащийся создает композиции по заданной теме по своему разумению и на свой вкус. Работая с одним и тем же растительным материалом, ученик в своих произведениях проявляет индивидуальность, по-своему воплощает тему.

Из новинок следует отметить очень интересные композиции в низких вазах без наколок. В этом случае ветки и длинные цветоносы расставляются с упором в углы или стенки посуды, верхушки их соединяются в «букет», перекрещиваясь высоко над вазой, как бы паря над нею. Место пересечения веток можно незаметно связать, но удается обходиться и без этого.

В самое последнее время школа «Согэцу» популяризирует композиции в прозрачных вазах. Это совершенно нетрадиционный для японцев тип икэбаны. Стекланные вазы, в угоду европейской аранжировке, иногда применялись, но должного внимания тому, как стебли выглядели сквозь стекло, не уделялось. Теперь же в таких вазах икэбана создается не только над сосудом, но и в нем — в воде. Эффектные композиции можно создать, если вода лишь наполовину заполняет вазу, например, в высокую стеклянную вазу ставят фрезии или мелкоцветный ирис, а часть этих же цветов на коротких цветоносах опускают в воду. Очень красивы в стеклянной посуде изогнутые пучки злаковых трав. Растения в воде зрительно увеличиваются, обнаруживаются интересные преломления веток и листьев. Весьма изящны аранжировки из нескольких цветов в большом фужере.

Школа «Согэцу» вообще поощряет необычность художественного решения, нестандартности в конструкции и материале ваз. За последние годы в ней в значительной степени изменилось отношение к растительному материалу композиций. Прежде все внимание было сосредоточено на цветах как на самом прекрасном в растениях. Но если в пространство современной архитектуры внести многообразие линий растительного материала, даже без цветов, и создать соответствующую художественную конструкцию, то можно получить нечто весьма интересное и необычное.

Сам Хироси Тэсигахара большой мастер крупных конструктивных композиций для обширных пространств, которые он создает с присущим ему режиссерским размахом и выразительностью. На своей персональной выставке в 1987 году он соорудил композицию из тысячи стволов бамбука, свободно оперируя прямыми и кривыми линиями. Он впервые в истории икэбаны стал широко использовать бамбук, разрезанный на продольные полосы, включая их в композиции в виде причудливо извитых лент. Особенные эффекты его сооружения из бамбука на больших водных поверхностях, где надрезанные стволы как бы извергают из себя изогнутые каскадные струи. При этом колышущиеся на ветру ниспадающие ленты создают удивительное зрелище.

Обычно новшества школы «Согэцу» встречаются как авангардистские и непримлемые, но со временем получают признание, понимание и распространение. Это можно

объяснить стремительными и масштабными переменами, происходящими как в Японии, так и в мире. Быстрый технический прогресс отразился на окружающей среде, на сознании людей, проникает в основы культуры, которые раньше считались незыблемыми. Меняется быт японцев, соответственно меняется и икэбана. Эти изменения рождаются в борьбе двух основных тенденций в развитии икэбаны в Японии. Для одной из них характерно стремление сохранить, укрепить традиционные формы и стили, возвратиться к классическим формам. Для другой — смелое и активное вторжение в современную жизнь, попытки создать новую икэбану в соответствии с переменами в окружающей нас среде, в ощущениях и восприятиях людей.

В последнее время в Японии все чаще появляются выставки классической икэбаны, но одновременно растет популярность выставок современных композиций, включая композиции монтажного характера, хорошо вписывающиеся в современные интерьеры. Это естественно. Хироси Тэсигахара считает, что, отдавая дань классической икэбанае, нельзя замыкаться в рамках традиций, отказываться от контактов и избегать влияния извне. В течение нескольких сотен лет икэбана впитывала перемены, происходившие в сознании и быту людей той или иной эпохи, появлялись новые стили и формы, новое понятие красоты. Поэтому он выступает против того, чтобы делать акцент на экзотичности икэбаны. В одной из своих публикаций он пишет, что, например, в Советском Союзе мастера аранжировки используют местные растения, опираются на собственные истоки культуры, собственное восприятие жизни, и на этой основе они сумеют создать свое яркое самобытное искусство.

*Н. П. НИКОЛАЕНКО,
кандидат биологических наук,
председатель клуба «Икэбана»*

Секреты китайской кухни

Ю. УШАКОВ

Кулинарное искусство Китая имеет не только самую древнюю историю, но и поистине всемирную известность. В разной степени им пользуется более полутора миллиарда человек, то есть чуть ли не каждый третий обитатель нашей планеты. Во многих странах мира китайская кухня занимает если не ведущее, то весьма заметное место в сфере общественного питания. Это прежде всего относится к странам Азии и бассейна Тихого океана. Однако китайские рестораны — от дорогих и фешенебельных заведений до простых и дешевых харчевен — можно встретить и на любом другом континенте. Есть они и у нас, в Советском Союзе, — в Москве, Хабаровске, Ташкенте, Алма-Ате. Будем надеяться, что в скором времени их список значительно увеличится, учитывая растущий интерес в нашей стране к Китаю, его историческому и культурному наследию, обычаям и традициям, а также открывшиеся возможности для расширения советско-китайского сотрудничества в разных областях, включая и создание совместных предприятий.

Возникнув более пяти тысячелетий назад, китайская кухня обогащалась и совершенствовалась многими поколениями кулинаров. Уже начиная с эпохи Чжоу (XI—III вв. до н. э.), в Китае стали появляться труды, в которых говорилось о методах приготовления пищи, — «Чжоули», «Нэйцзин», «Лицзи» и др. Приемам кулинарного искусства обучал 25 веков назад великий китайский философ Конфуций (IV—V вв. до н. э.). Его рецепты дошли до наших дней и составляют основу конфуцианской кухни, распространенной на родине Конфуция, в городе Цюйфу провинции Шаньдун.

Именно традиционность, глубокая приверженность древним корням и истокам характерна для китайского кулинарного искусства, которое является одним из ярких проявлений уникального культурного наследия китайского народа. Наряду с изобретением компаса, фарфора, бумаги, шелка и пороха оно стало важным вкладом в материальную культуру не только Китая, но и всего человечества.

Китай — огромная страна с разнообразными географическими и природно-климатическими условиями, которые меняются с севера к югу, с востока к западу. Естественно, что это разнообразие отразилось и на китайской кухне, поскольку каждый район страны стремился наиболее полно использовать имеющиеся природные ресурсы и развивать свой региональный стиль приготовления пищи в соответствии с обычаями, традициями и нравами местного населения. Это привело к возникновению многочисленных местных кухонь, наиболее известными из которых являются Шаньдунская, Сычуаньская, Кантонская, Пекинская, Шанхайская, Хунаньская, Фуцзяньская, Хуайянская, Хэнаньская, Ханчжоуская, Сучжоуская, Хуэйчжоуская, а также кухни Нинбо и Уси. Этими четырнадцатью главными региональными кухнями отнюдь не исчерпывается многообразие и кулинарное богатство Китая. По всей стране распространена вегетарианская кухня, а также мусульманская (в тех районах, где проживают последователи ислама), свои кухни имеют и различные некитайские национальности. Практически же традиционную кухню, свои особые блюда и специфические приемы их приготовления имеет каждый район и город.

На протяжении веков жизнь простого китайского народа была нелегка. Не раз в истории Китая происходили разорительные войны, страшные наводнения, засухи и другие стихийные бедствия, которые опустошали страну, приводили к массовому голоду. Нужда и

Ушаков Юрий Андреевич, профессиональный переводчик, много лет работал в московском ресторане «Пекин», один из составителей книги «Двести пятьдесят блюд китайской кухни», автор новой книги «Китайская кухня в Вашем доме».

бедствия заставляли людей искать все новые источники питания. К этому побуждали и все более растущие запросы правящей знати, стремящейся украшать свои парадные столы и банкеты изысканными, экзотическими блюдами. Поэтому в китайской кухне используется практически все, что дает природа. Не случайно в Китае говорят: «Нет несъедобных продуктов, есть плохие повара». Отсюда и богатейший ассортимент, обилие блюд китайской кухни, которых насчитывается многие тысячи.

Китайские кулинары и сегодня являются большими специалистами в приготовлении таких экзотических блюд, как супы из ласточкиных гнезд, шпанников акулы и морских черепах, холодные закуски из вяленой медузы и моллюсков, горячие блюда из трепангов, змей и лягушек, компоты из семян лотоса и вяленых лепестков хризантемы. При всей необычности этих блюд они отнюдь не отталкивают своим вкусом даже новичка. Соответствующая подготовка исходных продуктов, сбалансированность их с овощами, приправами и специями создают превосходную симфонию цвета, вкуса и аромата. Если вам удастся преодолеть известную предубежденность, вы сможете оценить их изысканную вкусовую гамму и к тому же получить дозу лекарственных веществ, в том числе общеукрепляющего, тонизирующего свойства, ибо китайская кухня и китайская медицина тесно связаны друг с другом. Не случайно китайцы, регулярно и умело пользующиеся своей кухней, выглядят гораздо моложе своих лет, сохраняя в целости зубы, цвет лица и молодые линии тела даже в зрелом возрасте.

Кулинарное искусство в повседневной жизни китайца играет значительно большую роль, чем в жизни, скажем, европейца или американца. Древняя китайская пословица гласит: «Каймэнь — цидянь ши: чай, ми, ю, янь, цзян, цу, ча» («Первая забота с утра: решить вопрос с семью вещами — топливо, рис, масло, соль, соевый соус, уксус, чай»). Иными словами, надо прежде всего позаботиться о том, чтобы достать все необходимое для приготовления пищи. Забота о еде всегда стояла на одном из первых мест в китайской семье. Однако приготовление пищи не было связано просто с интересом к еде, к утолению голода, набиранию нужных для организма калорий. Пища должна радовать человека, быть разнообразной наслаждения, учили древние. «Минь и ши вэй тянь» («Народ считает пищу священной»), — говорят в Китае.

Китайцы стремятся превратить уже сам процесс приготовления блюд в искусство, в радость. Китайская кулинария, требующая большой тщательности, трудолюбия, тонкой ручной работы, композиционного мышления, как нельзя лучше отвечает особенностям национального характера китайцев. Наверное, трудно найти такого китайца или китайку, которые не умели бы и не любили готовить. Что же касается профессиональных поваров, то их действия скорее напоминают манипуляцию чародеев и фокусников. Молниеносно орудя огромными сковородами в свете сильно бьющего пламени, они на ваших глазах создают очередной шедевр китайской кулинарии.

И еще одна характерная особенность китайской кухни, заслуживающая особого внимания. Родившаяся и развивавшаяся в условиях крайне тяжелой жизни простого народа, наличия огромного числа едоков и ограниченного количества продуктов, китайская кухня очень рациональна и экономична. Например, в отличие от европейской кухни китайцы, как правило, не употребляют мясо в чистом виде, в виде больших кусков, предпочитая измельчать его и смешивать с большим количеством овощей, грибов, приправ и специй. Еще Конфуций учил, что пропорция мяса в блюде должна составлять около одной трети, а остальные две трети должны приходиться на долю овощей и других немясных продуктов. Этим достигается полезный для здоровья баланс мяса и овощей, обогащается вкус блюда и, что весьма важно, значительно снижается расход мяса. Китайцы очень экономно относятся к пищевому сырью, но это не значит, что они не являются большими любителями поесть и ценителями хорошей кухни. Однако они предпочитают добиваться конечных результатов не большим количеством израсходованных продуктов, а их умелым отбором, приготовлением, мастерским композиционным сочетанием различных составных элементов.

Каковы же секреты китайской кухни? Как, отобрав необходимые для того или иного блюда продукты, приготовить его действительно по-китайски?

Прежде всего, необходима соответствующая предварительная подготовка исходных продуктов. Как мы уже говорили, китайская кухня имеет дело с измельченным продуктом. Измельчается все: мясо, птица, рыба, овощи, грибы, нерыбные морские продукты, фрукты. Продукты режутся соломкой, кубиками, брусочками, ромбиками, ломтиками непременно одинакового размера. Если блюдо готовится большими кусками, то их обяза-

тельно карбуют, например, на рыбе с обеих сторон делают надрезы крест-накрест или в косую сетку. Самое главное требование к повару на этом этапе — тщательность и аккуратность. Поэтому первичная обработка продуктов требует немало времени, однако она с лихвой компенсируется быстрой тепловой обработкой, а главное — тем удовольствием, которое хозяйка или хозяин доставляет своим домашним и гостям. Большинство китайских блюд имеет вид аппетитной горки готовых продуктов, которые очень удобно есть палочками.

Быстрота и сильный огонь — первое и необходимое условие китайской кухни. На приготовление большинства блюд тратится обычно 2—3 минуты. Это обеспечивается использованием открытого огня и бьющим вверх пламенем той или иной силы. Газовая плита в наших условиях наиболее подходящая для приготовления китайских блюд. Жарятся продукты, как правило, в растительном масле и раскаленном свином жире. Тепловая обработка сводится к двум основным приемам — жарке и варке, однако их можно осуществлять разными способами. В книге «Китайская кухня в Вашем доме», выпускаемой приложением к журналу «Проблемы Дальнего Востока», дается 29 видов тепловой обработки — варки, жарения и тушения.

В Китае говорят: «И чай и гэ, бай чай бай вэй» («Каждое блюдо имеет свой стиль, сто блюд имеют сто вкусов»). Вкусовая гамма является очень важным элементом китайской кухни. Для того, чтобы приготовить вкусное блюдо, надо овладеть техникой ароматизации. Ароматизация осуществляется в ходе тепловой обработки путем умелого сочетания основных и вспомогательных продуктов, а также добавления специй и ароматизаторов. Этот процесс улучшает вкус продукта, делает его свежим и ароматным, снимает или уменьшает неприятные на вкус элементы.

В этот номер журнала включены некоторые рецепты, взятые из подготовленной мною в сотрудничестве с работниками редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» книги «Китайская кухня в Вашем доме». Эти блюда сравнительно несложны в приготовлении и ориентированы на те продукты, которые можно приобрести в нашей государственной и кооперативной торговле или на рынке. Будем рады, если предлагаемые рецепты расширят ассортимент ваших домашних блюд и помогут украсить праздничный стол. Если же Вы захотите познакомиться с китайской кухней подробнее и овладеть некоторыми ее секретами, вам поможет в этом книга «Китайская кухня в Вашем доме», которая готовится к изданию издательством «Прогресс» совместно с кооперативом «Рекма».

КАПУСТА КИСЛО-СЛАДКАЯ С ПЕРЦЕМ ТАНЦУБАЙЦАЙ ЦЗЯ ЛАЦЗАО

1 небольшой кочан капусты, 1 морковь, 1 стручок красного перца, 10 горошин перца хуацзэ, 10 г кунжутного масла (или пережаренных и размолотых кунжутных семян), 5 г глутамината натрия, 20 г растительного масла, 10 г уксуса, соль по вкусу, 20 г сахара.

Капусту, вырезав кочерыжку, нарезать квадратиками, морковь — тонкой соломкой, залить кипятком на 5 мин., затем промыть холодной водой. Удалить плодоножку и семена у стручкового перца, нарезать небольшими кусочками, пережарить в растительном масле, проследив, чтобы перец не почернел. Соль, сахар, уксус развести в 50 г воды в такой пропорции, чтобы ни один из компонентов не преобладал над другими.

Капусту и морковь положить в кастрюлю, добавить перец хуацзэ (его можно заменить смесью молотого душистого и черного перца), влить масло, пережаренное с красным перцем, смесь сахара, уксуса и соли с водой. Хорошо перемешать и оставить на 2 часа. Затем вновь перемешать, добавить, если требуется, по вкусу уксус, сахар, соль. Переложить в салатницу, полить кунжутным маслом или посыпать пережаренным и молотым кунжутным семенем.

БУЛЬОН С ПОМИДОРАМИ И ЯИЧНЫМИ ХЛОПЬЯМИ СИХУНШИ ШУАЙГО

125 г помидоров, 1 яйцо, 10 г вина (лучше хереса или коньяка, разбавленного водой 1:1), 5 г соевого соуса, 1 г глутамината натрия, 5 г кунжутного масла, 1 г имбиря (в порошке), соль по вкусу.

Помидоры промыть, вырезать плотную часть у плодоножки, ошпарить кипятком, снять кожицу, нарезать мелкими дольками. Подготовленные помидоры положить в кастрюлю, влить готовый бульон (лучше куриный), довести до кипения, снять пену, влить тонкой струйкой при помешивании предварительно взбитое яйцо, добавить специй.

Подавать в пиале или глубокой тарелке. По желанию посыпать нарезанным зеленым луком или кинзой.

КУРИЦА КУСОЧКАМИ С ЛУКОМ И ПЕРЦЕМ ЦУНЛА ЦЗИКУАЙ

1 курица, 100 г репчатого лука, 1 стручок красного перца, 30 г соевого соуса, масло растительное для фритюра, 25 г вина, 10 г сахара, 1 г глутамината натрия, соль по вкусу.

Курицу (с костями) нарубить кусочками 3 на 3 см, положить в миску, добавить 10 г соевого соуса, 5 г вина, перемешать и мариновать не менее 15 мин. Лук нарезать дольками. Красный перец очистить и нарезать на несколько частей.

Сковороду с растительным маслом нагреть до 170 градусов. Кусочки курицы обжарить во фритюре до коричневого цвета и откинуть. Слить масло, оставив небольшое количество его на сковороде, обжарить в нем стручковый перец и лук, добавить 1 литр бульона или воды, 20 г соевого соуса и 20 г вина, глутаминат натрия, соль, сахар, положить кусочки обжаренной курицы. После закипания варить до готовности на медленном огне.

СВИНИНА, ЖАРЕННАЯ СОЛОМКОЙ С МОЛОДЫМИ ПОБЕГАМИ ЧЕСНОКА ЖОУСЫ ЧАО СУАНЬХУАН

150 г свинины, 200 г молодых побегов чеснока, 25 г растительного масла, 20 г соевого соуса, 2 г глутамината натрия, 10 г вина, 15 г крахмала, 1 белок яйца, соль по вкусу.

Мякоть свинины нарезать соломкой, смочить в смеси белка с крахмалом, разведенным в холодной воде (1:1), хорошо перемешать, добавить немного растительного масла, отдельно нарезать побеги чеснока.

Раскалить сковороду, влить растительное масло, дать последнему хорошо нагреться, опустить свинину и прожарить до образования золотистой корочки. Затем добавить подготовленную в отдельной посуде смесь из соевого соуса и вина, положить побеги чеснока, соль, глутаминат натрия, перемешать с жареным мясом. Выложить горкой на тарелку.

Этим же способом готовится свинина, жаренная соломкой с черемшой (жоусы чао цинцзю), и свинина, жаренная с ростками гороха маш (жоусы чао доуяцай).

ВЫРЕЗКА ФРИ КУСОЧКАМИ ЖУАНЧЖА НЮЛИЦЗИ

120 г говяжьей вырезки или мякоти, растительное масло для фритюра, 1 яйцо,

*20 г крахмала, 1 г глутамината натрия, 1 г имбиря (порошок),
1 г душистого перца, соль по вкусу.*

Говяжью вырезку нарезать кусочками, посолить и добавить глутаминат натрия, мариновать не менее 15 мин. Опустить замаринованные кусочки мяса в смесь белка, крахмала с водой (1:1) и жарить во фритюре до появления золотистой корочки. При подаче на край блюда положить смесь перца и соли.

РЫБА, ЖАРЕННАЯ В КИСЛО-СЛАДКОМ СОУСЕ ТАНЦУЮЙ

*125 г рыбы, 1 белок яйца, 30 г крахмала, растительное масло для фритюра,
15 г репчатого лука, 1 г имбиря, 10 г соевого соуса, 5 г сахара, 1 г глутамината
натрия, 5 г уксуса, соль по вкусу.*

Рыбу (сазан, карп) очистить, с двух сторон на коже сделать поперечные надрезы, смочить в смеси белка, крахмала и воды, обжарить во фритюре, откинуть.

На раскаленную сковородку положить нашинкованный репчатый лук, влить бульон, добавить соевый соус, сахар, уксус, вино, имбирь, глутаминат натрия. Когда смесь закипит, влить растворенный в воде крахмал (1:2), когда бульон загустеет до киселеобразной массы, положить в него обжаренную рыбу, затем переложить на тарелку.

Аналогично готовится рыба танцующий куай (кусочки рыбного филе, жаренные в кисло-сладком соусе).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 100-летию

Ли Дачжао

В октябре 1989 г. исполняется 100 лет со дня рождения Ли Дачжао — зачинателя коммунистического движения в Китае, идеологически и организационно подготовившего базу для создания коммунистической партии в своей стране.

Ли Дачжао был выдающимся сыном своего народа, подлинным патриотом-интернационалистом, верным другом страны Ленина. Этот юбилей будет широко отмечаться не только на родине Ли Дачжао, но и в Советском Союзе. С этой целью по решению Президиума Академии наук СССР разработана программа мероприятий, предусматривающая проведение Всесоюзной научной конференции с участием китайских ученых по теме «Ли Дачжао — выдающийся китайский марксист», публикацию статей в академических журналах, выставку книг, документов и фотографий, связанных с жизнью и революционной деятельностью Ли Дачжао, и др. Институтами философии и Дальнего Востока Академии наук СССР подготовлен к выпуску в издательстве «Наука» (главная редакция восточной литературы) юбилейный сборник произведений Ли Дачжао в переводе на русский язык.

* * *

В сборник включены 122 статьи Ли Дачжао, охватывающие наиболее активный период его публицистической деятельности (1913—1927 гг.) Сборнику предпослано обширное предисловие и приложены к нему постатейные комментарии. Кроме того в сборник включен утвержденный в 1983 г. ЦК КПК текст краткой биографии Ли Дачжао, выгравированный на каменной плите у могилы Ли Дачжао. Ценность этой биографии в том, что она восполняет ряд существенных «белых пятен» в освещении жизненного пути и деятельности Ли Дачжао, восстанавливает его истинное место в истории освободительной борьбы китайского народа и коммунистического движения в Китае, определяет его подлинный вклад в защиту и пропаганду марксистской теории.

Ли Дачжао за свою недолгую жизнь, на 38 году насильственно прерванную ставленником милитаристских кругов Японии генералом Чжан Цзолинем, прошел сложную эволюцию в своих идейно-политических воззрениях от революционного демократизма к марксизму-ленинизму. Главным разграничительным рубежом между этими этапами явилась Великая Октябрьская социалистическая революция. В статьях сборника четко прослеживаются эти два этапа.

Основная направленность деятельности Ли Дачжао на первом этапе, в дооктябрьский период, — отстаивание и защита революционных завоеваний и поиски путей выхода Китая из национального кризиса.

Революцию 1911 г., свергнувшую цинскую династию и провозгласившую демократическую республику, Ли Дачжао встретил восторженно, возлагая на нее большие надежды. Он был вдохновлен революционными лозунгами Сунь Ятсена, но дальнейшее развитие событий вскоре изменило его настроение. Консолидация реакционных сил вынудила Сунь Ятсена передать пост президента республики душителю революции Юань Шикаю, а самому бежать из Китая. Это вызвало у сторонников республики разочарование, которое нашло выражение и в первых опубликованных статьях Ли Дачжао: «Скрытая тревога», «Великая скорбь», «Террор и общественная мораль», «О переходе власти в другие руки», «Истина и ложь».

Хотя в ранних статьях Ли Дачжао имеются моменты разочарования, тревога за судьбу своей родины, своего народа, однако в основном их характеризует оптимизм, боевитость, страстный протест против социальной несправедливости, тирании и насилия по отношению к народу со стороны феодально-милитаристских властей. Ли Дачжао призывал народ не смиряться с этим положением, не сидеть сложа руки, «ничего не предпринимая». Это по существу был призыв к активным действиям, чтобы сохранить завоевания революции, хотя в то время он еще не знал в каких формах эти действия должны проявляться и на какие конкретные силы опираться.

Смелые боевые выступления Ли Дачжао обратили на себя внимание в среде китайской интеллигенции и были восприняты словно струя свежего воздуха, проникшая в затхлую атмосферу столицы.

Ли Дачжао показал себя и как замечательный полемист, свидетельством чему является его статья «О национальной специфике», опубликованная в конце 1914 г. в эмигрантском журнале «Цзяньин» в Японии, куда он прибыл для продолжения учебы. Появление статьи Ли Дачжао было вызвано выступлением советников Юань Шикая японца Нагао Арига и американца Фрэнка Гудноу, стремившихся в

Сенин Николай Герасимович, доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

поддержку реставраторских амбиций Юань Шикая обосновать тезис о непригодности республиканского строя в Китае в силу якобы «привычки» китайского народа к «автократическому правлению», а также «слабого уровня его умственного развития», возводя их в категорию «национальной специфики».

Ли Дачжао не оставил камня на камне от порочных аргументов иностранных советников, убедительно показав, что времена изменились и что свободолюбивые настроения и требования народовластия характерны для национальной специфики Китая в новое время.

Когда в 1915 г. две группы воюющих сторон в Европе ослабили колониальный контроль над Китаем, японский империализм воспользовался этим, предъявив Китаю ультиматум с т. н. «21 требованием». Принятие этого ультиматума Юань Шикаем поставило бы Китай на грань превращения в колонию. Находясь в Японии и остро переживая за судьбу своей родины, Ли Дачжао в обращении к своим соотечественникам — «Письмо-предостережение почтенным гражданам страны» — призвал их к сплочению с целью решительного отпора агрессору. Обращение было пронизано чувством глубокого патриотизма. Следует отметить, что уже в полемической статье «Пессимизм и самосознание», посвященной вопросу патриотизма, Ли Дачжао не сводил категорию патриотизма только к эмоциональному аспекту, а рассматривал патриотизм как средство, содействующее формированию национального самосознания.

В сборнике помещена большая философская статья «Молодость», написанная Ли Дачжао еще в Японии, но опубликованная в журнале «Синь циньянь» по его возвращении в Китай. В статье впервые поставлен вопрос о путях «возрождения нации», о создании «молодого Китая» и о главной силе, способной «возродить нацию». Решение этой задачи он возлагал на молодые силы — «новую молодежь». Ли Дачжао стал понимать, что на путях ее решения стоят старые, консервативные силы со своей реакционной идеологией — конфуцианством. Только в борьбе с этими силами можно создать «молодой Китай».

Идея борьбы с конфуцианством, как идейным оплотом сил консерватизма и реакции, Ли Дачжао развивал в боевых статьях «Конституция и Конфуций» и «Естественный взгляд на этику и Конфуций».

Бедствия мировой войны, разыгравшейся в Европе, непосредственно не отразились на Китае, но Ли Дачжао, работая журналистом, внимательно следил за развитием военных событий и их влиянием на обстановку в мире и реагировал на них, что нашло отражение в статьях, помещенных в сборнике.

В статье, например, «Война и проблемы народонаселения» Ли Дачжао критически рассматривает концепцию народонаселения, разра-

ботанную Мальтусом. Отдавая должное Мальтусу в постановке вопроса об опасности бесконтрольного роста народонаселения, он осуждает использование его выводов агрессивными кругами для оправдания захватнических войн.

В другой, весьма интересной статье «Движение социалистических партий европейских стран за мир» им дан обзор и глубокий анализ различных позиций и программных установок социалистических партий Европы по отношению к войне и миру. Несмотря на скудность материалов, которыми располагал Ли Дачжао, он тем не менее смог увидеть принципиальное различие в позициях между социалистами Западной Европы, поддерживавшими военные программы своих буржуазных правительств, и русскими социал-демократами, призывавшими народы воюющих стран «взять в свои руки право решать вопросы, связанные с войной и миром». Статья была написана по свежим следам Февральской революции в России, свергнувшей самодержавие.

В Февральской революции Ли Дачжао увидел событие мирового значения и вдохновляющий пример для освободительной борьбы народов Китая и других угнетенных стран. «Последовать примеру русских» — такой вывод он сделал в статье «О влиянии великой русской революции».

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому этапу освободительной борьбы китайского народа. Она также явилась переломным моментом и в процессе формирования и развития мировоззрения Ли Дачжао, ознаменовавшегося принятием марксистской идеологии.

Оценку исторического места Октябрьской революции в развитии человеческой цивилизации Ли Дачжао дал в своих великодушных статьях: «Сравнение французской революции с русской», «Победа большевизма», «Новая эра» и в др. Переход Ли Дачжао на позиции марксизма можно проследить по его статьям: «Классовая борьба и взаимопомощь», «Еще раз о проблемах и "измах"» и «Мое понимание марксизма».

Характерной чертой развития Ли Дачжао на этом этапе является соединение знания с деятельностью, теории с общественной практикой. Если на первом, дооктябрьском этапе он искал пути, по его словам, «национального спасения» Китая, то на втором этапе, найдя этот путь в Октябрьской революции, он подчинил всю свою деятельность — практическую и теоретическую — задаче освобождения своей страны и своего народа от национального и социального угнетения.

Разнообразие проблем, нашедших отражение в его трудах и выступлениях, идущих в русле упомянутой главной задачи, трудно перечислить. В статьях «Жизнь рабочих таншаньских угольных копей», «Детский труд в Шанхае», «Земля и крестьянство», «Общества «Красные пики» в провинциях Шаньдун, Хэнань, Шэньси» показаны на конкрет-

ных фактах вопиющие условия жизни китайских трудящихся, беспощадно эксплуатируемых капиталистами и феодалными помещиками.

Поворот в послеоктябрьский период внимания к трудовым массам поставил перед Ли Дачжао проблему просвещения этих масс, поднятие их культуры, повышения политического сознания. Решению этой проблемы Ли Дачжао посвятил статьи «Проблема просвещения рабочих», «Молодежь и деревня». Кроме учебных форм он предлагал китайским писателям создавать книги на темы реальной жизни, доходчивые по языку и форме изложения. При этом он ссылается на пример русской демократической литературы, которую он хорошо знал и о которой отзывался с большим уважением (см. статьи: «Что такое новая литература?» и «Русская литература и революция»).

Особое внимание Ли Дачжао уделял положению женщин в Китае и привлечению их к активному участию в общедемократическом движении за социальное освобождение китайских трудящихся. Эти идеи изложены в статьях: «Эмансипация женщин и демократия», «Проблема ликвидации проституции», «Речь Ли Дачжао о движении за права женщин».

Также пристальное внимание уделял Ли Дачжао роли молодежи в демократическом движении, делая при этом упор на образованную часть молодежи, которая была застрельщиком «движения 4 мая». Проблема молодежи проходит красной нитью через многие произведения Ли Дачжао.

Во время Ли Дачжао Китай еще оставался полуфеодальной и полукOLONиальной страной. Именно империалистические страны стояли на пути национального освобождения Китая. Ли Дачжао с присущей ему смелостью и прямой разоблачал античеловеческую сущность политики империалистических агрессоров. Содержание этой политики он вскрыл во многих своих выступлениях, в том числе и в статьях: «Победа народа», «Паназиатизм и неоазиатизм», «Тайная дипломатия и мир грабителей», «Дипломатия "великой нации"», «Информационная агрессия», «Заявление китайской делегации» на V конгрессе Коминтерна и др. Ли Дачжао пророчески предсказал в начале 1926 г. неизбежность новой мировой войны, очагом которой станет Китай и Тихий океан. Этому он посвятил специальную статью.

В центре внимания партийно-пропагандистской деятельности Ли Дачжао были проблемы революции и социализма. В статьях «Социализм и общественное движение», «Промышленность при социализме», «Социализм в Китае и мировой капитализм», «Экономическая организация общества при социализме» и др. он, участвуя в «дискуссии о социализме», в теоретическом и практическом плане рассматривал возможность социалистиче-

ского развития Китая как «великой перспективы».

Ли Дачжао был подлинным революционером-интернационалистом. Все проблемы внутренней политики он ставил в связь с международным революционным движением, считая национально-революционную борьбу китайского народа его составной частью. В статьях «Октябрьская революция и Китай» и «Народы Советской России солидарны с китайской революцией» Ли Дачжао подчеркивал, что китайская национальная революция есть продолжение и развитие Октябрьской революции.

В сборнике содержатся три выступления Ли Дачжао, имеющие отношение к В. И. Ленину. В них выражены глубокая симпатия к личности В. И. Ленина и признание его великой заслуги перед человечеством.

Еще в самом начале 1918 г. Ли Дачжао был назначен директором библиотеки Пекинского университета, ставшей вскоре своего рода идеологическим клубом, в котором собирались прогрессивные деятели столицы и особенно молодежь для обсуждения жгучих проблем современности. При библиотеке было создано полуполицейное общество по изучению марксизма. Общество возглавлял Ли Дачжао, пользовавшийся непререкаемым авторитетом у своих коллег и уважением у своих слушателей.

В 1920 г. он получил назначение на должность профессора Пекинского университета. Здесь особенно плодотворно развернулась его творческая теоретическая деятельность. Он разработал оригинальный цикл лекций по истории исторических идей, которые он читал в Пекинском университете и ряде других вузов столицы. В настоящий сборник включены некоторые темы: «Исторические взгляды Сен Симона», «Философия истории Маркса и философия истории Риккерта», «Значение материалистического понимания истории для современной исторической науки», «Значение материалистического понимания истории для современной социологии».

Учитывая важность донесения до ищущей китайской молодежи правильного понимания теоретических основ марксизма, Ли Дачжао много внимания уделил таким темам, как «Экономическое учение К. Маркса», «Экономическое объяснение идеологических поворотов в современном Китае», «Изменение материальных условий жизни и изменения в области морали», «Современная историческая наука и ее воздействие на мировоззрение человека», «Что такое история», «История и философия». Под такими названиями в сборник включены обширные статьи Ли Дачжао.

Ли Дачжао был великим тружеником. Он никогда не останавливался на достигнутом, а все время искал новое, шел вперед. Он интересовался всем и был энциклопедически образованным марксистом. Политэкономия, история и философия были его любимыми предметами. Его отношение к науке было твор-

ческим. Поэтому в своих многочисленных работах он пропагандировал марксизм, развивая его и творчески применяя к условиям своей страны. Этой характерной особенностью отличаются его замечательные статьи, в том числе и главным образом статьи теоретического характера, помещенные в сборнике.

Идейное наследие Ли Дачжао не ограничивается перечисленными проблемами, воплощенными в упомянутых трудах. Среди них есть и труды о социальной роли религии, об истории Первомайского праздника и его значении для интернационального воспитания трудящихся, о деятельности К. Маркса в I Интернационале, о взгляде К. Маркса на национальную революцию в Китае, о месте Сунь Ятсена в истории китайской национальной революции и другие труды.

Ли Дачжао был первым выдающимся китайским марксистом и, конечно, к оценке его идейного наследия необходимо подходить исторически и с учетом национальных условий развития марксистских идей в Китае.

Сборник произведений Ли Дачжао на русском языке был подготовлен группой квали-

фицированных советских китаеведов. При отборе материалов для сборника были проведены консультации с видными китайскими учеными, изучающими жизнь и идейное наследие Ли Дачжао, — Хэ Чжунсюанем, Дин Шоухэ, Ма Мачжэнь, Цзя Чжи, Чжан Цзинжу, Лю Даниянем — и учтены их замечания и предложения.

Перевод большинства текстов Ли Дачжао на русский язык осуществлен впервые. Переводов его трудов на языки восточноевропейских стран, равно как и западноевропейских, за исключением некоторых статей, не имеется. Поэтому нет сомнения, что выход сборника с наиболее важными трудами первого выдающегося китайского мыслителя-марксиста будет встречен советским читателем с интересом. В этих трудах он не только ближе познакомится с политической и идеологической обстановкой в Китае первой четверти нашего века, но и найдет в них немало оригинальных идей, созвучных нашему времени.

Н. СЕНИН

Встреча с китайским экономистом

В Институте Дальнего Востока АН СССР побывал с визитом известный экономист, один из авторов китайской реформы Дун Фужэнь*. Выступая перед сотрудниками ИДВ, Дун Фужэнь остановился на некоторых проблемах, возникающих в ходе осуществления реформы экономической системы КНР.

В реформе экономической системы, подчеркнул ученый, можно выделить две стороны. Это, во-первых, механизм функционирования экономики, в первую очередь включение рынка в социалистическую экономику, и, во-вторых, проблема форм собственности и структуры собственности. Эти две стороны неразделимы. На первом этапе реформы упор в основном делался на первую сторону — взаимоотношение рынка и плана. Сейчас экономисты все больше убеждаются, что в отрыве от второй проблемы нельзя решить первую. Поэтому в настоящее время большое внимание уделяется именно второй стороне.

Государственная собственность, как правило, ассоциируется с централизованным плановым управлением, а когда говорят о рынке,

то главным образом имеют в виду частную собственность. Сегодня, отметил Дун Фужэнь, стоит проблема, как использовать рыночный механизм в условиях социалистической экономики, как соединить государственную собственность с рыночной экономикой. Эта проблема не решена ни в ВНР, ни в КНР, ни в СФРЮ, и в ее решении возникает много проблем.

Затем докладчик коснулся комплекса проблем, связанных с целевой моделью реформы. Этот вопрос, по его словам, обсуждался длительное время среди китайских экономистов. Было предложено три модели.

1. Плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное. Эта модель прежде часто встречалась в работах китайских экономистов, но затем к ней стали обращаться все реже, так как, опираясь на нее, нельзя решить по существу имеющиеся проблемы. Дело в том, что плановая экономика, как правило, связана с директивным планированием, а рыночное регулирование, которое в основном касается сельского хозяйства и неосновных видов промышленной продукции, мало что меняет. Если принять эту модель, то нельзя обеспечить коренные изменения в экономической системе.

2. Двойственная система функционирования экономики, которую определяют три фактора: директивный план, который не устраняется, но ограничивается; направляющий план, используемый государством посредством

* Дун Фужэнь — член ПК ВСНП, заместитель председателя финансово-экономического комитета ВСНП, почетный директор Института экономики АОН КНР, профессор Пекинского университета, главный редактор журнала «Цзинцзи яньцзю» («Экономические исследования»).

экономических рычагов для регулирования экономики; рынок, который частично регулирует экономику. Таким образом, регулирование идет по двум направлениям — план, задающий все сверху, и рынок, регулирующий экономику снизу. На практике действует именно эта модель. И некоторые экономисты называют ее целевой моделью. Другие считают, что это переходный этап. Существует много трений между двумя видами регулирования. Это напоминает движение, при котором одни машины движутся согласно правостороннему движению, а другие согласно левостороннему. Предприятия находятся в двойной зависимости — от вышестоящих органов и от рынка. В результате они надеются получить больше сырья по государственным ценам, пытаются продавать больше своей продукции по рыночным ценам. Порой возникает парадоксальная ситуация: ряд предприятий функционирует в рамках директивного плана (сталелитейная, угольная промышленность и др.), но при этом имеет право продавать на рынке сверхплановую продукцию, в связи с чем появились предприятия, продающие много на рынке, но не выполняющие государственный план. Дун Фужэнь подчеркнул, что подобная двойственная система не может быть целевой моделью, поэтому точка зрения о том, что это переходный этап, более верна.

3. Рынок направляет предприятия, государство регулирует рынок. Рынок выступает как посредник между государством и предприятиями. Государство может только через рынок руководить предприятиями. При этом должно быть 100 % рынка и 100 % плана. Государство воздействует на рынок, и через рыночные сигналы правительство оказывает воздействие на предприятия. Этот путь привлекает все большее внимание китайских экономистов. Однако в последнее время произошли изменения в экономической ситуации: обострилась проблема инфляции и возник беспорядок на рынке. В этих условиях ряд экономистов поддерживает первую модель, считая, что лучше реализовать ее.

Далее Дун Фужэнь остановился на одной из наиболее важных проблем экономической реформы — проблеме отношений собственности. Известно, что Дун Фужэнь был первым среди китайских экономистов, кто в самом начале реформы, в 1978 г., поставил вопрос о необходимости преобразования общенародной собственности, принимающей форму государственной. Однако в то время эта идея не получила поддержки. Многие экономисты полагали, что можно обойтись без реформы отношений собственности, но со временем убедились, что без реформы отношений собственности нельзя перейти к рынку. Здесь, по мнению Дун Фужэня, заслуживают внимания два блока проблем.

/1/ Преобразование структуры собственности. В ходе реформы необходимо развитие многообразных форм собственности. Помо-

мо общественных форм собственности, должны быть и необщественные, а также смешанные формы. Среди необщественных форм допустимы и индивидуальная, и частная формы. Допуская индивидуальную, логично допустить и частную. В Советском Союзе не допускается наемный труд, но, по мнению докладчика, в конечном счете придется это сделать, так как надо будет решать вопрос о реформе отношений собственности. Частник, зарабатывая деньги и решая проблемы питания, жилья и т. п., также должен решать — продать ему средства или инвестировать. В Китае сложилась такая ситуация, что по мере развития индивидуальных форм деятельности стали возникать предприятия с использованием наемного труда, но их хозяева до внесения изменений в Конституцию очень беспокоились, что возможна конфискация, поэтому они не расширяли дело, не улучшали технологию. Затем была внесена поправка в Конституцию, легализовавшая частную собственность. В настоящее время законодательство не определяет, сколько можно нанимать людей, и уже есть предприятия с несколькими сотнями наемных работников. Прежде в общественной собственности утверждалось две формы, как, например, в Советском Союзе, — государственная и колхозно-кооперативная. В настоящее время предполагается развивать многообразные формы общественной собственности.

/2/ Преобразование государственной собственности. Это самый сложный вопрос, без решения которого реформа не пойдет, подчеркнул Дун Фужэнь. Некоторые экономисты считают, будто государственную собственность нельзя преобразовывать, ибо в таком случае государство перестанет быть социалистическим. Другая точка зрения — не преобразуя государственную собственность, трудно развивать рынок.

Дун Фужэнь считает, что государственная собственность должна быть ограничена узкими рамками: монополия на природные ресурсы, отрасли, обеспечивающие общественно значимые интересы, и отрасли, затрагивающие политические и экономические интересы государства, а остальное следует преобразовать. Например, продавать мелкие предприятия частным лицам, создавать чисто акционерные предприятия. Это позволит развивать многообразные формы, и рынок сможет проявить свою роль. Индивидуальные, частные, коллективные, а также акционерные предприятия будут совместимы через рынок. Ученый привел ряд данных, характеризующих положение индивидуальных и частных предприятий в народном хозяйстве КНР: в 1987 г. эти предприятия дали 3,6 % промышленной продукции, 25,3 % розничного товарооборота, 11,1 % перевозок и 21,9 % вложений в основные фонды (включая вложения в жилищное строительство). В некоторых районах, например в Вэньчжоу (пров. Чжэцзян), доля индивидуальных и частных предприятий особенно велика.

Рассматривая развитие сельского хозяйства в последние годы, Дун Фужэнь отметил, что в аграрной политике были допущены ошибки. До 1984 года развитие сельского хозяйства шло очень быстро: крестьяне были заинтересованы во вложениях в сельскохозяйственное производство, и государство соответственно сокращало свои вложения. В итоге производство зерна выросло в таких размерах, что государство не смогло закупать это зерно. И крестьяне получили ложный сигнал: государство не покупает, значит, не следует производить.

С 1985 г. начался новый этап реформы. От централизованных закупок зерна и хлопка перешли к договорам, провели реформу цен. При продаже зерна в пределах установленных показателей были определены довольно низкие цены, а при превышении этих показателей цены увеличивались на 50 %. Таким образом, чем больше урожай, тем больше закупки, тем больше оказывались затраты государства. После 1985 г. порядок был изменен, была установлена пропорция: независимо от того, сколько крестьянин продает, низкие и высокие цены имели соотношение 50:50. При этом в целом уровень цен снизился на 10 %. В результате производство упало, и на протяжении четырех последних лет уровень 1984 г. так и не был достигнут.

В ходе осуществления реформы в деревне возникла проблема системы землепользования. Земля находится в коллективной собственности и не является собственностью крестьянина, который получает ее на условиях подряда (до 15 лет). Поскольку земли мало, то на семью получается около 0,6 га. Сейчас крестьяне, даже уходя в промышленность, поскольку они не имеют права продавать землю, не хотят ее передавать другому лицу, отказываясь от земли. Крестьянин с нее кормится, и даже если землей не занимается, не хочет от нее отказываться. В последние годы стали возникать семейные фермы, но их масштаб мал, рентабельность невысока. Китай не может иметь крупные фермерские хозяйства. Поскольку землю нельзя продавать и покупать, крестьяне не могут укрупнять хозяйства. Существует три подхода к проблеме системы землепользования: передать землю в частные руки; передать землю в государственную собственность, чтобы государство могло распоряжаться землей, в том числе и продавать; осуществить вечную аренду при сохранении коллективных форм хозяйствования, с правом возмездной передачи. До сих пор этот вопрос не решен.

Развитие сельскохозяйственного производства в Китае сталкивается также с проблемой цен. С 1979 г. многократно повышались закупочные цены, что первоначально стимулировало сельскохозяйственное производство. Однако затем ситуация изменилась, более остро стала проблема ножиц цен: цены на промышленную продукцию (удобрения, химикаты, топливо и т. п.) очень быстро росли, а на

сельскохозяйственную — оказались сильно заниженными. Стали возникать хозяйства, не занятые сельскохозяйственным производством (промышленность, торговля, транспорт и т. п.). До 100 млн. человек переместилось в несельскохозяйственное производство, поскольку там доходы выше. В итоге интерес к земледелию стал падать. В несельскохозяйственное производство пошла молодежь, в сельскохозяйственном производстве остались в основном женщины и пожилые люди.

Серьезно стоит проблема инфраструктуры сельского хозяйства — она крайне медленно развивается. Для каждой семьи невозможно создавать такие базовые объекты, и без принятия централизованных мер со стороны комитетов жителей деревень проблему сложно решить. А могут быть серьезные последствия. Сейчас правительство принимает меры — направляет сюда капиталовложения. В последние годы капиталовложения росли, и в основном они шли в инфраструктуру сельскохозяйственного производства.

Далее китайский ученый подверг анализу комплекс проблем, существенно осложняющих современную экономическую ситуацию в стране. Это, прежде всего инфляция. В прошлом году индекс розничных цен вырос на 18,5 %, а по некоторым городам более чем на 20 %. К этому добавился беспорядок на рынке (поскольку местные органы власти создают свои предприятия, а многие компании занимаются спекуляцией), появилась несправедливость в распределении доходов. Эти проблемы возникли потому, что были допущены ошибки в экономической политике, не был обеспечен контроль за эмиссией денег, кредитами и ростом капиталовложений. Связано это с трудностями перехода от старого к новому. Новый механизм еще не полностью раскрылся. Сейчас центральный бюджет сосредоточивает 50 % всех средств, остальное остается на местах и трудно поддается контролю. Прежде доля бюджета в национальном доходе составляла 40, сейчас 29 %. В прошлом государство полностью контролировало материальные ресурсы, ныне они идут по рыночным каналам. Цены также в значительной мере регулируются рынком. В прошлом году доля проката, распределяемого государством, составила 47,1 %, цемента — 15,6 %, древесины — 27,6 %, угля — 47,2 %. До 65 % продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов реализовалось по рыночным ценам. Промышленные потребительские товары на 55 % идут через рынок, средства производства — на 40 %. Старый механизм уже полностью не работает, а новый только в стадии становления, поэтому появилось много «дыр». Складывается двойственная система цен в силу больших различий между плановыми и рыночными ценами. Это способствует росту спекуляции. К этому также надо добавить быстрый рост промышленного производства и образующийся дефицит на многие виды продукции. Предприятия, получив самостоятельность, ста-

ли завышать цены. Одновременно местные власти, пользуясь ситуацией, также стали развивать те производства, которые выгодны. Так, в стране насчитывается от 100 до 120 линий по производству телевизоров. Возник инвестиционный бум. Ранее контроль капиталовложений осуществлялся через бюджет, теперь — через банковское кредитование.

В Китае действуют центральные, провинциальные и уездные банки. Каждый банк управляется местными органами власти, которые дают указания о выделении кредитов на строительство новых предприятий. Иначе говоря, банки подчиняются местным властям и партийным органам, и в итоге банк не может регулировать кредитную деятельность. Потерян также контроль за эмиссией денег.

В последние годы, подчеркнул Дун Фужэнь, идет быстрый рост промышленного производства: в прошлом году на 17%. Одновременно идет рост инфляции и происходит чрезмерная эмиссия денег. В связи с этим возникла необходимость в проведении упорядочения и оздоровления, что и начало осуществляться с третьего квартала прошлого года. Это предполагает сокращение активной кредитной деятельности банков и объема капиталовложений. Помимо банковских кредитов уменьшатся и бюджетные ассигнования.

В заключение Дун Фужэнь коснулся некоторых уроков китайской реформы. Надо осознать длительность, сложность и потому — необходимость настойчивости в ее проведении, подчеркнул он. Считать, что за шесть—семь лет можно провести реформу — это легковесный подход. Надежда на быстрый успех, и отсюда торопливость, — основная причина сложной ситуации в экономике. Важно далее понимать, что реформа и разви-

тие взаимосвязаны. С 1979 г., сказал он, трижды складывалась такая ситуация, когда быстрое продвижение вперед затем тормозилось неожиданным сбоем. Первый раз в 1981 г., второй — в 1985 г., третий — в 1988 году. Во всех случаях это было следствием слишком высоких темпов и чрезмерных капиталовложений. Ныне предполагается снижение темпов и проведение урегулирования, что естественно усложняет осуществление реформы.

Экономическая реформа, по мнению Дун Фужэня, должна сочетаться с политической реформой. Политическая реформа в Китае отстала от экономической, а в Советском Союзе — наоборот. В определенный момент становится ясна необходимость такого сочетания. В частности, необходимо разделить государственные органы и предприятия, местные власти и банки. Только устранив вмешательство властей, можно усилить вертикальный контроль по линии банков. Руководители предприятий не должны назначаться правительством, а должны подбираться на конкурсной основе. Если не будет сочетания экономической и политической реформы, экономическая реформа застынет.

За десять лет реформы были не только успехи, подытожил свою лекцию Дун Фужэнь. Реформа — это не восхождение по прямой, возможны и отходы назад, но всегда надо надеяться на успешный итог. Четыре года советской реформы, по его мнению, оказали свое влияние на Китай, прежде всего в области политической системы. В целом существует хорошая основа для обмена опытом.

Ю. В. ЦЫГАНОВ

ЛЭ СИНЬ

От переводчика

Мрачное десятилетие «культурной революции» стало, пожалуй, главной темой китайской прозы конца 70—80-х годов; многочисленные произведения «литературы шрамов», «дум о прошлом» поведали о страданиях тысяч невинно репрессированных людей, о трагедии молодежи «потерянного поколения», об интеллигенции, принявшей на себя основную тяжесть удара. Казалось, написано достаточно, и пик интереса к этой теме миновал. Действительно, с середины 80-х многие писатели переключились на сюжеты из современности, впрочем, найдя порой и в ней довольно сильные отголоски времен «культрева». Однако и сама тема о «периоде хаоса и бунтов» оказалась далеко еще не исчерпанной. Как пишут китайские критики, с ростом общественного самосознания людей все чаще и острее стали волновать вопросы о том, как же формировалась и кем вершилась политика «культурной революции», что происходило за кулисами политического театра той поры, ведь долгие годы многое в политической жизни страны происходило тайно, за закрытыми дверями.

В последние годы в Китае опубликован целый ряд произведений документального характера, раскрывающих перипетии внутриполитической борьбы 50—60-х годов. И именно эти произведения, впервые прикоснувшиеся к ранее запретной теме, вызывают сейчас наибольший интерес китайских читателей. Как правило, они посвящены либо крупным политическим и военным деятелям, пострадавшим в ходе политической борьбы или в результате разного рода интриг (таким, как Председатель КНР Лю Шаоци, маршалы Пэн Дэхуай и Хэ Лун и др.), либо тем, кто, оказавшись у руля власти, совершал противозаконные, жидкие кровавые деяния (затрагивается деятельность самого Мао Цзэдуна в последние годы жизни, фигурируют имена министра обороны Линь Бяо, членов так называемой «банды четырех»).

К числу подобных произведений можно отнести и предлагаемую с некоторыми сокращениями повесть «Из жизни "красной императрицы"» (Пекин.—«Цзяоцзя чубаньшэ».—1986). В жанровом отношении эта во многом документальная вещь соединяет черты политического детектива и политического памфлета. Главное действующее лицо — одна из наиболее мрачных фигур того времени — Цзян Цин, жена Мао Цзэдуна, политическая активность которой особенно возросла накануне и в период «культурной революции». Принадлежа к группе основных вдохновителей политики эпохи «хаоса и бунтов», она главным образом подвизалась на ниве театра, где насаждала печально знаменитые «образцовые революционные оперы» — сочетавшие удручающую ходульность образов и плакатную леваческую тенденциозность.

Фигура Цзян Цин вырастает до уровня символа эпохи культа личности, сущность которого выражается парадоксальным на первый взгляд словосочетанием «красная императрица». Весьма характерно показанное в повести ее стремление свое положение в политических кругах и даже приобрести международный авторитет путем фальсификации истории, в которой она всячески выпячивает собственную роль. Цзян Цин прилагает немалые усилия к тому, чтобы создать о себе легенду как о пламенной революционерке и незаурядной личности. Она готова на любые средства — ложь, подтасовку фактов, не останавливается перед преступлениями.

В самом образе жизни, который вела Цзян Цин в 70-х годах, выказывались ее имперские амбиции. Ее жизнь, полная комфорта и удовольствий, составляла кричащий контраст с царившей в стране атмосферой страха и подавленности. Переполненные тюрьмы и лагеря стали одной из примет тогдашнего Китая, территория которого покрылась сетью лагерей «трудового перевоспитания» и так называемых «школ 7 мая». Часто туда попадали без суда и следствия, как это происходит, например, в повести. Основанием мог служить всего лишь приказ «руководительницы» — так называли тогда Цзян Цин.

Достаточно точно в повести передана и атмосфера всеобщей подозрительности, когда люди старались меньше общаться, замыкались в себе. Наряду с этим при отсутствии объективной информации о положении в стране мгновенно вспыхивали и распространялись всевозможные слухи. Известно, что в те годы в Китае существовали целые устные детективные истории, которые пересказывались от Пекина до Кантона, но, разумеется, не издавались. Такая

своеобразная духовная отдушина была необходима людям, лишенным доступа к культуре, вынужденным довольствоваться ее суррогатом.

Умонастроения наиболее стойкой и здоровой части китайского общества выражены в повести через образ рядовой работницы Министерства иностранных дел, которая испытала на себе многие рецидивы политики тех лет. Не всегда умея сразу разобраться в смысле происходящих событий, она все же сохраняет твердость духа и способность как-то сопротивляться подавляющей силе самодержавия «императрицы». Постоянно мучающий героиню вопрос о том, почему произошли в стране трагические события, становится лейтмотивом этого и других подобных произведений, которые позволяют воссоздать более полную и конкретную картину политической жизни КНР 50—60-х годов.

Пекин осенью 1974 года. Синее небо, город заливают яркие лучи солнца. В полдень еще жарко, но уже не печет, а ближе к сумеркам нет-нет да и налетит прохладный ветерок. Раньше пекинцы любили такими вечерами выходить из душных помещений и собираться во дворе — бывало, усядутся на низких скамейках под фиником или вокруг усыпанного плодами граната и неторопливо беседуют, наслаждаясь прохладой, коротая ночь.

Но в последние годы все переменялось, тоска и тяжелая усталость овладели сердцами, люди замкнулись, ушли в себя. Живя бок о бок в одном дворе или общежитии, они боялись говорить друг с другом, особенно при дневном свете. Дворы затихли и опустели. Не звучит смех, смолкли песни, слышится лишь однообразный сухой стрекот цикад.

Нет покоя и в семьях — подростки, вступив в отряды цзаофаней, часто отрекались от своих родителей. Родные братья становились членами враждующих группировок. И тогда дома не утихал шум стычек и перебранок, а взрослые молча жалась по углам, не решаясь вмешаться. Но находились такие, которые не боясь ярлыка «монархист», принимали сторону репрессированного отца или матери. Они были особенно осторожны, не осмеливались говорить в полный голос даже у себя дома. Теперь люди не столько разговаривали, сколько шептались за плотно затворенными окнами. А сколько носилось самых невероятных слухов! Благодаря этому разные новости, вести об очередных политических решениях распространялись с магической быстротой — наверное, ни одна информационная служба в мире не обладает такой оперативностью.

Цзэн Фань медленно возвращалась с работы к себе в общежитие. Вспоминая прошедший день, она никак не могла отделаться от чувства неясной тревоги. Сегодня первый день, как она вышла на работу после командировки и сразу почувствовала: в отделе творится что-то неладное. Ни с кем из коллег она не была по-настоящему дружна, но к ней всегда относились ровно и приветливо. Сегодня же их будто подменили, они как-то подозрительно косились в ее сторону, явно избегали разговаривать с ней. С чего бы это? Неужели из-за того дурацкого случая на юге?

Однажды поздним вечером к Цзэн Фань неожиданно явился один ответственный работник. Плотно затворив за собою дверь, он, таинственно понизив голос, спросил:

— Говорят, супруга председателя Мао, руководительница Цзян Цин¹, встречалась с американской журналисткой? Вам не приходилось слышать об этом в Пекине?

Она удивленно вскинула брови.

— Разве это секрет? Никто не делал из этого тайны, было сообщение в «Жэньминь жибао».

— Значит, это правда? Вы знаете, сейчас привлекают за распространение слухов, и, говорят, в Пекине особенно строго.

— Но это было на самом деле, я сама присутствовала.

— Гм, вам не мешает быть...м...м... более осмотрительной.

Цзэн Фань бросило в жар, молнией пронеслась мысль о возможной провокации.

Боже, как тяжело от постоянно гнетущего страха, этой вечной необходимости быть настороже!

Цзэн Фань шла по улице, вглядываясь в лица прохожих — нахмуренные, погруженные в свои заботы и дела. Если и улыбнется кто, то не иначе, как с горечью. От малейшего толчка, любого неосторожного слова люди вспыхивают, как порох, и сразу раздается площадная брань, сжимаются кулаки, в глазах вскипает ненависть. Видно, причиной этому накопившиеся усталость, отчаяние и угнетенность. Но почему

мы стали такими? Ведь, кажется, еще совсем недавно нас объединяли общие цели. Звучали высокие слова о необъятных просторах родины, о нашей уникальной культуре, о величии революции. Реяли знамена, славили имена героев-революционеров. Почему все так резко изменилось? Что будет с нами дальше?

Войдя в общежитие, Цзэн Фань увидела идущую навстречу Сяо Фань. Она уже остановилась, чтобы поздороваться, но та вдруг, словно убегая, быстро шмыгнула в дверь. Что это? Они с ней не были закадычными подругами, но уже много лет жили в одном общежитии, вместе мыкались год с лишним в «школе 7 мая»², вроде бы всегда ладили. В прошлый раз, когда она вернулась из командировки, Сяо Фань первая выбежала к ней навстречу.

— Говорят, ты теперь чуть ли не главная наперстница Цзян Цин? Вот здорово! Как это тебе удалось?

Видно, и вправду что-то произошло, раз она шарахается от нее, как от чумной.

Едва Цзэн Фань переступила порог квартиры, навстречу поднялась соседка, переводчица Сюй Цзя. Она молча взяла Цзэн Фань за руку, провела в дальнюю комнату, плотно закрыла дверь и только тогда тревожно спросила:

— Слышала? Пропали бумаги с записями бесед Цзян Цин и Льюис. Сегодня меня вызывали в политуправление. Скорей всего, нащупывают, через кого могла произойти утечка информации. В отделе невероятная паника.

— Что ты говоришь? Как они могли пропасть? Ведь мы все запирали! Послушай, говорят о каком-то преследовании за слухи. Никак не возьму в толк, о каких слухах речь?

— А дело вот в чем. Пока ты была на юге, здесь стало известно о встрече Цзян Цин с американкой, и ее высказывания о романе «Сон в Красном тереме»³ восприняли как новые указания руководительницы по изучению классической литературы. Их начали переписывать, распространять по школам. Но тут неожиданно узнали, что ЦК партии критиковал недостаточную политическую выдержанность бесед Цзян Цин. Сразу все сведения о выступлении руководительницы объявили ложными, а тех, кто читал и переписывал его, — распространителями слухов.

— Но как можно факты превратить в «слухи»? Полнейший абсурд!

— Что и говорить! И, сама понимаешь, все подозрения в первую очередь пали на наш отдел — ведь мы редактировали и хранили документы.

— Да, но мы соблюдали полную секретность! В чем они могут упрекнуть нас?

— И что удивительно, у мисс Льюис в Америке также выкрали бумаги, привезенные отсюда. Правда, вроде бы их уже нашли работники ФБР.

— Эту историю я уже слышала. Знаешь, мне она кажется сомнительной. Вообще, эта Льюис — темная лошадка. Наверняка здесь какая-то двойная игра. Ведь она могла и сама отнестись бумаги в ФБР, имея с ними предварительную договоренность. Ладно, ты, Сюй Цзя, не волнуйся. Во всяком случае, наша совесть совершенно чиста. Ведь те документы, которые редактировали мы с тобой, на месте?

— Цзян Цин забрала их из отдела.

— Так, значит, все же забрала? — тревожно переспросила Цзэн Фань.

Наутро ее вызвали в политуправление. У чиновника, сидевшего за столом, вместо лица — застывшая ледяная маска. Однако Цзэн Фань старалась держаться спокойно, ведь за ней нет никакой вины.

— По неясным пока для нас причинам, — без предисловий начал хозяин кабинета, — стремительно расползаются слухи о встрече руководительницы с американкой. — Он выжидательно посмотрел на сидевшую перед ним женщину. — Но сейчас у нас разговор о другом.

Цзэн Фань молчала — реплика вроде не предполагала ответа.

— Нам известно, что часть материалов хранилась под вашей ответственностью. Скажите, не говорили ли вы о них кому-нибудь? Все ли у вас в сохранности?

— Перед отъездом я заперла все материалы в шкаф, потерять их не могла. А что до разговоров, то я никогда не страдала болтливостью.

Она отвечала коротко и сухо; знала, с людьми такого рода откровенничать опасно.

* * *

За несколько дней до этого, глубокой ночью, из-за плотно зашторенных окон

одной из квартир общежития, расположенного недалеко от ворот Аньдинмэнь, едва пробивалась полоска тусклого света. Мин Сянь с мужем сидели на низких скамейках перед двумя цветочными горшками, стоявшими на полу. Высыпав из горшков землю, Мин Сянь взяла со стола стопку листов. Аккуратно разделив их пополам, она обернула каждую половину полиэтиленом и, вложив в горшки, начала засыпать землей. Ей казалось, что она не бумаги закапывает, а предает захоронению часть истории.

— Жаль, у нас нет отдельного двора, было бы безопасней зарыть в землю. Вот уже несколько дней они живут в страхе и тревоге.

— Я уверена, к этому делу еще непременно вернуться. И тогда надо будет четко и ясно рассказать обо всем. Нет, мы не имеем права уничтожить сейчас эти бумаги.

Мин Сянь собирала с пола рассыпавшиеся комья земли.

— Как можно объявить правду вымыслом, да еще преследовать людей за разнесение якобы ложных слухов?! Но, похоже, эта Цзян Цин способна на все. Скажи, мы сильно рискуем, оставляя эти бумаги?

Они уже отнесли горшки к двери черного хода на кухне, но не могли заставить себя не смотреть в ту сторону.

— Думаю, все обойдется, не тревожься. Уверена, она долго не продержится, слишком многие ее ненавидят.— Мин Сянь тяжело вздохнула.— И это называется культурной революцией!

* * *

В начале 70-х годов Китай начал восстанавливать прерванные контакты с Америкой. Сначала состоялась встреча спортсмен-теннисистов, потом визит президента Никсона с госсекретарем Киссинджером. В Китай потянулись знатоки и поклонники Востока, жаждавшие воочию наблюдать новый облик древней страны. У приоткрывшихся ворот Китая столпились также разного рода предприниматели, охотники за дешевыми сенсациями, ловкачи и авантюристы.

Еще весной этого года в Пекин поступила телеграмма о том, что некая мисс Льюис, доцент Стэнфордского университета, изъявила желание приехать в Китай. Она заявила, что интересуется вопросом о роли китайских женщин в революционном движении. И вот августовским днем, в самый зной, когда даже в тени обжигает сухим жаром, в Пекинском аэропорту гостью встречали ответственный секретарь Комитета дружбы с зарубежными странами Лао Чжэн с двумя сотрудницами.

Американка оказалась молодой и привлекательной особой немногим старше тридцати. Несмотря на изнуряющую жару, она неутомимо совершала экскурсии, не пропуская ни дворца Гугун, ни минских могил, ни Великой стены, ни парка Ихэюань; посещала музеи — Исторический, Китайской революции. Не раз она восторженно признавалась своим переводчицам, что давно мечтала о счастье побывать в Китае. Но вскоре Льюис напомнила о научных целях своей поездки. И была немало удивлена расторопностью своих хозяев, уже на утро следующего дня пригласивших ее в гостиную Зала народных собраний на встречу с участницами знаменитого, некогда потрясшего мир Великого похода⁴. Ее познакомили со старыми революционерками Дэн Инчао и Кан Кэцин⁵. Пожилые китаянки в синем и сером френчах из добротной ткани были подчеркнуто приветливы и в то же время преисполнены глубокого достоинства. Льюис слегка растерялась, не зная, с чего начать, какие задать вопросы. Она раскрыла блокнот и улыбулась, пытаясь скрыть замешательство. От волнения не сразу смогла вникнуть в смысл слов Дэн Инчао, приступившей к рассказу, не дожидаясь вопросов.

— Мы рады приветствовать вас на нашей земле,— говорила китаянка.— Сегодня перед вами те, кто проливал кровь в боях за новую жизнь китайского народа. Немного осталось нас, участниц Великого похода. Это была трудная борьба. Мы шли, преодолевая снежные вершины, пересекая безводные пустыни, преодолевая голод и холод. Товарищ Кан Кэцин командовала санитарной ротой...

Постепенно успокоившаяся Льюис начала понимать рассказ китаянки, но он показался ей невыносимо скучным и пресным. Она ждала ярких подробностей, описаний необыкновенных подвигов. Ей очень хотелось привезти из Китая какой-нибудь сенсационный материал. В Америке начинался китайский бум, интерес к этой стране рос

с каждым днем. Ей нельзя упустить свой шанс. Льюис водила шариковой ручкой, изображая полное внимание, а в душе корила себя за неудачно выбранную тему. Какая скучища!

Весь день американка была не в духе. Надо что-то придумать, подстегивала она себя. Вернувшись вечером после концерта в гостиницу, поднялась в номер. Окна выходили на Чанъаньцзе — самую оживленную улицу Пекина. Она задумчиво глядела вниз на снующие толпы прохожих, на изгибавшийся, подобно дракону, поток велосипедистов. Огромная и непостижимая страна, думала Льюис, кругом непроницаемые лица, однообразно одетые фигуры. Она устало опустилась на диван. Нужен какой-то необычный ракурс, новый поворот темы; пожилые революционерки, сражения, Великий поход — все это не то. Она должна найти свой прямой и безошибочный путь к успеху. Льюис, поднявшись, кружила по комнате, сосредоточенно хмурия лоб. И вдруг ее будто озарило — Цзян Цин! Ну, конечно! Она сейчас самая популярная и могущественная дама в стране. Американцы знают о красавице Сун Мэйтин, жене Чан Кайши, но почти ничего не слышали о жене Мао Цзэдуна. Это будет взрыв, сенсация!

Ее щеки вспыхнули лихорадочным румянцем. Стараясь унять возбуждение, она села на диван и попыталась сосредоточиться. Задумалась, перебирая в памяти впечатления последних дней. Китай многие века не общался с внешним миром, и это не могло не сказаться на психике людей. Китайцы всегда были очень консервативны, строго держались своих обычаев, соблюдали во всем предельную осторожность. Интересно, изменились ли они под влиянием культурной революции?

Чуть слышно постучали в дверь, она вспомнила, что переводчицы Мин Сянь и Сяо Юй, работавшие с Льюис, пригласили ее на ужин.

Спустившись в ресторан, они расположились в уголке полупустого зала. Льюис заговорила об утренней встрече.

— Меня чрезвычайно взволновали сегодня рассказы о Великом походе, это так ново и интересно. Надеюсь, у меня будет возможность побеседовать с революционерками еще раз? — спросила она с простодушной улыбкой.

Китайки дружно закивали. Льюис продолжила:

— Героическая история китайской революции насчитывает не одно десятилетие и продолжается до сих пор. Я знаю, что большую роль в культурной революции, как и в событиях, предшествовавших ей, играет госпожа Цзян Цин. Скажите, пожалуйста, нельзя ли будет мне встретиться и с ней?

Мин Сянь и Сяо Юй переглянулись. Вопрос иностранки застал их врасплох.

— Боюсь, это будет очень трудно устроить, — спусти несколько мгновений заговорила Сяо Юй. — Дело в том, что обычно товарищ Цзян Цин не принимает иностранцев.

— Пожалуйста, передайте ей мою настоятельную просьбу о встрече. Скажите, что я считаю ее самой выдающейся женщиной в современном Китае и мечтаю о счастье увидеть ее и потом написать о ней.

* * *

Вечером, когда переводчицы вернулись в Комитет, в кабинете Лао Чжэна еще горел свет. И Мин Сянь решила зайти к нему, чтобы сообщить о новой просьбе иностранки.

Сняв очки в выдавшей виды оправе, Лао Чжэн задумался. Надо ли сообщать наверх? Льюис — обыкновенная туристка. Цзян Цин может и не принять ее, к тому же руководительница, кажется, собиралась ехать отдыхать. Пожалуй, лучше это дело отложить.

На следующее утро пожилые китайки снова подробно рассказывали американке об истории китайской революции. Их воспоминания казались Льюис длинными и скучными, мысли были заняты другим. Выходя из зала, она с милой улыбкой обернулась к Мин Сянь:

— Надеюсь, вы уже сообщили госпоже Цзян Цин о моей просьбе?

Вечером Мин Сянь и Сяо Юй изложили просьбу иностранки в докладной записке, а Лао Чжэн наложил свою резолюцию: «Товарищу Цзян Цин с визой премьера». Хотя Цзян Цин после IX съезда партии вошла в состав Политбюро, в дипломатических делах она была обязана считаться с мнением Чжоу Эньлая.

В тот же день докладная была на столе премьера. В тиши глубокой ночи он еще сидел в кабинете за письменным столом. Прочитав бумагу о Льюис, помедлил, нахмутив густые брови, и надписал: «Товарищ Цзян Цин, решайте этот вопрос в зависимости от вашего самочувствия. Если хотите, можете побеседовать с ней часок, не больше».

А Цзян Цин вечером того дня возвращалась из кино. В зале на Дяоюйтай ей показали две американские ленты. «Отличный фильм,— рассуждала она.— Съемки, операторская работа просто великолепны. Особенно хороши любовные сцены. Любовь и должна быть такой — безоглядной, безрассудной! Да, показана настоящая страсть. Очень удачен кадр, изображающий, как героиня бросается в воду. Нашим киношникам явно недостает смелости, когда они показывают любовь, гм... А может, это связано с нашим национальным характером».

Она вошла в просторный кабинет. На длинном столе лежали остро очиненные карандаши, стопка чистой бумаги, несколько свитков старых картин, книги — новое издание романа «Сон в Красном тереме», «Очерки истории династии Цин», томик стихов Ли Шаньина. Посередине стола — папка с документами, рядом стояло большое кресло с подлокотниками.

Цзян Цин огляделась — тишина, покой. Подошла к зеркальному шкафу и, вынув из кармана самшитовый резной гребень, стала расчесывать свои длинные волосы. Она знала, что это полезно. Несмотря на свои шестьдесят с лишним, Цзян Цин имела густые волосы и хорошую кожу. Не зря она уже давно и очень серьезно изучала разные средства оздоровления. В «Очерках истории династии Цин» она больше всего любила читать об императрице Цыси⁶, особенно о ее молодых годах.

Едва Цзян Цин опустилась в кресло, вошли две девушки. Одна несла чашку хорошо заваренного чая «Весенний аромат», а другая — блюдо с белоснежным полентцем.

Даже не взглянув на них, она, поправив очки, грубо сказала:

— Кто вас звал? Не мешайте, я работаю.

Раскрыв папку, Цзян Цин перебрала бумаги. Попалась на глаза записка о Льюис с пометкой Чжоу Эньлая. Прочитав, задумалась.

Хмыкнув, встала, резко отодвинув кресло. Походила, снова села и начала внимательно просматривать бумаги об американке. Доцент, молода, в профессиональных кругах малоизвестна, мечтает прослыть знатоком Китая... Брови Цзян Цин разгладились, она снова поднялась из-за стола. «Что ж, попробуем помочь ей набрать материал». Дальше ее мысли приняли иное направление. «Пора мне явить лицо всему миру, нужно привлечь к себе еще большее внимание.»

Повеселев, она решительно взялась за трубку телефона и вызвала Яо Вэньюаня⁷. Он жил неподалеку, поэтому спустя короткое время уже торопливо входил в кабинет. Цзян Цин, не утруждая себя долгими размышлениями, с порога обрисовала свой план. Яо Вэньюань, мужчина с несколько обрюзгшим мясистым лицом, возбужденно округлил глаза.

— Отлично, обязательно устроим,— заикаясь от волнения, проговорил он,— я помогу. Нужно ли подготовить какие-нибудь материалы?

— Нет. Я, скорее всего, буду рассказывать о себе, а ты скажешь о культурной революции — иностранцам трудно сразу понять ее значение,— Цзян Цин говорила с увлечением. Яо Вэньюань сбоку следил за выражением ее лица.

Цзян Цин тут же соединилась с кабинетом Чжоу Эньлая. Резко изменив интонацию, заговорила звонким голосом:

— Товарищ премьер? Эта американка, как бишь ее? Да, да. Придется, видно, принять, ничего не поделаешь, не то еще прослышу горячкой! Как думаете?

— Разве вы не собирались уезжать?— донеслось из трубки.— Здоровье превыше всего, не такая уж она важная персона.

— И все же надо принять, чувствую себя хорошо, а спецрейс можно и отложить на денек. Товарищ премьер, дайте МИДу необходимые распоряжения.

Не дожидаясь ответа, Цзян Цин осторожно положила трубку. Усмехнулась, обернувшись к Яо Вэньюаню:

— Опекает.

Чжоу Эньлай у себя в кабинете недовольно покачал головой. Затем вызвал секретаря:

— Сообщите в МИД. Завтра состоится неофициальная встреча товарищ Цзян Цин с мисс Льюис. Пусть подготовятся.

* * *

Утром ведавшая дипломатическими приемами заместитель министра Чжу Жун, немало нервничая, обсуждала с другим замом Сяо детали готовящейся встречи. Решили организовать все на высшем уровне, пригласить бывшего посла, дать лучшего переводчика. И даже, хотя встреча считалась неофициальной, взять стенографистку и оповестить агентство Синьхуа.

Но, когда все обговорили, выяснилось, что назначенные люди в настоящий момент заняты. Чжу Жун предложили пойти на встречу самой, но она знала, что иметь дело с Цзян Цин всегда небезопасно.

— Боюсь, мне не удастся присутствовать. Давайте поищем кого-нибудь другого. Наверное, подойдет Цзэн Фань. Немаловажно то, что руководительница лично знакома с ней — они старые товарищи по культпросвету.

Вызвали Цзэн Фань, но и она неожиданно стала отказываться. Ей объяснили, что послать больше некого. Нужно только поприсутствовать и, возможно, сказать пару слов, если возникнут вопросы о культурной жизни.

— Ведь это неофициальная встреча, ничего особенного, — заверил ее Сяо, улыбкой пресекая новые возражения.

* * *

В гостиной Цзянсу задолго до назначенного часа уже собрались работники МИДа и комитета дружбы. Было необходимо определить, кто где будет сидеть, как входить в зал, как проводить церемонию обмена рукопожатиями, как позировать для общего фотоснимка. Но вот объявили о прибытии Цзян Цин. Как только она вошла легкой походкой в сопровождении Яо Вэньюаня, Чжу Жун сразу подтолкнула к ней Цзэн Фань:

— Вот представитель МИДа, вы ведь, кажется, знакомы?

Цзэн Цин внезапно громко ахнула — все вздрогнули.

— Это ты? Теперь в МИДе? Что ж, это неудивительно. Как говорится, вышла за петуха — следуй за ним в курятник, — и рассмеялась, довольная своей шуткой. Вдруг вспомнила о спутнике.

— Вы знакомы с Яо Вэньюанем? Он наш самый серьезный критик и теоретик.

Вдвоем они заняли места хозяев в середине стола, остальные расселись по обеим сторонам. Воцарилось молчание. Чтобы заполнить паузу и разрядить напряженность, Цзэн Фань предложила, чтобы Лао Чжэн, секретарь Комитета, ввел всех в курс дела. Но Цзян Цин нетерпеливо махнула рукой:

— Я уже читала его докладную, незачем тратить время, пора звать гостью.

Едва Льюис появилась в дверях, как Цзян Цин порывисто двинулась навстречу, раскинув руки, словно для объятия, — это было совершенно непохоже на нее. Обеими руками пожимая руку американке, Цзян Цин заговорила тепло и задушевно:

— Очень рада. Ах, как вы молоды и очаровательны! Изучаете Китай? Я не могла не принять вас, ведь вы приехали к нам из такой дали.

Гостья сначала растерялась, ошарашенная потоком приветливых слов, но быстро справилась с собой. Широко улыбаясь, заговорила высоким, слегка дрожащим голосом:

— Для меня огромная честь встретиться с вами, госпожа Цзян Цин. Я бесконечно благодарна. Не повидать вас, все равно, что и вовсе не побывать в Китае. Я так счастлива!

— Знаете, в последнее время я себя неважно чувствую. Плохо сплю, принимаю снотворное, и с каждым разом все больше и больше. Это из-за Линь Бяо⁸. Он хотел меня уничтожить, даже действовал через врачей...

Странное начало, насторожилась Цзэн Фань. Зачем она говорит об этом?

— Я собиралась лететь на юг лечиться, но ради вас осталась. Вы должны оценить это.

Льюис смутилась. Яо Вэньюань восседал подле Цзян Цин с уверенным спокойстви-

ем. Лао Чжэн и Мин Сянь от неловкости ерзали в креслах, боясь в то же время лишним движением привлечь внимание руководительницы.

— Вы, кажется, интересуетесь ролью женщины в китайской революции? Я расскажу вам об этом. У меня была бурная жизнь, полная разных приключений, в том числе и романтических. Ха-ха-ха... Если вы еще не уезжаете, мы можем встретиться еще раз.

Цзян Цин говорила не переводя дыхания, то улыбаясь, то жеманничая, умело модулируя своим хрипловатым голосом, звучащим сейчас сладко и проникновенно. Ее лицо портили торчащие передние зубы. Зная свой недостаток, она обычно прикрывала рот самшитовым веером, стараясь оставить, однако, в поле зрения привлекательные ямочки на щеках.

Заговорила Льюис, улучив минуту паузы:

— Я просто сгораю от нетерпения услышать рассказ о вашей необыкновенной жизни. Ведь она неотделима от судьбы китайской революции! Я правильно говорю?

Цзян Цин смекнула, что собеседница неглупа, умеет себя вести. Надо помочь этой иностранке материалами. Если в Америке выйдет книга о ней, это сильно укрепит ее позиции.

— Недавно я беседовала с Дэн Инчао и Кан Кэцин, — продолжала Льюис, — узнала много нового.

— Да, — перебила хозяйка, — это наши старые революционерки. Однако они занимались в основном проблемами женского движения, у меня размах гораздо шире. Я расскажу вам о делах военных, политических, об экономике, литературе и искусстве. Наконец, о культурной революции. Вам необходимо получить полное представление о новом Китае. Ведь вы, кажется, собираетесь писать книгу?

Льюис обомлела. То был ее тайный замысел, о котором она никому в Китае не говорила. Откуда это известно Цзян Цин? Она неуверенно сказала:

— Если наберется материал, наверное, попробую. Это нелегко, но я постараюсь...

— Отлично, это будет замечательно, если в Америке появится такая книга, пусть ваши соотечественники больше знают о нас.

Хотя Цзян Цин улыбалась, слова звучали веско и серьезно:

— Я помогу вам с материалом, только пишите. Вы, наверное, слышали об Эдгаре Сноу. Его книга о Председателе Мао была очень популярна на Западе. Вы молоды, талантливы, напишите обо мне и станете вторым Сноу! К вам придут слава и успех!

Не ожидавшая столь решительного натиска, Льюис не сразу нашлась с ответом. Потом спросила:

— Вы разрешите мне записывать ваши рассказы. Мне нужны будут точные сведения, память может подвести.

— Разумеется. Записывайте все, что найдете нужным. Но вам не обязательно утруждать себя. Писать будут и переводчицы, есть стенографистка. Они отредактируют и передадут вам все записи.

— О, как мне благодарить вас!

— И не надо благодарить, — обрадованно воскликнула руководительница, — напишите книгу — это будет лучшая благодарность. Вот и договорились!

Разговор начался. Цзян Цин говорила быстро и оживленно. Прошел час, другой, третий... Что происходит, недоумевала Цзян Фань. Встреча шла совсем не по протоколу, нарушая все нормы дипломатического приема. У нее уже звенело в ушах от пронзительного голоса Цзян Цин. Похоже, она вспоминает давнее прошлое...

— Мое настоящее имя Ли Юньхэ — я очень люблю его. Юнь — это облака, а хэ — журавль, представьте, как это красиво: в голубеющей дымке облаков взмывает ввысь грациозная птица. В Китае есть поговорка: «Журавль всегда выше кудахтающих куриц». Так говорят о незаурядной натуре, выделяющейся среди серой массы.

Цзян Цин говорила увлеченно, с декламаторским пафосом.

— Отчего я поменяла имя? Когда приехала в Шанхай искать работу, оказалась на киностудии. Один режиссер дал мне псевдоним Лань Пин, но в иероглиф «Пин» случайно добавили лишнюю черту, и получилось «голубое яблоко». Ха-ха-ха! Правда, забавно? Под этим именем я снималась в кино, выступала на сцене. Я работала много и добросовестно, — задумчиво продолжала она свой монолог, — ведь заучивать роли — это нелегкий труд. А потом актерский опыт пригодился мне при создании «образцовых пьес». Позвольте пригласить вас вечером на спектакль «Красный фо-

нарь». Заодно вы увидите, как меня любит народ. Мое появление в зале бурно приветствуют.

Тут, словно дождавшись своей минуты, вмешался Яо Вэньюань.

— Товарищ Цзян Цин сочетает в себе таланты деятеля искусств и политика. Она — первая среди инициаторов культурной революции и родоначальница «образцового театра».

Цзян Цин оборвала его нетерпеливым взмахом руки.

— Когда я стала революционеркой и очутилась в Яньани, то выбрала себе мое нынешнее имя. Цзян — означает река, а цин — цвет, близкий к голубому, только еще более глубокий и насыщенный. Это мой любимый цвет, раньше я всегда ходила в одежде голубых тонов — от бледного до иссиня-черного. Это изысканно и строго, не правда ли?

— Госпожа Цзян Цин, эти интереснейшие детали вашей биографии наверняка не известны ни одному американцу. Наши читатели будут с восторгом читать обо всем, что касается такой великой женщины.

У Цзэн Фань стучало в висках. Когда же это кончится! Оглянувшись по сторонам, переводчицы лихорадочно строчили в блокнотах, стараясь поспевать за разговором, не поднимала головы стенографистка. Рядом с бесстрастным лицом сидел Лао Чжэн, Цзэн Фань незаметно подтолкнула его плечом, он ответил туманным взглядом.

Хрипловатый слашавый голос Цзян Цин продолжал:

— Сегодня вечером я приглашаю вас на банкет. Взгляните, мы находимся сейчас в зале Цзянсу, — она повела американку по гостиной. — Он украшен изделиями, которыми славится провинция Цзянсу. На весь мир знаменита сучжоуская вышивка. Посмотрите, как чудесна эта раздвижная ширма. А это — узорчатый шелк, уникальное искусство переплетения нити. У меня есть повар из Сучжоу, он готовит блюда любой кухни. Я угощу вас пекинской уткой повкуснее, чем в знаменитом ресторане «Собрание добродетелей».

Льюис, едва успевшая следить за скачущей мыслью Цзян Цин, ошеломленная неожиданно свалившимся на нее покровительством сановной китайки, устала от нервного перенапряжения, раскраснелась. Она думала: это редкий случай, нельзя его упускать, она — главная женская фигура в стране и самая загадочная. Почему она так невероятно добра ко мне?

Наконец Цзян Цин решила передохнуть. Взяв гостью за руку, она с улыбкой оглядела ее наряд.

— Вы очень красиво одеты. Женщины все же должны носить юбки. Ваша не слишком коротка — это хорошо. Я сейчас тоже за то, чтобы китайки одели юбки, хочу создать для них особый национальный покрой. Вы, верно, проголодались, пойдете в банкетный зал.

Цзян Цин, нарушив все правила дипломатических приемов, устроила ужин по высшему разряду. На столе — обилие холодных закусок, семь-восемь горячих блюд и вершина застолия — пекинская утка. За столом хозяйка разливалась соловьем.

— Я сама составила сегодняшнее меню. Знаю, вы, американцы, не придаете большого значения еде. Главным образом едите отбивные, не так ли? Я уважаю чужие обычаи, но у нас в Китае другое, особое отношение к этому. Кухня — часть культурной традиции. В ней все продумано и сбалансировано, у нас питанием даже лечат! Каждое блюдо строго выдержано по рецепту. Вот жареная курица — ни в коем случае нельзя брать мороженую птицу, а вес ее не должен превышать полутора цзиней. Рыба — я обожаю живых, только что пойманных карасей, в каждой рыбке не более полуцзиня. А копченая утка! Берется не слишком жирная птица, лишнее сало срезается. Ха-ха-ха! Вы молоды и наверняка еще не знаете, что такое холестерин.

Льюис с аппетитом ела, не забывая нахваливать тонкий вкус хозяйки. Она больше молчала, чем говорила, но с лица ее не сходила улыбка.

Цзян Цин снова заговорила о театре.

— «Красный фонарь», который мы увидим сегодня, идет в моей переработке и постановке. И костюмы придумала я сама. Актеры не сразу приняли мои идеи, там был один страшно упрямый режиссер. Позже выяснилось, что он был предателем. Цзэн Фань, как его звали? Ты наверняка помнишь.

— Фу Льюхэн, он закончил художественную школу в Цзянсу, — сразу ответила Цзэн Фань.

Это был ее друг и товарищ по учебе. Давно ходили слухи о его конфликте с руководительницей. Значит, так оно и было. Цзэн Фань не раз вспоминала о старом друге, канувшем в безвестность. Когда и ее причислили к лагерю «монстров и чудовищ», она не протестовала и не делала попыток оправдаться, лишь мучительно старалась разобраться в происходящем. Но и теперь, спустя несколько лет, смысл многих событий не доходит до ее сознания. Может быть, дело в том, что Цзян Цин слишком рьяно вводит свои новшества и не все успевают уловить их значение... Но получается, что ужасные слухи не лишены оснований.

Банкет удался на славу, за столом царило веселое оживление.

* * *

Вечером от Чаньяньцзе через Сидань к Сисы медленно двигался длинный кортеж машин, слабо мерцали фонари, скользили редкие тени прохожих. Машины въехали в ворота Народного театра мимо рядов почетного караула.

Время близилось к семи, и в зале театра уже гасли люстры. Вдруг распахнулась боковая дверь — вошла Цзян Цин с сопровождающими. Разом снова вспыхнул свет, все повскакали с мест, грянули аплодисменты. Цзян Цин шла высоко подняв голову; добравшись до своих мест, она обернулась и приветственно взмахнула рукой. Гром аплодисментов усилился, адресуясь и к стоявшей подле руководительницы иностранке.

Цзэн Фань с раздражением думала, что наверняка все это хорошо отрепетированный спектакль. Ясно, сюда, где появляется руководительница, простым людям доступа нет. Значит, все были присланы специально.

Усталая донельзя Цзэн Фань вернулась домой около полуночи. Добравшись до дивана, сразу легла. На душе было тяжело и тоскливо. Подошел муж, теперь они редко виделись вечерами. В эти трудные времена, полностью доверяя друг другу, они все же старались меньше говорить о политике — неизвестно, как отзовется неосторожное слово: всюду глаза и уши. Но сегодня намолчавшуюся за день Цзэн Фань словно прорвало:

— Не понимаю, что происходит! Я не видела Цзян Цин несколько лет и просто не узнаю. Сегодня она очень странно вела себя с иностранкой. Вздумала откровенничать — несла какой-то невообразимый вздор. Неужели не отдает себе отчета, чем это может кончиться!

Цзэн Фань стала пересказывать события этого длинного дня.

— Говори тише, — остановил ее муж, — еще лучше выкинь из головы. Что ты можешь сделать? Не вмешивайся!

— Ну и подложила мне свинью эта Чжу. Сама-то сразу в кусты!

Приняв душ, Цзэн Фань легла, но, несмотря на усталость, не спалось. Знала, сновторное сейчас бесполезно. У изголовья лежал томик романа Ли Баоцзя «Наше чиновничество»⁹. Полистала, но отложила — не читалось. Она лежала, уставившись в потолок; тускло мигал ночник, в полумраке расплывались очертания предметов.

Вспомнилась и встала перед глазами, как живая, сухопарая фигура Фу Люйхэна. 1958-й — год большого скачка. Всюду «запускают спутники», множатся ряды шекспиров и лу синей — все тогда писали пьесы, стихи. Но дунул ветер — и это минуло. А в начале 60-х прозвучал приказ: всем театрам — не только драматическим, но и музыкальным, традиционных жанров — пересмотреть репертуар, ставить пьесы о сегодняшней действительности. Даже пекинской музыкальной драме с ее предельно условным языком жеста вменялось ориентироваться на новый курс — объявили, что в 1964 г. состоится Всекитайский смотр спектаклей музыкальной драмы на современную тему. Эту идею поддержал и Чжоу Эньлай. Цзян Цин в то время к новому театру еще не проявляла никакого интереса.

Труппа Фу Люйхэна взялась за переработку спектакля «Появление преемника». Тщательно обдумывали либретто, построение мизансцен, костюмы, грим — всякую деталь и мелочь, стараясь показать современных героев и не утратить при этом колорит жанра.

Работали без малого год, спектакль получил и новое название — «Красный фонарь».

Во время представления в зале неожиданно появилась Цзян Цин, она пришла с Чжоу Яном¹⁰. Последние лет десять она словно забыла о театре, а теперь свали-

лась будто снег на голову. Фу Льюхэн, знакомый с ней еще по Яньани, пригласил после спектакля зайти за кулисы. Цзян Цин расточала комплименты:

— Вы стали корифеем, большим мастером. Прекрасный спектакль. Видно, использовали метод Станиславского. Поздравляю, поздравляю!

Пару дней спустя Цзян Цин снова пришла на спектакль. Дождавшись конца, деловито отправилась за кулисы. На этот раз она не улыбалась.

— Неплохо играете, но есть отдельные промахи. Например, одежда у персонажей слишком чистая, вы изображаете бедняков старого Китая, значит, должны быть в лохмотьях, залатанных штанах, наподобие нищих в старой пекинской музыкальной драме. Теперь еще вот что. Думаю, Шаочунь мелковат и низковат, чтобы играть главного героя. Надо сменить амплуа и Ду Цзиньфан, ей подойдет положительная женская роль, а Тэмэй в пьесе молодая девушка.

Воцарилось недоуменное молчание. Когда актеры разошлись, Цзян Цин продолжила разговор с режиссером:

— Надо срочно поменять этих актеров, неужели у вас нет подходящих кандидатур? Изображая такой сюжет, как подпольная борьба партии, самое главное — передать атмосферу эпохи. Придется менять... еще очень, очень многое.

Фу Льюхэн от природы был заикой, а тут у него и вовсе язык отнялся.

— Товарищ Цзян Цин, — с трудом выдавал он из себя, — мы сделаем все, как вы скажете. Только сейчас нельзя снимать Шаочуня и Ду Цзиньфан. Они положили немало труда, разучивая роли — сколько пота пролили, отработывая жесты, арии и монологи. Отстранение от спектакля будет для них страшным ударом, я не могу этого сделать.

На смотре спектакль имел огромный успех.

Но в первые же дни «культурной революции» Фу Льюхэн оказался в числе «монстров и чудовищ» и был свергнут как «реакционный авторитет». Спустя некоторое время его объявили «предателем». А после того, как Цзян Цин однажды обронила фразу, что он-де препятствовал созданию современной музыкальной драмы, Фу Льюхэн «поднялся» еще рангом выше — и как «активный контрреволюционер» был арестован. Быстро расправились и с неугодными артистами. Ли Шаочунь, которого отстранили от спектаклей, не выдержал и повредился в рассудке. Под неусыпным оком руководительницы спектакль «Красный фонарь», плод долгого труда многих артистов и мастеров сцены, был переkreен заново. Гнев и обида сжимали сердца, но роптать никто не осмеливался.

Цзян Фань вспомнилось и еще более давнее прошлое. Яньань, 1938-й год. Цзян Цин одновременно училась и давала консультации в Академии литературы и искусств имени Лу Синя. В то время она выступала и на сцене: играла роль деревенской проститутки Красной Туфельки в спектакле «Главарь бандитской шайки». Играла вдохновенно, но без особого успеха. А ей хотелось громкой славы, мечталось привлечь внимание руководящих товарищей. Потом Цзян Цин, сообразив, что большинство из них — любители и поклонники пекинской музыкальной драмы, обратилась к Фу Льюхэну с просьбой стать ее наставником. Он в то время пел арии в жанрах и пекинской, и куньлуньской музыкальной драмы, вообще, был человеком разносторонних дарований. В Яньани его все любили за доброту и искренность характера. Из-за своей заикающейся речи он получил смешное и длинное прозвище — «Этот, как его...».

Он успел научить Цзян Цин всего несколькими ариями, и она, прежде никогда не выступавшая в этом жанре, уже через полгода взялась ставить знаменитую «Месть рыбака». Чтобы поддержать ее, Фу Льюхэн сыграл роль рыбака Сяо Эня. Именно после этого спектакля Цзян Цин удалось попасть в поле зрения яньаньских руководителей, и этим она немало обязана Фу Льюхэну.

* * *

Цзян Цин вернулась из театра радостно возбужденная. В первый же день, удовлетворенно думала она, ей удалось полностью покорить американку. Разумеется, это только начало. Впереди еще много работы, нужны новые встречи. Она тут же взялась за телефон, быстро набрала номер Секретариата ЦК.

— Алло! Сегодня встреча с американской ученой прошла успешно. Думаю, необходимо еще раз принять ее, в Гуанчжоу. Передайте советнику Вану, чтобы он под-

готовил карты и цифровые данные о боевых действиях в освобожденных районах. И пусть срочно вылетает, я жду его в Гуанчжоу.

— Хорошо, будет сделано,— ответили ей,— нужно ли докладывать о готовящейся встрече наверх?

— Да что там докладывать!— фыркнула Цзян Цин.— Ну, можете сообщить премьеру. На другой день она вылетела на юг.

Льюис в сопровождении своих переводчиц прибыла в тот же день в Шанхай. По распоряжению кабинета Цзян Цин она встречалась с актерами «образцовых театров», ходила на спектакли, слушала теоретиков, рассказывавших о «январских событиях» в Шанхае, о ходе «культурной революции».

А в кабинете Чжоу Эньлай поздним августовским вечером собрались те, кто имел отношение к визиту Льюис. Превозмогая дневную усталость, премьер поднялся из-за стола и, скрестив руки на груди, задумчиво прошелся по комнате.

— Простите, что потревожил вас в столь поздний час,— начал он,— но дело действительно срочное. Только что мне сообщили, что Цзян Цин решила еще раз встретиться с американской гостьей, теперь уже в своей гуанчжоуской резиденции. Видимо, кому-то придется не мешкая вылететь туда.

Все уныло молчали. Чжоу Эньлай обратился к Лао Чжэну.

— Какие у вас будут соображения?

— Мое мнение, вторая встреча вряд ли имеет смысл. Мисс Льюис, конечно, живо интересуется нашей страной, но вряд ли она действительно способна написать книгу — знаний маловато. Не совсем понятна нам и линия ее поведения с Цзян Цин.

— В прошлый раз,— подхватила Цзэн Фань,— встреча шла совершенно не по протоколу, они разговаривали почти четыре часа. Я тоже думаю, что одной встречи абсолютно достаточно. Что касается меня, то было сказано, что я занимаюсь этим делом временно. Это не входит в мои обязанности, и я прошу освободить меня.

Премьер повернулся к Чжу Жун:

— Конечно, лучше было бы поехать вам, могли бы на месте сглаживать все возникающие трудности. Боюсь, помешать встрече теперь уже невозможно.

Но Чжу Жун, бросив напряженный взгляд на Цзэн Фань, возразила:

— Я сильно простужена, нельзя подвергать руководительницу риску, могу заразить ее.

Довод был неоспорим. И Чжоу Эньлай, чуть заметно покачав головой, обратился к Цзэн Фань.

— Кому-то поехать надо. Прошу вас. И передайте ей: не больше одной встречи, пусть беседует на темы литературы и искусства. Можно, например, рассказать о Яньаньском совещании¹¹ или о Лу Сине. Двадцать восьмого истекает срок визы мисс Льюис, она обязана вернуться к началу учебного года, продлевать ей визу, если вдруг зайдет об этом разговор, не стоит.

Чжоу Эньлай взял со стола и протянул Цзэн Фань томик Лу Синя:

— Избранное. Это старое издание, кое-что отсюда не включено в полное собрание. Передайте Цзян Цин — ей может понадобиться.

* * *

Самолет с американкой на борту приземлился ранним утром в чуанчжоуском аэропорту Байюнь. Среди встречающих выделялся плотный коренастый мужчина спортивного вида.

— Кто здесь Цзэн Фань?— громко крикнул он, приблизившись к трапу.— Следуйте за мной.

Цзэн Фань, у которой после самолета еще звенело в ушах, не сразу поняла чего требует незнакомец.

— Я Цзэн Фань...

— Быстро следуйте за мной.

— Простите, но я должна сначала устроить гостью...

— Этим займются другие. А вас ожидает руководительница. Прошу за мной в машину.

Цзэн Фань молча последовала за мужчиной. В машине он хранил загадочное молчание. Спустя некоторое время они подъехали к высокому дому с просторным дво-

ром за оградой. Идя за провожатым, Цзэн Фань долго петляла по коридорам, пока наконец не очутилась в огромном зале, где с изумлением увидела великолепно отделанный и хорошо оборудованный бассейн. Очевидно, он предназначался для спортивных высшей лиги. Мужчина беззвучно исчез, и Цзэн Фань растерянно озиралась по сторонам. Вдруг в дальнем конце зала увидела женщину в шапочке и купальном костюме. Поднявшись с плетеного кресла, она улыбалась и махала ей рукой.

— Цзэн Фань, иди же сюда!

Она взглядела — да это Цзян Цин.

— Как долетели? Все в порядке? Правда, здесь чудесно? Можно плавать в свое удовольствие. Разве в Пекине есть что-нибудь подобное? Поэтому я и предпочитаю отдыхать здесь, в Гуанчжоу.

Дружеский и несколько фамильярный тон Цзян Цин озадачил и настрожил Цзэн Фань.

— Ну расскажи, как вы долетели. Что ты стоишь столбом?— Она потянула ее за руку и усадила на стул подле себя.

— Давно мы с тобой не болтали. Что поделаешь, так складывались обстоятельства. Но я не забыла нашу дружбу в Яньани, помнишь, какая ты тогда была... Ха-ха-ха! А теперь настоящая светская дама. Хочу поговорить с тобой по душам. Ты теперь в МИДе?

— Да...

— Не хочешь ли снова вернуться в свой полк, а? Знаешь, мне как раз страшно нужен именно такой человек, как ты. В моей группе по культуре мне, право, не на кого положиться!

Цзэн Фань непроизвольно сжалась, словно в ожидании удара.

— Вы ведь знаете, у меня были ошибки. И потом я давно отошла от этой работы, уже отстала, многого не знаю и не понимаю.

— Это не страшно, подучишься. Со временем непременно будешь у меня на руководящем посту. Ладно, сейчас не отвечай, подумай.

И она нетерпеливо махнула рукой.

Цзэн Фань вспомнила о томике Лу Синя. Передавая его Цзян Цин, она словно заученный урок, пересказала напутствие Чжоу Эньлая.

Но Цзян Цин небрежно швырнула книгу на кресло.

— Хорошо. Можешь идти. После обеда доложишь о плане встречи с Льюис.

В четыре часа Цзэн Фань и остальные выехали в крытых повозках за город. Коляски долго петляли по дорогам и тропам, пока не въехали в деревушку из нескольких дворов, окруженную густой порослью бамбука. На широкой площадке высился современный особняк — все это причудливо разместилось на склоне горы.

Дверцы повозки распахнулись, и тотчас возле нее выросли двое в военной форме. Цзэн Фань вошла в дом и сразу попала не то в широкий коридор, не то в вытянувшуюся комнату с окном во всю стену. Справа из-за ширмы доносился голос Цзян Цин, она направилась туда.

— Ну, как самочувствие мисс Льюис? Удалась ли поездка в Шанхай? Как ей понравились кинофильмы о войне?

— Я слышала, она не стала их смотреть...

— Ты, наверное, не в курсе. Ведь ты не сопровождала ее. Ладно, начнем работать, времени осталось в обрез.

Войдя вслед за Цзян Цин в гостиную, Цзэн Фань оглядела зал. Зала казалась пустой и огромной: напротив двери теснились несколько уютных диванов, рядом стол с расстеленными на нем картами; неподалеку — на низком чайном столике — два кассетных магнитофона. Зачем все это, удивилась Цзэн Фань. В этот момент в комнате появился офицер в щеголеватой форме.

— Позвольте доложить, уважаемая руководительница, все ваши указания выполнены.

— Вы знакомы? — обратилась та к Цзэн Фань. — Рекомендую — мой старый боевой товарищ, вместе прошли Яньань. У нас с советником Ваном всегда полное единство взглядов.

Цзэн Фань кивнула. Они были знакомы, правда, давно не виделись. Интересно, зачем его пригласили; она терялась в догадках.

— Я был в Циндао, но, получив приказ руководительницы, тут же вылетел сюда, — с веселой откровенностью заговорил офицер.

Цзэн Фань, приблизившись к Цзян Цин, понизила голос:

— Товарищ Цзян Цин, американка не проявляет никакого интереса к военной теме. Мин Сянь говорила, что в Шанхае она наотрез отказалась смотреть подобранные вами фильмы. К тому же премьер Чжоу Эньлай очень настаивал на том, чтобы вы ограничились беседой о культурной жизни.

Цзян Цин метнула на нее нескрываяемо злобный взгляд и молча пошла к двери. Резко обернувшись, вдруг спросила с мягкой улыбкой:

— Как тебе мое платье? Обожаю этот цвет — светло-коричневый.

Цзян Цин сегодня была в платье — редкостное, почти невероятное явление в годы «культурной революции». Цзэн Фань взгляделась пристальной: крепдешинное платье, босоножки на белой матерчатой подошве, в руках — квадратная сумочка из белой кожи.

— Все-таки женщина в брюках смотрится не так элегантно. Почему бы нам не одеть юбки? У вас есть? — голос Цзян Цин внезапно зазвучал таким резким фальцетом, что Цзэн Фань вздрогнула. — Адъютант, завтра отвезите им всем по юбке! Считайте это моим подарком.

За окном раздался шум подъехавшей машины. Вскоре появилась Льюис со своей неизменной улыбкой и звонким голоском:

— Чудесная, восхитительная вилла. Она выстроена прямо на горе — это очень поэтично и оригинально.

— Мне хочется принять гостью как можно лучше, — в свою очередь расплылась в улыбке Цзян Цин. — Дачу строили для Линь Бяо — он знал в этом толк. А теперь, когда с негодием кончено, можно и нам насладиться комфортом. Здание действительно отлично спланировано. Взгляните: на этой широкой веранде летом можно скрываться от жары, а зимой — даже загорать, здесь не угрожают никакие сквозняки.

Цзян Цин провела американку в залу и усадила на диван подле себя.

— Познакомьтесь, — представила она советника Вана, — это мой испытанный боевой друг. Сегодня он поможет мне ознакомить вас с Сибэйским сражением. Вон там на столе лежат карты.

Льюис растерянно заморгала глазами. Но, быстро справившись с собой, вкрадчиво проговорила:

— Госпожа Цзян Цин, простите, вряд ли я смогу понять ваш рассказ, я в этом деле плохо разбираюсь.

— Не беспокойтесь. Я об этом позаботилась. Здесь приготовлены и магнитофоны. Все записи вы сможете также взять с собой. Ну, как, довольны?

Цзэн Фань обомлела — никогда ничего подобного в ее дипломатической практике еще не бывало. Склонившись к Цзян Цин, она осторожно прошептала:

— Товарищ Цзян Цин, нам могут не разрешить.

Но та не обратила на это никакого внимания. Она медленно подошла к столу и, взяв приготовленную указку, заговорила, четко выговаривая слова, будто рассказывая ученикам урок:

— Уверена, вас заинтересует эта любопытная история. Дело было так: тысячная гомиьдановская армия под командованием Ху Цзуньнана попала в нашу западную... Ха-ха-ха! Мы начали их окружать...

Запутался шнур магнитофона, и советник с адъютантом кинулись его распутывать.

Все замерли, напряженно ожидая продолжения рассказа Цзян Цин. Встреча снова принимала непредсказуемый характер — что-то выкинет она на этот раз?

— Толпы пленных, сагитированные, перешли на нашу сторону. Они остались в гомиьдановской форме, но получили шапки с красной звездой. Вот посмотрите, эти стрелки указывают направление передвижения войск: красные — наших, черные — гомиьдановских. Понятно? Вот так они двигались, здесь показано очень ясно. Бывало, мы пробирались горными тропами, а внизу, прямо под нами, шли по дороге гомиьдановцы, до нас доносилась их речь. Мы крались тихо и бесшумно, словно тени.

Цзян Цин говорила с подъемом, сама все более вдохновляясь собственным рассказом, иногда бросая взгляды на советника.

— Это и вправду очень интересно. Какие отличные карты, на них указано время передвижения войск. Скажите, можно мне перерисовать?

— В этом нет никакой необходимости. Они приготовлены специально для вас, и я дарю их — они совершенно необходимы вам для работы над книгой.

Присутствующие, онемев от ужаса, перевели взгляды на советника. Однако Ван сидел с безразличным видом.

Мин Сянь, осторожно поднявшись, приблизилась к Цзэн Фань и тихо прошептала:

— Карты вы привезли из Пекина?

— Нет, для меня это также полная неожиданность. Карты привез советник, и, боюсь, они не поставили в известность премьера Чжоу.

— Поговорите, ради бога, с советником. Ведь нам всем придется отвечать!

Цзэн Фань склонилась к уху советника:

— Скажите, получено ли официальное разрешение на то, чтобы дарить карты иностранке? Мы все крайне обеспокоены.

— Я привез карты по распоряжению верховной руководительницы. В них нет ничего секретного. Если вы бывали в выставочном зале Яньани, то могли видеть там почти такие же. И они доступны всеобщему обозрению.

Снова зазвучал резкий голос Цзян Цин:

— Когда Председатель Мао руководил Сибэйским восстанием, я все время была подле него. Нас окружала группа верных товарищей, в их числе и советник Ван. Можете, вы слышали, что уже тогда была и оппозиция.

Что она говорит?! Цзэн Фань и Мин Сянь переглянулись возмущенно и беспомощно.

— Это теперь я возглавляю всекитайскую культурную революцию,— сменила тем временем тему Цзян Цин.— В молодости я была совсем другой. Ха-ха-ха! Очень эмоциональной. Со мной происходила тьма романтических историй. Вообще во мне нет ни капли феодальных предрассудков, которыми обычно напичканы китайки. Я всегда веду себя так, как мне подсказывает чувство. Сейчас я расскажу вам кое-какие случаи.

Знаете, я больше всего люблю наш Шанхай. Иностранцы называют его раем для ловкачей и авантюристов. и, пожалуй, в этом есть доля истины. Но мне очень нравятся, например, шанхайские уличные песенки — простые, непосредственные. Ну разве не прелесть вот эта? Послушайте.

И Цзян Цин затаила тонюсеньким голосом легкий мотивчик. Сидевшие за столом не знали, куда спрятать глаза. У Цзэн Фань застрял в горле кусок, она взглянула на руководительницу. Цзян Цин была в совершенном упоении собой.

— Когда я приехала в Шанхай,— погружалась она в приятные воспоминания молодости,— меня стали осаждать толпы поклонников. О, на какие только уловки они не пускались. До сих пор всех помню по именам, потом многие из них достигли больших высот. Ну, а теперь большинство уже свергнуты... ха-ха-ха! Да ладно, не будем об этом.

Улучив момент, Цзэн Фань передала руководительнице просьбу американки поменьше рассказывать о войне и побольше о собственной биографии. Та с улыбкой обратилась к Льюис:

— Эти случаи из военной жизни тоже часть моей биографии. Ведь Сибэйским боем я руководила вместе с Председателем Мао.

— Мне крайне важно знать все, касающееся вас. А то, что сразу не пойму, разберу потом. Правда?

— Конечно. Так вот. Это сражение было ужасно кровопролитным. Мне пришлось нелегко. Когда мы отходили из Яньани, все женщины ушли, переправившись через Хуанхэ, но я осталась возле Председателя. Я была на поле боя до тех пор, пока мы не разгромили армию Ху Цзуньнана.

Цзян Цин тыкала указкой в карту, время от времени обращаясь за разъяснениями к советнику Вану.

Стрелки часов показывали четыре часа. Цзян Цин казалась утомленной, американка вежливо подавила зевок.

— Отложим наш разговор до утра. После обеда я приглашаю вас в свой сад. Льюис вдруг встрепенулась и, забыв о приличиях, бросилась к столу с картами.

— Вы дарите это мне?— говорила она, сребрая карты.— Это бесценный материал.

— Не торопитесь, вам будет трудно унести с собой. Я отправлю с кем-нибудь.

— Нет, нет! Я сама. Я хочу по горячим следам осмыслить ваш рассказ.

И Льюис, плотно прижимая охапку карт, двинулась к машине.

Вернувшись к себе, Цзэн Фань, несмотря на крайнюю усталость, никак не могла

уснуть. Включив оба вентилятора, она в изнеможении лежала на кушетке, даже не пытаясь разобраться в хаосе мыслей.

В соседнем номере так же не спалось Мин Сянь и Сяо Юй.

— Мин Сянь, тебе не кажется, что у Цзян Цин что-то с нервами? Она очень странно себя ведет!

Мин Сянь только вздохнула в ответ.

Разве не велел ей премьер ограничиться вопросами культурной жизни? А она все о войне, да как чудно! Будто вместе с Председателем руководила боевыми действиями. Это правда?

— Не знаю, никогда не слышала.

Цзэн Фань хотела прилечь, но раздался легкий стук. Это была переводчица Сяо Шэнь. С порога она заговорила громко и возмущенно.

— Цзэн Фань, что происходит? Неужели она не понимает, что позорит нас и всю страну. Так распоясаться!

— Говори тише!

Цзэн Фань не удивляла смелость Сяо Шэнь. У нее было чистое прошлое, она из «маленьких генералов» культурной революции — опасаться нечего. Ей же самой приходилось всегда быть осторожной. Поэтому она ответила вопросом на вопрос.

— А как ты сама можешь объяснить поведение руководительницы?

— Да что тут объяснять! Хочет прошуметь в американской прессе, мировой славы захотела! Вот и обхаживает американку.

— Цзэн Фань, ты должна позвонить в Пекин и доложить обо всем премьеру.

— Я сама думала об этом. Прошу тебя, будь осторожна, никому не проболтайся. Как бы это не дошло до Цзян Цин! Но, быть может, мы сами можем что-то предпринять?

— О боже, что она сегодня несла! Руководила вместе с Председателем боем!.. Послушай, Цзэн Фань, а может... может, не всё переводить?

— Пожалуй, ты можешь что-нибудь опускать при переводе. Цзян Цин все равно не поймет, а американка тоже не сильна в китайском.

Но Сяо Шэнь засомневалась.

— Нет, это опасно. Неизвестно, как поведут себя другие переводчицы.

— Не волнуйся, я переговорю с каждой в отдельности.

— Ты заметила, эта американка явно себе на уме. Знаешь, что она говорила Цзян Цин, уединившись с ней после ужина? Жаловалась, будто за ней следят, ходят по пятам.

Этой ночью Цзэн Фань так и не сомкнула глаз. Похоже, Сяо Шэнь как-то объяснила поведение Цзян Цин, но надо еще присмотреться. И главное — срочно звонить в Пекин!

Едва дождавшись десяти утра, она набрала через междугородный телефон МИД. Обрисовала ситуацию и попросила указаний, но в ответ ее лишь заверили, что обо всем будет доложено наверх.

В начале двенадцатого перед ней снова возникла свирепая физиономия посланцы Цзян Цин. На этот раз Цзэн Фань привезли в городской особняк руководительницы. Пройдя через небольшой мостик и обогнув благоухающее лотосами озеро, она увидела изяшный домик западного вида, буквально утопавший в зарослях роз, жасмина, орхидей и других южных цветов. Из глубины комнат донесся окликавший ее голос Цзян Цин. Цзэн Фань вошла в одну из дверей и очутилась в просторной комнате, посреди которой стояла огромная клетка для птиц. Внутри на ветках дерева щебетали разные птицы диковинных расцветок. Цзян Цин, кормила их, приговаривая что-то ласковое. Неподдалеку стоял широкий удобный диван — очевидно, на случай, если руководительница пожелает отдохнуть.

Цзэн Фань молча взидала на эту мирную картину. В стране смута и хаос, столько горя и слез, смертей и мук, тюрьмы переполнены. Но все это где-то далеко, а здесь, словно у персикового источника, царят мир, тишина и благостный покой.

— Как настроение мисс? Довольна ли она вчерашней беседой?

Резкий голос вывел Цзэн Фань из задумчивости.

— Вчера в машине она еще раз повторила просьбу больше рассказывать о событиях вашей личной жизни.

— Это впереди. Пока ты должна ей разъяснять, что Сибэйское сражение тоже

важная страница моей жизни.

Собравшись с духом, Цзэн Фань заговорила об отъезде американки:

— Завтра мисс Льюис должна уехать в Гонконг, уже заказаны обратные билеты на самолет, у нее скоро кончается отпуск. Быть может, свозить ее сегодня в Сыду?

— О чем ты говоришь!— вдруг взвизгнула Цзян Цин.— Сыду? Это почти восемь часов дороги!

— Вы, наверное, что-то путаете. Если ехать на автобусе, это займет часа полтора, а на машине — не больше получаса. К обеду вернемся.

— Как ты смеешь спорить со мной! Я сама ездила и знаю точно: не меньше восьми часов. Раз я говорю, значит, так оно и есть!

Цзэн Фань перепугалась, никогда Цзян Цин не была так груба с ней. Не уловив скрытого смысла слов, она еще раз, как можно мягче, возразила.

— Вы можете спросить об этом у Даню.

Цзэн Фань напряженно смотрела на высокого охранника, стоявшего рядом с Цзян Цин: шаньдунец был беззаветно предан своей хозяйке, не отходил от нее ни на шаг.

— Уважаемая руководительница, товарищ Цзэн Фань говорит верно — тридцать минут.

— Что? Это заговор? Смотрите, какие храбрецы! Или забыли, что мои враги никогда хорошо не кончают?

Цзян Цин уперлась правой рукой в бок, а левой грозила перед самым носом Цзэн Фань. Той стало страшно и одновременно до слез обидно. Но усилием воли подавив волнение, она твердо произнесла:

— Товарищ Цзян Цин, мы здесь одни. Даню — ваш охранник, я по работе с ним не связана. О каком заговоре речь?

После долгой и тягостной паузы Цзян проговорила приказным тоном:

— Поменяйте Льюис билет, все расходы и ответственность за ее задержку я беру на себя. Отложите отъезд на шесть дней. Выполняйте!

Вернувшись в гостиницу, Цзэн Фань заперлась в номере. Ей открылось новое лицо Цзян Цин — жестокая, наглая, сумасбродная. Делает все, что захочет. Какая она революционерка, просто истеричная баба! Ей вспомнилось, какие о Цзян Цин ходили разговоры. Если верно служить ей, ни в чем не переча, взлетишь на умопомрачительные высоты. А иначе... По одному ее слову людей хватали, бросали в тюрьмы. Многие исчезли бесследно. Не зря, видно, говорили о гибели А Цзя, Сунь Вэйши... Теперь она окончательно убедилась, все это не досужие вымыслы.

После полудня Цзян Цин повела американку в Ланьпу — свой сад орхидей. Сегодня она была в платье молочно-белого цвета, на носу — очки в золотой оправе. Окружавшие ее женщины — в белых блузах и черных юбках. В саду среди густой зелени кустарников вдоль извилистой дорожки расставлены вазы с орхидеями разных сортов и оттенков.

Едва появилась Цзэн Фань, Цзян Цин накинулась на нее с округленными от бешенства глазами.

— Кто просил тебя звонить в Пекин? Я сама знаю, что делать. Чтобы больше этого не было!

Цзэн Фань онемела от испуга и неожиданности. Как она узнала?! И так скоро?! Впрочем, здесь ее резиденция. Наверное, все продумано и предусмотрено.

Она уже хотела отойти, как Цзян Цин снова остановила ее:

— Почему ты в брюках? Ведь я велела всем надеть юбки!

Цзэн Фань физически ощутила на себе неприязненный взгляд. Она совсем забыла о юбке, давно отвыкла — наверное, лет десять не носила.

— Простите, товарищ Цзян Цин, я боюсь комаров и москитов.

— Ишь неженка какая! Я вот, как видишь, ничьих укусов не боюсь.

Адъютант потянул Цзэн Фань за рукав:

— Я отвезу вас в гостиницу, переоденетесь и вернетесь сюда.

Цзян Цин разгуливала по дорожкам сада, словно актриса по сцене, принимая различные позы — американка ее фотографировала. Затем, усевшись на низком стульчике, она взялась за составление гербария: прикрепляла к листам картона засушенные растения и попутно рассказывала о них своей гостье.

При помощи Даню они сфотографировались с американкой. Вскоре Цзян Цин пе-

реключилась на рассказ о своих занятиях фотографией.

— Я почти профессионал,— призналась она.— Правда, публикую свои снимки под вымышленными именами, чтобы избежать лишнего шума.

— У нас в Баодине, на заводе, где производят фотопленку, никак не могли добиться нужного качества. Ох, уж эти мне горе-специалисты. Пришлось съездить проконсулировать.

— Знаете,— Цзян Цин вдруг заговорила уже на другую тему.— Я очень люблю животных, особенно обезьян — они такие забавные, а по сообразительности вряд ли уступают человеку.

Стоявшая поодаль Цзэн Фань холодно наблюдала за Цзян Цин. Она понимала, что та вдохновенно лепит тот образ, в котором желала явиться всему миру. Ей хотелось предстать незаурядной натурой: она и военный стратег, и политик, и артистка, она прекрасно разбирается в любой области. Наконец, она и привлекательная женщина, которой не чужды романтические чувства.

Цзэн Фань невольно вспомнились строки поэта: «Правда — не падчерица власти, она — дочь истории».

*Перевела с китайского языка З. Ю. АБДРАХМАНОВА
Окончание в следующем номере*

Цзян Цин (1915 г. рожд.) — супруга Мао Цзэдуна (с 1938 г.). В 1966—1976 гг. — заместитель руководителя группы «культурной революции» при ЦК КПК. В 1969—1976 гг. — член Политбюро ЦК КПК. После смерти Мао Цзэдуна исключена из партии, снята с постов, в 1981 г. приговорена к смертной казни, в 1983 г. высшая мера заменена на пожизненное заключение. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² «Школы 7 мая», согласно указанию от 7 мая 1966 г., были созданы как поселения для перевоспитания физическим трудом кадровых работников и интеллигенции.

³ «Сон в красном тереме» — роман Цао Сюэцини (XVIII в.), шедевр китайской классики.

⁴ Великий поход китайской Красной армии 1934—1935 гг.

⁵ Дэн Инчао — жена Чжоу Эньлая; Кан Кэцин — жена Кан Шэна.

⁶ Цыси (1835—1908) — китайская императрица, трижды была регентом, самодержавно управляя Цинской империей, прославилась своей жестокостью и коварством.

⁷ Яо Вэньюань — литературовед, член группы «культурной революции», впоследствии осужденный по делу пресловутой «банды четырех».

⁸ Линь Бяо (1907—1971) — маршал, министр обороны, один из инициаторов «культурной революции», погиб при загадочных обстоятельствах во время авиакатастрофы.

⁹ «Наше чиновничество» — обличительный роман начала века Ли Баоци. В нем с большой откровенностью автор нарисовал картины произвола чиновничества.

¹⁰ Чжоу Ян — литературовед, занимал посты заместителя председателя Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства, заместителя министра культуры (до 1954 г.), заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, в 1967 г. был репрессирован.

¹¹ Яньаньское совещание (1942), где состоялось программное «Выступление по вопросам литературы и искусства» Мао Цзэдуна, во многом определившее культурную политику КПК этих и последующих лет.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Трилоги Натх Кауль: размышления дипломата и ученого

T. N. Kaul. *Ambassadors need not lie.*— New Delhi, 1988.— Vol. 1. Some aspects of India's Foreign Policy.— 200 p.— Vol. 2. Non-alignment.— 1989.— 136 p.— Т. Н. Кауль. *Послам не нужна ложь.*— Нью-Дели, 1988.— Т. 1.— Некоторые аспекты внешней политики Индии.— 200 с.— Т. 2. *Неприсоединение.*— 1989.— 136 с.

Автор рецензируемой книги — посол Индии в Советском Союзе. Это один из выдающихся представителей индийского дипломатического корпуса, блестящий профессионал, великолепный — в лучших традициях англо-индийской парламентской школы — оратор, человек, обладающий огромными познаниями как в традиционной индийской, так и западной культуре, дипломат, посвятивший многие годы глубокому изучению истории и культуры нашей страны.

Он родился в 1913 году в городе Барамула (нынешний индийский штат Джамму и Кашмир), получил высшее юридическое образование в Аллахабаде и Лондоне. С 1947 года Т. Н. Кауль на дипломатической службе, где он проходит блестящую школу внешнеполитической работы под руководством Джавахарлала Неру. Т. Н. Кауль занимал ответственные посты в посольствах Индии в СССР, КНР, Иране, Великобритании, Вьетнаме, Монголии. В последние годы жизни Дж. Неру и сразу после его смерти в 1962—1966 годах Т. Н. Кауль — посол Индии в Советском Союзе. Он был одним из ближайших внешнеполитических советников премьер-министра Индиры Ганди. С 1973 по 1976 год Т. Н. Кауль — посол Индии в США. С 1977 года он президент Индийского совета по культурным связям, с 1980 по 1985 год — член Исполнительного совета ЮНЕСКО. Наконец, с 1986 года Т. Н. Кауль вновь посол Индии в СССР.

Многолетняя активная дипломатическая деятельность предоставила Т. Н. Каулю возможность приобрести громадный и во многом уникальный опыт. Так, он был участником переговоров по заключению в 1954 году

соглашения с КНР, в котором, в частности, были сформулированы известные пять принципов мирного сосуществования («панча шила»). В составе индийской делегации Т. Н. Кауль работал в Ташкенте, где при посредничестве СССР проходили в 1966 году мирные переговоры между Индией и Пакистаном, последовавшие за военным столкновением между этими государствами. Т. Н. Кауль участвовал в индо-пакистанских переговорах 1972 года, во многом способствовавших оздоровлению политического климата на субконтиненте. Наконец, он непосредственно трудился над заключением в 1971 году между Индией и Советским Союзом Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, а в 1986 году участвовал в выработке текста знаменитой Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, подписанной М. С. Горбачевым и Радживом Ганди.

В 1988—1989 годах в индийском издательстве «Лансер интернэшнл» вышли два первых тома многотомной серии материалов по внешней политике Индии и современным международным отношениям под общим названием «Послам не нужна ложь», принадлежащие перу Т. Н. Кауля. Они сразу же привлекли к себе внимание не только ученых и дипломатов, но и самой широкой читающей аудитории. Эти два тома содержат статьи и выступления Т. Н. Кауля почти за 30 лет его дипломатической деятельности. Сам автор в предисловии поясняет, что эта публикация не научное исследование, а попытка представить, почти год за годом, то, как он оценивал важнейшие проблемы международных отношений и внешней политики Индии именно в то время, когда эти статьи или речи были им написаны или произнесены.

Материалы, собранные в томе 1-м (он называется «Некоторые аспекты внешней политики Индии»), представляют особый интерес, ибо здесь мы сталкиваемся с изложением своего рода общей философии автора применительно к главным направлениям внешнеполитической деятельности независимого индийского государства, сыгравшей столь большую роль в становлении ряда принципиальных подходов освободившихся государств на международной арене, формировании их своеобразной общности в международных отношениях.

Формулируя свое понимание общей концепции внешней политики Индии, Т. Н. Кауль с особым уважением упоминает имена М. К. Ганди и Дж. Неру как людей, оказавших наибольшее идейное влияние на ее формирование. Исключительная теоретическая и практическая роль в этом отношении принадлежит первому премьер-министру страны Дж. Неру, как его называет автор, «архитектору» внешней политики независимой Индии.

Представляется чрезвычайно важной

мысль Т. Н. Кауля о том, что внешняя политика Индии «базируется на определенных принципах, которые имеют своим источником традиции нашей борьбы за национальную независимость» (Т. 1, С. 31). Таким образом, эта политика, являясь производной деятельности выдающихся руководителей страны, отличается прогрессивным, демократическим характером, связанным с объективными чертами национального освободительного движения.

Т. Н. Кауль дает свое объемное и глубокое понимание целей внешней политики Индии. Это, во-первых, осуществление ее роли как фактора мира и стабильности в регионе и во всем мире. Подобная роль Индии, по мнению автора, возможна, если его страна будет сильной, процветающей и стабильной, а не подчиненной в осуществлении своей линии какой-либо крупной державе. Чрезвычайно важно, подчеркивает автор, что Индия выступает как сила, поддерживающая национально-освободительные движения против колониализма, империализма и расового угнетения. Автор отмечает и стремление Индии нормализовать отношения со всеми соседними государствами на основе равенства и взаимного уважения, установления «дружеских отношений со всеми странами, которые желают поддерживать их на основе мирного сосуществования, уважения территориальной целостности, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга» (Т. 1, С. 43). Автор подчеркивает стремление Индии к развитию отношений в экономической, культурной, технологической сферах, реализации идей «региональной кооперации».

Представляются очень существенными замечания Т. Н. Кауля о неединстве мира, о том, что «мир не может быть наполовину свободным, а наполовину не иметь независимости». Он приводит в этой связи известные слова Дж. Неру о том, что «когда свобода человека или мир находятся под угрозой, мы не можем и никогда не будем нейтральными; это было бы предательством тех идеалов, за которые мы боролись и за которые мы выступаем в настоящее время».

Не без сарказма Т. Н. Кауль говорит о том, как сложно было Индии в условиях раскола мира на противостоящие военно-политические блоки следовать этой своей принципиальной линии на неприсоединение, «выслушивая с одной стороны обвинения в «аморальности», а с другой — поношения как «лакеев империализма». Правда, замечает автор, со временем эти оценки были изменены.

Автор развивает мысль о том, что Индия осуществляла последовательную линию на неприсоединение, не давала вовлечь себя в какой-либо военный блок, поскольку такое развитие событий лишь «увеличивало бы напряженность, ухудшая ситуацию в регионе и в мире в целом» (Т. 1, С. 31—32). Т. Н. Кауль характеризует одно из важных направлений

внешнеполитической деятельности своей страны как стремление «сыграть роль посредника между двумя сверхдержавами, если такая роль когда-либо понадобится».

Рассматривая глобальную ситуацию, посол отмечает, что наиболее важные изменения в международных отношениях в 60—80-е годы связаны с изменением «их силовой структуры», ибо «биполярная силовая структура, характерная для периода холодной войны, постепенно сменилась полицентрической системой» (1, 82). В этой связи автор поддерживает известный тезис о качестве новой роли Европы, Японии, КНР в современных международных отношениях. Вместе с тем привлекает внимание оценка Т. Н. Каулем Индии как «нового центра силы в Азии, в особенности в зоне Индийского океана» (1, 82—83). С этим положением безусловно следует согласиться. Существенно, что Т. Н. Кауль указывает на отсутствие у Индии стремления играть здесь «доминирующую роль». Посол считает, что Индия заинтересована в том, чтобы этот район стал «зоной мира», мирного сосуществования и сотрудничества, вместо растущей конфронтации в регионе. Мы стремимся, далее отмечает Т. Н. Кауль, элиминировать здесь негативное влияние «внешних сил», к созданию такой ситуации, при которой их присутствие было бы элементом стабильности, а не напряженности, мира, а не конфликта.

Особый сюжет книги — анализ многосторонней направленности индийской дипломатии, тесной взаимосвязи ее с защитой национальных интересов страны. Автор с сожалением пишет о том, что в Индии «в интеллектуальных кругах» сложилась традиция рассматривать ту или иную акцию правительства как либо «про-московскую», «про-западную» или «про-китайскую», либо соответственно «анти-московскую» и т. д. Автор считает такой подход неприемлемым. Главным, по мнению Кауля, является то, насколько данный шаг является «про-индийским», а не «про-» или «анти-западным» и т. д. «Если данная политика соответствует национальным интересам и не противоречит нашим основополагающим идеалам, я не вижу причин, — считает посол, — почему мы не должны следовать такой политике, которая рассматривается нашими критиками как «про» или «анти» по отношению к какой-либо стране» (Т. 1, С. 88). Именно следуя путем защиты своих национальных ценностей, внешняя политика Индии вызывает уважение в мире.

Развивая тему о разнонаправленности внешней политики Индии, автор отмечает, что дружеские отношения с одной страной не мешают развитию отношений с другими странами. В этой связи посол подчеркивает: «Нет сомнений, что наша дружба с Советским Союзом помогла стабилизировать мир и прогрессивное развитие. Мы не можем ослаблять наши отношения с СССР. Точно так же мы должны пытаться укреплять отно-

шения с США, нормализовать отношения с Китаем, Пакистаном и другими странами» (Т. 1, С. 87).

Любопытно рассуждение Т. Н. Кауля о необходимости в искусстве дипломатии, как выражается автор, совмещать «идеалистические подходы» с национальными интересами. Возможно, пишет посол, что на первых этапах нашего развития мы были больше склонны к «идеалистическому подходу». Так, он считает, что Индия проявляла в 50-е годы «идеализм» в отношениях с Китаем, получив в результате «тяжкий урок 1962 года. С тех пор, однако, мы осуществляем счастливый баланс между идеалистическим подходом и национальными интересами» (Т. 1, С. 86—87). Вообще в книге много сюжетов, затрагивающих индийско-китайские отношения. Автор постоянно проводит мысль о высокой приоритетности КНР во внешней политике Индии, полагая, что эти отношения «должны быть постепенно и настойчиво улучшены на основе пяти принципов мирного сосуществования» (Т. 1, С. 44—45).

Значительное место в книге получил анализ принципиальных основ многосторонних дружеских индо-советских отношений, значение которых, как пишет Т. Н. Кауль, исключительно велико для Индии. Особое значение придается в этой связи Договору о мире, дружбе и сотрудничестве между Индией и Советским Союзом, заключенному в 1971 году*.

Посол касается такой острой темы, как обвинения в адрес индийского правительства в том, что оно отошло от политики неприсоединения, подписав с СССР договор 1971 г. Выдвигающие эти обвинения люди, замечает Т. Н. Кауль, «путают неприсоединение с нейтралитетом или равноудаленностью от сверхдержав». Право неприсоединившейся страны, столкнувшейся с угрозой своей безопасности, проводить консультации с другой суверенной страной вовсе не означает отхода от суверенитета и независимости. В Договоре 1971 года нет соглашений о военных базах или присутствии войск. Это не военный союз. «Индия предложила подписать подобный договор с другими великими державами, но такого желания не было изъявлено. Почему же неприсоединившаяся страна должна оттолкнуть руку дружбы и сотрудничества, протянутую одной сверхдержавой, только потому, что другая к этому не готова и фактически осуществляет военную и политическую поддержку стране, которая враждебна нам». В этой связи автор приводит следующие слова Дж. Неру: «Вы не можете быть неприсоединившимися по отношению к своему собственному сувере-

нитету и территориальной целостности» (Т. 1, С. 101).

Большое внимание уделяет автор анализу истории конфликтных отношений Индии с Пакистаном, справедливо полагая, что эти отношения могут быть существенно улучшены, ибо «фундаментальных противоречий между народами Индии и Пакистана» не существует. Посол дает резко отрицательную характеристику долготеленному стремлению правящих кругов США подтолкнуть Пакистан к конфронтации с Индией.

Не может не вызывать интереса проделанный автором анализ влияния на международные отношения внутривнутриполитических изменений в ряде азиатских стран. Так, Т. Н. Кауль отмечает, что революция 1979 года в Иране имела неоднозначное влияние на систему международных отношений в регионе. Исламский фундаментализм и панисламизм, по справедливому, с нашей точки зрения, мнению посла, «могут быть использованы для борьбы с империализмом и иностранным доминированием. Но они могут также эксплуатироваться в узких политических целях. Внедрение догматического религиозного фундаментализма в политику может создавать внутренние и внешние конфликты» (Т. 1, С. 99). События в регионе в 80-е годы с очевидностью подтверждают правоту этого утверждения.

Немало добрых слов сказано Т. Н. Каулем о роли ООН в современных международных отношениях. Но его подход отличает чувство реализма и понимания «многочисленных слабостей», присущих деятельности этой организации. Вместе с тем, автор высказывает убежденность в том, что ООН — это «начало новой структуры мира, которая в конце концов ведет к новому миропорядку».

В книге найдено отражение известная позиция Индии по вопросу о Договоре по нераспространению ядерного оружия (1968 г.), который она не подписала, ибо считала и считает его дискриминационным по отношению к неядерным государствам. Посол подчеркивает в этой связи, что Индия не пошла по пути создания средств ядерного устаревания, хотя КНР, например, обладает им, а ограничилась развитием атомной энергетики.

Как известно, руководство Индии недавно объявило о том, что если Пакистан сделает реальные шаги к овладению ядерным оружием, Индия пересмотрит свою позицию об отказе от производства ядерного оружия. В этой связи заслуживает внимания позиция Т. Н. Кауля, заключающаяся в том, что когда Индия не обладала ядерным потенциалом, ее призывы к ядерному разоружению не обладали той моральной силой, какой ее позиция обладает сейчас, когда Индия обладает значительным потенциалом в ядерной технологии.

Заключая наш обзор, отметим, что второй том материалов Т. Н. Кауля («Неприсоединение») посвящен формированию такой круп-

* Детальному анализу взаимоотношений Индии с СССР и США будет специально посвящен один из планируемых выпусков серии «Послам не нужна ложь».

ной международной силы современности, как движение неприсоединения, и особой роли Индии в нем. Автор анализирует возникновение концепции неприсоединения, роль Дж. Неру в ее разработке, прослеживает путь движения от Белграда (1961 г.), когда в движении участвовало 25 государств, до совещания в Хараре (1986 г.) с его 101 участником. Автор подчеркивает, что «неприсоединение стало продолжением борьбы против колониализма и почсков мира молодыми освободившимися государствами» и что по всем основным проблемам борьбы против колониализма, расизма, за мирное сосуществование неприсоединившиеся государства в рамках ООН и вне этой организации получали постоянную поддержку социалистических

стран. Т. Н. Кауль особо подчеркивает в этой связи роль Советского Союза.

Подводя итог, следует сказать, что два первых выпуска серии «Послам не нужна ложь» существенно обогащают наше представление о внешнеполитической деятельности Индии в 60-е — 80-е годы. Советские специалисты-востоковеды, все, кто интересуется современными международными проблемами, будут ждать выхода следующих выпусков этой чрезвычайно привлекательной публикации.

*А. И. ЧИЧЕРОВ,
доктор исторических наук,
профессор*

Памяти Георгия Федоровича Кима

Дирекция Института Дальнего Востока АН СССР, члены редколлегии, редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» с глубокой скорбью восприняли весть о кончине 29 апреля 1989 года видного советского ученого и общественного деятеля, первого заместителя директора Института Востоковедения, члена-корреспондента АН СССР Георгия Федоровича Кима. Биография Георгия Федоровича не отличается на первый взгляд особыми выдающимися вехами. Он родился 3 ноября 1924 года в селе Синельниково Приморского края в крестьянской семье. 37 лет своей жизни, вплоть до кончины, он отдал Институту Востоковедения АН СССР. Здесь Г. Ф. Ким делал свои первые шаги, ведя кропотливый научный поиск, здесь проявились его организаторские способности и на посту руководителя научных подразделений, и как секретаря партийной организации.

Все, кто работал с Георгием Федоровичем, общался с ним в буднях академических и общественных дел, навсегда оставят в своей памяти его простоту, открытость, чувство сопричастности к событиям — большим и малым, — которыми жили коллектив родного института, Академия наук, вся страна. И трудно сказать, что больше всего ценили в нем мы, хорошо знавшие Г. Ф. Кима как видного ученого — ему принадлежит авторство 200 научных работ по истории и актуальным современным проблемам развития стран Востока, — умелого организатора — Г. Ф. Ким многие годы работал в качестве заместителя директора института, — активного общественного деятеля — он был заместителем председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, заместителем председателя Центрального правления Ассоциации содействия ООН, председателем Всесоюзной ассоциации востоковедов, главным редактором журнала «Азия и Африка сегодня».

К какому бы делу ни приложил свои силы Георгий Федорович, неизменно проявлялись его многосторонний талант, благородное, чуткое отношение к людям, требовательность к себе и к окружающим, личная скромность.

Г. Ф. Ким по праву пользовался уважением среди своих коллег, востоковедов, историков, международников Академии наук, многочисленных друзей за рубежом. Светлая память о Георгии Федоровиче Киме навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция ИДВ АН СССР,
редколлегия и редакция журнала
«Проблемы Дальнего Востока»*

Памяти Геннадия Федоровича Салтыкова

5 января 1989 года скоропостижно скончался старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, кандидат исторических наук Геннадий Федорович Салтыков.

Геннадий Федорович родился 17 октября 1939 г. в городе Горьком в семье военнослужащего.

В 1966 г. Геннадий Федорович успешно закончил факультет психологии МГУ. Его научная деятельность началась в Институте по изучению причин и мер предупреждения преступности. В 1969 г. Геннадий Федорович поступил в очную аспирантуру ИМРД АН СССР, которую закончил в 1972 г. и был оставлен в качестве младшего научного сотрудника этого института. С 1977 г. Салтыков Г. Ф. был зачислен во вновь созданный в ИДВ АН СССР сектор исследования традиций Китая.

За годы работы в Институте Дальнего Востока Геннадий Федорович проявил себя серьезным и добросовестным работником, душевным товарищем, высококвалифицированным специалистом; им опубликовано свыше 50 научных работ, в том числе монография «Социально-психологические факторы в политической жизни рабочего класса КНР» (1982 г.), которая получила положительную оценку как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Геннадий Федорович был известен как признанный ученый в области теории социологии традиций, как ученый-психолог. В последние годы в ИДВ Геннадий Федорович приступил вместе с небольшой группой единомышленников к разработке нового научного направления в советской науке — традиций в политической культуре Китая.

Г. Ф. Салтыков оставил целый научный архив незаконченных исследований в области социальной психологии; этот архив сейчас активно изучается на предмет скорейшего опубликования. Уже первое знакомство с архивом показало, что мы имеем дело с уникальным специалистом, незаменимым исследователем китайского социума.

Уход из жизни товарища всегда потеря, а такая — потеря тройные, ибо мы потеряли доброго, скромного, душевного, работающего сотрудника, воплощавшего лучшие черты русского интеллигента.

Память о Геннадии Федоровиче навсегда сохранится в наших сердцах.

Сотрудники ИДВ АН СССР

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 30.05.1989. Подписано в печать 26.07.1989 г. А-03452

Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 37,0

Уч. издат. л. 20,12 Тираж 14 155 экз. Заказ 1237

Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300 г. Чехов Московской области